

1,3

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ

СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

ТОМЪ XVIII

СОЧИНЕНИЯ
А. ПИСЕМСКАГО

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ ХУІІІ

INSTYTUT
BADAN LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 7?
Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18

Петровка, д. Михалкова, № 5

1885

<http://rcin.org.pl>

24.186/18

ИПОХОНДРИКЪ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Николай Михайлычъ Дурнопечинъ, (пхохондрикъ), 35 лѣтъ.

Соломанида Платоновна, тетка его, 60 лѣтъ.

Прохоръ Прохорычъ Дурнопечинъ, братъ Н. М. Дурнопечина въ 4-мъ колѣнѣ, 48 лѣтъ.

Настасья Кирилловна Бѣлогривова, дама, лѣтъ 50, дальняя родственница Н. М. Дурнопечина.

Ванична, сынъ ея, 21 года.

Надежда Ивановна Каноричъ, дѣвица, 36 лѣтъ.

Михайло Иванычъ Каноричъ, братъ ея, 33 лѣтъ.

Никита, слуга Дурнопечина, 40 лѣтъ.

Сергѣй, цирюльникъ, слуга Соломаниды Платоновны.

Дѣйствіе происходитъ въ уездномъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ комнату въ родѣ кабинета; столъ съ различными вещами; мебель хорошая; на диванѣ разложено платье; на стѣнѣ виситъ большое зеркало проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дурнопечинъ (*сидитъ одинъ передъ столомъ, въ ваточномъ пальто*). Вотъ тебѣ и родина, а все эта тетушка выписала... воздухъ здѣсь, писала, очень хорошъ. Нечего сказать: славный! Что вотъ ни пріѣхалъ сюда, все хуже и хуже. Удивительное дѣло, какъ идетъ моя жизнь! Страхъ такой-то... тоска... скука... (*Вздыхаетъ*). А какъ другіе, посмотришь, прекрасно живутъ, веселые такіе... смѣлые... жизнью какъ-то, умѣютъ пользоваться, а ты вотъ сиди себѣ да думай; но это бы еще ничего, жилъ бы себѣ просто, такъ нѣтъ: безпрестанно наскაკиваешь на затруднительныя положенія, изъ которыхъ не знаешь какъ и выпутаться. Вотъ хоть бы взять съ моихъ отношеній къ Надеждѣ Ивановнѣ, чѣмъ я тутъ виноватъ? чтó я такое сдѣлалъ? Мальчишвой бывши покуртизанилъ, а теперь вотъ и раздѣлывайся: «Руки, пишеть, на себя наложу, если не женитесь...» а какой

я женихъ? куда я годенъ? А съ другой стороны и въ самомъ дѣлѣ — подумаешь: что если вправду руки на себя наложить? что тогда ляжетъ на совѣсть? Пожалуй, и самъ не перенесешь... особенно при моемъ здоровьѣ... вонъ, опять начало давить подъ ложкою... такъ... пора... вонечно пора... Охъ, ужъ это мнѣ утро! ужасное это время утро... Вчера даже мало и ужиналъ, желудокъ долженъ бы быть хорошъ. (*Беретъ зеркало со стола и смотритъ языкъ*). Ну, такъ и есть, желтовать... съ краевъ-то ничего — красенъ, а въ среднѣ желтовать. (*Входитъ Никита*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Дурнопечинъ и Никита.

Никита (*про себя*). Опять ротъ нялить передъ зеркаломъ.

Дурнопечинъ (*услышавъ его шаги*). Никита! а Никита! поди сюда, встань поближе, встань вотъ тутъ, противъ меня!

Никита (*подходя*). Ну-съ?

Дурнопечинъ (*глядя ему въ глаза*). Скажи мнѣ, братецъ,—только, смотри, говори правду, не лги: чувствуешь ты что-нибудь по утрамъ?

Никита. Какъ не чувствовать: на то живой человекъ, чтобы чувствовать.

Дурнопечинъ. Что-жъ ты чувствуешь?

Никита. Да что чувствовать-то? — все чувствую-съ.

Дурнопечинъ. А, братецъ, какой ты безтолковый... я не про то тебѣ говорю.

Никита. Про что же вы говорите?

Дурнопечинъ. Я тебя спрашиваю: не чувствуешь ли ты по утрамъ, или послѣ обѣда—вечеромъ, этакого... неприятнаго ощущенія... тяжести?

Никита. Нѣтъ-съ: этого, кажись, не чувствую.

Дурнопечинъ. Припомни-ка хорошенько.

Никита. Чего припоминать-то, право не чувствую-съ. Вонъ, грѣшнымъ дѣломъ, иногда съ похмѣлья, такъ болитъ голова по утрамъ.

Дурнопечинъ. По-крайней-мѣрѣ не хочется ли тебѣ, этакъ, вставши по утру, поскорѣе бы на воздухъ? или вотъ, напримѣръ, скажи мнѣ, братецъ: можешь ли ты сейчасъ по утру заниматься чѣмъ-нибудь, не чувствуешь ли ты этакой лѣни, тоски...

Никита *(съ улыбкою махнувъ рукою)*. Не знаю, чтò вы такое говорите. Наше извѣстное дѣло: не хочешь, да дѣлаешь. Вонъ за водой сходишь, сапоги вычистишь, самоваръ тоже велишь поставить поваренку, — не этакая жизнь-то, какъ ваша: валяться некогда.

Дурнопечинъ *(разсердясь)*. Чтò ты за окольную городишь? Чортъ тебя знаетъ: о сапогахъ да о самоварѣ мелешь. Все не то говоришь, о чемъ тебя спрашиваютъ.

Никита. Что же мнѣ говорить-то? Вѣдь я не баринъ какой-нибудь ученый.

Дурнопечинъ. Ну ладно, ступай? *(Никита хочетъ уйти. Дурнопечинъ, проведя по лбу рукою, поблѣднѣвъ и сконфуженнымъ голосомъ)*. Никита, стой... поди сюда... у меня, братецъ, опять изнурительная испарина показалась.

Никита. Ничего нѣтъ, никакой совѣмъ испарины не бывало.

Дурнопечинъ *(еще болѣе блѣднѣя)*. Какъ нѣтъ?

Дай-ка сюда руку. *(Беретъ у Никиты руку и водить по своему лбу)*. На лбу-то не чувствуешь? что нѣтъ?... а? нѣтъ, спорщикъ этакой?

Никита. Ну, что-же такое? есть, показалась маленькая...

Дурнопечинъ. То-то маленькая показалась; а у тебя такъ вотъ нѣтъ: ни тоски, ничего нѣтъ. Видно, что здоровый человекъ.

Никита. Я почему знаю: можетъ быть, и у меня есть.

Дурнопечинъ. Да, есть у тебя, только не то: лошадиное здоровье у тебя есть. Вотъ теперь у меня испарина, тамъ слабость, а тутъ, смотришь, сухотка, да и карачунъ.

Никита. Вы, вѣдь, уже извѣстно, давнишній трусъ: еще молоденькимъ были, прыщикъ, бывало, какойнибудь вскочить: «ой Никита, умираю, совсемъ погибъ, ой, ступай за докторомъ», — а что докторъ, — придетъ только, да раземѣется: «трусъ, говорить, Никита, твой баринъ, вотъ что!...»

Дурнопечинъ. Ну, да, трусъ, хорошъ теперь прыщикъ: — весь позвоночный столбъ пораженъ — хорошъ прыщикъ! Въ лѣчебникѣ именно сказано: начинается тоскою, апатією, потомъ изнурительный потъ, расслабленіе, худоба и конецъ дѣлу. Господи, Боже мой! что мнѣ дѣлать? кто мнѣ поможетъ? *(Встаетъ, схватываетъ себя за голову и начинаетъ ходить по комнатѣ)*. Доктора!... знаю я, какъ они лѣчатъ: пли припадки замазываютъ, или гнутъ человекъ подъ систему свою. Вотъ ихъ правило! Знаю я, очень хорошо знаю.... я самъ всѣ лѣчебники выучилъ наизусть, такъ ужь очень хорошо понимаю, какъ все

это надежно. *(Ложится на диванъ, закрываетъ лицо руками и начинаетъ хныкать).*

Никита *(подходя къ нему)*. Николай Михайлычъ! а Николай Михайлычъ! что вы это такое, сударь, дѣлаете, не стыдно ли вамъ?

Дурнопечинъ *(не обращая на него вниманія)*. Преступникъ, даже самый преступникъ—и тому остается надежда: его, можетъ быть, простятъ; а у меня даже этого нѣтъ! Ой, тошно, тошно!...

Никита *(съ сердцемъ)*. Ахъ, Ты, Царь небесный! что это за баринъ такой, словно маленькій ребенокъ.

Дурнопечинъ. Дай воды! дай... только не холодной!

Никита *(подавая ему воды)*. Хоть бы вы себя-то, Николай Михайлычъ, пожалѣли. Огъ этого, сударь, безъ болѣзни болѣзнь приключится: ей Богу, накликаете на себя, Богъ знаетъ что да и только.

Дурнопечинъ. Жалкій, братъ, я человекъ: не долго, кажется, осталось мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ!

Никита. Васъ вѣдь не урезонишь, а какъ Богъ святъ, у васъ ничего нѣтъ: такъ только одна сумнительность, и больше ничего. Вотъ провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, у меня у самага это бывало.

Дурнопечинъ *(немного успокоиваясь)*. Бывало, я думаю, у тебя въ июлѣ мѣсяцѣ, въ тридцать градусовъ тепла.

Никита. Нѣтъ, право, зимой бывало... въ дорогѣ, вотъ когда бывало.

Дурнопечинъ. Что же послѣ?

Никита. Да что послѣ—ничего: квасу только ковша два выпьешь.

Дурнопечинъ. Долго ли у тебя это было?

Никита. Лѣтъ семь было, да и теперь еще есть... А какъ я вотъ что вамъ скажу: какъ я въ Москвѣ, въ мальчижахъ въ горячкѣ лежалъ, такъ вотъ ужъ лежалъ: оглохъ совсѣмъ, ни руки, ни ноги не владали. Доктора говорили, что безпремѣнно умру; а послѣ, чрезъ недѣлю, такъ началъ кашицу уписывать, только давай. Харчей-то исправныхъ не было, а то бы все, кажись, по моему, съѣлъ.

Дурнопечинъ. Горячка! что такое горячка?— въ горячкѣ человѣкъ или выздоровѣетъ, или умретъ, а у меня другое дѣло.

Никита. А у васъ и совсѣмъ ничего нѣтъ, вотъ, что у васъ! Такъ вы только, больно ужъ робки. Лучше бы погулять, сударь, сходили: на базаръ народу видимо не видимо.

Дурнопечинъ. Мнѣ-бы самому хотѣлось; да не холодно ли?

Никита. Никакого совсѣмъ нѣтъ холода; лучше провѣтритесь.

Дурнопечинъ. Ну, хорошо! что же я надѣну?

Никита. Такъ ступайте: пальто ватное.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, нельзя такъ: простудешься. Дай хоть кашемиръ.

Никита. Зачѣмъ кашемиръ: лучше простынете.

Дурнопечинъ. Какія ты глупости говоришь, — давай, когда велятъ, — весь въ испаринѣ, а ступай въ одномъ пальто. *(Никита даетъ кашемиръ, которымъ Дурнопечинъ старательно обматываетъ шею, закладываетъ уши пенькою и, надѣвъ теплую шапку и калоши, идетъ).*

Никита *(въ дверяхъ вслѣдъ ему)*. Что обѣдать-то прикажете готовить?

Дурнопечиниѣ (за сценой). Ну что-нибудь...
Какъ-будто не знаешь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Никита (съ сердцемъ). Да я почему знаю; теперь вотъ не говорить, а уже станеть спрашивать, отчего того да другаго нѣтъ. (Къ публикѣ). Каждое утро такія штуки откалываетъ. Поди ты: что съ нимъ сдѣлаешь? (Передразнивая Дурнопечина). «Ой, не могу ничего ѣсть, ой, ничего не надо, и слышать, говорить, о пищѣ не могу;» а какъ проголодается, такъ всего давай: уписываетъ такъ, что за ушами трещить; а наѣстся, опять за тѣ же манеры. Удивительная вещь, право! Боленъ, говорили вонъ въ Москвѣ, въ какой-то апохондріи, — экая болѣзнь славная! — все на ногахъ, да ничего и не худѣтъ! Съ жиру бѣсится—вотъ что—да! кабы посадить на постные щи, да заставить бы, какъ мужика, воза два дровъ перерубить, такъ бы все прошло. Расхныкался, зачѣмъ вотъ потъ въ ваточномъ сюртюкѣ прошибаетъ; экая бѣда случилась!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тотъ же, Настасья Кирилловна и Ваничка.

Настасья Кирилловна (растопыривая руки). Никитишка! другъ мой... тебя ли я вижу? Еще Господь

Богъ привелъ съ вами встрѣтиться... Поцѣлуемъ, другъ мой! *(Хочетъ поцѣловать Никиту)*.

Никита *(Цѣлуя у нея руки)*. Какъ возможно-съ!.. Пожалуйте ручку.

Настасья Кирилловна. Ничего, ничего, мой другъ, лучше бы поцѣловались... охъ, задохнулась бѣжавши. Сейчасъ только узнала, что вы здѣсь; но гдѣ же дядюшка-то? Дай мнѣ его, ненагляднаго, поскорѣе увидетьъ.

Никита. Они гулять ушли.

Настасья Кирилловна. Какъ гулять ушелъ!.. развѣ онъ ходитъ еще? А вѣдь меня напугали, сказали, что онъ ужасно боленъ.

Никита. Здоровье наше извѣстное; каждый день все хвораемъ.

Настасья Кирилловна. Слышала, слышала... И ты-то, Никитушка, что-то похудѣлъ: точно лицо-то ободраное. И ты-то ужь не боленъ ли?

Никита. Нѣтъ-съ: я ничего, мы не господа, хворать не любимъ.

(Ваничка, смотрѣвшій первоначально на потолокъ, на стѣны, подошелъ потомъ къ большому зеркалу и началъ оглядывать себя во всевозможныхъ положеніяхъ).

Настасья Кирилловна. Что говорить; конечно, человѣкъ простой всегда бываетъ здоровѣе, но дядюшка-то... ахъ, Творецъ небесный! все это время я какъ-будто бы предчувствовала: въ городъ ѣхать не надобно, а хочется... Ваничка тоже подмываетъ; но у Алексѣя Яковлевича обыкновенный его проклятый геморой; онъ у меня въ это время пресердитый, прекапризный, а на лошадей такъ всегда ужасно скупъ: какъ ѣхать куда-нибудь, такъ и исто-

рія, хоть до драки дѣло. Ну, думаю, впрочемъ ничего! Встала сегодня еще въ четыре часа утра, велѣла потихоньку заложить бричку, разбудила Ваничку, — поѣдемъ, говорю, другъ мой, куда напенька спитъ, — такъ въ пять часовъ и уватили, онъ еще и не просыпался. Да ты узналъ ли, Никитушка, моего Ваничку-то? Посмотри, батъко, какой молодецъ выросъ! Ваничка! Поди, другъ мой, познакомься! это камердинеръ дяденьки. Что, Никитушка, вѣрно, не узналъ?

Никита. Нивакъ нѣтъ-съ: узналъ.

Настасья Кирилловна. Ну и хорошо... Славный ты, Никитушка, человекъ, право! Вотъ я и своей прислугѣ все говорю: вотъ, говорю, берите примѣръ съ дяденькинаго человека, вотъ служить, такъ служить: съ малолѣтства нигуда не отлучался отъ него. Ты, кажется, еще молоденькимъ поступилъ къ нему?

Никита. Въ мальчикахъ только, въ Москвѣ, три года жилъ, а тутъ все при немъ.

Настасья Кирилловна. Знаю, знаю, Никитушка, рѣдкостный, можно сказать, ты камердинеръ. Вотъ хоть бы съ этого взять: до сихъ поръ ты не женатъ, словно бобыль какой.

Никита. Нашему брату не приходится жениться.

Настасья Кирилловна. Такъ, конечно такъ, да другіе-то, другъ мой, изъ вашей братьи такъ не разсуждаютъ. Вотъ хоть-бы у насъ, какъ двадцать одинъ годъ минулъ, такъ и является: давай баринъ невѣсту, хоть роди да давай. Ой, что это я все не про то говорю. Скажи-ка лучше мнѣ про дяденьку: что, трудно онъ боленъ? я думаю, такъ только,

черезъ силу таскаетъ ноги? Ваничка! тебѣ, можетъ быть, трубки покурить хочется? Угости его, Никитушка, трубочкой. У васъ, богачей, вѣрно ужь есть табакъ? Онъ у меня презастѣнчивой: никогда самъ ничего не попроситъ.

Никита. Ну, этого добра у насъ нынче и въ заводѣ нѣтъ; баринъ ужь съ полгода, какъ пересталъ курить: лѣкаря запретили.

Ваничка *(съ важностью)*. Что это, маменька, вы все просите? у меня свои папирасы есть. *(Вынимаетъ изъ кармана двѣ самодѣльные папирасы)*. Человѣкъ, дай мнѣ огня!

Настасья Кирилловна. Ну, когда есть, такъ и прекрасно. Дай ему, Никитушка, огня, да расскажи мнѣ что-нибудь про дядюшку!

Никита *(подавая Ваничкѣ спичку, который, закуривъ папиросу, разваливается на диванѣ)*. Что дядюшка?.. слава Богу, ничего!

Настасья Кирилловна. Очень онъ слабъ?

Никита. Ничего-съ.

Настасья Кирилловна. А блѣденъ этакъ и худъ?

Никита. И этого ничего нѣтъ.

Настасья Кирилловна. Ударовъ съ нимъ не бывало ли? Нынче все больше удары поражаютъ.

Никита. Какіе удары? Такъ вотъ только робки они очень и сумнительны.

Настасья Кирилловна. Ты этого не говори, Никитушка! Эти параличи прескрытная болѣзнь: въ началѣ ихъ и замѣтить трудно, а тутъ вдругъ однимъ разомъ и покончить. Сдѣлалъ-ли онъ какое-нибудь по имѣнію-то своему распоряженіе? Вѣдь бездѣтный, Никитушка, самъ согласись. Вотъ хоть бы

взять съ тебя: далъ ли онъ тебѣ вольную-то? обезпечилъ ли тебя?

Никита. А мнѣ зачѣмъ вольная? Я и при господахъ живу.

Настасья Кирилловна. Стало быть, онъ ничего этакого, о духовной, не думалъ, завѣщанія еще никакого не писалъ?

Никита. А Богъ ихъ знаетъ: мое дѣло лакейское, со мной не станеть говорить.

Настасья Кирилловна. Конечно, конечно, Никитушка; я только такъ спросила, потому что неравенъ часъ... эти вещи всегда нужно дѣлать заблаговременно, а особливо при слабомъ здоровьѣ. Ваничка, не хочешь ли, другъ мой, чаю? Тридцать верстъ вѣдь проѣхали. Угости, Никитушка, чайкомъ! У васъ, я думаю, не занимать стать этого добра, да и хлѣбца бѣлаго вели подать: ѣсть что-то хочется.

Никита. Извините-съ: я думалъ, что вы кушали...

Настасья Кирилловна. Пить-то мы пили, ну да съ дороги, обыкновенно, горячаго хочется. *(Никита уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ V.

Настасья Кирилловна и Ваничка.

Ваничка. Мы здѣсь долго, маменька, просидимъ? Мнѣ къ Надеждѣ Ивановнѣ хочется.

НАСТАСЬЯ Кирилловна. Ахъ, ты дурачокъ, дурачокъ этакой! Балую я тебя очень: не то бы мнѣ съ тобой надобно было дѣлать. Какой еще ты женихъ?

Ваничка. Вотъ вы, маменька, и на попятный дворъ; это ужь подло... У ней сто душъ-съ. Я вамъ денегъ за это дамъ; мнѣ жениться на ней очень хочется. Она такая добрая, все со мной заигрываетъ.

НАСТАСЬЯ Кирилловна. Не пойдетъ она, мнѣ кажется, за тебя, Ваничка! Конечно бы недурно, да молодъ ты еще очень.

Ваничка. Нѣтъ, маменька, ничего, пойдетъ! Я ей одну штучку скажу, такъ пойдетъ.

НАСТАСЬЯ Кирилловна. Ахъ, Воже мой, Боже мой! молодо, зелено, но всетаки погодимъ, другъ мой, теперь нельзя; надобно здѣсь побыть: здѣсь-то, душа моя, намъ большая польза можетъ быть. Посмотри-ка, комната-та какая отличная... Вещи-то все какія богатя... Поди-ка сюда, погляди: какое пальто неподобное. Вотъ бы тебѣ такое; я думаю, чай, въ пору будетъ.

Ваничка *(подходя и разматривая пальто)*. Да-съ, маменька, пальто важное; пуговицы, должно быть, московскія: здѣсь этакихъ совсѣмъ нѣтъ.

НАСТАСЬЯ Кирилловна. У него все московское: страшный вѣдь богачъ; большіе имѣетъ капиталы. Надѣнь-ка, примѣрай, другъ мой! *(Ваничка надѣваетъ и охорашивается)*. Ахъ, какъ прелестно на тебѣ сидитъ... безнодобно! Ну, погоди, другъ мой, мы у него какъ-нибудь его выханжимъ.

В а н и ч к а (*улыбаясь*). Не дасть, маменька, жалко будетъ.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Ай, нѣтъ, не говори: онъ предобрѣйшій и преродственный всегда былъ, а теперь и подавно: куда ему беречь? Говорятъ, не сегодня, а завтра ляжетъ въ могилу. (*Таинственнымъ полупшепотомъ*). Я даже думаю о духовной попросить: не сдѣлаетъ ли онъ духовной на наше семейство.

В а н и ч к а (*смѣясь*). Ой, маменька, какія, я вижу вы ловкія! не даромъ папенька говоритъ, что вамъ бы на бѣдность ходить собирать: вы бы у мертваго выпросили.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Что же такое? Это не воровство какое-нибудь: женщина, не мужчина, чѣмъ ей промышлять для семейства? А папенькѣ твоему ужъ обыкновенно: чѣмъ бы нибудь только, да обидѣть меня. (*Подходя къ столу*). Ахъ, здѣсь-то, здѣсь-то, Ваньчка, посмотри: какія прелести (*беретъ папиросницу*). Это что еще такое? Бумажникъ что ли?..

В а н и ч к а. Нѣтъ, маменька, это папиросница. Вотъ бы эта мнѣ нужна штука!

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Возьми!

В а н и ч к а (*сомнѣваясь*). Ай, нѣтъ, стыдно!

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Ничего, возьми, право возьми, я ему сама послѣ скажу. Изъ кармана-то у тебя совѣстно ужъ будетъ взять. (*Суетъ ему въ карманъ*).

В а н и ч к а. Ну, маменька, смотрите, какъ онъ разсердится, да браниться начнетъ.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Вотъ пустяки: этакой благородный человѣкъ разсердится! еще очень будетъ радъ, что по родственному, безъ церемоній, позаимствовались.

Ваничка. Ну, ладно, маменька, я все на ваеъ сворочу: прямо скажу, что это вы подтибрили.

Настасья Кирилловна. Ну, хорошо, говори на меня, что съ меня старухи взять. *(Осматривая комнату)*. Чего бы у него еще попросить? право ужъ и не знаю... Развѣ вотъ шапку тебѣ бобровую. Помнишь, ты у тенья еще все просилъ.

Ваничка. Ну ужъ это дудки-съ—это вещь дорогая—рублевъ пятьдесятъ стоитъ. *(Надѣваетъ шапку, сворачиваетъ ее на бокрень и смотрится въ зеркало)*. А вѣдь славно, маменька! точно какой Турка.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Дурнопечинъ.

Настасья Кирилловна *(всплеснувъ руками)*. Ахъ дядюшка! *(бросается обнимать его)*. Ваничка, обнимай дѣдушку! *(Ваничка, быстро снимая шапку, тоже обнимаетъ)*. Батюшка!.. милый вы мой! красавецъ вы мой, безцѣнный! Васъ ли я вижу, ненаглядный мой! Ваничка, поди, поцѣлуй у дядиньки ручку. *(Ваничка хочетъ поцѣловать, но Дурнопечинъ не даетъ и едва приходитъ въ себя отъ объятий)*.

Дурнопечинъ. Полноте... не надобно, мой милый! я васъ сначала и не узналъ. *(Выходитъ на авансцену и задумывается)*.

Настасья Кирилловна *(слѣдуя за нимъ)*. Мудрено ли, кровный мой! Десять лѣтъ, вѣдь, не видались! Да вы сядьте, голубчикъ мой! посмотрите, какъ вы слабы: на себя не похожи!..

Дурнопечинъ *(съ безпокойствомъ)*. А что?

Настасья Кирилловна. Ужасно перемѣнились, дядюшка!.. позвольте мнѣ Ваничку моего представить: старшій сынъ мой, дядюшка!

Ваничка. Я васъ, дѣдушка, вовсе не такимъ воображалъ.

Дурнопечинъ (*погруженный самъ въ себя*). А какимъ-же?

Ваничка. Да я думалъ, что вы съ усами-съ.

Настасья Кирилловна (*перебивая*). Онъ по нашимъ-то словамъ, дядюшка, воображалъ васъ такимъ молодцомъ, какъ прежде вы были.

Дурнопечинъ. Стало быть, я очень перемѣнился?

Настасья Кирилловна. Ахъ, дядюшка, узнать нельзя. Вотъ какъ бы, кажется, на дорогѣ встрѣтились да наплевали въ глаза, такъ и тутъ бы не признала.

Дурнопечинъ (*грустнымъ голосомъ*). Все боленъ, Настасья Кирилловна!

Ваничка. Вы бы, дѣдушка, верхомъ катались. Вонъ у папеньки только отъ этого и проходитъ.

Настасья Кирилловна (*перебивая*). Чтò это, Ваничка, ты про папеньку говоришь. У него ужъ болѣзнь извѣстная, отъ которой моціономъ лѣчатся. А вотъ дядюшка, какъ я вижу, такъ весь разстроены.

Дурнопечинъ (*качая съ грустью головой*). Именно, весь разстроены. Не о лѣченьѣ надобно думать, а о другомъ.

Настасья Кирилловна (*тоже грустно*). Чтò это, дядюшка... Конечно болѣзнь, видно, большая, однако мой безцѣнный, почему же и не попользоваться: вотъ бы вы попробовали каждое утро огуречный

разсолъ пить или можжущный квасъ: одна моя знакомая, такъ, отъ водяной этимъ вылѣчилась, да и водяная-то съ ней отъ пьянства приключилась; доктора сказали, что просто неизлѣчима.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, мой другъ, что огуречный разсолъ, что можжущный квасъ, все это пустяки...

Ваничка. Вы, должно быть, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ этакой больной: все только про болѣзнь и говорите.

Дурнопечинъ. Что дѣлать, братецъ, не удивляйся! можетъ быть, и самъ будешь такой же хилый, какъ я... Здорова ли семья твоя, Настасья Кирилловна?

Настасья Кирилловна. Ой, что это вы, дяденька, беспокоитесь и вспоминаете объ этихъ пустякахъ! Лучше про себя-то, отецъ мой, расскажите: что такое съ вами?

Дурнопечинъ *(съ горькой улыбкой)*. Что такое со мной... видишь, ничего.

Настасья Кирилловна. Да вы ужь очень, дяденька, въ отчаяніе-то приходите. Ну что же дѣлать, если болѣзнь, можетъ быть, даже и опасна; по крайней мѣрѣ, добрыя дѣла старайтесь дѣлать: это, дяденька, лучше всякихъ лѣварей помогаетъ. Вотъ, напримѣръ, изволили вы пріѣхать сюда, не забудьте-ка вашихъ родныхъ, которые васъ любятъ и уважаютъ, такъ повѣрьте, что сейчасъ все пройдетъ. *(Переминаясь)*. Вотъ бы я, дяденька, къ вамъ съ пребольшой моей просьбицей, — знаете, я думаю, отецъ мой, наше состояніе: семейство большое, а воспитывать нечѣмъ. Ваничку теперь, по несчастію, выключили изъ гимназіи, за непонятіе въ наукахъ;

надобно бы въ службу опредѣлить, а одѣтъ не на что. Вотъ нынче пальты всѣ носятъ, а у него ничего нѣтъ! Не пожалуете ли ему, отецъ мой, вонъ это сѣрое пальтичко?.. у васъ оно, я думаю, валяется, а онъ бы въ немъ по праздникамъ нащеголялся. Ваничка, другъ мой, проси дѣдушку, что это какой ты застѣнчивый!

Ваничка *(сконфузившись и улыбаясь)*. Дѣдушка!..

Дурнопечинъ. Развѣ оно тебѣ нравится?

Ваничка. Нравится, дѣдушка!

Дурнопечинъ. Возьми!.. *(Настасья Кирилловна и Ваничка ловятъ у Дурнопечина руки, чтобы поцѣловать)*.

Дурнопечинъ. Ну, полноте, полноте.

Настасья Кирилловна. Вы, дѣдушка... вотъ бы... Господи, Боже мой, и говорить-то не смѣю!.. Презентуйте ему, отецъ мой, еще шапочку. Стыдно сказать, а головы прикрыть не чѣмъ...

Дурнопечинъ. Какую это?

Настасья Кирилловна. Да вонъ бобровую-то, дяденька: она у васъ ужъ и понстерта...

Дурнопечинъ *(съ улыбкою)*. Возьмите, пожалуй!

(Настасья Кирилловна и Ваничка бросаются обнимать Дурнопечина).

Настасья Кирилловна *(сквозь слезы)*. Одинъ только Богъ васъ можетъ наградить, что не оставляете сиротъ. Ваничка! надѣнь же всѣ подарки и поважись дѣдушкѣ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, послѣ... я послѣ на него посмотрю. Мнѣ ѣсть что-то хочется.

Настасья Кирилловна. Покушайте, благодѣтель мой! что это, я вижу, вы и аппетиту ничего не имѣете.

Дурнопечинъ. Все худо, Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Вижу, дядюшка, все очень хорошо вижу; но что же, родной мой, дѣлать. Ну, когда Богъ послалъ на васъ такое испытаніе, думайте, покрайней мѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ. *(Дурнопечинъ ничего не отвѣчаетъ, но склоняетъ голову на руки и задумывается).* Господи, *(всплеснувъ руками).* Боже мой! легче бы кажется... глаза мои не видали этого человѣка. Вы, дяденька, покрайней мѣрѣ, вспомните то, что есть старики, которые, что называется, доживаютъ послѣднія минуты, и тѣ... ну, обыкновенно, думаютъ, какъ бы заблаговременно распорядиться, чтобы память ихъ могли помянуть настоящимъ образомъ... я вотъ только говорить вамъ не смѣю... ну, да впрочемъ кого любишь, такъ говорить можно прямо: человѣкъ вы холостой, одиновій, подумали ли вы, отецъ мой, о духовной-то... этого дѣла всякому человѣку никогда откладывать не слѣдуетъ.

Дурнопечинъ *(съ горькою улыбкой).* Такъ ты думаешь, что мнѣ пора думать о духовной?

Настасья Кирилловна. Я, дяденька, не къ этому говорю. Конечно, вамъ еще не послѣдній пришелъ конецъ; но вѣдь, отецъ мой, этакое важное дѣло надобно дѣлать, ахъ! въ какомъ здоровомъ разсудкѣ!

Дурнопечинъ. Въ здоровомъ разсудкѣ!.. да, конечно... а у меня ужъ его скоро совсѣмъ не будетъ. *(Вздыхал).* Спасибо хоть правду говоривъ.

Настасья Кирилловна. Всегда говорю, дяденька, правду, такой ужъ глупый характеръ! Сколько я за эту правду страдала: только что не били меня

за мою справедливость. Вотъ хоть бы и про себя— не могу передъ вами скрыть: бѣдность, дяденька, со всѣмъ меня погубила. Алексѣй Яковлевичъ ничего не даетъ мнѣ на семейство: чайку, дяденька, по трп мѣсяца въ глаза не видимъ, только въ гостяхъ гдѣ-нибудь и полакомимся, а дома, не повѣрите, все сидимъ на простыхъ шахъ. Не осчастливите ли, благодѣтель мой, не пожалуете ли чего-нибудь по дарственной или хоть по духовной? чело-вѣкъ вы холостой!.. у васъ все прахомъ пройдетъ. Ваничка, что это ты сидишь! Умоляй дѣдушку облагодѣтельствовать тебя! *(Ваничка встаетъ).*

Дурнопечинъ *(сидѣвшій въ задумчивости, встаетъ)* Ну, хорошо, ладно... ступайте туда въ гостиную. Я усталъ. Поди, Настасья Кирилловна, возьми и сына... Ступайте... Я сдѣлаю, только подите отсюда.

Настасья Кирилловна. Дядюшка! да вы не осердились ли?

Дурнопечинъ. Нѣтъ. Подите... послѣ... *(Отходитъ и ложится на диванъ. Молчаніе. Настасья Кирилловна смотритъ съ испугомъ и удивленіемъ на Дурнопечина).*

Настасья Кирилловна. Пойдемъ, Ваничка!

Ваничка. Пойдемте, маменька! Дѣдушка, вѣрно, соснуть хочетъ. *(Настасья Кирилловна и Ваничка на цыпочкахъ уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ *(съ дивана).* Все ужъ теперь кончено! Всѣ это знаютъ! Всѣ это видятъ. А я — глупецъ: думалъ еще жить, думалъ жениться, послужилъ бы

даже, а вотъ теперь женись и служи... ничего, ничего... я спокоенъ, я вотъ теперь пообѣдаю, а тутъ спать лягу, а тутъ и умру... (*Склоняетъ голову въ совершенномъ отчаяніи*).

(Занавѣсъ падаетъ).

СЦЕНА II.

Зала въ домѣ Каноричъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда Ивановна *выходитъ задумавшись*. Михайло Иванычъ *идетъ за ней молодцомъ и куритъ*. Садятся.

Михайло Иванычъ. Ну такъ какъ же? У васъ съ нимъ и того...

Надежда Ивановна (*въ раздумьи*). Да.

Михайло Иванычъ. Экая ракалія, скажите, пожалуйста! Иѣтъ, баринъ, шалишь... не на того попалъ. Михайло Ивановъ самъ изъ обожженныхъ кирпичей... Ухъ, какъ я этакихъ господъ умѣю учить! какъ, напримѣръ, ихъ мошенническія фізіономіи умѣю встряхивать, чудо! Безъ бани жарко у меня будетъ...

Надежда Ивановна. Не кляни его, Мишель: онъ не виноватъ.

Михайло Иванычъ. Прахъ ихъ побери: виноватъ ли онъ тутъ, или нѣтъ. Я не приказная строка, вины разбирать; а по нашему, если онъ благородный человекъ, тавъ фокусы выкидывать нечего, а поступай на чистоту.

Надежда Ивановна *(вздыхая)*. Онъ любилъ меня. Ахъ, еслибы ты только зналъ, какъ онъ любилъ меня... Еслибы ты видѣлъ, сколько прекрасной души въ этомъ человѣкѣ!

Михайло Иванычъ. Ну, а теперь что же? теперь-то куда душа у него дѣвалась: на Нижегородскую, что ли, его прекрасная душа уѣхала?

Надежда Ивановна. Теперь онъ совсѣмъ перемѣнился: его узнать нельзя.

Михайло Иванычъ. Эге, любезнѣйшая, въ томъ-то и штука, какъ онъ смѣлъ перемѣниться! Знаемъ мы эти дѣла: шамшурку гдѣ-нибудь завелъ, такъ и тянетъ въ другую сторону. Врешь, мой милый, отобьемъ! Слава Богу, у Михайлы Иванова никто еще отъ рукъ не отбивался: такъ пугну, что портретъ мой спишетъ, да каждый день и будетъ ему кланяться, чтобы помиловалъ. Охъ, какой вѣдь я на этихъ господъ крутой человѣкъ: трудно, больно трудно со мной справляться! У Михайлы Иванова вотъ какой характеръ: какъ гдѣ увидитъ онъ этакого шелкопера, такъ руки и чешутся, чтобъ дать барину урокъ, да такой урокъ, чтобы до новыхъ вѣниковъ помнилъ. Эхъ, сестренка, не знаешь ты своего братишку... огневымъ я человѣкъ!

Надежда Ивановна *(съ чувством)*. Мишель! у меня къ тебѣ одна просьба: не брани его такъ, не проклинай и прости... Ты посмотри на него, какъ онъ грустенъ и печаленъ.

Михайло Иванычъ. Ахъ, вы бабы! вамъ бы все сантиментальничать, а дѣла настоящаго вы не понимаете. Ты въ него влюбилась, да и замужъ тебѣ хочется; ну такъ и женись, каналья, когда случай есть.

Надежда Ивановна. Но если онъ, братецъ, любить другую, если онъ измѣнилъ мнѣ въ своихъ чувствахъ?...

Михайло Ивановичъ. Тю-тю-тю! измѣнилъ въ чувствахъ, любить другую! скажите, пожалуйста, какія чувствительныя сердца! Мало чего нѣтъ, да на дѣлѣ выходитъ, чтобъ женился, такъ и женись.

Надежда Ивановна. Не будь такъ жестокъ, Мишель! но только сходи къ нему и расскажи ему будто такъ исторію, что одного человѣка любила одна дѣвушка и, впродолженіе десяти лѣтъ, только о немъ и думала.

Михайло Ивановичъ. То есть, это ты о немъ десять лѣтъ думала? А курчавый-то капитанъ, это какого сорта птица, а?...

Надежда Ивановна (*покраснѣвъ*). Это была, братецъ, ошибка... заблужденіе.

Михайло Ивановичъ. Скажите, пожалуйста: этотъ господинъ вотъ ошибка, курчавый капитанъ заблужденіе. Ну, а исправнической учитель тоже заблужденіе?

Надежда Ивановна. Ахъ, нѣтъ, братецъ, тутъ была совершенная клевета! Мы были только дружны и больше ничего. Но оставимъ это... Ты скажи ему, что эта дѣвушка, можетъ быть, во гробъ сойдетъ отъ любви къ нему, и замѣчай, что въ это время съ нимъ будетъ: поблѣднѣетъ ли онъ, встретится ли?... А послѣ все мнѣ и расскажешь.

Михайло Ивановичъ. Нѣтъ, я совсѣмъ буду не такъ съ нимъ говорить и стану наблюдать его совершенно другимъ манеромъ. Я ириду, поклонюсь, конечно, и слѣдующую въ нему рѣчь поведу: «не угодно

ли вамъ, скажу, милостивый государь, видѣть этотъ кулакъ, т. е. мой кулакъ! Въ немъ, я вамъ доложу, ровно десять фунтовъ; теперь, извольте видѣть, онъ для васъ совершенно безвреденъ и таковымъ же останется и на будущее время въ такомъ только случаѣ, когда вы женитесь на такой-то дѣвицѣ—и наименую конечно, тебя; но если же нѣтъ!... если не такъ!... то извините меня: эти десять фунтовъ принуждены будутъ пересчитать ваши ребра и доберутся, можетъ быть, еще кой до чего... и до физиономіи. Тутъ ужь я и буду наблюдать: поблѣднѣетъ онъ или нѣтъ. Струсить, наша взяла; заартачится, десять фунтовъ въ ходъ пустимъ.

Надежда Ивановна (*взавъ стремительно брата за руку*). О, Бога ради, братъ, что ты говоришь... завлинаю тебя нашей любовью: не дѣлай этого, не убивай его, не обагрй своихъ рукъ въ его крови!

Михайло Ивановичъ (*съ улыбкой*). Охъ, вы женщины: слабый вы сосудъ!... но впрочемъ изволь... для тебя на первый разъ колотить его не стану, а покуда словесно объясню ему дѣло, но только, знаешь, повнятиѣ, повразумительнѣе.

Надежда Ивановна. И грубо не говори съ нимъ, братецъ, а скажи ему, какъ я тебѣ говорила. Если же онъ будетъ показывать, что не понялъ, такъ отдай ему вотъ это письмо, и тутъ уже смотри, глазъ съ него не слускай. Онъ долженъ очень сконфузиться: тутъ я ему напоминаю ужасную вещь.

Михайло Ивановичъ. Какую же это ужасную вещь: поцѣлуй, что-ли, во мракѣ ночи?

Надежда Ивановна. Нѣтъ, что поцѣлуй... мы разставались тогда съ нимъ: онъ ѣхалъ надолго слу-

жить въ Петербургъ, конечно, оба плавали: я заставила его поклѣсться мнѣ... и подарила ему локонъ моихъ волосъ.

Михайло Ивановичъ. Вотъ какая у васъ ужасная вещь... ну, а онъ что?...

Надежда Ивановна. И онъ мнѣ своихъ отрѣзалъ *(со вздохомъ)*. Они тутъ въ письмѣ. Я ихъ возвращаю ему и прошу, чтобы и онъ мнѣ мой прислалъ, если не любитъ меня...

Михайло Ивановичъ. Фу, ты, канальство, какія конфектности! волосы дарили другъ другу на память! Ахъ, вы, простофили деревенскіе.

Надежда Ивановна. Не смѣйся, Мишель: это ужасно!... поди, поговорн съ нимъ, какъ я тебя просила. *(Хочетъ идти, но останавливается)*. Братъ, ты не убьешь его? Не заставь меня, мой другъ, раскаяваться въ моей откровенности.

Михайло Ивановичъ *(съ усмѣшкой)*. А развѣ тебѣ жалко будетъ, какъ я убью его, а?

Надежда Ивановна. Да, мой другъ, я до сихъ поръ еще люблю его!

Михайло Ивановичъ. Хорошо... тамъ видно будетъ.

Надежда Ивановна. Прощай, мой другъ! не проклинай его и прости меня! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Михайло Ивановичъ. *(одинъ)*. Ну, Михайло Ивановъ, опять, братъ, тебѣ работа! Только смотри, не срѣжься, не оконфузь себя. Припомни-ка, какова была съ врасиромъ за жидовку перепалка: сквер-

ная, вѣдь, братъ, штука вышла. Здоровъ ужь очень былъ, обломъ этакой: съ перваго раза ужь очень ко-столомную сдачу далъ, ну и сробѣлъ, а этотъ ни-чего — михрютка, — справимся. Съ другой стороны, смѣшонъ и ты Михайло Ивановъ: все бы тебѣ, за-бубенная голова, практика была; но впрочемъ въ этомъ дѣлѣ и нельзя: главное, надобно сестрѣ себя показать, а то, пожалуй, и держать не станетъ, а уваженіе-то ужь всякое потеряеть *(Встаетъ, закуриваетъ трубку и опять садится)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тотъ же и Ванничка.

В а н и ч к а. *(входя)*. Надежда Ивановна гдѣ-съ?

М и х а й л о И в а н ы ч ъ *(обертываясь)*. Что-съ?

В а н и ч к а. Надежда Ивановна гдѣ-съ?

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. А зачѣмъ она вамъ?

В а н и ч к а. Маменька велѣла имъ сказать, что она ужо придетъ къ нимъ чай пить.

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. А кто ваша ма-менька?

В а н и ч к а. Настасья Кирилловна.

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Хорошо, скажу...

В а н и ч к а. Надежда Ивановна гдѣ-съ теперь?

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Она тамъ, у себя...

Развѣ вамъ нужно ее видѣть?

В а н и ч к а. Да-съ, нужно.

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Посидите тутъ... она придетъ. *(Ванничка садится; Михайло Ивановъ осматриваетъ его)*. Вы служите, что-ли, гдѣ-нибудь?

В а н и ч к а. Нѣтъ еще. Маменька сначала хотѣла отпустить меня въ военную, а теперь въ штатскую отдаетъ-съ.

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Въ штатскую... А что, вы обѣтаете вашей маменьки? съчетъ она васъ?

В а н и ч к а (*улыбалась*). Нѣтъ-съ... какъ можно-съ. Я не дамъ; да меня никто и не повалитъ: у насъ папенька только строгъ, а маменька ничего: добрая-съ.

М и х а й л о И в а н ы ч ъ (*осматривая Вашичку*). Что это какія узенькія на васъ брюки, точно дудочки? Кто это вамъ шилъ?

В а н и ч к а. Дядиньки Никандра Семеныча портной—онъ хорошій: въ Петербургѣ учился.

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Скверно же въ Петербургѣ учатъ... Который вамъ годъ?

В а н и ч к а. Двадцать второй.

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Только еще... А давно вы брѣтаете?

В а н и ч к а. Ужь года два-съ. Усы такъ у меня еще на пятнадцатомъ году выросли: я ихъ все шалилъ, да перочиннымъ ножичкомъ подбривалъ... Какія вы славныя кольца пускаете!

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. А что?

В а н и ч к а. Да такъ-съ: хорошо. Я никакъ не могу выучиться... Вы умѣете папирасы руками дѣлать?

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Нѣтъ, я не курю папирасъ: бабѣ кушанье! Я къ трубкѣ привыкъ.

В а н и ч к а. А за охотой вы ходите?

М и х а й л о И в а н ы ч ъ. Прежде ходилъ... А вы развѣ охотникъ?

Ваничка. Я нынче все лѣто ходилъ-съ; мнѣ дяденька Никандръ Семенычъ щенка лягаваго подарилъ трехъ мѣсяцевъ; я его хочу самъ учить, чтобы стойку зналъ; а то вонъ у насъ дворовая Лапка, только за бѣлками ходитъ, а стойки ничего не знаетъ: все спугиваетъ-съ.

Михайло Иванычъ. Вы хорошо стрѣляете?

Ваничка. Не знаю; кажется, хорошо-съ. Этта вотъ зайца такъ важно поддѣлъ; гоны четверы былъ отъ меня, такъ и срѣзалъ: всѣ четыре лапки отшибъ. Дичи нынче около насъ очень мало стало-съ: подушубинскіе ребята всю перевели; имъ баринъ каждый мѣсяцъ по фунту пороху выдаетъ, чтобъ только стрѣляли; даже въ наше болото заходятъ, всѣхъ утокъ, подлещы, разшугали,—теперь ни одной нѣтъ.

Михайло Иванычъ. Ну, а этакъ за женщинами вы тоже охотитесь, а?

Ваничка. Нѣтъ-съ. За ними зачѣмъ охотиться.

Михайло Иванычъ. А что же?

Ваничка *(улыбаясь)*. Да такъ-съ: онѣ не утки.

Михайло Иванычъ. Экая важность, что не утки. Но, можетъ быть, онѣ сами за вами охотятся?

Ваничка. Да-съ, можетъ быть; всяко случается... Самп-то вы охотитесь ли?

Михайло Иванычъ. За женщинами? грѣшный человекъ... любитель и мастеръ этого дѣла; только бы замѣтить гдѣ-нибудь, ужъ не уйдетъ.

Ваничка *(смѣясь)*. Я тоже-съ...

Михайло Иванычъ. То есть, какъ этакъ: лови тоже?

Ваничка. Да-съ; только у насъ папенька очень этого не любитьъ: что немного гдѣ замѣтитъ, тутъ же и приколотитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Надежда Ивановна.

Надежда Ивановна (*входя*). Братъ, ты не ушелъ еще?... Ахъ, Ваничка, давно ли ты здѣсь?

Ваничка (*встаетъ, кланяется и сконфузясь говоритъ*). Маменька приказала вамъ вланыться, велѣла сказать, что вечеромъ придетъ чай пить.

Надежда Ивановна. Я буду дома... Ты скоро пойдешь, Мишель?

Михайло Ивановичъ. Скоро: только трубку докурю и водки выпью.

Надежда Ивановна. Ты помнишь, что я тебѣ говорила?

Михайло Ивановичъ. Помню. Прощай! Оставляю тебя въ пріятномъ, но опасномъ обществѣ! Этотъ молодой человекъ мнѣ самъ признался, что онъ величайшій стрѣлокъ на женщинъ, и потому я тебѣ, какъ братъ, совѣтую опасаться.

Ваничка (*skonфузясь*). Нѣтъ-съ... А вы развѣ братаецъ ихъ?

Михайло Ивановичъ. Есть немного... съ лѣваго бока... Прощайте!... Прощай, Надя! поцѣлуй покрѣпче! Какъ знать, чѣмъ наша исторія кончится!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*обнимая брата*). Мишель! не рискни на что-нибудь ужасное!...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Нѣтъ, ничего... Прощай! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Ваничка и Надежда Ивановна. Нѣсколько минутъ молчаніе, въ продолженіе которыхъ Надежда Ивановна сидитъ задумавшись, а Ваничку очень хочется съ ней говорить, но онъ не находится.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Давно вы здѣсь, Ваничка?

ВАНИЧКА. Сегодня утромъ пріѣхали-съ. Я все просилъ маменьку, чтобы онѣ сюда ѣхали-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*смотря на Ваничку, съ грустной улыбкой*). Зачѣмъ же тебѣ хотѣлось сюда?

ВАНИЧКА. Мнѣ къ вамъ хотѣлось.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Зачѣмъ ко мнѣ?

ВАНИЧКА. Такъ-съ, очень хотѣлось... Я было вамъ, Надежда Ивановна, утокъ настрѣлялъ, да проклятыя собаки и съѣли: у насъ вѣдь никогда ихъ не кормятъ: всё, чтобы сами себя промышляли; вотъ онѣ этакъ и промышляютъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Мегсі, мой другъ! но только я утокъ не ѣмъ: онѣ мнѣ какъ-то противны.

ВАНИЧКА. Нѣтъ, ничего-съ. Эти были хорошія. Онѣ противны, какъ травы хватятъ, а эти еще не хватили. Я вотъ вамъ скоро селезня подарю-съ; маленькаго еще поймалъ, все овсомъ теперь кормятъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Ну, хорошо, подари.

В а н и ч к а. А вы мнѣ сами что подарите?

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Я тебѣ кisetъ вышью шерстями.

В а н и ч к а. Нѣтъ-съ, я не хочу кисета.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Отчего же?

В а н и ч к а. Да такъ-съ. Зачѣмъ мнѣ кisetъ-то? Чтò онъ мнѣ такое! Я и безъ него могу жить. Мнѣ бы лучше, какъ лѣтомъ тогда, ручку вашу давали, такъ это лучше-съ.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Развѣ ты любишь мою ручку?

В а н и ч к а. Очень люблю-съ!

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Ну на тебѣ ее! Садись около меня! *(подаетъ ему руку)*. Ну, что ты теперь станешь съ нею дѣлать? *(Ваничка сначала, цѣлуетъ руку потомъ кладетъ ее на свою ладонь, а другую начинаетъ гладить; нѣсколько минутъ молчаніе)*. Послушай, Ваничка! ты любилъ кого-нибудь, вромѣ меня?

В а н и ч к а. Нѣтъ-съ. Правонѣтъ---вы первыя-съ.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. А что же ты Мишелю говорилъ?

В а н и ч к а. Да я смѣялся такъ... Онъ спрашиваютъ: хожу ли я за охотой—за женщинами? я и сказалъ-съ...

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Чтожь ты сказалъ?

В а н и ч к а. Я говорю, что женщины не утви, и больше ничего, право ничего... такъ только... посмѣялись.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. А про меня чего-нибудь ты не сказалъ ли ему?

В а н и ч к а. Ай, нѣтъ, какъ возможно-съ! Я про

васъ никому въ свѣтѣ не скажу-съ. Мы говорили такъ... о другихъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. А развѣ ты любилъ другихъ?

ВАНИЧКА. Да что?.. какъ же? я не знаю-съ!..

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Какъ же не знаешь?.. стало быть, ты меня обманываешь и былъ влюбленъ въ другую?

ВАНИЧКА. Ни въ кого-съ... умереть на этомъ мѣстѣ, ни въ кого-съ!.. Мы такъ только... смѣялись.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Надъ чѣмъ же вы смѣялись? Ты, вѣрно, что-нибудь ему рассказывалъ?

ВАНИЧКА. Я ничего не рассказывалъ, право-съ! они сами все выдумывали!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*подумавъ и вздохнувъ*). И пожалуйста, никому ничего не говори, тѣмъ больше, что мы съ тобой скоро должны будемъ совершенно разстаться!..

ВАНИЧКА. Зачѣмъ? нѣтъ-съ... я здѣсь на службу опредѣлюсь. (*Цѣлуетъ ея руку*). Вы прежде, Надежда Ивановна, добрѣе были-съ... Помните въ саду... а теперь вотъ не хотите...

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Что это? Поцѣловать тебя! не могу... ни за что въ свѣтѣ, не могу!.. Если ты объ этомъ заговорилъ, такъ я и руку возьму. (*Выдергиваетъ руку*).

ВАНИЧКА. Вотъ вы какія! жалко, что-ли, вамъ руки-то?

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Не могу, Ваничка! Я теперь совсѣмъ въ другомъ положеніи; я со стыда стору, если позволю себѣ поцѣловать тебя.

Ваничка. Да что же тутъ со стыда-то сгорѣть? экая важность!

Надежда Ивановна. Клянусь тебѣ честью, не могу! повѣрь ты мнѣ! мы должны разстаться: я не должна даже видѣть тебя... и записку мою отдай мнѣ, пожалуйста!

Ваничка. Вотъ славно!.. Славно же вы обманываете...

Надежда Ивановна (*грустно*). Я не обманываю... Ты самъ послѣ согласишься, что невозможно... Я повлялась не принадлежать никому... Я даже стыжусь моихъ прошедшихъ поступковъ съ тобою... Повзжай съ маменькой въ деревню и забудь меня. (*Ваничка надулся*). Что же тебя такъ огорчаетъ тутъ?

Ваничка. Еще бы! замужъ, говорили, пойдете за меня, а тутъ и отпираетесь.

Надежда Ивановна. Послушай, Ваничка! я, ей-богу, не знаю, что мнѣ съ тобой дѣлать! мнѣ очень жаль тебя... ну, стой! изволь, я поцѣлую тебя: встань вотъ тутъ на колѣни противъ меня, только не дотрогивайся до меня... вотъ такъ... я сама тебя поцѣлую.

(*Ваничка встаетъ; Надежда Ивановна беретъ его за руку и ставитъ его противъ себя на колѣни; потомъ обьими руками беретъ его за голову и цѣлуетъ*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Кабинетъ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Николай Михайлычъ сидитъ, задумавшись, на своемъ креслѣ, съ головою, повязанною бѣлымъ платкомъ, намоченнымъ въ уксусъ. **Никита** стоитъ съ сложенными руками и флегматически смотритъ въ окно. **Настасья Кирилловна** сидитъ на отдаленномъ стулѣ, вяжетъ чулокъ и съ подобострастіемъ глядитъ на Дурнопечина.

Настасья Кирилловна. Дядюшка, можно поговорить?

Дурнопечинъ. Что?

Настасья Кирилловна. Поговорить, спрашиваю, можно ли?.. Не обезпкою ли я васъ?

Дурнопечинъ. Ничего, говори.

Настасья Кирилловна. Я вотъ хочу, дядюшка, вамъ рассказать, какъ прошлой зимой я ѣздила въ Петербургъ. Ваничку [въ корпусъ отвозила, такъ вотъ ужь страху-то навидалась, умру, кажется, а не забуду.

Дурнопечинъ. Какого же страху?

Настасья Кирилловна. Ъхала я, дяденька, на одной лошади, въ кибиточкѣ. Извозчикъ былъ отъ насъ знакомый. Все ѣхали хорошо. Подъ самымъ Петербургомъ съѣхались на станціи съ купцомъ; извознику моему онъ былъ знакомый человекъ, и напились они, отецъ мой, пьяны. Ахъ, Царь небесный, и вспомнить-то страшно! Стала я извознику говорить: не стыдно-ли, говорю, Пареевъ, такъ поступать... ѣдешь ты съ благородною дамой, а напиваешься; закладывай, говорю, скорѣе лошадь, да поѣдемъ. А сама себѣ думаю, какъ бы поскорѣе его съ этимъ разбойникомъ-то разлучить, да отрезвить бы поскорѣе на морозѣ. Ну-съ... извозчикъ мой поболталъ такъ немного, однако послушался заложилъ... усѣлись... Вдругъ этотъ разбойникъ-то купецъ увидалъ, да пьяный-то, этакой безобразной, въ кибитку ко мнѣ и влѣзъ... «Я, говоритъ, то же поѣду», да такъ всей валево-то на меня и навалился. Чтò мнѣ дѣлать! смерть, вижу, моя приходитъ. Ребенка прижала къ себѣ и начала ему говорить: «что, я говорю, вы, господинъ купецъ, дѣлаете? неужели на васъ и начальства нѣтъ? я, говорю, окольныхъ сейчасъ свлечу...» Не тутъ-то было... лежитъ безбожникъ этакой, да еще и ругается. Мой-то подлецъ началъ тоже его руку тянуть: «ничего, говоритъ, барыня, онъ мнѣ, говоритъ, человекъ знакомый, мнѣ сталъ же васъ на дорогѣ выкинуть, чѣмъ ему не услужить». Залилась я, дяденька, послѣ этакой грубости, горькими слезами, вышла съ ребенкомъ изъ повозки, выпросилась у священника... тутъ и ночевала...

Дурнопечинъ. Никита! намочи платокъ еще укусомъ. *(Хочетъ подать Никитѣ платокъ; но Настасья Кирилловна вскакиваетъ и беретъ у него платокъ).*

Настасья Кирилловна. Дядюшка! позвольте, я вамъ это сдѣлаю.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, душа моя! Никита ужъ знаетъ... Ты лучше рассказывай.

Настасья Кирилловна. Да не беспокою ли я васъ, отецъ мой?

Дурнопечинъ. Нѣтъ, ничего... *(Никитѣ).* Намочи.

Никита. Перестали бы, сударь, лучше... А то, посмотрите, лобъ-то и безъ того красенъ.

Дурнопечинъ. Пожалуй. Теперь я гораздо поосвѣжился: такъ легко стало.

Настасья Кирилловна. Прикажете рассказывать, дядюшка? Стыдно бы и говорить, что со мной глупой старухой ваши питерскіе франты сдѣлали. Ну да, пусть васъ посмѣшить.

Дурнопечинъ. Что же такое съ тобою сдѣлали?

Настасья Кирилловна. Жила я тамъ, дяденька, ровно два мѣсяца. Деньги мои и сначала маленькія были, а тутъ такъ подошли, хоть на дорогу нечего... Иду я по самой тамошней большой уллицѣ, по Невской, вдругъ нагоняетъ меня молодой человекъ, нарядный такой, въ бекешѣ, и началъ меня съ ногъ до головы осматривать. Я подумала, да и говорю: «милостивый, говорю, государь! лицо ваше такое доброе... я бѣдная, заѣзжая, говорю, здѣсь помѣщица, не можете ли какую-нибудь помощь оказать матери семейства?» Онъ на меня

этагъ посмотрѣлъ... «Хорошо, говоритъ, но только теперь не могу, а не угодно ли, говоритъ, вамъ уже вечеромъ придти, въ такой-то домъ...» Теперь ужъ и позабыла куда... «Позвоните, говоритъ, но въ крыльцо не входите, потому что тутъ живетъ моя тетка, богомолка, и она никого не принимаетъ». Отошелъ онъ отъ меня, и начала я сама съ собою думать: что, думаю, не убьютъ же меня, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ помогутъ... Пошла я вечеромъ, отыскала домъ, позвонила-съ... Выходитъ какой-то человѣкъ, — «подождите, говоритъ, на тротуарѣ,» и ушелъ. Я встала. Вдругъ окно отворилось: «здѣсь?» кто-то спрашиваетъ. «Здѣсь,» говорю. Только я проговорила это слово, вдругъ, отецъ мой, меня съ ногъ до головы и окатили какой-то дрянью, кажется, помоями. Господи, Боже мой! и на ногахъ-то устоять не имѣла силы; чуть не захлебнулась.

Дурнопечинъ (разсмѣясь). Что это, Настасья Кирилловна, какія ты глупости рассказываешь: разсмѣшила ты меня, проказница ты этакая!

Настасья Кирилловна. Что дѣлать-то дядюшка, какъ хотите, такъ и судите... Я впрочемъ рада, что вы хоть немного поразвеселились.

Дурнопечинъ (смѣясь). Помоями облили... Славную штуку сыграли!..

Никита (тоже смѣясь). Что же, вы тутъ дождались, чтобы васъ другой разъ окатили?

Настасья Кирилловна. Ну, гдѣ же ужъ, Никитушка, дожидаться... только что привстала, да давай Богъ ноги... Пожалуй, еще убьютъ, разбойники этакіе.

Никита. Убить-то бы не убили, а другой-то бы разъ навѣрникъ обдали.

Настасья Кирилловна. Дяденька! вы позвольте мнѣ у васъ ночки двѣ ночевать. Дѣлишки у меня здѣсь есть, а квартиры дорогія, безпкойныя.

Дурнопечинъ. Хорошо, ночуй!

Настасья Кирилловна (*встаетъ и цѣлуетъ Дурнопечина въ плечо*). Видитъ Богъ, дядюшка, какъ я васъ всегда въ душѣ любила; только вы, можете быть, по бѣдности моей заключите что-нибудь другое, а я предана вамъ просто отъ сердца.

Дурнопечинъ. Ну, полно нѣжности выкидывать; лучше расскажи еще что-нибудь про себя.

Настасья Кирилловна. Сей-часъ, отецъ мой, сію секунду: мало-ли со мной душой приключеньевъ было. Была я еще молода... всего первымъ ребенкомъ брюхата, и пріѣхали мы съ моимъ благовѣрнымъ въ губернскій городъ; щеки тогда у меня были розовыя, малиновыя... сама я была развеселая, вотъ и повадился къ намъ одинъ офицеръ ходить... онъ у Алексѣя Яковлевича еще юнкеромъ въ ротѣ служилъ... и ходилъ онъ къ намъ почти каждый день, и все со мною заговариваетъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Прохоръ Прохорычъ.

Прохоръ Прохорычъ. Здѣсь господинъ Дурнопечинъ живетъ?

Никита. Здѣсь. Вы кто такіе?

Прохоръ Прохорычъ. Это ужь, любезный, не твое дѣло... Могу я ихъ видѣть?

Никита. Вотъ они сами сидятъ!

Прохоръ Прохорычъ. А!... *(подходитъ къ хозяину и кланяется; тотъ встаетъ)*. Я, кажется, имѣю честь видѣть Николая Михайлыча Дурнопечина?

Дурнопечинъ. Точно такъ!

Прохоръ Прохорычъ. Я самъ тоже Дурнопечинъ: Прохоръ Прохорычъ Дурнопечинъ, и прихожусь вамъ братъ въ четвертомъ колѣнѣ... Настасья Кирилловна, мое вамъ почтеніе! Вы вѣдь тоже наша общая родственница; я это знаю очень хорошо... Давно, братецъ, изволили пожаловать въ наши мѣста?

Дурнопечинъ. Да ужь я и не помню; кажется, съ мѣсяць... Садитесь!

Прохоръ Прохорычъ. Всепокорнѣйше благодарю за ваше родственное вниманіе, и воспользуюсь приглашеніемъ, потому что я сегодняшнее утро верстъ пять прошелъ пѣшкомъ. Самъ за припасами на базаръ всегда хожу: съ малолѣтства эту привычку имѣю. Прислуга у меня маленькая, да и не вѣрна: никогда по вкусу ^{за}не купитъ... *(Садится)*. Такъ вы изволите говорить, что уже съ мѣсяць, какъ прибыли въ нашъ городъ?

Дурнопечинъ. Кажется...

Прохоръ Прохорычъ *(съ ядовитою улыбкою)*. Настасья Кирилловна раньше всѣхъ успѣла засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. *(Къ Настасьѣ Кирилловнѣ)*. Я всегда полагалъ, что вы дама очень тонкая.

Настасья Кирилловна. Гдѣ ужь намъ, Про-

хоръ Прохорычъ!.. Мы люди бѣдные; это въ пору вамъ, богачамъ.

Прохоръ Прохорычъ. Кто богатъ и кто бѣденъ, это знаетъ одинъ только Богъ. На это не хватитъ даже и вашей тонкости... Не обезпокоилъ ли я васъ, братецъ, своимъ посѣщеніемъ? Я слышалъ, вы не такъ здоровы?

Дурнопечинъ. Да, я все хвораю.

Прохоръ Прохорычъ. Изъ лица, впрочемъ, вы довольно свѣжи. Не отъ бездѣйствія ли это происходитъ? Вы, кажется, изволили весьма мало на службѣ состоять?

Дурнопечинъ. Года три въ военной службѣ служилъ.

Настасья Кирилловна. Что дядинькѣ-то на службѣ состоять: у нихъ и безъ этого есть состояніе.

Прохоръ Прохорычъ. Состояніе и служба—двѣ вещи разныя, это ужъ дѣло не вашей тонкости, Настасья Кирилловна. (*Обращаясь къ Дурнопечину*). Ясамъ, къ несчастію, потерялъ службу, которой, можно сказать, душой и тѣломъ посвящалъ все время.

Дурнопечинъ. Вы не служите?

Прохоръ Прохорычъ. По однимъ наслухамъ или, откровенно сказать, и самъ не знаю за что. Объ усердіи моемъ можете спросить всякаго мальчишку, такъ и тотъ скажетъ вамъ. Погибели моей захотѣлось злымъ людямъ; но по милости Творца, живу еще: не потерялся совершенно. Теперь я занимаюсь частными дѣлами и, благодареніе Богу, имѣю кусокъ чернаго хлѣба.

Н а с т а с ь я К и р и л л о в н а. Найдется, Прохоръ Прохорычъ, я думаю, у васъ и бѣлый.

П р о х о р ъ П р о х о р ы ч ъ. Бѣлый хлѣбъ предоставлю вамъ, Настасья Кирилловна, ѣсть по гостямъ, а я ѣмъ свой, черный. Я имѣю къ вамъ, братецъ, маленькое дѣльцо, и желалъ бы съ вами поговорить наединѣ.

Д у р н о п е ч и н ѣ *(съ неудовольствіемъ)*. Что такое вамъ надобно отъ меня?

П р о х о р ъ П р о х о р ы ч ъ. Дѣло, братецъ, безотлагательное дѣло имѣю вамъ сообщить; позвольте мнѣ имѣть секретную аудіенцію.

Д у р н о п е ч и н ѣ. Выйди, Настасья Кирилловна.

Н а с т а с ь я К и р и л л о в н а *(вставая и съ сердцемъ подбирая вязанье)*. Знаемъ мы, Прохоръ Прохорычъ, ваши секреты; не мало вы, я думаю, простыхъ-то людей обманули: у одной Поддевкиной сотнями тысячъ пользовались.

П р о х о р ъ П р о х о р ы ч ъ. Вамъ все хочется сосчитать мои деньгн. Не сочтете, ошибетесь; лучше разсмотрите шкатулку вашего супруга, а до моихъ денегъ вамъ далеко.

Н а с т а с ь я К и р и л л о в н а *(уходя)* Убереги Богъ; нищему руку прожжетъ ваша копейка, Прохоръ Прохорычъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Дурнопечинъ и Прохоръ Прохорычъ.

П р о х о р ъ П р о х о р ы ч ъ. Не любитъ меня наша общая родственница... Что дѣлать?.. Не говори правды, не теряй дружбы. Совершенно потерянная

женщина! Я, конечно, никакъ не смѣю вамъ совѣтовать, а напрасно вы изволите ее принимать: отъ нея каждую минуту надо ожидать какой-нибудь не-приятности.

Дурнопечинъ *(перебивая)*. Какое вы дѣло имѣете до меня?

Прохоръ Прохорычъ. Исковое, братецъ! исковое дѣло должно, по несчастію, между нами затѣяться.

Дурнопечинъ *(взмывшииъ нѣсколько въ лицу)*. Это съ какой еще стати?

Прохоръ Прохорычъ. По наслѣдственному имѣнію нашей бабки, Ольги Дурнопечиной, которое совершенно незаконно поступило большею частію во владѣніе вашего покойнаго батюшки, а моего дяди.

Дурнопечинъ. Господи, Боже мой, это еще съ чего пришло вамъ въ голову? Владѣли, владѣли, а тутъ вдругъ и незаконно стало.

Прохоръ Прохорычъ. Десятилѣтней давности, братецъ, еще не прошло. Духовная совершенно незаконна-съ; покойная бабка никакъ не имѣла права дробить достояніе, но оно, какъ, можетъ быть, вамъ не безъизвѣстно, раздѣлено: большая часть (ужь я не говорю, какія для этого были употреблены мѣры... самыя не родственныя мѣры... но только большая часть) поступила во владѣніе вашего родителя, а другая часть—общей нашей теткѣ Соломанидѣ Платоновнѣ, дай ей Богъ доброе здоровье или, лучше сказать, вѣчную память, по милости которой теперь вся и каша заваривается. Духовное завѣщаніе должно быть нарушено, да еще послѣдуетъ взыскъ за неправильное владѣніе.

Дурнопечинъ. Я рѣшительно не понимаю, что такое вы говорите.

Прохоръ Прохорычъ. Гражданскими дѣлами, вѣроятно, мало занимались! но я говорю сущую справедливость... Я пользовался еще расположеніемъ покойнаго вашего родителя! прекраснѣйшій былъ человекъ, какъ теперь на него гляжу: собой этакой полный, глаза на выкатѣ, весельчакъ былъ такой, что и свѣтъ другаго не производилъ; я ему часто говаривалъ: «не правильно, говорю, дядюшка, Рамешками владѣете, подѣлитесь». «А вотъ погоди, говорить, какъ умру, такъ тебѣ поросятую свинью оставляю...» да самъ и захохочетъ, покойный свѣтъ.

Дурнопечинъ (*хмурясь*). Почему же онъ Рамешками несправедливо владѣлъ?

Прохоръ Прохорычъ. Но незаконности духовной-съ. Мало ли, братецъ, какъ судьба человѣческая измѣняется: иной, смотришь, все живетъ въ богатствѣ, а вдругъ оборвется. На это никакъ нельзя надѣяться.

Дурнопечинъ. У меня на Рамешки должны быть всѣ документы.

Прохоръ Прохорычъ. Нѣтъ-съ, у васъ не можетъ быть никакихъ документовъ: 27-й годъ, Николай Михайлычъ, купаюсь въ чернилахъ; слава Богу, пора привыкнуть; капли простаго вина отъ роду въ родъ не брать: незаконность дѣла по запаху слышу.

Дурнопечинъ. Что-жь вы отъ меня хотите?

Прохоръ Прохорычъ. Красницу, братецъ, хочется получить. Желаніе наше небольшое, повѣрьте! другіе бы на это не согласились. Ну впро-

чемъ, Богъ съ вами: пусть я лучше обижу своихъ сиротъ, по крайней мѣрѣ буду помнить, что мы родные, и что намъ заводить дѣла грѣшно!

Дурнопечинъ (*растерявшись*). За что же я отдамъ вамъ Красницу, скажите Бога ради, что вы меня за дурака, что ли, считаете?

Прохоръ Прохорычъ (*усмѣхнувшись*). Дураковъ, братецъ, нынче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ; это, можетъ быть, бывало встарину; но я вамъ докладываю, что по иску вы отдадите гораздо больше, потому что заплатите за неправильное владѣніе и, кромѣ того, я заставлю васъ заплатить протори и убытки.

Дурнопечинъ (*вставая*). Сдѣлайте милость, избавьте меня отъ этихъ дѣлъ!.. Я человѣкъ больной... нуждаюсь въ спокойствіи... теперь рѣшительно ничего не знаю.

Прохоръ Прохорычъ. Какъ угодно вамъ, братецъ. Конечно, по родству, я хотѣлъ дать вамъ полезный совѣтъ; но что-жъ дѣлать: вольному воля, спасенному рай. Духовная незаконна-съ, во 1-хъ потому, что родовое имѣніе не дробится, во 2-хъ—десятилѣтней давности еще не прошло, и въ 3-хъ—имѣніе семь лѣтъ состояло въ единственномъ вашемъ владѣніи; слѣдовательно: завѣщаніе нарушится, принадлежащая намъ часть должна быть выдѣлена, за неправильное владѣніе послѣдуетъ взыскъ, да сверхъ того вы обяжетесь пополнить протори и убытки. Вратецъ, мнѣ васъ жаль: вы лишитесь всего состоянія!

Дурнопечинъ. Еще прошу васъ, избавьте меня отъ вашихъ дѣлъ.

Прохоръ Прохорычъ. Извольте, я повинуюсь; но всетаки повторяю, образумьтесь: вы на краю бездны!

Дурнопечинъ. Сдѣлайте милость, прошу васъ.

Прохоръ Прохорычъ. Повинуюсь; только позвольте мнѣ по-крайней-мѣрѣ еще разъ прибыть къ вамъ и разсмотрѣть ваши документы; можетъ быть, я по документамъ вамъ разъясню.

Дурнопечинъ. Извольте, но только, Бога ради, не теперь. Я боленъ, я еще не обѣдалъ, пощадите меня: я человѣкъ больной.

Прохоръ Прохорычъ *(пожимаетъ плечами и, отойдя къ дверямъ, пріостанавливается и снова возвращается)*. Николай Михайлычъ! угодно вамъ дать намъ пятнадцать тысячъ отступнаго. Богъ съ вами, хоть мы и обижены будемъ, по крайней мѣрѣ дѣло не затѣется. *(Дурнопечинъ ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ смотреть въ окно. Прохоръ Прохорычъ кланяется ему въ тылъ)*. До пріятнаго свиданія-съ! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дурнопечинъ *(проворно отвертывается отъ окна, подходитъ къ столу и садится)*. Батюшки мои, гдѣ у меня акты-то? Въ шкатулкѣ ихъ нѣтъ. Да... я ихъ Никитѣ отдалъ. *(Торопливо звонитъ и кричитъ)*. Никита! Поди сюда... поди сюда скорѣе, тюлень этакій! *(Никита входитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Дай мнѣ, братецъ, бумаги, которыя я тебѣ отдалъ въ Москвѣ убрать.

Никита (*немного смѣшавшись*). Какія бумаги?

Дурнопечинъ (*поблѣднѣвъ*). Какъ, какія бумаги? ахъ ты, чортъ проклятый! Бумаги на имѣніе, акты всѣ.

Никита (*еще болѣе смѣшавшись*). Никакихъ, ка- жись, мнѣ не отдавали.

Дурнопечинъ. Какъ я тебѣ не отдавалъ? Что ты хочешь, злодѣй, со мной сдѣлать? Погубить, что ли, меня совсѣмъ вздумалъ? Гдѣ бумаги-то, ну, давай же, разбойникъ этакій; что же ты стоишь, гдѣ онѣ?

Никита. Да почему я знаю, Николай Михайлычъ; я не грамотный; мало ли вы отдавали мнѣ бумагъ; всего и не припомнишь.

Дурнопечинъ (*выходя изъ себя*). А! не припомнишь, не припомнишь, душегубъ этакій! Врешь, злодѣй, ты укралъ ихъ у меня, да и продалъ моимъ врагамъ!.. Вонъ откуда пошло... вонъ отъ чего этотъ господинъ приходилъ ко мнѣ.

Никита (*обидѣвшись*). Благодарю покорно-съ, хорошее слово отъ васъ выслушалъ: двадцать лѣтъ служу, сина пороху не пропадало, а тутъ и воромъ сталъ.

Дурнопечинъ. А! тебѣ обидно, горько... а мнѣ не обидно, что ты меня погубилъ? Ну гдѣ же

бумаги мои? давай! онѣ мнѣ нужны. Съ бумагами связано все мое состояніе... гдѣ же онѣ? Я тебѣ въ Москвѣ самъ, своими руками, ихъ отдалъ.

Н и к и т а. Да развѣ онѣ гдѣ-нибудь въ чемоданѣ завалились? Вы вѣдь всегда отдаете такъ, просто; иной разъ и слова не промолвите; ипхнете да и только: убирай тамъ, какъ знаешь. Я грамотѣ не умѣю; пожалуй, во что-нибудь нужное и ваку обернешь.

Д у р н о п е ч и н ѣ (почти со слезами). Такъ ты это ваку обернулъ моими документами? Разбойникъ ты этакой! что ты теперь надѣлалъ? Мало тебѣ, что я каждый день страдаю, да умираю, тебѣ этого мало: безъ куска хлѣба еще оставилъ. Варваръ ты этакій! все вѣдь у меня отнимутъ... и тебя-то, разбойника, возьмутъ! Выслужиться, что ли, передъ новыми господами захотѣлъ? Черезъ недѣлю сошлютъ на поселенье за твою мошенническую штуку.

Н и к и т а (сначала нахмуривается, потомъ начинаетъ утирать глаза). Что мнѣ другіе господа, во снѣ о другихъ-то господахъ не снилось. Кажется, кромѣ усердія моего, никогда ничего не было, а тутъ ужъ и воромъ сталъ. Безпокойства этакого и ворогу бы не пожелалъ доставить, не то что барину. (Плачетъ). И безъ того ужъ замаялся, какъ вы и по болѣзни-то мучите себя да терзаете, а тутъ, ну-ко, такое дѣло затѣять, барскія бумаги продать... Скорѣе бы, кажись, руку по локоть отрубить, чѣмъ на такое порѣшился.

Д у р н о п е ч и н ѣ. Плачь, плачь! нечего, снявши голову, по волосамъ плавать. (Кидается въ кресло). Прекрасно, неподобно, доказывай теперь право на вла-

дѣніе, когда клочка документовъ нѣтъ. Все ужь теперь обдѣлано да справлено.

Н и к и т а (*подходя съ робостью къ барину*). Батюшка, Николай Михайлычъ, не терзайте вы себя такъ. Я виновать-съ: вы, справедливо, отдавали мнѣ этикія бумаги съ кружками.

Д у р н о н е ч и н ъ. Поди ты лучше съ глазъ моихъ, злодѣй! Состряналь... дѣло... хорошо заплатилъ мнѣ за любовь мою.

Н и к и т а (*со слезами на глазахъ*). Николай Михайлычъ, отецъ мой, сдѣлайте милость, прикажите меня наказать. Нивогда щелчкомъ вашей милости не былъ тронутъ: дьяволь, видно, меня попуталъ за мои грѣхи. Я очень, вѣдь, виновать. По глупости своей тогда же хотѣлъ васъ спросить, да не успѣлъ: дѣло было спѣшное; индюшку, батюшка, обернулъ въ ваши бумаги, а какъ, по прїѣздѣ сюда, вы изволили кушать, такъ въ сѣняхъ и было поставлено, а тутъ вороны ли, крысы ли все и съ костями то утащили, провлятыя.

Д у р н о п е ч и н ъ (*въ совершенномъ отчаяніи*). Хорошо, братецъ, я это зналъ прежде. Ступай, благодарю покорно.

Н и к и т а (*вставая на колѣни*). Прикажите, батюшка, меня наказать.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Вапичка.

Н и к и т а (*проворно встаетъ съ колѣней*).

Д у р н о н е ч и н ъ (*не глядя*). Кто тамъ?

Ваничка. Это, дѣдушва, я-съ... маменька гдѣ?

Дурнопечинь. Не знаю. *(Никита, сердито по-смотрѣвъ на Ваничку, уходитъ).*

Ваничка *(сидясь).* Что у васъ, дѣдушка, голова что ли болитъ? *(Дурнопечинь не отвѣчаетъ).* Мнѣ, дѣдушва, у маменьки жить не хочется. Что дома-то дѣлать? Нечего-съ. Не маленькій, на собакахъ-то шерсть бить. Я ужь хочу особливо жить... Я вамъ, дѣдушка, хочу секретъ сказать. Вы не разсважете никому?

Дурнопечинь. Что?

Ваничка. Секретъ вамъ скажу-съ.

Дурнопечинь. Какой секретъ?

Ваничка. Про себя, дѣдушка: я жениться хочу-съ.

Дурнопечинь *(улыбаясь).* Часъ отъ часу не легче. Женись, когда охота есть.

Ваничка. У меня невѣста хорошенькая, такая тоненькая. Я бы къ вамъ, дѣдушка, съ просьбой, да не смѣю-съ.

Дурнопечинь. Еще что такое?

Ваничка. Да вотъ, дѣдушка: маменька у насъ вѣдь ничего не смѣетъ-съ, все папенька; а онъ на деньги такой жила, что не приведи Господи. Соберетъ оброкъ съ мужиковъ, принесетъ къ маменькѣ: «на, говоритъ, понюхай, чѣмъ пахнетъ...» да самъ и запретъ ихъ въ шкатулку. Дайте мнѣ, дѣдушка, займы рублевъ двѣсти на свадьбу; я вамъ отдамъ. У невѣсты сто душъ; я съ нея сейчасъ выверну. *(Дурнопечинь пожимаетъ плечами).* Дадите, дѣдушка? Я васъ въ посаженные отцы позову; свадьбу важную задамъ. У дяденьки Никандра Семеныча пѣвчихъ выпрошу-съ. Дадите, дѣдушка?

Дурнопечинъ. Нѣтъ у меня денегъ.

Ваничка. Вотъ ужъ и нѣтъ, жалко вѣрно; я вѣдь вамъ непременно отдамъ. Сдѣлайте милость, дѣдушка, пожалуйста: я вамъ въ ножки поклонюсь.

Дурнопечинъ *(съ сердцемъ)*. Отвяжитесь вы отъ меня, мучители этакіе. Ну, что ты присталь, оболтусъ? какія у меня деньги! Жениться еще, молодкосось, выдумалъ; въ службу бы лучше шелъ, а не о женитьбѣ думать.

Ваничка. Ну вотъ вы ужъ, дѣдушка, и разсердились, а маменька говорила, что вы добрые. У папеньки, вѣдь, въ службу не выпросишься; ему что ни толлуй, онъ только бранится. «Коли, говоритъ, не хотѣлъ учиться, такъ коровъ паси.» Я какъ женюсь, такъ всѣмъ имъ шишь покажу: безпремѣнно въ юнкера пойду.

Дурнопечинъ. Ну, полно тутъ болтать, ступай куда-нибудь. Какъ будутъ лишнія деньги, такъ дамъ.

Ваничка. Дадите? Благодарю васъ покорно, дѣдушка. Я пойду теперь маменьку искать; ея вѣрно ужъ здѣсь нѣтъ; она такая у насъ непосѣда: все шляется. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ *(одинъ)*. Чтобы чортъ васъ всѣхъ побралъ, проклятые! Только-что послѣ примочки немного получше стало, сутяга навязался на шею:

половину имѣнія оттягать хочеть. Какъ бы онъ, плуть, не узналъ, что у меня деньги есть... Хорошо, что сберегъ да скопилъ пятьдесятъ тысячъ: по-врайней-мѣрѣ двѣ тысячи процентовъ буду получать. Куда бы ихъ спрятать подальше? Въ шкатулку, всѣ знаютъ; развѣ въ карманъ въ халатъ этотъ зашить, да и снимать ужъ не стану, такъ въ немъ и спать буду. Какъ бы вынуть ихъ осторожно, а то подсмотреть еще кто-нибудь... *(Встаетъ, приставляетъ къ дверямъ стулъ, осторожно отпираетъ шкатулку, вынимаетъ деньги и кладетъ ихъ въ карманъ)*. Теперь покуда такъ полежать, а тамъ, потихоньку, сыщу гдѣ-нибудь иголочку съ ниткой да и зашью. Иголки-то, даже спросить боюсь: догадаются...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дверь съ шумомъ растворяется; стулъ летитъ; Дурнопечинъ вздрагиваетъ, проворно запираетъ шкатулку и запахиваетъ халатъ. Является Михайло Ивановичъ.

Михайло Ивановичъ. Фу ты, канальство, какая баррикада построена! *(подходя)*. Честь имѣю явиться.

Дурнопечинъ *(смѣшавшись)*. Ахъ, Михайло Ивановичъ, извините вы меня, дуракъ мой лавей дверь заставилъ.

Михайло Ивановичъ. Ничего-съ!.. мы ее сломали! Такая ужъ у Михайла Иванова рука: на что ляжетъ, то и ломитъ—жельзо не всякое терпитъ!.. *(сидясь)*. Чѣмъ это вы занимаетесь?! вѣроятно, цы-

дулки къ дамамъ писалп: этимъ, знаете, обыкновенно молодые люди занимаются къ уединеніи.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, какія цыдулки... *(вздохнувъ)*. Съ дѣлами своими все возился.

Михайло Иванычъ *(недовѣрчиво)*. Конечно-съ, такъ вотъ мы и повѣримъ сейчасъ! Вы, батинька, какъ я слышалъ, охъ, какой тонкій человекъ; какъ говорится: лисій хвостъ, да волчій ротъ... Сестра моя поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ она очень огорчается, что вы такъ не добры: совершенно насъ забыли.

Дурнопечинъ. Очень благодаренъ Надеждѣ Ивановнѣ; но право я боленъ: дѣла... нездоровье... ей Богу, не знаю, какъ я еще и живъ.

Михайло Иванычъ. Да что-жь такое нездоровье? Это совершенно пустое: здоровье и нездоровье отъ насъ зависитъ. На меня, скажу вамъ, въ полку напала крымская лихорадка; въ одинъ день свернула какъ сидорову козу; но, къ ея несчастію, Михайла Иванова никто еще не сламливалъ: «шалишь, говорю я ей, старушка, не на того напала.» Она меня, знаете, гнетъ, а я купаться, потомъ къ товарищамъ: пью пуншъ, водку, въ картишки, конечно, схватимся, да и валяй такъ цѣлый день. Отстала-съ!

Дурнопечинъ. По комплекціи, можетъ быть, вы здоровы: организмъ, вѣроятно, имѣете сильный.

Михайло Иванычъ. Не могу пожаловаться: здоровъ-съ! Но главное, характеръ имѣю кремневый. Подлости рѣшительно не могу терпѣть... Въ жизнь мою двухъ жидовъ, одну гречанку-торговку и

трехъ помѣщиковъ такъ за подлость отдѣлалъ, что и дня покончили... Не могу видѣть подлости, такъ все и повернется въ душѣ: точно сумашедшій. На десяткѣ дуэлей, которыя имѣлъ въ полку, я изъ троихъ моихъ противниковъ сдѣлалъ рѣшето: по мертвымъ стрѣлялъ нѣсколько разъ... Что это вы такимъ нахмуреннымъ сидите, какъ-будто бы сердиты на что, или чѣмъ-нибудь недовольны?

Дурнопечинъ. Я всегда такой.

Михайло Иванычъ. Будто?... *(усмѣхался)*. А мнѣ говорили, что вы большой воловита... этакъ, съ бацу бьете... Одна дѣвушка мнѣ сказала, извините меня, что я говорю прямо... что вы, не помню, когда это было, славно къ ней подѣхали.

Дурнопечинъ. Мало ли что было, Михайло Иванычъ; время мое прошло: теперь я совершенно больной и разстроенный человекъ.

Михайло Иванычъ. Д-д-да... Ну конечно вамъ, какъ мужчинѣ, можетъ быть, прошло; намъ даже похвастаться этимъ можно, потому что на насъ сукно: съ насъ все, какъ съ гуся вода. Но дѣвушка, вы, конечно, понимаете сами, не могла этого забыть: на ея совѣсти осталось нятно! *(Дурнопечинъ по-туплается)*. Вы, вѣроятно, догадываетесь, о комъ я говорю, и надѣюсь, что мы останемся друзьями. Какъ благородный человекъ, вы сами понимаете, что дворянка... дѣвица, у которой есть братъ... зачѣмъ же забывать совершенно? Сестра мнѣ чисто-сердечно во всемъ раскаялась... Я ее не могъ укорять, потому что всѣ женщины имѣютъ слабости.

Дурнопечинъ *(смѣшавшись)*. Мнѣ, право, очень совѣстно, Михайло Иванычъ, передъ вами и вашею

сестрицею... Я ихъ очень люблю и уважаю, но что могу сдѣлать? Каждый день у меня или болѣзнь, или неприятности. Вонъ лакей мой, и тотъ, глядя на меня, замучился. Войдите вы въ мое положеніе: я совершенно потерянный человѣкъ.

Михайло Ивановичъ. Благодарю за откровенность; но сестра сама желаетъ раздѣлить съ вами бремя жизни.

Дурнопечинъ. Невозможно, Михайло Ивановичъ, для меня это счастье, какъ благородный человѣкъ, говорю вамъ: невозможно... Я очень бѣденъ, совсѣмъ нищій сдѣлался; у меня теперь никакого нѣтъ и состоянія.

Михайло Ивановичъ. Вотъ тебѣ разъ!.. Да куда же оно у васъ дѣвалось?.. въ омутъ, что ли, провалилось?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ: по процессу отходить,—я тяжбу проигралъ.

Михайло Ивановичъ (*смотритъ нѣсколько минутъ на Дурнопечина*). Вы въ штатской служили?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ. А что же?

Михайло Ивановичъ. Ничего-съ! А у васъ, какъ я вижу, штатскія, этакъ, наклонности: крючки влять вы мастеръ... вамъ бы въ актеры идти, вы славно бы разыгрывали роли.

Дурнопечинъ (*усмѣхнувшись*). Почему же бы я роли разыгрывалъ?

Михайло Ивановичъ. Такъ-съ—ничего; понимаемъ тоже немного: сами на этихъ дѣлахъ зубы приѣбли; но оно, скажу вамъ, не всегда удается,—на кого наскочишь: другой, пожалуй, и самъ разыгрываетъ роль, да такую, что и затылокъ затрещить.

Дурнопечинъ. Что-жь мнѣ дѣлать, Михайло Иванычъ, сами вы разсудите?

Михайло Иванычъ. Ну, ужь это, сдѣлайте милость, извините меня, учить мнѣ васъ не приходится, потому что я учитель медвѣжий. Во всякомъ случаѣ позвольте вамъ вручить письмо отъ сестры, которая совершенно въ отчаяніи. *(Подаетъ Дурнопечину письмо, которое тотъ торопливо развертываетъ и читаетъ).*

Дурнопечинъ *(разводя руками)*. Ей Богу, я не знаю что мнѣ дѣлать? Зачѣмъ же Надежда Ивановна такъ огорчается? Время еще не ушло; можетъ быть, я поправлюсь и въ здоровьѣ, и въ дѣлахъ моихъ.

Михайло Иванычъ. Да-съ, если вы говорите на счетъ времени, такъ время, конечно, ничего: мѣсяцъ, два, что такое! подождать можно; но вы возьмите и мое положеніе: пріѣхавъ черезъ пять лѣтъ воспользоваться деревенскими удовольствіями, и вдругъ вижу, что сестра умираетъ; отчего же умираетъ? отъ неблагодарности. Это, какъ хотите, могло взорвать всякаго благороднаго человѣка, и особенно съ моимъ огневимъ характеромъ. Я долженъ вамъ прямо сказать: я шелъ къ вамъ на смерть.

Дурнопечинъ. Что же это такое? Помилуйте, изъ-за чего же это?..

Михайло Иванычъ. Вполнѣ согласенъ и очень радъ, если вы открываете мнѣ вашу душу: я самъ человѣкъ благородный и умѣю понимать благородство другихъ. Если вамъ угодно свадьбу отложить на мѣсяцъ или на два, это весьма извинительно.

Дурнопечинъ. Да ужь, сдѣлайте милость, нельзя ли повременить?

Михайло Иванычъ. Извольте-съ. Между знакомыми людьми дѣлаются и не такого рода одолженія; но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ поцѣловать васъ, какъ будущаго родственника.

Дурнопечинъ (*привставъ*). О... благодарю васъ покорно! (*Цѣлуются*).

Михайло Иванычъ. Вы, должны быть, очень трусливаго и скромнаго характера?

Дурнопечинъ. Да-съ, что ужь у меня взять, — больной, разстроенный...

Михайло Иванычъ. Вотъ какъ иногда, знаете, судьба человѣческая играетъ! Ну, за что бы вы были моей жертвой? Что вы такое для меня? муха, а я бы долженъ былъ васъ уничтожить, какъ какого-нибудь таракана бездушнаго! Ну, какъ, напимѣрь, рукой прикажете убить? — отъ щелчка не пикнете. Стрѣляться угодно?.. Давайте: въ бубноваго туза на сто сажень попадаю. На сабляхъ хотите?.. Какъ бы вы тамъ себѣ ни лавировали, принесу мою шашку, перехвачу вашу шпагу пополамъ и размозжу вамъ голову!

Дурнопечинъ. Стало быть, кромѣ здоровья, вы и сильны очень...

Михайло Иванычъ. Есть немножко... (*Засучиваетъ передъ Дурнопечинымъ руку*). Видали вы этакіе мускулы. Дайте-ка, я пожму вашу руку.

Дурнопечинъ (*убирая руку*). Нѣтъ, за чѣмъ-же-съ.

Михайло Иванычъ. И не совѣтую... я лучше ужь попробую надъ чѣмъ-нибудь другимъ. (*Беретъ палку*). Позвольте?

Дурнопечинъ. Что такое?

Михайло Ивановичъ. Потѣшиться немного. *(Переламываетъ палку)*. Хрупка, банальство. *(Переламываетъ еще)*. Фу, какая гниль! *(Переламываетъ еще)*. И тутъ, голубушка, не стерпѣла. Плохо-бы было, еслибы на ея мѣстѣ были кости человѣческія.

Дурнопечинъ *(наильно улыбаясь)*. Богатырь... богатырь... Надолго, однако, вы изволили сюда прѣхать?

Михайло Ивановичъ. Этого я и самъ еще не знаю-съ. Утомился на бивацвой жизни. Вы, можетъ быть, не повѣрите; но къ погодѣ даже иногда кости ноютъ; хочется немножко отдохнуть и побыть съ сестрою. *(Вставая)*. Честь имѣю кланяться.

Дурнопечинъ *(тоже вставая)*. Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее уваженіе Надеждѣ Ивановнѣ и попросите ее не огорчаться; Богъ дастъ, все поправится.

Михайло Ивановичъ. Не беспокойтесь, теперь ничего ужъ не можетъ быть; я беру все на себя! Она, между нами сказать, немного сентиментальна; стиховъ начиталась; комплекціи тоже слабой; но я не балую ее, выправку дѣлаю порядочную: распеканье каждое утро идетъ. Надѣюсь, что мы будемъ видаться.

Дурнопечинъ. Я непременно буду... И вы меня не забывайте: я иногда расхвораюсь, такъ и не хотя дома сижу.

Михайло Ивановичъ *(ударивъ себя по лбу и какъ-бы вспомнивъ что-то)*. Да!.. У васъ въ домѣ никого этакой нѣтъ?..

Дурнопечинъ. Чего-съ?

Михайло Ивановичъ. Ну, то-есть... понимаете?

Дурнопечинъ. Ай, ивѣтъ, полноте, гдѣ?.. до того-ли?..

Михайло Ивановичъ. То-то! Я васъ хотѣлъ предупредить. Если есть, такъ надо пораньше выпроводить. Это я знаю по себѣ. На меня въ Царствѣ Польскомъ навязалась одна этакая штука, такъ всю дорогу гналась за мной. На пяти станціяхъ все колотилъ ее мѣднымъ горячимъ чайникомъ—этакъ, знаете, бьешь и кипяткомъ поливаешь,—только этимъ и отбился. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дурнопечинъ (*одинъ*). Скажите на милость—убить меня приходилъ! Этакую штуку сказалъ! Хорошо, что я славировалъ да схитрилъ. Ну, вотъ, говорятъ: ничѣмъ не занимаешься, о болѣзни все думаешь,—вотъ сегодня цѣлый день не думаю о болѣзни, такъ другія радости являются! Досаднѣ всего, что кто же молоденькимъ не влюблялся въ барышень и не цѣловался съ ними по закоулкамъ? Неужели же всѣхъ на арканѣ послѣ тянули жениться на нихъ! Это, право, только со мной можетъ случаться. Рѣшительно не могу сообразить, что теперь мнѣ предпринять? Ъхать куда-нибудь, такъ на станціи нагонятъ: что захотятъ тамъ, то и сдѣлаютъ. Лучше ужъ женюсь, если очень станутъ на горло наступать, а тамъ что будетъ, то будетъ. Здоровья ужъ не буду беречь: ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ чемъ

не стану остерегаться; нарочно въ одномъ сюртукѣ буду выходить, авось простужусь, да и концы въ воду.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тотъ же и Настасья Кирилловна.

Н а с т а с ѣ я К и р и л л о в н а *(вбывая впопыхалъ)*.
Ватюшка, дядюшка, бабушка Соломанида Платоновна пріѣхала.

Д у р н о п е ч и н ѣ. Ну, вотъ наконецъ... гдѣ же она теперь?

Н а с т а с ѣ я К и р и л л о в н а. Въ соборъ проѣхала. Я ее изъ окошка увидала и выбѣжала къ ней. О васъ спрашивала; вы, дядюшка, не сказывайте ей, какъ вы изволили меня и Ваничку-то моего облагодѣтельствовать: она у насъ, вѣдь, не приведи Господи, какая строптивая. Я нарочно бѣжала васъ предупредить. Въ горницѣ, дяденька, велите все попробовать: она сейчасъ пріѣдетъ.

Д у р н о п е ч и н ѣ. Знаю, что пріѣдетъ. У меня безпорядица страшная... браниться еще, пожалуй, начнетъ. *(Звонитъ; входитъ печальный Никита)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Никита.

Д у р н о п е ч и н ѣ. Прибери тамъ все хорошенько въ гостиной.

Н и к и т а *(мрачно)*. Въ гостиной все прибрано-съ.

Н а с т а с ѣ я К и р и л л о в н а. Нѣтъ, Никитушка,

прибери, батюшка, еще почище: бабушка Соломанида Платоновна будетъ сейчасъ, она ни на что не посмотритъ, и тебя, пожалуй, по щекамъ отдѣлаетъ. *(Никита уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Дурнопечинъ и Настасья Кириловна.

Дурнопечинъ *(подумавъ)*. Развѣ съ ней о документахъ потолковать, нѣтъ ли у ней какихъ-нибудь актовъ-то? Что это, Настасья Кирилловна, ко мнѣ за братецъ приходилъ?

Настасья Кириловна. Прохоръ Прохорычъ, дядюшка! охъ, ужь какой это человѣчикъ: и говорить страшно про него! дьявола, кажется, и того сзумѣетъ обмануть. Все теперь по дѣламъ хлопочеть: такъ, такъ, говорятъ, ограбить, что по міру послѣ и пойдутъ.

Дурнопечинъ. Каналья долженъ быть страшный.

Настасья Кириловна. Необыкновенный, дядюшка, каналья; только вотъ бабушки Соломаниды Платоновны и боится. Онъ, говорятъ, разъ пріѣхалъ къ ней этакъ пьяненькій, да что-то и сказалъ... она его, попросту, велѣла лакеямъ на конюшню стащить, да и посѣкла-съ тамъ.

Дурнопечинъ. И хорошо сдѣлала. Тетка умная женщина. Я ее еще маленькимъ очень боялся.

Настасья Кириловна. Ахъ, какая умница, дядюшка! По дѣламъ-то какая она: мужчину всякаго за поясъ заткнетъ; только вотъ для насъ бѣдныхъ родственниковъ очень строга: ни съ того, ни съ

сего такъ оборветъ, что легче бы сквозь землю провалиться.

Дурнопечинъ (*въ раздумьи*). Я хочу съ нею по одному дѣлу посовѣтоваться... я теперь очень въ неприятномъ положеніи.

Настасья Кирилловна. Лучше и не надобно, дядюшка, если у васъ тамъ что-нибудь такое есть. Она и лѣчитъ, вѣдь, неподобно: у ней насчетъ этого и книги всякія есть, и сама для себя никогда лѣкарей не зоветъ; выпишетъ тамъ,—у ней какой-то особенный травникъ есть, — все, какъ рукою, и сниметъ.

Дурнопечинъ. Развѣ она пьетъ?

Настасья Кирилловна. Не знаю, дядюшка, какъ сказать... вы только, отецъ мой, не проговоритесь какъ-нибудь, не выдайте и не погубите меня на вѣки: занимается этимъ отчасти!

Дурнопечинъ. Неужели же и пьяна бываетъ?

Настасья Кирилловна. Ну—нѣтъ-съ, до безобразія, конечно, не доходитъ, а такъ, этакъ, на веселѣ бываетъ. Крѣпка чрезвычайно-съ! Иное утро въ шкафчикъ раза четыре сходитъ; ничего не замѣтишь, только немного пораскрасивется, да въ языкѣ поослабнетъ.

Дурнопечинъ. Странная какая женщина! Чтобы она у меня тутъ не стала куралесить!..

Настасья Кирилловна. Ой, нѣтъ, не безпокойтесь; только выговоры, можетъ, будетъ вамъ дѣлать. Она дама, надобно сказать, столичнаго ума. Еслибы вы, дядюшка, видѣли, какой въ домѣ у нея порядокъ... Люди всѣ въ перчаткахъ ходятъ, точно по стрункѣ; ни пылинки, ни соринки нигдѣ нѣтъ;

столъ отличивѣйшій, вина неподобныя, послѣ обѣда все фрукты или варенье. Кажется бы, гостить у ней, лучше требовать нельзи, еслибы сама не была такъ строга.

Дурнопечинъ. Мнѣ ее и накормить-то будетъ нечѣмъ.

Настасья Кирилловна. Объ этомъ не беспокойтесь: она съ собой всегда все возитъ; да вамъ что?... Конечно, богата, да неочень таровата; вотъ хоть бы взять съ насъ бѣдныхъ родственниковъ: никогда никакой помощи не окажетъ; только наставленія дѣлаетъ. Настеньку она брала у меня погостить, такъ не иовѣрите, дяденька, каждый день дѣвочку сѣла: все будто-бы за неоприятство, что за столомъ неоприятно сидитъ. Какъ можно сравнить съ вами! Ужъ именно связать: благодѣтель вы всѣхъ вашихъ родныхъ... Отецъ мой! осмѣлюсь я къ вамъ еще съ одной моею просьбой: не возьмете ли, дяденька, младшаго моего сынишку, Пашеньку, не пристроите ли гдѣ-нибудь его въ Моевѣ? *(Слышится колокольный звонъ)*.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Ваньчка *(вбѣгаетъ)*.

Ваньчка. Дѣдушка!... Маменька!... Пожаръ у васъ!

Дурнопечинъ *(вскакивая)*. Какъ пожаръ?

Настасья Кирилловна *(тоже вскакивая)*. Батюшки!... согрѣшили!...

Дурнопечинъ *(растопыривая руки)*. Господи! что такое! *(оглядываетъ всю комнату)*. Никита! злодѣй!...

гдѣ ты, разбойникъ этакій!... Настасья Кирилловна, выбирай что тутъ есть! *(На улицъ слышенъ шумъ. Настасья Кирилловна бѣгаетъ отъ одного окна къ другому и смотритъ).*

Н а с т а с ѣ я К и р и л л о в н а. Да не подождать ли—батюшка? полымя-то нигдѣ не видать. *(Къ Ваничку).* Гдѣ пожаръ-то, дурачокъ этакій?... пожаръ-то гдѣ?

В а н и ч к а. Надо полагать, здѣсь, на дворѣ. Пожарная команда ужь наѣхала; меня чуть не задавила.

Д у р н о п е ч и н ѣ *(подойдя къ столу и перекладывая вещи съ одного мѣста на другое.)* Вотъ еще! ну что это такое?... какъ-будто нарочно весь домъ привезъ! Ваничка, что ты здѣсь стоишь, братецъ! Въ гостиной у меня часы стоятъ... Никита! гдѣ этотъ, варваръ мой, Никита?

В а н и ч к а. Ничего, дѣдушка, не безнокойтесь! Я, пожалуй, сдѣлаю-съ; все перешвыряю въ окошко. *(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Д у р н о п е ч и н ѣ. Собирай, матушка, Настасья Кирилловна!... Нѣтъ моего злодѣя!... Шкатулку... куда шкатулку-то дѣвать?... тутъ есть бумаги... Платье, чортъ съ нимъ! Вещи-то на столѣ; трубка-то... Настасья Кирилловна, сними, матушка, ее со стѣны: полтора ста рублей заплачена. *(Настасья Кирилловна собираетъ; шумъ на дворѣ усиливается; слышны голоса «давай воды, крышу ломай; нѣтъ ли кого внутри,—выходите вон!»).*

Настасья Кирилловна. Отцы мол, крыша ужь, видно, занялась.

Дурнопечинь. Господи, Боже! сгоришь, пожалуй; я лучше уйду.

Настасья Кирилловна. Полноте, батюшка, вѣдь не домъ горить.

Дурнопечинь. Какъ не домъ, почемъ ты знаешь?... Уйду! Ой, въ халатѣ-го нельзя: простудишься! *(Проворно сбрасываетъ съ себя халатъ, надѣваетъ шубу и убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Настасья Кирилловна. *(продолжая собирать).* Дядюшка! дядюшка!.. ну, никого нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Настасья Кирилловна и Никита.

Никита *(проворно входя).* Согрешили окаянные! гдѣ баринъ-то?

Настасья Кирилловна. Никитушка! Что такое надѣлалось?

Никита. Баня горить: проклятые хозяева нажарили, ну и не стерпѣла, вспыхнула.

Настасья Кирилловна. Давай выбираться Никитушка.

Никита. Эго для какого рожна? Команда исправная, по бревнамъ все раскатаютъ.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Что это, Нивитушка, ты говоришь! Дядюшка приказалъ... испугался онъ очень; я думала, что умретъ сейчасъ же.

Н и к и т а. Дядюшкѣ вашему какъ не испугаться... Вишь, какъ платье-то все раскидалъ, а тамъ я виноватъ, что пропадетъ... Убираться, что-ли? (*Вытаскиваетъ чемоданъ и кладетъ въ него сначала халатъ, а потомъ и прочее платье*).

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Убрайся, батюшка, поскорѣе убрайся.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Ваничка.

В а н и ч к а. Я тамъ все выкидалъ... теперь важно! пускай горитъ.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Ступай, дурачовъ этакій, за дядюшкой; куда это онъ, голубчикъ мой, скрылся?

В а н и ч к а. Догоняешь его, какъ бы не такъ. Онъ, я видѣлъ, высуня языкъ, улепетываетъ, во всю ивановскую деретъ.

Н и к и т а. Собирайте на всякій случай прочія-то вещи; а я все въ коляску положу, да и выкачу ее на улицу. (*Уноситъ чемоданъ на плечъ*).

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а (*собираетъ со стола вещи и укладываетъ въ своемъ платкѣ*). Ваничка! подбирай что-нибудь.

В а н и ч к а. Вы, маменька, мелочь подбирайте, а я стулья перекидаю въ окно. (*Отворяетъ окно и начинаетъ въ него кидать стулья*).

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Ваничка! что́ это ты дѣлаешь: помилуй, все переломашь!

ВАНИЧКА. Ничего, мамеиьга, важно откалываю: только о землю бухъ, да и встанеть!.. Вотъ одному по ногѣ съѣздилъ: не вертись, больно горячъ.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Пособи, безтолеовый, поднять матери-то; что въ окно-то глаза палишь?

ВАНИЧКА. А одни, небось, не сможете? Давайте сюда, понесемте! *(Настасья Кирилловна и Ваничка уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ДУРНОПЕЧИНИЪ *(вбѣгая)*. Батюшки! гдѣ мой халатъ? тутъ у меня пятьдесятъ тысячъ. *(Осматриваетъ комнату)*. Ну, ничего ужъ нѣтъ—все прибрали... и послѣднее украли! Все теперь потеряно! Что теперь будетъ со мной?.. О... о... о... *(Въ отчаяніи упадаетъ на полъ)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Спальня Надежды Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надежда Ивановна сидитъ въ блузѣ; Михайло Иванычъ полулежитъ на диванѣ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА (*потупившись*). Что это ты, Мишель, говоришь. Какъ это тебѣ не совѣстно!

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Ничего, лихо пойдетъ: сговоры, свадьба, родины, крестины, а тамъ! вдругъ этакая маленькая штучка закричитъ: ува, ува! — а я ему соску въ ротъ... Кормилицу, главное, выбирай смазливую! я до этихъ Милитрисъ Кирбитьевъ большой охотникъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Перестань, Мишель, мнѣ стыдно.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Будто ужъ и стыдно? А сама, я думаю, только объ этомъ и помышляешь... Впрочемъ, дрянъ вы оба ужасная, хилые какіе-то, мозглые, не то что, напримеръ, Михайло Ивановъ!

Офицеры, бывало, все надо мной смѣялись, что мнѣ на улицу нельзя показаться: всѣ мальчишки кричатъ: «тятенька, тятенька, дай пряниковъ...» Охъ, эти мнѣ пряники, много я на нихъ денегъ просадила! Разъ, на одной ярмаркѣ, сорокъ перстеньковъ вупилъ; на недѣлю не стадо! Я вѣдь очень добръ и великодушень: подарки люблю дѣлать.

Надежда Ивановна. Неужели, братецъ, онъ меня любить? Неужели онъ не забылъ своей Нади?

Михайло Ивановичъ. Вотъ насъ что больше всего беспокоитъ: чувствительность, главное дѣло, насъ одолѣда! Утѣшься: любить! Кудяковъ, такъ я замѣтилъ, онъ очень не жалуется.

Надежда Ивановна. Зачѣмъ это ты, братецъ, такъ говоришь? Чтó это ты все смѣешься? Расскажи, пожалуйста, хорошенько, какъ онъ меня любить.

Михайло Ивановичъ. А чортъ его знаетъ, какъ онъ любить! Я думаю, какъ собака палку. Только что я сказалъ, какія у Михайла Иванова мѣдвѣжьи привычки, такъ и извиняться началъ, только что въ ноги не кланяется.

Надежда Ивановна. Поди, что это такое!.. точно съ крестьянской дѣвкой шутишь! Я, кажется, не горничная... Ты бы вспомнилъ, что тутъ моя участь рѣшается.

Михайло Ивановичъ. Ну, виноватъ, право виноватъ; не стану! Онъ любить тебя; малый отличнѣйшій, добрякъ большой руки. У меня былъ такай знакомый Селифантьевъ, точь въ точь такой же дрожжевикъ: мы, бывало, ему рога наклеиваемъ,

а онъ благодарить всѣхъ, да еще подарки дѣлаетъ.

Надежда Ивановна. Что же онъ обо мнѣ, братецъ, говорилъ? Не сказалъ ли онъ тебѣ чего-нибудь о прошедшемъ?

Михайло Ивановичъ. Нѣтъ, онъ говорилъ больше о настоящемъ: я на настоящее больше напиралъ. Съ Михайломъ Ивановымъ, обыкновенно, говорятъ о томъ, о чемъ онъ самъ захочетъ.

Надежда Ивановна. Что-жь онъ о настоящемъ говорилъ?

Михайло Ивановичъ. Ну, что о настоящемъ? Говорить: «уважаетъ, обожаетъ тебя...» и различные тамъ этакіе фокусы-покусы. «Бѣденъ, говоритъ, только я, состоянія не имѣю никакого.»

Надежда Ивановна. Братецъ! онъ обманывалъ тебя: онъ очень богатъ.

Михайло Ивановичъ. Знаемъ, понимаемъ эти дѣла, поэтому я его немного и продернулъ; ну и сбрендилъ.

Надежда Ивановна. Что же онъ потомъ?

Михайло Ивановичъ. Ну, что онъ? Ничего! «Виноватъ-съ, говоритъ, обожаю.»

Надежда Ивановна *(стремительно)*. Мишель! мнѣ хочется его видѣть.

Михайло Ивановичъ. Что дашь? покажу.

Надежда Ивановна. Что хочешь, братецъ, отдамъ! Жизни, кажется, не пожалѣю, чтобъ только его видѣть.

Михайло Ивановичъ. Нѣтъ, зачѣмъ жизни? Мы великодушны: жизнь человѣческую щадимъ, а лучше пятьдесятъ дѣлковыхъ намъ пожалуйте.

Надежда Ивановна. Какой ты, Мишель, корыстолюбивый, это не хорошо! Зачѣмъ тебѣ деньги? Опять въ карты играть? Ты и то ужь у меня папенькину шубу проигралъ.

Михайло Ивановичъ. А вамъ, небось, жаль для брата этикихъ пустяковъ! Это ужь, моя милая, не тово... я изъ-за тебя лобъ подставлялъ.

Надежда Ивановна. Не сердись, Мишель! у меня право теперь нѣтъ денегъ.

Михайло Ивановичъ (*кусая усы*). Да-съ, конечно, у насъ только чувствительности много, а деньги только есть для однихъ адоратеровъ. Исправническому учителю сюртуки дарить, такъ есть на что, а брату вытертой шубой, каждый день, тычемъ въ глаза. Знаемъ, милушка, все знаемъ!

Надежда Ивановна. Мишель! не говори этого: страшно слушать! За что ты меня терзаешь? Я готова тебѣ отдать все.

Михайло Ивановичъ. Всего мнѣ не нужно; у васъ просятъ только пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Надежда Ивановна. Ей-богу, у меня нѣтъ пятидесяти! Я и то ужь въ послѣднее время заложила нѣсколько вещей.

Михайло Ивановичъ. Неужели же, чортъ возьми, у васъ ничего нѣтъ денегъ?

Надежда Ивановна. Право нѣтъ! Всего двадцать рублей серебромъ.

Михайло Ивановичъ. Ну, Богъ съ вами? Давайте по-крайней-мѣрѣ двадцать; что-жь такое? не разбойникъ же я какой-нибудь.

Надежда Ивановна. А когда я его увижу?

Михайло Ивановичъ. Да сегодня же вечеромъ поѣдемъ къ нему.

Надежда Ивановна. Ахъ, нѣтъ, братецъ, я боюсь: здѣсь ужасные сплетники! Скажутъ Богъ знаетъ что такое. Нельзя-ли какъ-нибудь устроить это свиданіе иначе?

Михайло Ивановичъ. Чего-жь тебѣ бояться со мной! У меня, моя милая, на этихъ сплетниковъ отличнѣйшая метода есть: этакая, знаете, небольшая въ шиворотокъ затрещина; язычокъ-то немного и прикусится, говорить-то и неловко; отличнѣйшій способъ! Я одну лѣкаршу этимъ отъ болтовни полѣчилъ, сразу все прошло.

Надежда Михайловна. Полно, Мишель, шутить! Право мнѣ не до шутокъ: тошно и грустно... я какъ-будто бы что-то предчувствую. Мнѣ кажется, я очень сконфужусь, когда увижу его.

Михайло Ивановичъ. Скажите, какая неопытная кошечка! Не прикажете ли съ вами нянюшку отпустить!.. Однако двадцать цѣлковенькихъ пожалуйте, мнѣ пора. *(Встаетъ)*.

Надежда Ивановна *(вынимая изъ кармана деньги и подавая)*. На, возьми, куда же ты?

Михайло Ивановичъ *(потягиваясь)*. Такъ, кой-куда зайду, поразсѣяться надобно; а то чортъ знаетъ: сидишь... сидишь... въ голову какая-то дрянь лѣзетъ. Прощай! въ шесть часовъ мы отправимся.

Надежда Ивановна. Чтò же я безъ тебя буду дѣлать? Мнѣ скучно.

Михайло Ивановичъ. «Любить, мечтать и изнывать...» это у насъ въ полку одинъ офицеръ пѣсню сочинилъ, самъ на скрипкѣ разыгралъ.

(Поетъ). «Любить, мечтать и изнывать.» Адье-сь!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

И А Д Е Ж Д А И В А Н О В Н А *(одна)*. Какъ всё мужчины нечувствительны и холодны! Они совершенно безъ души! И какія мы дѣвушки жалкія существа. Ну, напимѣрь, мужа, друга себѣ на всю жизнь, и того мы не можемъ сами выбрать, потому что, какъ какія-нибудь невольницы, не смѣемъ и подумать предложить руку тому, кого любимъ, а должны дожидаться, должны терпѣть, страдать, и за что же? За то только, что ходимъ въ платьяхъ, а не въ сюртукахъ! Даже въ танцахъ,—ну что такое танцы? пустяки!—но и въ нихъ мы должны сидѣть, какъ истуканы, и дожидаться, какъ милости, чтобы насъ пригласили. *(Задумывается на нѣсколько времени)*. Однако, я не думала, чтобы такъ его любила. Сама не понимаю, что меня влечетъ къ нему. Конечно онъ богатъ... Я его непременно уговорю ѣхать на воды; тамъ, говорятъ, въ большой модѣ молодыя дамы. Однако это странно: какъ только я услышала, что онъ пріѣхалъ, у меня вдругъ сердце замерло, мнѣ вдругъ сдѣлалось и стыдно, и весело. Какъ мы были прежде глупы и неопытны; мы оба еще ничего не понимали! Отчего онъ тогда же не женился на мнѣ? Какъ бы мы были счастливы теперь! Но мнѣ суждено другое... *(задумывается)*. Зачѣмъ я позволила себѣ полюбить ужаснаго капитана? Охъ, эта совѣсть! ужасная совѣсть!.. Вотъ она когда просыпается! И стояли всё они любви? Я

рѣшительно себя презираю. *(Опять задумывается)*. Никола долженъ узнать о моемъ прошедшемъ; я сама ему расскажу мои ошибки! Онъ великодушенъ! Онъ проститъ меня.

ЯВЛЕНИЕ III.

Таже и Настасья Кирилловна съ Ванюшкой.

Ванюшка. Надежда Ивановна! я маменьку къ вамъ притаранилъ.

Надежда Ивановна *(вставая)*. Ахъ, Настасья Кирилловна, какъ мы съ вами давно не видались! *(Цѣлуются)*.

Настасья Кирилловна. Такъ ужь виновата, что и говорить не смѣю. И видѣться съ вами хотѣлось, и съ прїѣздомъ братца поздравить желала, и за Ванюшку поблагодарить была должна, что вы его, можно сказать, не по лѣтамъ ласкаете, да принимаете, — ничего не успѣла, просто совсѣмъ сбилась съ панталыку старая баба. Сами, я думаю, слышали, что у насъ надѣлалось; дядюшка прїѣхалъ, бабушка Соломанида Платоновна наѣхала, пожаръ у дядюшки случился. Онъ, голубчикъ, перепугался ужасно, и такіе, можно сказать, случаи, хотъ самой сойдти съ ума.

Ванюшка. Маменька съ дѣдушкой, чортъ знаетъ, какъ перепугались! Дѣдушка, какъ заяцъ, наутекъ пошелъ, — драло, да-съ! А я такъ ничего: на крышу влѣзь, важно работалъ, всего водой облили.

Надежда Ивановна. Братъ мнѣ сказы-

валъ. Отчего же Николай Михайлычъ такъ перепугался? — Сгорѣла только одна баня.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Ну — да вѣдь мы съ нимъ пугаться-то всякихъ пустяковъ охотники!

В а н и ч к а. Миѣ, Надежда Ивановна, поваренко ихній сказывалъ, что дѣдушка всего боится. Разъ черезъ рѣку переѣзжали, такъ онъ все кричалъ, точно слѣпая старуха у насъ: та, вонъ, лошади дышломъ въ избу толкнули, а она думаетъ, что громъ; такая дура, что ужасть!

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в а а. Чтò дѣлать; за то предобрѣйшій человекъ... неимовѣрный, можно сказать, характеръ имѣеть: что ему ни скажи, не разсердится, только немного нахмурится, а тутъ и ничего. Благодѣтель, можно сказать, въ нашемъ свѣтѣ для своихъ родныхъ.

В а н и ч к а. И деньги то-съ потерялъ все; лакей ужъ убралъ. Мы прибѣжали, а онъ валяется на полу да и реветъ о деньгахъ: денегъ-то жалко... Маменька, да вы поговорите съ Надеждой Ивановной, о чемъ я васъ просилъ.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Онъ все-то свое мелеть. Матушка, Надежда Ивановна, разрѣшите дѣло, какъ оно у васъ тамъ есть.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Что такое?

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Насчетъ Ванички-то?.. Съ моей стороны отсовѣту нѣтъ; самъ свой разумъ имѣеть. Я, конечно, желала бы, потому что все-таки, какъ мать, пользу его вижу... Онъ добрый у меня и шалостей за нимъ особенныхъ никогда не бывало: молодъ только.

Ваничка. Да что, маменька, вы все пустяки говорите. Надежда Ивановна, я думаю, поумнѣ васъ. Что вы все глупости говорите.

Надежда Ивановна. Что такое? Я право ничего не понимаю.

Настасья Кирилловна. Да что, Надежда Ивановна говорить ужь, конечно, лучше прямо! Вы товаръ, а у меня купецъ есть. Какъ хотите, такъ и судите: я съ него воли не снимаю.

Надежда Ивановна. Теперь это невозможно, Настасья Кирилловна! Вы сами знаете, какія бываютъ обстоятельства... Я очень благодарна вамъ за честь; но я несвободна.

Ваничка. Нѣтъ, ужь вы, Надежда Ивановна, пожалуйста, скажите. Вы вотъ все говорили: маменька... Маменька, вотъ видите, ничего-съ.

Надежда Ивановна. Нѣтъ, Ванпчка, теперь я ничего не могу сказать; я сама не знаю, что со мной будетъ. У меня есть братья... родственники... кромѣ того, есть другія еще препятствія. Въ настоящее время я никакъ не могу сказать ничего рѣшительнаго.

Настасья Кирилловна. Я съ своей стороны и не тороплю васъ, Надежда Ивановна. Конечно, этакое дѣло нельзя скоро рѣшить... Онъ-то ко мнѣ все пристаесть. Если правду сказать, такъ и Алексѣй Яковлевичъ у меня еще ничего объ этомъ не знаетъ. Конечно, онъ не обратитъ большаго вниманія, потому что къ этому ребенку никогда расположенъ не былъ, а мое большое желаніе: умерла бы, кажется, спокойно, кабы этакое дѣло сдѣлалось.

Ваничка. Да что, Надежда Ивановна, ничего,

да ничего!.. Что вы такое говорите!.. Иадуваете вы видно, вонъ, какъ паиеньку цыганъ деньгами обмануть: завтра да завтра, а завтра удереть куда-нибудь.

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Ну, что же дѣлать, Ваничка, погодимъ, батюшка; какъ этакое дѣло вдругъ сдѣлать! Ты-то, можетъ быть, по глупости и молодости, не понимаешь, а это дѣло вѣковое.

В а н и ч к а. Что вы все говорите, маменька, годить, да годить! Надежда Ивановна, можетъ быть, такъ сомнѣваются; а годить нечего: меня ужь не прибудеть.

Н а д е ж д а И в а н о в н а (*подумавъ*). Я теперь въ очень странномъ положеніи и сама не знаю, что со мной будетъ... Вы, Настасья Кирилловна, не принимайте этого за совершенный отказъ, но...

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Понимаю, матушка, сама все понимаю и говорю только, по крайней мѣрѣ, на будущее время знать будемъ! Время еще не ушло. Богъ дастъ: наживетесь... натѣшитесь.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Вы гдѣ остановились?

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. У дядюшки, у Николая Михайлыча.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. У Николая Михайлыча?

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. У него-съ. У кого же больше?... Дядя намъ троюродный...

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Я въ вамъ сегодня заѣду. Будете вы дома?

Н а с т а с ъ я К и р и л л о в н а. Сдѣлайте милость: мнѣ очень пріятно... и дядюшка посмотритъ: онъ большое участіе въ этомъ принимаетъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(вспыхнув)*. Развѣ онъ знаетъ?

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Нѣтъ, этого нѣтъ еще, но всетаки посмотритъ. Развѣ ты, Ваничка, не говорилъ ли ему?

ВАНИЧКА. Нѣтъ, маменька, я ему такъ только сказалъ-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Вы, пожалуйста, не говорите! Ваничка, ты, сдѣлай милость, не болтай; иначе, я разсержусь и принимать тебя не стану. Настасья Кирилловна, пожалуйста, помолчите; вы сами женщина, и понимаете щекотливость этого положенія.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Не безпокойтесь; да намъ теперь и нельзя: теперь бабушка Соломаида Платоновна здѣсь, съ ней вѣдь не столкуешь. Я даже желала бы, чтобы и при нашемъ посѣщеніи ея не было. Ну, да, можетъ быть, провалится куда-нибудь; не цѣлый же день станетъ сидѣть.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Выходитъ къ вамъ Николай Михайлычъ? Увижу я его? Онъ прежде былъ нашъ хорошій знакомый; а теперь сдѣлался какимъ-то домосѣдомъ. Я бы очень желала его видѣть.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Какъ не увидѣть, онъ все съ нами сидитъ. На нездоровье все теперь жалуется; но я какъ разсмотрѣла, такъ у него никакой и болѣзни нѣтъ, а такъ только затмѣніе въ разсудкѣ иногда бываетъ—робость большая. *(Вставал)*. Пойдемъ, Ваничка, что больно насупился. Встань, поцѣлуй у Надежды Ивановны ручку! Она позволитъ.

ВАНИЧКА *(тоже вставал)*. Что цѣловать-то! У

вась съ Надеждой Ивановной все, пожалуй, дождайся все молодъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(вставая и улыбаясь)*. Разсердился. Отчего-жь вы не хотите поцѣловать руки у вашей невѣсты?

ВАНИЧКА. Чорта съ два, невѣста! дождешься.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Поцѣлуй, матушка, его въ губы; дай мнѣ старухѣ полюбоваться!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Пожалуй. Поди сюда, Ваничка, я поцѣлую тебя! Мнѣ его ничего не совѣстно.

ВАНИЧКА. Видно, что не совѣстно, все обманываете. *(Надежда Ивановна подходитъ и цѣлуетъ его)*.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Ну слава Богу! Благослови вась, Господь! Пойдемъ, Ваничка. *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(одна)*. Онъ совершенно еще мальчикъ! Ему, я думаю, только жениться хочется; а онъ ничего не понимаетъ; но въ то же время какъ смѣлъ и дерзокъ: какъ его можно сравнить съ Nicolas! Чудный тотъ человекъ! Въ такое я теперь поставлена ужасное положеніе... Если Nicolas не женится на мнѣ, то я должна буду выйдти за этого дурачка, потому что чего же ждать, на что еще надѣяться? Быть старой дѣвкой, беззубой и нюхать табакъ! Я отъ одной мысли въ состояніи умереть! Замужняя женщина, за кѣмъ бы она ни была, въ тысячу разъ счастливѣе дѣвушки. *(Уходитъ)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

СЦЕНА II.

Театръ представляетъ гостиную въ квартирѣ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломанида Платоновна *стоитъ и топаетъ передъ Никитой, который въ дверяхъ. Дурнопечинъ сидитъ передъ зеркаломъ. Цирюльникъ его стрижетъ.*

Соломанида Платоновна. Какъ ты смѣлъ держать барина въ такой грязи? Да я съ тобой жива не разстанусь, вшиворожій! Чтобъ въ кабинетъ у меня сейчасъ же было все прибрано, чтобъ сегодня же крыльцо было, какъ стеклышко! Оселъ этакій!.. Пошелъ! *(Выходитъ на авансцену и садится)*. Даже устала бранившись!... Стриги его, Сережка; глаже стриги.

Дурнопечинъ *(усмѣхнувшись)*. Тетушка! какъ это право вы беспокоитесь.... Миѣ даже совѣстно. *(Смотрится въ зеркало)*. Теперь дѣйствительно стало какъ-то легче.

Соломанида Платоновна. Еще бы! И выбрѣй его, Сережка, сейчасъ, какъ можно чище: чтобы ничего подъ подбородкомъ этой дряни не было.

Дурнопечинъ. Нѣтъ ужъ, тетушка, позвольте: я самъ брѣюсь: я другимъ боюсь даваться.

Соломанида Платоновна. Какъ тебѣ не бояться, всего, батюшка, бойся... Брѣй его, нечего слушать! Безстыдникъ этакій! какъ маленькій по-

жару испугался, да и одѣться еще не хочетъ; точно арестантъ какой: не бритый, не стриженный! (*Серий начинаетъ брить*).

Дурнопечинъ. Сдѣлай милость, Сережа братъ, поосторожниѣ! Нѣтъ, ужь подъ горломъ, пожалуйста, не брѣй; оставь, Бога ради.

Сережка. Ничего, сударь, не въ первый разъ; слава Богу, господъ бривали.

Соломанида Платоновна. Вѣдь гадко видѣть тебя, Николай Михайлычъ, право! Ты и на мужчину совсѣмъ не похожъ, а точно мокрая курица.

Дурнопечинъ (*выбривый*). Ну, слава Богу, благополучно! По неволѣ, тетушка, будешь мокрой курицей, какъ все непріятность на непріятности.

Соломанида Платоновна (*съ усмѣшкою*). Какія же, батюшка, съ вами особыя несчастія случались?

Дурнопечинъ. Да хоть бы болѣзнь, тетушка, постоянная, неизлѣчимая болѣзнь....

Соломанида Платоновна. Ахъ, какой бѣдный! не умирать ли ужь собираешься? Перестань, сударь! отвратительно слушать: что такое у тебя болитъ?

Дурнопечинъ. Да, что тетушка, конечно, по пословицѣ: сытый голоднаго не разумѣетъ.... а у меня все болитъ, но и кромѣ того, вонъ документы на имѣніе потерялъ, гдѣ ихъ возьмешь! а тутъ тяжба предстоитъ... Человѣка порядочнаго нѣтъ около меня; одинъ Никита, да и тотъ,—что съ него взять?—набитый дуракъ. Я ему бумаги нужны отдалъ, а онъ ими индюшву обернулъ, да и совсѣмъ потерялъ.

Соломанида Платоновна. Прекрасно, отлично сдѣлалъ! Да съ твоимъ неряшествомъ у тебя все перетеряютъ. Спросилъ ли ты съ него? наказалъ ли его, какъ слѣдуетъ?

Дурнопечинъ. Чего тутъ спрашивать? уже не воротишь.

Соломанида Платоновна *(плюетъ)*. Тфу ты, дрянъ этакая! Сережка! поди, позови Никиту.

ЯВЛЕНІЕ II.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ; *потомъ* Никита.

Дурнопечинъ. Нѣтъ ужъ, тетушка, оставьте; я его и такъ бранилъ.

Соломанида Платоновна. Какъ же? по головкѣ ихъ надобно за это гладить! *(Входитъ Никита)*. Куда это ты, голубчикъ мой, барскія бумаги спровадилъ? а?...

Никита. Чего-съ?

Соломанида Платоновна. Чего-съ! дуракъ! точно не слышитъ, что его спрашиваютъ. — Тебя спрашиваютъ, куда ты бумаги дѣвалъ? — *(Никита молчитъ)*. Что-жь ты молчишь, свинопасъ?

Никита. Барину извѣстно-съ.

Соломанида Платоновна. Барину извѣстно! Ахъ, ты ротозѣй, а ты-то на что?... Посмотрите, пожалуйста, съ какой онъ рожей явился! Почему ты пришелъ неумытый? Какъ ты смѣлъ явиться передъ господами въ такомъ востюмѣ? по

шелъ вонъ, неумоя! Сейчасъ приведи себя въ порядокъ! *(Никита уходитъ; Соломанида Платоновна въ слѣдъ ему)*.
Погоди ты, милый, мой, я до тебя доберусь еще не такъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ.

Соломанида Платоновна. Что это, Николай Михайлычъ, до чего ты довелъ свою прислугу! Мнѣ видѣть все это отвратительно. Какія же это бумаги онъ у тебя затерялъ?

Дурнопечинъ. Акты на имѣніе бабушки Ольги.

Соломанида Платоновна. У тебя никакихъ не могло быть актовъ, развѣ какія-нибудь копіи; подлинныя акты всѣ у меня. И для чего они тебѣ понадобились?

Дурнопечинъ. Ужъ лучше не говорите, тетюшка, я съ вами хотѣлъ посоветоваться объ этомъ серьезно. Вчера ко мнѣ явился какой-то братецъ Прохоръ Прохорычъ; «процессъ, говоритъ, подамъ, потому что бабкина духовная будто-бы незаконна;» а у меня и документовъ никакихъ нѣтъ; такъ напугалъ, что ужасъ!

Соломанида Платоновна *(разсмѣявшись)*. Такъ это тебѣ для Прохора нужны документы: Прохоръ-то тебя напугалъ! Ты, Николенька, совсѣмъ жалкій человѣкъ, ей Богу! Ни дать ни взять, какъ покойная мать твоя: видно у васъ въ крови этакая глухая трусливость! Та, бывало, седьмымъ ребен-

комъ брюхата... ну что такое женщинѣ родить... а она вѣчно въ отчаяніи: умру, да не перенесу, и тому подобныя глупости.

Дурнопечинъ. Хороши глупости, какъ все отнять.

Соломанида Платоновна. Это еще какъ? За отниманье-то въ Сибирь ссылаютъ. Какимъ же образомъ и кто можетъ у тебя отнять?

Дурнопечинъ. Да я ужъ и самъ не знаю... мало ли, что онъ тутъ говорилъ: «имѣніе, говоритъ, наследственное раздроблено; за неправильное владѣніе, говоритъ, заплатите, да тамъ какіе-то протори и убытки.» Красницу сначала требовалъ, а потомъ сталъ просить пятнадцать тысячъ серебромъ. Я ужъ и не знаю, что такое?

Соломанида Платоновна *(качая головой)*. Ай да Прохоръ, молодецъ! какія шутки началъ шутить! Постои, погоди, я теперь сама съ нимъ пошучу, подлець этакій! Онъ, я думаю, тоже и на мое имѣніе виды имѣетъ?

Дурнопечинъ. Онъ и про васъ говорилъ. Вся, говоритъ, по милости Соломаниды Платоновны и каша-то заварилась.

Соломанида Платоновна. Ну, да, я знаю, что я ему поперекъ горла стою. Дай-ка, я съ нимъ потолкую. Пошлите-ка къ нему, батюшка, сейчасъ отъ себя записку и позови къ себѣ. Я поговорю съ нимъ.... Эй, кто тамъ? Своего человѣка мнѣ нельзя послать; узнаетъ и не пойдетъ. Никита! Эй, болванъ, Никита! *(Никита входитъ проворно)*.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Никита.

Соломанида Платоновна. Чтò ты глухъ что ли?

Никита. Я умывался.

Соломанида Платоновна. Скажите, пожалуйста, двѣнадцатый часъ, а онъ умывается. Да чтò ты, баринъ что ли какой? Пошелъ сейчасъ, узнай, гдѣ живетъ Прохоръ Дурнопечинъ, и зови его сюда, а обо мнѣ не говори!... Слышишь!... Пошелъ! чтò еще почесываешься, невѣжа этакая.

(Никита уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ; *потомъ* Сергѣй.

Дурнопечинъ. Да, тетушка, какъ бы его больше не разсердить, какъ бы онъ больше не надѣлалъ неприятностей.

Соломанида Платоновна. Сдѣлай милость, молчи, если ужъ такимъ дряннымъ родился, безъ тебя дѣло сдѣлается. Сережка! *(Сережка входитъ).* Пошли сейчасъ кучера, чтобы привезъ мой погребчикъ и всю закуску. *(Къ Дурнопечину).*

ЯВЛЕНИЕ VI.

Соломанида Платоновна и Дурнопечинъ.

Соломанида Платоновна. У тебя, я думаю, и ѣсть-то нечего?

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ, тетушка, у меня, должно быть, приготовлено.

Соломанида Платоновна. Хорошо, я думаю, съ твоимъ порядкомъ приготовлено. Какую ты водку пьешь?

Дурнопечинъ. Ай, тетушка, какая водка; я ничего не пью: кофе даже запрещенъ.

Соломанида Платоновна. Ничего не пью — гнилое созданье! Кофе даже ему запрещенъ! Для слабаго человѣка пить необходимо: ты себя не узнаешь, какъ подерѣпишься.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Настасья Кирилловна съ Ваничкой.

Настасья Кирилловна *(подходя къ рукъ Соломаниды Платоновны)*. Вотъ, бабушка, и я пришла... Ваничка, представься бабушкѣ. *(Ваничка подходит къ рукъ Соломаниды Платоновны)*.

Соломанида Платоновна. Здравствуй. Видишь, какъ вытянуло. Поумнѣлъ ли хоть немного, а растешь, глядя на осину.

Ваничка. Я ужь, бабенка, давно такой; не все маленькимъ быть.

Настасья Кирилловна. Молодое, бабушка, растеть. *(Къ Дурнопечину)*. Чтò, батюшка, голубчикъ мой, успокоились ли вы?

Дурнопечинъ. Да, теперь ничего. Садитесь. *(Настасья Кирилловна и Ваничка садятся)*.

Соломанида Платоновна *(Къ Настасьѣ)*

Кирилловнѣ). Ты это зачѣмъ сюда прибыла? Дома, видно, не сидится?

Настасья Кирилловна. Ай, нѣтъ, бабушка, какъ это возможно-съ: дѣла здѣсь имѣю.

Соломанида Платоновна. Большія, я думаю, твои дѣла. Лучше бы хозяйство-то правила, бездомовщица этакая.

Настасья Кирилловна. Я, бабушка, правлю, ей Богу, правлю. Да и кому у меня,—сами вы знаете: дѣти малыя, вездѣ все сама.

Соломанида Платоновна. Полно, голу-бушка моя, казанской нищей прикидываться, знаю я тебя, пустоголовая! Всего четыре лошаденки въ усадьбѣ, и тѣхъ измучила, таскаясь по гостимъ; красавица какая, вездѣ ей нужно показывать себя.

Настасья Кирилловна. Какая ужь, бабушка, красота! не красота, а бѣдность... Наговоръ вамъ на меня много, мнѣ вы не изволите вѣрить, такъ и погибаю.

Соломанида Платоновна. Нѣтъ, милая моя, тебѣ этого еще мало, ей-Богу, мало! Какъ бы воля была, такъ бы я тебя выпорола. Алексѣй Яковлевичъ со слезами пріѣзжалъ ко мнѣ. Вонъ пострѣлятъ-то своихъ, на что похоже, перебаловала: куда они теперь годны? Ты у меня молчи лучше: знаю я, соколена, всѣ твои штуки!.. Гдѣ это видано, у мужа съ людишками хлѣбъ воровать да утаивать; голодна, что ли ты?

Настасья Кирилловна *(плача)*. Весь вѣкъ отъ васъ, бабушка, обижена была, видно и передъ дяденькой меня хотите оконфузить! Не знаю, что

вамъ сдѣлала; у васъ, кажется, ничего не прошу, своимъ живу.

Соломанида Платоновна. Ахъ, Боже мой, какъ расчувствовалась, такъ вотъ мы всѣ и расплачемся съ тобой. Зачѣмъ сюда пріѣхала, для какой надобности?

Ваничка. Да что, бабенка, вы все на маленьку нападаете! Она со мной пріѣхала, да-съ!— мнѣ нужно.

Соломанида Платоновна. Дуракъ этакій! Ему, нужно! Драть бы тебя нужно, вотъ что тебѣ, болвану, нужно!

Ваничка. Да что вы все ругаетесь? Мы вамъ не подчиненные! Что вы, въ самомъ дѣлѣ, куражитесь!

Соломанида Платоновна *(вспыхнувъ)*. Ахъ, ты пащенокъ этакій, а! Скажите, пожалуйста! Встань сейчасъ на колѣни! пошелъ въ уголъ и встань! Пикнуть у меня не смѣй, дурья порода!

Ваничка. Больно ловки, такъ вотъ сейчасъ и послушаюсь... Я не къ вамъ пришелъ, а къ дяденькѣ.

Соломанида Платоновна *(выходя изъ себя)*. Молчать, пострѣленокъ! говорятъ тебѣ, на колѣни! Ты, разиня-матушка, поставь его на колѣни.

Настасья Кирилловна. Бабушка, успокойтесь; вѣдь онъ еще глупъ, родная моя. Ваничка, встань, что это ты не хочешь потѣшить бабушку, встань другъ мой.

Соломанида Платоновна. Вставать сейчасъ, осель! Николай Михайлычъ, онъ въ вашемъ домѣ дѣлаетъ мнѣ этакія грубости, извольте его наказать.

Дурнопечинъ *(въ сторону)*. Ахъ, Ты, Господи, Твоя воля! Чтò мнѣ съ ними будетъ дѣлать? *(Къ Ваничку)*. Встань, братецъ, какъ же ты можешь старшимъ себя грубить, да еще и не слушаешься.

Ваничка *(осердясь)*. Какъ бы вотъ не такъ: что я вамъ, дуракъ, что ли, дался? Что вы ко мнѣ пристааете? Маменька у насъ ужъ извѣстно... ее всякій приколотить, а у меня тибо! Дудки мной-то командовать! Поѣдемте, маменька, куда-нибудь; какого здѣсь чорта не видать!

Настасья Кирилловна. Ваничка, перестань, что это ты безмозглый говоришь! Ну, что дѣлать, сама признаюсь, слабая мать! Слышите, и меня-то онъ какъ костить. Молчи, душегубъ, погубилъ ты меня! Встань, злодѣй этавій, угоди хоть этимъ роднымъ-то!

Соломанида Платоновна *(въ азартъ)*. Вонъ, дурачье! чтобы духу вашего не было здѣсь! Николай Михайлычъ, вели ихъ прогнать.

Ваничка. Пойдемте, въ самомъ дѣлѣ, маменька, что такое! бабушка точно рехнулась.

Настасья Кирилловна *(всплеснувъ руками)*. Ахъ, Господи, согрѣшила я окаянная!.. Лучше бы мнѣ въ утробѣ своей не носить злодѣя! Проклянута тебя, варвара.

Дурнопечинъ. Настасья Кирилловна! уведи своего дурака; онъ, вѣрно, нянь.

Ваничка. Сами вы видно съ бабушкой няны.

Соломанида Платоновна *(вскакивая и давая Ваничку пощечину)*. Вотъ тебѣ, бабушка, разъ! *(Ваничка попятился, Соломанида Платоновна бьетъ его по другой щекѣ)*. Вотъ тебѣ, бабушка, два!

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА *(хватая Ваничку за руку)*. Царь небесный! Ваничка! что мы съ тобой надѣлали?

ВАНИЧКА *(вырываетъ изъ рукъ)*. Да что, маменька, иное дѣло, я самъ сдачи дамъ: такую здоровку поднесу, что и съ ногъ полетить.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Пойдемъ, разбойникъ! *(Вытаскиваетъ его почти насильно со сцены)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дурнопечинъ и Соломанида Платоновна; потомъ Сергѣй.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(вставая съ безпокойствомъ)*. Господи, Боже мой! Какъ это неприятно... ну, что это такое: дерутся, шумятъ...

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(дуетъ на руку)* Всю руку разбила... рожа-то какая сухая! Уходили вы меня, Николай Михайлычъ, съ вашей роденькой, благодарю покорно. Сережка! *(Сережка входитъ)*. Пошелъ сейчасъ и выпроводи этихъ скотовъ за городъ, ни минуты чтобы не были здѣсь. А если не пойдутъ, такъ попроси городничаго отъ моего имени; скажи, что она воровски отъ мужа ѣздитъ да бѣгаетъ... Охъ, Творецъ небесный, такъ разстроилась, что возможности нѣтъ. *(Дышетъ тяжело)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромъ Сергѣя, и Никита.

НИКИТА. Пришелъ баринъ-то.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(про себя)*. Ну, опять сцена, опять объясненія; измучатъ они меня сегодня; ничемуне радъ.

Никита. Баринъ-то пришелъ-съ.

Дурнопечинъ *(Соломанидъ Платоновнъ)*. Тетушка, Прохоръ Прохорычъ пришелъ.

Соломанида Платоновна. Что?

Никита. Баринъ, за которымъ изволилъ послать,—здѣсь.

Соломанида Платоновна. Зови! Устала я очень, а то бы я и съ этимъ молодцомъ также справилась...

ЯВЛЕНІЕ X.

Соломанида Платоновна, Дурнопечинъ и Прохоръ Прохорычъ; *потомъ* Никита и Сергѣй.

Прохоръ Прохорычъ. Вамъ, братецъ, угодно было меня пригласить? *(Увидя Соломаниду Платоновну, нѣсколько конфузится и кланяется ей низко)*. Тетушкѣ Соломанидѣ Платоновнѣ честь имѣю свидѣтельствовать мое глубокое почтеніе и поздравить съ пріѣздомъ.

Соломанида Платоновна. Благодарю васъ покорно, и васъ съ тѣмъ же, мой милый, поздравляю.

Прохоръ Прохорычъ *(къ Дурнопечину)*. Я, кажется, братецъ, явился нѣсколько не своевременно. Вѣроятно, вы, послѣ такой долгой разлуки, желаете съ тетушкой воспользоваться родственнымъ свиданіемъ, и потому позвольте мнѣ удалиться, тѣмъ болѣе, что я и свои имѣю очень экстренныя дѣла.

Соломанида Платоновна. Нѣтъ, ужь вы

свои-то дѣла отложите на этотъ разъ въ сторону и побесѣдуйте съ нами. Я хочу съ вами потолковать, знаете, какъ обыкновенно я съ вами толкую.

Прохоръ Прохорычъ. Какъ вамъ угодно-съ; но впрочемъ, если я только справедливо понимаю, то, кажется, не зачѣмъ и не для чего... Наши свиданія не могутъ быть пріятны ни для васъ, ни для меня. Насъ Богъ будетъ судить, тетушка, — конечно, я все забылъ, все простилъ, сколько ни былъ вами обиженъ...

Соломанида Платоновна. Да-съ, вы прекрасный человѣкъ, вы неподобный человѣкъ! Только какой это вы съ Николенькой процессъ думаете затѣвать? У васъ ихъ и безъ того очень много. Впору и по чужимъ плутовать; зачѣмъ ужъ заводить свои...

Прохоръ Прохорычъ. Я не понимаю, къ чему вы изволите все это говорить.

Соломанида Платоновна. Я говорю къ тому: за что вы Красницу-то съ него просите? За что вы съ него пятнадцать тысячъ требуете? Вотъ я къ чему говорю.

Прохоръ Прохорычъ. По духовной бабки Ольги.

Соломанида Платоновна. Что же это: тамъ такъ и написано?

Прохоръ Прохорычъ. Нѣтъ, не написано, а такъ слѣдуетъ.

Соломанида Платоновна. А, это слѣдуетъ! а мнѣ не слѣдуетъ получить съ васъ тридцать тысячъ серебромъ, которыя отецъ твой у меня и у матери моей перехватилъ на свое мотовство; мнѣ это не слѣдуетъ съ васъ получить?

Прохоръ Прохорычъ. Если ужъ вамъ, тетушка, угодно вызвать меня на откровенный разговоръ, то я долженъ прямо вамъ, при Николаѣ Михайлычѣ, объяснить, что на вашу часть я и не имѣю видовъ-съ. Я не звѣрь безчувственный и очень хорошо помню благодѣянiя, оказанныя вами нашему семейству; но я говорю только про часть братца.

Дурнопечинъ. Какъ это вы только про меня говорите? Что-жь вы запираетесь! Вы говорили и про тетушкину часть: вы мнѣ прямо сказали, что отъ нихъ вся и каша заварилась.

Прохоръ Прохорычъ. Никакъ нѣтъ-съ, я никогда этого не говорилъ!.. Тетушка благодѣтельствовала нашему семейству, да и моихъ птенцовъ, можетъ быть, не забудеть: я не могъ этого говорить.

Дурнопечинъ. Что это вы говорите? Какъ это вамъ не стыдно! Вы еще сказали, что — дай Богъ тетушкѣ вѣчную память, — вотъ что вы говорили!

Прохоръ Прохорычъ. Никогда ничего и въ помыслахъ этого не было.

Соломанѣда Платоновна *(качая головой)*. Ахъ ты, лукавый человекъ! Ахъ ты, чернильная пиявица! Какъ тебя не повѣсятъ до сихъ поръ! вотъ ты мнѣ что скажи, а давно бы пора, ей Богу, пора... *(Стукаетъ по столу пальцемъ)*. Слушай ты, приказная строка: если ты только осмѣлишься приходить беспокоить его съ твоими подлыми процессами, — онъ человекъ слабый и больной, онъ мой наследникъ, слышишь ли? — я завтра же подамъ вексель ко взысканiю и уморю тебя со всѣмъ тво-

имъ потрохомъ въ тюрьмѣ; на свой счетъ буду содержать, а не выпущу.

Прохоръ Прохорычъ *(грустно)*. Обидѣть маленькихъ людей, тетушка, легко; но надобно вспомнить и послѣдній конецъ: несправедливость вопіеть на небо.

Соломанίδα Платоновна. Особенно за тебя, голубчикъ мой, за тебя особенно, я думаю, дадимъ мы отвѣтъ Богу! Давай-ка, посчитаемся: твой распутный родитель захватилъ тридцать тысячъ. Сестрица твоя выханжила еще при жизни у тетки пятьдесятъ душъ и, наконецъ, я тебѣ самому, неблагодарному, подарила на свадьбу десять тысячъ рублей серебромъ. Ну-ка сложи! сложеніе-то, полагаю, знаешь: тридцать да десять—сорокъ, да за души хоть по сту—пять... миленькій,—сорокъ пять тысячъ, а мы съ нимъ всего получили двѣсти душъ; что—чѣмъ пахнетъ! Какъ у тебя, безстыдника языкъ повертывается говорить! Хорошо, что я на тебя пугало имѣю: вексель-то сохранила, а то бы совсѣмъ обобралъ. Что корчишься, не нравится?

Прохоръ Прохорычъ. Вашъ вексель, тетушка, меня денно и ночью беспокоить. Я дѣтьми моими пожертвовалъ бы, чтобъ только его не было; подъ клятвой бы, кажется, никогда не затѣялъ процесса, еслибы вы только его уничтожили.

Соломанίδα Платоновна. Слышишь, Николенька, какое онъ намъ благодѣяніе оказываетъ. Кинемся ему, батюшка, въ ноги; процесса ужъ не хочетъ съ нами затѣвать. Ахъ ты, Иуда предатель!... О процессѣ ты не смѣешь и думать. Ты къ нему приходилъ такъ только, нельзя ли что-нибудь

сорвать. А вексель я, милушка, поберегу, да и ему передамъ... Что? не вкусно?

Прохоръ Прохорычъ. По векселю вы ничего не возьмете: у меня состояніе все женино.

Соломанида Платоновна. Полно такъ-ли? А если я знаю, что у тебя ничего женина нѣтъ. Да ты скорѣй удавишься, чѣмъ грошъ женѣ повѣришь; картофель на вѣсъ выдаешь — что ты мнѣ говоришь, безобразный человѣкъ! а передашь ты женѣ состояніе. Я даже теперь вижу, что въ плутовской головѣ твоей дѣлается — продать думаешь что-ли? врешь—завтра же наложу запрещеніе.

Прохоръ Прохорычъ. Я ужъ ничего не могу и говорить, а долженъ только благодарить Николая Михайлыча, что они такъ возстановили васъ противъ меня.

Дурноппчинъ. Что-жь вы претендуете на меня? Вы сами начали. Мнѣ ничего вашего не нужно.

Соломанида Платоновна. Поди, убирайся домой и не трогай насъ, а не то худо будетъ.

Прохоръ Прохорычъ *(подходя къ ея рукъ)*. Я никогда ничего, тетушка, видитъ Богъ, никогда ничего не замышлялъ. Конечно, какъ отецъ семейства, желалъ бы что-нибудь приобрѣсть, и мои дѣти, тетушка, тоже ваши внуки: если не для меня, такъ для Царя небеснаго, вамъ бы слѣдовало пощадить сиротъ. *(Опять подходитъ къ рукъ)*.

Соломанида Платоновна. Нечего тутъ лизаться, ступай, дѣлай тамъ, какъ знаешь, а мы будемъ дѣлать свое. *(Вносятъ полный завтракъ, состоящій изъ колбасы, ветчины, залибенецъ, шпикованнаго поросенка, сыру,*

балька и проч. Никита и Сергій оба въ бльыхъ перчаткахъ становятся у дверей).

Прохоръ Прохорычъ *(со вздохомъ)*. Неравное людямъ дано счастье: одни и семействомъ обременены, и стараются, и тутъ ничего не приобрѣтаютъ, а другимъ все предоставляется: тутъ ужъ говорить нечего, а на Бога надобно возложить попеченіе.

Соломанида Платоновна. Ка-бы на Бога ты больше надѣялся, такъ бы было лучше, а то ты только плутовствомъ, да разными штуками думаешь жить. Отправляйся, намъ пора ѣсть. *(Прохоръ Прохорычъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, *кромя* Прохора Прохорыча.

Соломанида Платоновна *(къ лакеямъ)*. Подавайте водку! Что-жь вы стоите? *(Къ Дурнопечину)*. Выпей! — это желудочная.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, увольте: мнѣ ужъ года три запрещено.

Соломанида Платоновна. Полно: глупости, — запрещено; ужели я хуже твоего знаю. *(Дурнопечинъ отхлебываетъ полъ-рюмки)*. Пей все, что очень церемонишься, какъ купчиха.

Дурнопечинъ *(допивая)*. Право много.

Соломанида Платоновна. Налей и мнѣ. *(Дурнопечинъ наливаетъ, она пьетъ)*. Это не та, — у меня ихъ много сортовъ. Сергій! поди принеси зеленую, что тrefолью настоена. *(Дурнопечину)*. Та для тебя будетъ полезнѣе. *(Сергій уходитъ)*.

Дурнопечинъ. Какая у васъ, тетушка, славная водка: такъ въ желудкѣ и зажгло, какъ-будто бы что-нибудь тамъ ходитъ.

Соломанида Платоновна. Ъшь загибеньки, да вонъ и сосисокъ возьми.

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ-съ, вредно будетъ; развѣ немного попробовать. *(Беретъ немного на тарелку и ѣсть)*. Какія отличныя загибеньки! Удивительно, какъ водка возбуждаетъ аппетитъ. *(Беретъ сосисокъ, Сергій приноситъ графинъ съ водкой)*.

Соломанида Платоновна. Подай Николаю Михайлычу. Выпей, эта лучше.

Дурнопечинъ. Право, много: я, пожалуй, пьянъ буду.

Соломанида Платоновна. Велика важность, лучше уснешь.

Дурнопечинъ *(вытываетъ заломъ и дѣлаетъ гримасу)*. Хо, хо, хо, батюшки!... духъ захватило!... фу, какая омега. Что это такое, точно спиртъ стоградусный!

Соломанида Платоновна *(ѣсть)*. Водка чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше устроиваетъ желудокъ.

Дурнопечинъ. Чего тутъ лучшее, —отдышаться не могу: точно коломъ въ горло треснуло.

Соломанида Платоновна. Очень нѣженъ не кстати.

Дурнопечинъ *(съ жадностію начинаетъ ѣсть)*. Фу, канальство, какъ аппетитъ возбудился! Эй, чортъ возьми, начну катать все: что будетъ, то будетъ; двухъ смертей не бывать, а одной не миновать! Гдѣ вы это, тетушка, такую прекрасную ветчину берете? Покупаете, что-ли?

Соломанида Платоновна. Нѣтъ, дома коптятъ.

Дурнопечинъ. Соблаговолите мнѣ, голубушка моя, окорочокъ!

Соломанида Платоновна. Хорошо. Сергѣй! хересу...

Дурнопечинъ. Да что, тетушка, все вы меня угощаете? Что же я за дуракъ хозяинъ!.. Никита! Поди возьми мадеры и хересу самаго лучшаго: въ пять руб. сер. бутылку. Слышпшь?

Соломанида Платоновна. Ну, что ты пустяки говоришь! Какой здѣсь хересъ? брандахлысть какой-нибудь въ тридцать коп. сер. У меня вина все петербургскія.

Дурнопечинъ. Да что, тетушка, нѣтъ ужъ, сдѣлайте милость: я хочу, чтобы было и мое; хоть шампанскаго, покрайней-мѣрѣ, позвольте. Поди, купи самаго лучшаго шампанскаго двѣ бутылки!

Соломанида Платоновна. Куда двѣ! Очень ужъ раскутился; пей-ка хересъ!

Дурнопечинъ. Хересу выщю. А ты ступай. *(Никита уходитъ).*

Соломанида Платоновна. Будешь еще ѣсть?

Дурнопечинъ. Да ужъ позвольте. Вонъ мнѣ хочется этого поросенка; должно быть, поросенокъ нашпигованный; вишь, каналья, какъ смотритъ; какая у него дурацкая рожа.

Соломанида Платоновна. Ну, что, теперь лучше? Прошли болѣзни? Вылѣчился отъ сухотки?

Дурнопечинъ. А чортъ ихъ знаетъ, прошли онѣ или нѣтъ. Съ сегодняшняго же дня не стану

ничего думать. Вы для меня, тетушка, просто, благодѣяніе оказали: вотъ, хоть-бы взять съ процесса... я, чортъ знаетъ, какъ его боялся, думалъ, что непременно все возмутъ. А тутъ эта дура Кирилловна ханжитъ... духовной просить... слабы вы, говоритъ, дяденька; такъ разстроился, что думалъ — черезъ часъ же умру.

Соломанида Платоновна. Глупость и бездѣйствіе... Служить и жениться тебѣ надобно, вотъ что! Я тебя женю; ты у меня не отвертишься. Я тебя молодца за этимъ и выписала.

Дурнопечинъ. Неужели? Хорошо бы, тетушка, очень хорошо; но съ другой стороны... Позвольте мнѣ еще хересу выпить.

Соломанида Платоновна. Погоди, шампанское будетъ.

Дурнопечинъ. Хорошо-съ. Я вѣдь, тетушка, не то, чтобы совершенно ужъ боленъ, а больше характеръ у меня сѣверный, особенно иногда по утрамъ. Уму невообразимо, какъ все кажется въ этакоемъ черномъ цвѣтѣ. Иной разъ такъ, безъ всякой причины, раздумаешься, да и зарыдаешь, точно женщина какая. Всего какъ-будто бы боишься. Что ни услышишь, что съ другими случится — неприятность какая-нибудь или болѣзнь, сейчасъ въ голову придетъ, что и со мной тоже самое будетъ.

Соломанида Платоновна. Все пустяки, мой милый: у тебя истерика и геморой, больше ничего. Отъ истерическихъ припадковъ пей по рюмкѣ водки съ гофманскими каплями, а отъ геморою раза два въ годъ пиявки ставь, да моціону больше имѣй, а главное: женись. У меня для тебя прекрасная есть невѣста.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, въ здѣшнемъ мѣстѣ мнѣ нельзя жениться.

Соломанида Платоновна. Это отчего?

Дурнопечинъ. Какъ вамъ сказать, старая любвишка есть.

Соломанида Платоновна. Вотъ тебѣ на!... какой хватъ! Что-жъ такое любвишка? Мало ли, я думаю, у васъ этихъ любвишекъ? Этакъ нигдѣ нельзя жениться. Влюбленъ, что ли, ты въ кого?

Дурнопечинъ. Нѣтъ, какое влюбленъ... *(Входитъ Никита съ шампанскимъ). Шампанское однако принесли. Разливай! (Никита наливаетъ и подаетъ).*

Соломанида Платоновна *(беретъ бокаль)*. Разсказывай!

Дурнопечинъ *(выпивая бокаль)*. Да вы, я думаю, знаете. Помните, еще покойный батюшка все смѣялся: Наденька Каноричъ.

Соломанида Платоновна. Вотъ кто! Хорошу птицу убилъ. Что же у тебя связь, что-ли, съ ней?

Дурнопечинъ. Ай, нѣтъ-съ, какая связь! Влюблена въ меня была, да и теперь еще влюблена, ну, мнѣ и жаль ея.

Соломанида Платоновна *(разсмѣявшись)*. Что это, Николенька, и смѣшишь-то ты меня, и печалишь. Неужели же ты не знаешь, что эта дура помѣшана на любви? Она въ встрѣчнаго-поперечнаго влюбляется, ей-то только не соотвѣтствуютъ; а она хоть въ твоего Никиту влюбится, не хочешь ли?

Дурнопечинъ. Богъ ее знаетъ! Я ее лѣтъ пять не видалъ. <http://rcin.org.pl> Записки теперь все пишетъ ко мнѣ:

«умру, говоритъ, если вы меня оставите и презрите».

Соломанида Платоновна. Какая нѣжная! Отчего же она не умирала, когда другіе ее презирали? Она, я думаю, человѣкъ въ двадцать была влюблена, и всѣ ее презрили.

Дурнопечинъ. Я этого ничего не знаю. *(Пьет шампанское)*. Какъ однако шампанское прохлаждаетъ. По чувствамъ своимъ, тетушка, я человѣкъ благородный и совѣстливый: лакея иногда побранишь, такъ и тутъ жалко, въ отношеніи же ея и подавно, думаешь: дѣвушка не глупая, чувствительная... можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ влюблена. Я тоже съ ней прежде нѣжничалъ и любезничалъ, въ любви даже клялся... Вы не повѣрите, съ самаго пріѣзда сюда, этимъ мучусь; требуетъ, чтобы я на ней женился; а я рѣшительно не могу, да и не хочу, потому что, между нами сказать, она мнѣ и не нравится.

Соломанида Платоновна. Есть чему и нравиться: кошка ободранная. Тебѣ даже, сударь, неприлично о ней и говорить, вотъ что! Еслибъ у тебя даже и было съ ней что-нибудь серьезное, такъ и тогда надобно плюнуть. Мало ли у васъ, мужчинъ, этого бываетъ; не думать же обо всѣхъ. По слабости характера да по своей добротѣ вы и гибнете. Выкинь, сейчасъ, все это изъ головы и не говори мнѣ объ этомъ! Я терпѣть не могу и слушать это.

Дурнопечинъ. Знаю, тетушка, видитъ Богъ, понимаю, что вы говорите справедливо. Чортъ бы ее дралъ, въ самомъ дѣлѣ, пусть умираетъ; не

умреть, я думаю... Матушка, тетушка, голубушка моя, выпьемте еще! *(Пьетъ)*. Жените меня на комъ хотите; я надѣюсь на васъ, какъ на каменную стѣну. Я знаю, что вы мнѣ зла не пожелаете, одно только тутъ... Чортъ знаетъ, какъ все это непріятно располагается: брата ко мнѣ вчера присылала, мужчину вершковъ десяти ростомъ; палку сломалъ, точно соломенку: «убить, говоритъ, я васъ приходилъ.» Экую штуку сказалъ? «Убить, говоритъ, приходилъ.»

Соломанпда Платоновна *(улыбансь)*. Какова мерзавка! На какія штуки поднимается! А ты, батюшка, я думаю, сейчасъ и струсли?

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, что мнѣ струсить: — мнѣ ужъ нечего терять въ жизни; пускай себѣ убиваютъ, дешево не дамся. *(Ударяя кулакомъ по ручкѣ кресла)*. По-крайней-мѣрѣ хоть стуломъ голову проломлю, а дешево не дамся! *(Встаетъ)*. Выпьемте, тетушка, еще!

Соломанпда Платоновна. Нѣтъ, не хочу. *(Зѣваетъ)*. И такъ много пили. Прощай! Я поѣду соснуть.

Дурнопечинъ. Прощайте, тетушка? У меня бы вамъ отдохнуть, да только безпокойно будетъ. Хозяйство у меня никуда негодно идетъ... Жените меня, голубушка! Холстому очень непріятно жить. Чортъ знаетъ, въ какую исторію и непріятность иногда можно попасть.

Соломанпда Платоновна. Ну, полно, разоврался ужъ очень, отдохни и ты. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Дурнопечинъ одинъ; потомъ Никита.

Дурнопечинъ (*ходя назадъ и впередъ*). Жениться не дурно, очень бы не дурно... Я вотъ теперь разсуждаю, каковы женщины... Какія онѣ плутовки! а мы-то, дураки, о нихъ страдаемъ, да ночи не спимъ... все думаемъ, что онѣ влюблены въ насъ; а онѣ просто способны влюбиться въ каждаго. И какъ тонко, какъ хитро поступаютъ въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, въ двадцать человѣкъ она была влюблена, все ничего, а отъ меня умираетъ. (*Садится и зѣваетъ*).

Никита (*проводжавшій Соломаниду Платоновну, возвратившись убираетъ застравъ*). Соснуть бы, сударь, легли, какъ и тетенька.

Дурнопечинъ. Я лягу... Миѣ сегодня, Никита, гораздо лучше и не болитъ ничего и какъ-то весело.

Никита (*улыбался*). Ну, да оно, осмѣлюсь доложить, вы сегодня хмѣльненьки, такъ куражу-то и прибавляетъ.

Дурнопечинъ. Можетъ быть; а главное дѣло, братецъ, я радуюсь, что развязался съ этой барышней Каноричъ. Знаешь, я думаю?

Никита. Какъ не знать-съ. Это зазывала меня къ себѣ; чаемъ, водкой пошла и все объ васъ разспрашивала: «нѣтъ-ли, говорить, у барина въ Москвѣ невѣсты?»

Дурнопечинъ. Какая любопытная! и безстыдница какая! Навизывается, братецъ, теперь на меня, чтобы я женился на ней.

Никита. Ну, нѣтъ-съ! Я съ своей стороны не совѣтую. Она мнѣ, признаться, и на лицо не нравится: худа очень.

Дурнопечинъ. Чего ужъ взять, ровесница мнѣ и при этомъ въ каждаго встрѣчнаго мужчину влюбляется.

Никита. Ну, а это ужъ и совѣмъ никуда негодится: мы даже, лакей, того обѣгаемъ.

Дурнопечинъ. То-то и есть. Ты, впрочемъ, Никита тоже, должно быть, сегодня выпилъ: красно-рѣчивъ очень.

Никита. Выпилъ, батюшка, грѣшнымъ дѣломъ выпилъ. Въ погребокъ, какъ за шампанскимъ ходилъ, такъ хозяинъ поднесъ три стаканчика. Сначала тоже насчетъ документовъ огорчился, а тутъ тетенька пообидѣла маненько, такъ и выпилъ-съ. Купецъ отличнѣйшій: сколько, говоритъ, барину угодно, въ долгъ до Нижегородской можемъ вѣрять.

Дурнопечинъ *(надѣвая халатъ и ложась на диванъ)*, Ну ничего... ты мнѣ служишь хорошо, я тобой доволенъ. Ступай!

Никита. Слушаюсь, почивайте съ Богомъ! *(Беретъ между прочимъ со стола бутылку съ хересомъ и уходитъ пьетъ.)*

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Кабинетъ Дурнопечина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дурнопечинъ спитъ. *Входитъ Никита сильно уже навеселъ.*

Н и к и т а. Еще спитъ!... и будить-то жалко!.. Баринъ у меня отличнѣйшій... Что мнѣ жить? мнѣ житье лучше супротивъ всѣхъ лакеевъ... Я барина долженъ беречь, какъ зѣницу ока... Онъ человѣкъ нездоровый... Онъ теперь выпивши спать легъ... это у него силы нѣтъ; а коли теперь другой въ удовольствіи свое время препроводитъ, разгуливаетъ себя, то человѣкъ крѣпкій... Какъ его станешь будить, жалко! А дѣлать нечего: надо будить... Такая наша должность камердинская... Когда гости пріѣхали, сейчасъ барину доложить надо. *(Осторожно подходитъ и начинаетъ слегка трогать и тормошитъ Дурнопечина.)* Николай Михайлычъ... Николай Михайлычъ!

Дурнопечинъ *(взмахнувъ глазами)*. Что, кто?

Н и к и т а. Каноричи пріѣхали-съ: баринъ съ барышней.

Дурнопечинъ *(вставая)*. Какъ съ барышней?

Никита Съ барышней-съ. Васъ спрашиваютъ.

Дурнопечинъ. Ну, скажите, что это за безстыдство! дѣвушка идетъ къ холостому мушницѣ. Что я теперь буду дѣлать! Да ты бы сказалъ, братецъ, что меня дома нѣтъ.

Никита. Какъ я могу сказать, коли они въ зало вошли. Коли бы теперь свой братъ пришелъ и коли приказанье есть, я своего брата по шеѣ могу гнать, а господамъ я ничего супротивъ говорить не смѣю.

Дурнопечинъ. Ну, ступай, зови, если ужъ ничего порядочнаго не умѣешь сдѣлать, пьяный дуралей!

Никита. Никакъ нѣтъ-съ. Что я за пьяный!

Дурнопечинъ. Пошелъ ужъ, проси! *(Никита идетъ, старался сохранить твердую походку).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Дурнопечинъ. Приму же я ихъ, дорогихъ гостей: слова не стану говорить, а если сами что начнутъ, такъ-такъ ихъ отдѣлаю... тетка-то у меня подъ руками; она не выдастъ, да и Никитѣ велю у косяка стоять...

ЯВЛЕНІЕ III.

Дурнопечинъ и Михайло Ивановичъ съ Надеждой Ивановной; потомъ Никита.

Надежда Ивановна. Здравствуйте, Николай Михайлычъ! *(Подаетъ Дурнопечину руку, которую тотъ сконфузясь, беретъ).*

Михайло Ивановичъ. Честь имѣю вамъ представить мою сестрицу, пзъ дворянъ дѣвицу. *(Въ сторону).* Фу, какъ сконфузились... Ахъ, старые черти!

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Я хотѣла быть у вашей родственницы, Настасья Кирилловны, но она куда-то уѣхала. *(Нѣжно)*. Впрочемъ, я желала и васъ видѣть.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(холодно)*. Она уѣхала-съ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(немного сконфузившись)*. Можетъ быть, она скоро пріѣдетъ. *(Къ брату)*. Я ужь и не знаю: не подождать ли ея намъ здѣсь, Мишель?

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Конечно, душа моя, надобно подождать, а то, какъ хочешь, неприлично: она сдѣлала тебѣ столько визитовъ, а ты еще ни разу не была у ней. Николай Михайлычъ, вѣроятно, не потяготится присутствіемъ дамы.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(звонитъ, входитъ Пикита)*. Куда ты, братецъ, все уходишь. Постой тамъ, за дверьми, а то спросишь, и никого нѣтъ.

НИКИТА. Я и то все въ лакейской.

ДУРНОПЕЧИНЪ. Тебѣ говорятъ не про лакейскую, а чтобъ ты стоялъ тутъ: за дверьми. *(Пикита становится у косяка, стараясь сохранить прямую позу)*.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ *(къ Дурнопечину)*. Что это, Николай Михайлычъ, у васъ лицо какое пересовращенное, кутили, что-ли, вы? Да, вонъ тутъ и бутылки стоятъ. Пошалили, видно, этакъ, по еврейторски въ одиночку.

ДУРНОПЕЧИНЪ. Нѣтъ-съ... мнѣ все нездоровится. *(Садится)*.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА *(тоже садясь)*. Отчего это? что такое съ вами? Помните, какіе вы прежде были веселые, живые.

Михайло Ивановичъ. Онъ сердцемъ боленъ, виутри страдаетъ.

Дурнопечинъ *(съ насмѣшкою)*. Нѣтъ-съ. Сердцемъ ужъ иускай страдаютъ другіе, а я не очень чувствителенъ.

Надежда Ивановна. Вы не чувствительны? И это вы говорите, что вы не чувствительны?

Дурнопечинъ. Да-съ, я говорю. Что-жь вамъ тутъ удивительнаго? Прежде, можетъ быть, когда былъ молодъ и глупъ... но пора же и поумнѣть.

Надежда Ивановна. Стало быть, вы совершенно забыли прошедшее?

Дурнопечинъ. Да и помнить изъ него нечего, потому что все шалости и глупости.

Надежда Ивановна. Я не думала, чтобы для васъ въ прошедшемъ все было шалости и глупости. Для меня такъ напротивъ: я живу только прошедшимъ.

Дурнопечинъ. То вы, а то я.

Надежда Ивановна. Да, конечно: вы мужчина, и потому можете позволять себѣ все, а я, бѣдная женщина, и могу жить только сердцемъ и то въ прошедшемъ.

Михайло Ивановичъ *(взглянувъ въ окно)*. Николай Михайлычъ! что это у васъ подъ окошкомъ? садъ что-ли?

Дурнопечинъ. Сами видите!

Михайло Ивановичъ. Могу я прогуляться?

Дурнопечинъ. Если хотите.

Надежда Ивановна. Но, можетъ быть, Мишель, намъ пора домой.

Михайло Ивановичъ. Но что-жь такое пора?

Отъ чего-жь ты не хочешь подождать, что за нетерпѣннѣе? *(Всторону)*. Они безъ меня лучше столкуются. *(Къ нимъ)*, Я ухожу съ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, *кромя Михайла Иваныча, который потомъ возвращается.*

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Итакъ, Николай Михайлычъ, вы говорите, что совершенно забыли прошедшее?

ДУРНОПЕЧИНЪ. Да почему же я долженъ непременно помнить прошедшее? Не романы же мнѣ изъ него сочинять, не исторію про себя писать... Я, кажется, еще не великій человѣкъ.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Я говорю не про романы и не про исторію. Смѣяться въ этомъ случаѣ не надъ чѣмъ, да и не еовсѣмъ благородно. Я васъ прошу сказать мнѣ, по вашей старой дружбѣ, откровенно: отчего вы забыли прошедшее? Тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго.

ДУРНОПЕЧИНЪ. Я и не смѣюсь, а говорю только, что время намъ открываетъ глаза.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Въ отношеніи кого же вамъ время открыло глаза?

ДУРНОПЕЧИНЪ. Въ отношеніи всѣхъ и всего.

НАДЕЖДА ИВАНОВНА. Въ отношеніи всѣхъ?— и вы это сказали равнодушно? Стало быть, и въ отношеніи меня, потому что и я тоже ваша старая знакомая?

Дурнопечинъ. Не знаю-съ.

Надежда Ивановна. Не знаете... какой любезный отвѣтъ... *(Въ сторону)*. Нѣтъ, это невыносимо, онъ какъ-будто бы ненавидитъ меня! *(Обращаясь къ Дурнопечину съ большимъ чувствомъ)*. Nicolas! неужели ты вовсе разлюбилъ свою Надю? Но если ты притворяешься, такъ зачѣмъ это, другъ мой? Для чего же ты мучишь себя и меня? Погляди на меня, какъ ты когда-то прежде смотрѣлъ. Неужели ты не понимаешь, что я пришла только видѣть тебя!

Дурнопечинъ. И напрасно это дѣлаете; это не совсѣмъ прилично.

Надежда Ивановна. Но я люблю тебя, другъ мой: я не могу жить безъ тебя!

Дурнопечинъ. Отчего же вы безъ другихъ можете жить?

Надежда Ивановна. Безъ кого безъ другихъ я могу жить?

Дурнопечинъ. Да безъ двадцати человекъ, въ которыхъ были влюблены.

Надежда Ивановна. Nicolas! тебѣ, вѣрно, кто-нибудь оклеветалъ меня; но я невинна передъ тобой: я всегда тебя любила.

Дурнопечинъ *(отворачивается въ сторону въ усмѣшкою)*. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Надежда Ивановна. Nicolas! не смѣйся надо мной; оскорбленная женщина ужасна въ гнѣвѣ, она способна на все.

Дурнопечинъ. Что-жъ вы меня пугаете, что ли? Вашимъ братцемъ, вѣроятно, хотите утратить? Напрасно беспокоитесь.

Надежда Ивановна. Ахъ, какъ вы ошибаете-

тесъ. Я первая заклінала брата не давать воли своему ужасному характеру, на колѣняхъ со слезами умоляла его пощадить васъ. Когда онъ узналъ, то провлялъ даже меня. (*Закрываетъ глаза платкомъ*).

Михайло Ивановичъ. Фу, какая жара! какая у васъ, батенька, тамъ хозяйка хорошенькая, прелесть! Сидитъ этакъ, канала, да шерсть мотаетъ, а глаза такъ и бѣгаютъ.

Надежда Ивановна. Мишель, поѣдемъ домой.

Михайло Ивановичъ. Что?... домой?... зачѣмъ домой? Отчего у тебя слезы на глазахъ; ты вѣрно плакала?

Надежда Ивановна. Такъ, ничего... Поѣдемъ (*съ горькой усмѣшкой*). Мы, кажется, здѣсь лишніе.

Михайло Ивановичъ. Какъ лишніе? Я не полагаю, чтобы, послѣ давишняго разговора, мы могли быть лишніе.

Надежда Ивановна. Не знаю. По-крайней мѣрѣ, Николай Михайлычъ мнѣ прямо сказалъ, что я была влюблена въ двадцать человѣкъ, что надъ прошедшимъ онъ смѣется и что, будто бы, я тебя нарочно посылала къ нему.

Михайло Ивановичъ (*къ Дурнопечину*). Вы это сказали?

Дурнопечинъ. Сказаль-сь. Что-жь вамъ угодно отъ меня?

Михайло Ивановичъ. Какъ, что угодно! Позвольте вамъ сказать, что мнѣ даже странно слышать съ вашей стороны этотъ вопросъ: что мнѣ угодно?

Надежда Ивановна. Перестань, братъ, оставь; теперь ужъ все кончено.

Михайло Ивановичъ. Какъ конечно? для меня, душа моя, не можетъ быть кончено! Не могу же я подобныя выходки сносить равнодушно. Ты сама знаешь, что мнѣ еще никто не наступалъ на ногу, кто хоть немного берегъ свою голову.

Дурнопечинъ. До головы моей вамъ далеко, а если вы думаете, какъ простой мужикъ, драться, такъ для этого у меня лакей есть. Вонъ онъ стоитъ! *(Никита нѣсколько выходитъ впередъ)*.

Михайло Ивановичъ *(засучивая рукава)*. Хо, хо, хо, милостивый государь, какъ вы притки стали!... Пьяны, что ли, вы? Нечего за стулъ-то браться.

Надежда Ивановна *(къ брату)*. Братъ, смирн себя, Бога ради, смирн.

Михайло Ивановичъ. Что-жь, душа моя, я готовъ для тебя сдѣлать все, но тебѣ извѣстенъ мой огненный характеръ; здѣсь оскорбляютъ честь твою, говорятъ, что я мужикъ и, наконецъ, призываютъ лакея въ защиту себѣ. Подобныя вещи могутъ дѣлать только такіе подлецы, какъ этотъ господинъ.

Дурнопечинъ. Подлецы вы, а не я. Когда начали такъ поступать, такъ убирайтесь вонъ!

Михайло Ивановичъ *(вскрикиваетъ)*. Молчать! *(Дурнопечинъ поднимаетъ стулъ, Никита къ нему приближается)*.

Надежда Ивановна *(упадая на стулъ)*. Ахъ, дурно!

Михайло Ивановичъ *(поднимая кулакъ и отступая назадъ)*. Твоя башка остается на плечахъ только по милости этой слабой женщины. *(Къ сестрѣ)*. Ну полно... перестань... что за ребячество... я не буду горячиться. На человѣка, которому говорятъ въ глаза, что онъ подлецъ, на такого человѣка не

стоитъ сердиться, а надо плевать. Я бы вамъ сей-часъ же размозилъ голову пулей, но, къ счастью вашему, вы свинцовой не стопте, а я вамъ влѣбилю деревянную. Ну полно, Надя, нечего тутъ дурачиться: вставай, ты видишь, я спокоенъ.

Надежда Ивановна *(приподнимается)*. Да... Онъ... Я едва не умерла. Прощайте, Николай Михайлычъ; въ душѣ моей къ вамъ осталось одно только презрѣніе. Ненавидѣть васъ я не могу, но вы не порадуетесь моей гибели: я буду доброй и хорошей женой, но только не вашей. На раскаяніе съ вашей стороны не надѣйтесь: я васъ не прошу. Пойдемъ, братъ, Бога ради успокой себя, ты видишь: я больше твоего теряю, но я спокойна.

Михайло Ивановичъ. И я ничего... кажется, ужъ изъ сожалѣнія въ тебѣ, ничего не рѣшаюсь предпринять. Поступайте, какъ хотите, если такъ влюблены. Я, по-крайней-мѣрѣ, не принимаю ничего на свой счетъ и ухожу. *(Уходитъ)*.

Надежда Ивановна *(уходя къ Дурнопечину)*. Вы погубили женщину; это останется на вашей совѣсти, и вы будете наказаны. *(Уходитъ съ достоинствомъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Дурнопечинъ и Никита.

Дурнопечинъ. Ну, да, проваливайте. Тронуть, не бось, не смѣль. *(Къ Никитѣ)*. Каковъ народецъ, а?

Никита. Да-съ, нечего сказать, и на господъ-то не похожи. Только бы онъ тронулъ васъ, я бы ему задалъ фехтеру.

Дурнопечинъ. Ты бы его больно приколотилъ?
Никита. Не даль бы спуску. Мы попросту, по мужицки: бей по шеѣ, пятень не видать.

Дурнопечинъ. Ты бы, знаешь, его съ ногъ сшибъ, а я бы его стуломъ.

Никита. Какъ бы пришлось: озарникъ этакой!

Дурнопечинъ. Теперь, пожалуйста, братецъ, никогда ихъ не пускай ко мнѣ; какъ придутъ, такъ и гони безъ всякой церемоніи. Не бойся, ничего не будетъ. Поступай смѣлѣе.

Никита. Я-то, сударь, ничего, вы-то ужь очень сумнительны. Вонъ не то, что какая-нибудь важность, а только бумаги пропали, такъ и тутъ какъ вы себя обезпокоили...

Дурнопечинъ. На меня это, Никита, временемъ находить. Сегодня видѣлъ, какая штурма была; какъ бы, кажется, не испугаться, а ничего, рѣшительно ничего...

Никита. Струхнули маненько.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, ей-Богу; нѣтъ.

Никита. Было, Николай Михайлычъ, право было, въ лицѣ немного перемѣнились.

Дурнопечинъ. Клянусь тебѣ честью, ничего не испугался; только дѣло въ томъ, что исторія эта еще не кончилась; красавица эта опять поддуетъ своего мѣднолобаго братца: а ему, я думаю, того только и надобно: онъ хоть на стѣну полѣзетъ.

Никита. Да что онъ можетъ сдѣлать? Коли отъ васъ приказанье есть, я его въ подворотню поглядѣть не пущу, что-что онъ баринъ.

Дурнопечинъ. Пожалуй не пускай, такъ онъ по ночамъ подъ окошками станеть бродить, да кам-

немъ и съѣздитъ въ голову. Господи, Боже мой! Что это за жизнь человѣческая! Страданья да мученья и больше ничего! *(Садится).*

Ипкита. Ну, опять ужь начали.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Сергѣй.

СЕРГѢЙ *(входя).* Тетенька заѣхали за вами; кататься просятъ.

ДУРНОПЕЧИНЪ. Кого? куда просятъ?

СЕРГѢЙ. Тетенька зоветъ за городъ ѣхать; всѣхъ господа туда ѣдутъ-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ. Нѣтъ, я не поѣду.

СЕРГѢЙ. Такъ и доложитъ прикажете?

ДУРНОПЕЧИНЪ. Такъ я доложи. Скажи, что я заболѣлъ, приказалъ-де теперь извиниться, а завтра повпдаюсь.

СЕРГѢЙ. Слушаю-съ *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дурнопечинъ и Ипкита.

ДУРНОПЕЧИНЪ. Идетъ же людямъ въ голову удовольствіе и веселье! Соображаютъ ли они, что на каждомъ шагу съ человѣкомъ можетъ случиться такое несчастіе, отъ котораго и ноги протянешь? По моему, такъ и на умъ не придетъ никакое удовольствіе, все бы сидѣлъ одинъ да грустилъ; хоть бы проплакаться—сегодня и плакать-то не могу.

Ипкита. О чемъ вамъ плакать-то? выпили бы водочки, сейчасъ бы раскуражило.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ же и Соломанида Платоновна.

Соломанида Платоновна *(въ тляпъ, салопъ и съ зонтикомъ)*. Отчего это ты не ѣдешь кататься?

Дурнопечинъ *(приподнимаясь и дѣлая кислую мину)*. Боленъ, тетушка, расхворался вдругъ.

Соломанида Платоновна. Чѣмъ же ты захворался вдругъ? Если голова отъ вина болитъ, такъ не велика еще важность, лучше разгуляешься.

Дурнопечинъ. Нѣтъ, тетушка, сдѣлайте милость, избавьте меня: поѣзжайте однѣ, я весь боленъ.

Соломанида Платоновна *(къ Никитѣ)*. Что такое съ нимъ случилось?

Никита. Прихворнули, должно быть.

Соломанида Платоновна. Ну, такъ посылай за докторомъ, если боленъ.

Дурнопечинъ. Ой, нѣтъ, не надобно, я не хочу доктора, я ужь года два у нихъ не лѣчусь: такъ пройдетъ. Это не отъ болѣзни, — все неприятности и опасности. Легче бы мнѣ не жить на бѣломъ свѣтѣ. Поѣзжайте, матушка-тетушка, я очень несносенъ, какъ расхандрюсь.

Соломанида Платоновна *(снимая тляпу и сядясь)*. Ты лжешь, что боленъ; тебя опять что-нибудь разстроило. *(Къ Никитѣ)*. Не былъ ли у него кто-нибудь?

Никита. Были господа.

Соломанида Платоновна. Какіе господа?

Никита. Знакомые ихніе.

Дурноивчинъ (*Никитъ*). Да что ты секретничаешь, не скрывай, расскажи, какая была штурма.

Соломанида Платоновна. Да что такое у васъ? (*къ Никитъ*). Что же ты, болванъ, не говоришь! Я такихъ подзатыльниковъ надаю, что развяжу изыбъ...

Никита. Каноричи приходили: баринъ съ барышней.

Соломанида Платоновна. Ну?

Никита. Приходили, сидѣли съ бариномъ.

Соломанида Платоновна. Зачѣмъ же вы ихъ пустили? Отчего ты ихъ не прогналъ?

Никита. Баринъ сами ихъ прогнали.

Соломанида Платоновна. Ну и прекрасно: что-жь изъ этого?

Никита. Ничего-съ; баринъ-то тотъ ужь очень горячился: приколотить нашего барина хотѣлъ.

Соломанида Платоновна (*къ Дурнопечину*). Какъ приколотить, что такое?

Дурнопечинъ. Да вы знаете, тетушка, все старая исторія... Пришла вдругъ ни съ того, ни съ сего, и почти прямо говоритъ, чтобы я женился на ней. Я, конечно, ее срѣзалъ, такъ братаецъ кинулся на меня. Теперь, я думаю, они Богъ знаетъ на что рѣшатся... Миѣ непременно надобно куда-нибудь уѣхать, а то и головы не сносить.

Соломанида Платоновна. Вотъ что! Ахъ, какія страсти да ужасы! Отчего же ты думаешь, что головы-то не сносить? — вотъ этого, я признаюсь, никакъ не понимаю.

Дурнопечинъ. Не знаю, отчего вы не понимаете, а понять очень легко. Она ужь конечно будетъ

мстить: прямо мнѣ сказала, что оскорбленная женщина способна на все рѣшиться...

Соломанида Платоновна. Ну да: ужь это она сказала, такъ конечно опасно. Какъ ты еще по сю пору живѣ, вотъ почему я удивляюсь. Вро-чемъ мнѣ на мысль приходитъ, что врядъ-ли она будетъ тебѣ мстить, потому что ужь утѣшилась... Ахъ, вы дурачье, дурачье! Всѣ-то вы, какъ я посмотрю, дуракъ на дуракъ сидитъ, и дуракомъ погоняетъ.

Дурнопечинъ. Вамъ, тетушка, хорошо смѣяться. Знаемъ мы, что чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.

Соломанида Платоновна. Не смѣшно мнѣ, другъ мой, тебя видѣть, а грустно и больно, потому что я тебя сердечно люблю за твою простоту и доброту, а все-таки должна сказать, что ты изъ ума выжился. *(Иикитъ)*. Поди, позови сюда эту дуру Кирилловну, она тутъ рядомъ у попадьи сидитъ. *(Никита уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Соломанида Платоновна, Дурнопечинъ; *потомъ* Настасья Кирилловна.

Соломанида Платоновна. Я тебя сейчасъ успокою насчетъ твоей мстительницы. Этакого молодого человѣка-труса и простофили, шестидесятый годъ живу на свѣтѣ, а не видывала.

Дурнопечинъ. Я ничего и не говорю про себя. Я и самъ сознаюсь, какой я человѣкъ.

Настасья Кирилловна. Что угодно, бабушка?

Соломанида Платоновна. Поди сюда.

Настасья Кирилловна. Сейчасъ. У дяденьки-то позвольте попросить извиненія. Батюшка, положили ли вы гнѣвъ на милость насчетъ моего дурака-то? (*Цѣлуетъ Дурнопечина въ плечо*).

Дурнопечинъ. Ничего: я вовсе и сердить не былъ.

Соломанίδα Платоновна. Перестань ханжить! Рассказывай, что ты мнѣ давеча говорила.

Настасья Кирилловна. Насчетъ Ванички, бабушка?

Соломанίδα Платоновна. Ну да. Рассказывай вотъ ему.

Настасья Кирилловна. Да я, вѣдь, ужъ не знаю-съ, не говорилъ ли имъ Ваничка. Женится, батюшка... на Надеждѣ Ивановнѣ Каноричъ женится. Вы, кажется, изволите ее знать?

Дурнопечинъ (*вынувъ глаза*). Что это ты за пустяки говоришь... на Надеждѣ Ивановнѣ? Придутъ же людямъ въ голову этакія глупости.

Настасья Кирилловна. Нѣтъ, ей Богу, дядюшка, какъ это возможно-съ: смѣла ли бы я передъ вами и передъ бабушкой лгать. Слово ужъ дано.

Соломанίδα Платоновна. Что гримасу скорчилъ? Вотъ видишь ли, какъ она тебѣ отомстила.

Дурнопечинъ. Этого быть не можетъ! Она сейчасъ была здѣсь. Когда же она успѣла дать вамъ слово?

Настасья Кирилловна. Еще вѣдь, дядюшка, давеча-утромъ насчетъ этого переговоры были; ну да онѣ сказали, что порѣшиться не могутъ: «надежды, говорятъ, мы не снимаемъ, а повремените». А вотъ теперъ, какъ бабушка приказала мнѣ изъ

города ѣхать, такъ я и осмѣлилась придти къ нимъ попросить прощенія за давишнюю неприятность, тутъ у нихъ и получила записку. Пишетъ, что совершенно согласна: «брату, говорить, сказала, и онъ не отсовѣтываетъ». Не знаю, что будетъ изъ этого; главное, на сватьбу-то ничего не имѣю. Просила было у протопопицы ста рублей: «нѣтъ, говоритъ, теперича, всѣ на постройки издержала», заборы они нынче новые дѣлають-сь.

Соломанида Платоновна. Что, батюшка, успокоился ли? Въ отцы посаженные еще тебя позовутъ. Ты только не ѣзди, а то отравятъ или, этакъ какъ въ романахъ, въ подземелья какія-нибудь спустятъ.

Дурнопечинъ. Я ужъ ничего не понимаю; впрочемъ очень радъ, если это такъ кончается. Для меня, конечно, ничего не можетъ быть лучше.

Соломанида Платоновна. Слава Богу, обрадовался. Ты, впрочемъ, Настасья Кирилловна, за будущей-то невѣсткой изволь-ка присматривать, а то, вѣдь, она не подь лѣта влюбчива.

Настасья Кирилловна. Не мое ужъ, бабушка, будетъ дѣло, а мужнино: гдѣ мнѣ, слѣпой старухѣ, усмотрѣть.

Соломанида Платоновна. Дядюшки-то опасайся; онъ самъ имѣлъ на нее виды.

Дурнопечинъ. Что это, тетушка, какіе вы пустяки говорите.

Настасья Кирилловна. Ой, бабушка-матушка, все изволите шутить. Займетса ли дядюшка этакими дѣлами. *(Входитъ Сергій).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И СЕРГѢЙ.

СЕРГѢЙ. Почту принесли.

СОЛОМАНИДА ПЛАТОНОВНА *(вставая)*. Сейчасъ приду. *(Къ Дурнопечину)*. Приготовляйся кататься: несчастья ужь всѣ кончились. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(Къ Настасьѣ Кирилловнѣ)*. Неужели ты, Настасья Кирилловна, говорила правду?

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Батюшка, какъ же не правду, отчего же вы изволите сомнѣваться? Спросите хоть у Ванички-съ.

ДУРНОПЕЧИНЪ *(подумавъ)*. А какъ бы мнѣ Ваничку-то повидать. Гдѣ онъ теперь?

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. У воротъ стоитъ дожидается меня. Онъ все о деньгахъ теперь беспокоится. Сюда-то я не посмѣла его привести: бабушки побоялась. Батюшка-дядюшка, отецъ мой, не поддержите ли насъ въ этакомъ случаѣ; не сыграете ли свадьбу на свой счетъ, вы ужь и общали?

ДУРНОПЕЧИНЪ. Хорошо, я помогу: только ты позови ко мнѣ Ваничку, я съ нимъ поговорю.

НАСТАСЬЯ КИРИЛЛОВНА. Бабушка то чтобы

не разгнѣвалась: меня давеча изволили просить, а о немъ и говорить не приказала. Въдь онъ глупъ, пожалуй, и теперь что-нибудь скажетъ.

Дурнопечинъ. Что такое бабушка, не начальница же она надъ всѣми. Позови его съ задняго крыльца: я ему подарю что-нибудь.

Настасья Кирилловна. Батюшка мой, голубчикъ. Богъ васъ наградить за милосердіе. Въ руки-то ему, отецъ мой, впрочемъ, не давайте; молодъ еще очень: пожалуй, издержитъ на пустяки.

Дурнопечинъ. Хорошо. Поди позови. *(Настасья Кирилловна уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Дурнопечинъ *(одинъ)*. Замужъ идетъ за Ваничку. Кѣмъ утѣшилась! Не вранье ли впрочемъ это, не клеветаютъ ли на нее? Разспрошу этого дуралея; онъ, по глупости, все расскажетъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Дурнопечинъ, Настасья Кирилловна и Ваничка.

Настасья Кирилловна. Ваничка пришелъ, дядюшка; а я пойду да постерегу бабушку, чтобы она вдругъ не вошла и не увидѣла бы его...

Ваничка. Да что вы, маменька, болтеть ужъ очень! Что она мнѣ сдѣлаетъ? Теперь не поддамся.

Настасья Кирилловна. Тише говори, горлопанъ этакой! мало тебѣ давеча было?

Дурнопечинъ. Въ самомъ дѣлѣ, говори, братецъ, потише; иди сюда, сядь около меня, подвинься поближе. (*Ваничка садится и подвигается*).

Настасья Кирилловна (*уходит*). Такъ я пойду-съ.

Дурнопечинъ. Ступай.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, *кромя* Настасья Кирилловны.

Дурнопечинъ. Ну, такъ какъ же, ты женишься, а?

Ваничка. Да-съ.

Дурнопечинъ. Влюбленъ ты въ невесту свою?

Ваничка. Влюбленъ-съ! Она хорошенькая, такая модница, ученая-съ; не то что, вонъ, около насъ есть барышни-сосѣдки, тѣ дуры: изъ себя толстыя, неуклюжія, и говорить-то ничего не умѣютъ: все гнусятъ въ носъ.

Дурнопечинъ. Ну, а Надежда Ивановна въ тебя тоже влюблена?

Ваничка. Я не знаю-съ. Надо полагать, что влюблена.

Дурнопечинъ. Да вѣдь ты объяснялся съ ней? Когда, то есть, давно ли ты объяснялся съ ней?

Ваничка. Да что вы ужъ очень любопытны: вамъ все разсказывай; вы, пожалуй, послѣ смѣяться станете.

Дурнопечинъ. Ну вотъ еще что пришло въ голову. Надъ чѣмъ же я стану смѣяться? Я не Богъ

знаеть что тебя спрашиваю: когда ты въ любви съ ней объяснился?

Ваничка. Когда? Весной нынче, у дяденьки Никанора Семеныча на праздникъ.

Дурнопечинъ. Ну!..

Ваничка. Мы въ гумнѣ въ горѣлки играли; она мнѣ все руку жала.

Дурнопечинъ. Руку жала?

Ваничка. Да-съ. Я и забѣжалъ въ сарай съ соломой-съ, а она за мной-съ, ловила да и толкнула меня на солому-съ, а я всталъ да ее толкнулъ, а она, будто сама встать-то не сможетъ, и схватила меня за шею, тутъ мы и поцѣловались.

Дурнопечинъ. Неужели поцѣловались?

Ваничка. Право, поцѣловались: она добрая-съ.

Дурнопечинъ. Что-же послѣ?

Ваничка. Ничего. Послѣ вечеромъ все потихоньку разговаривали; она меня все стихи учила-съ, теперь ужъ забылъ какіе, а на другой день записочку мнѣ написала, чтобы я къ нимъ пріѣзжалъ. Да вы перескажите кому-нибудь, дѣдушка? вѣдь не хорошо: пожалуй, разсердится.

Дурнопечинъ. Не бойся, что мнѣ за дѣло рассказывать.

Ваничка. То-то-съ... я вотъ, дѣдушка, хочу у васъ попросить денежекъ: вы вѣдь ужъ и общались. Платья-то у меня хорошаго нѣтъ, и вѣнчаться-то не въ чемъ. Вы, сдѣлайте милость, одолжите. Вонъ маменька, что по попадьямъ бѣгаетъ, да просить, что у нихъ взять—шишь!

Дурнопечинъ. Хорошо, если ужъ я общался,

такъ помогу; только ты вотъ расскажи мнѣ поаккуратнѣе.

Ваничка. Да я и то рассказываю, что знаю.

Дурнопечинъ. Конечно. Вотъ что ты мнѣ скажи: сегодня невѣста, когда слово тебѣ дала, весела и счастлива?

Ваничка. Весела-сь. О чемъ ей плакать? За-мужь-то ей ужь давно хочется.

Дурнопечинъ. Что-же, она шутить съ тобой?

Ваничка. Шутить. Я впрочемъ у нихъ не долго былъ-сь. Мнѣ теперь деньги безпремѣнно нужны: конфектъ бы теперь надобно купить, а не на что; въ долгъ ужь у купцовъ хотѣлъ попросить, да они здѣсь на это такой народъ: на копѣйку въ долгъ не повѣрятъ. Пожалуйте-сь мнѣ, дѣдушка, теперь; вамъ все равно.

Дурнопечинъ. Хорошо. Скажи мнѣ еще, что Михайло Иванычъ говоритъ? Весель онъ тоже?

Ваничка. Весель-сь. Сидитъ да трубку курить. Шаферомъ у меня будетъ.

Дурнопечинъ. Если ты мнѣ еще скажешь одну штучку, я тебѣ сейчасъ же дамъ денегъ; только смотри, не ври.

Ваничка. Хорошо-сь.

Дурнопечинъ. Скажи ты мнѣ, что они про меня говорили?

Ваничка. Что про васъ говорили-сь?.. Я вамъ скажу всю правду: смѣялись надъ вами. Я сказала про васъ, а Надежда Ивановна мнѣ и говоритъ: «дѣдушка вашъ разслабленный, ему бы, говорить, калѣкой ходить да собирать».

Дурнопечинъ. Ну, а Михайло Иванычъ что?

Ваничка. А онъ говоритъ: «напередъ, говорить, ему руки и ноги надо выломагъ, да уродомъ и возить въ телѣжкѣ».

Дурнопечинъ. Что же это онъ съ сердцемъ сказалъ?

Ваничка. Нѣтъ; такъ смѣялся. Одолжите, дѣдушка что обѣщали; я вамъ все сказалъ; мнѣ пора.

Дурнопечинъ (*вынимая красенькую и давая*). Ну, на покуда десять цѣлковыхъ: нравься невѣстѣ; смотри не упусти: эта партія для тебя выгодная.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Бабушка, я думаю, сейчасъ придетъ-съ. Ступай, Ваничка. Освободите его, отецъ мой!

Ваничка. Уйду. Что вы тутъ хлопчете? Прощайте, дѣдушка! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Дурнопечинъ и Настасья Кирилловна.

Настасья Кирилловна. Насчетъ просьбы моей, дѣдушка, всю надежду теперь на васъ полагаю.

Дурнопечинъ. Хорошо. Завтра объ этомъ поговоримъ. (*Настасья Кирилловна, поцѣловавъ Дурнопечина въ плечо, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Дурнопечинъ *(одинъ)*. Это чудесно, если все такъ устроилось: теперь можно быть спокойну... однако какіе это Каноричи хитрые и безчувственные люди: шутятъ и смѣются, а давеча что изъ себя представляли. Достались же мнѣ эти три денька, нечего сказать. Вотъ какъ теперь ничего нѣтъ, такъ не выдумаешь... Никита! *(Никита входитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XX

Дурнопечинъ и Никита; *потомъ* Соломонида Платоновна.

Дурнопечинъ. Давай мнѣ, братецъ, другой галстухъ, приготовь мнѣ сверху новое на байкѣ пальто; станемъ мы франтить сегодня; завтра поѣдемъ мы съ тобой къ теткѣ въ деревню, тамъ я женюсь на хорошенькой; ты тоже женишься на какой-нибудь горничней Павлушѣ или Маврушѣ.

Никита. А что, это хорошо-съ: не вѣкъ холостымъ шататься.

Дурнопечинъ *(ходя веселыми шагами и потирая руки)*. Непремѣнно женишься и будешь жить, веселиться и пѣть. Помнишь, какъ прежде бывало, этакъ въ пріятельской прущкѣ, немножко тово... *(Щелкаетъ себя по галстуху)*. Да, и запоемъ хоромъ. *(Становится передъ Никитой, бьетъ тактъ рукой, запѣваетъ сначала тихонько, потомъ громче и громче)*.

«Краса пирующихъ друзей,
 «Забавъ и радостей подружка,
 «Предстань, предстань предъ насъ скорѣй,
 «Большая серебряная кружка.

(Притопываетъ ногой).

«И намъ въ тебя
 «Давно пора
 «Налить пивца
 «И пѣть: ура, ура, ура!!!

(Никита тоже подпѣваетъ).

Дурнопечинь. Тамъ опять куплетъ, не помню
 ужъ словъ; а тутъ, а тутъ опять припѣвъ:

«И намъ въ тебя
 «Давно пора
 «Налить пивца
 «И пѣть: ура, ура, ура!!!

*(Соломанида Платоновна, вошедшая къ половинѣ
 ари, захопала).*

Соломанида Платоновна. Славно! Мастеръ!
 Какой пѣвецъ выискался.

Дурнопечинь. Ой, тетушка, подслушали вы
 меня. Я, слава Богу, успокоился. Въ прежніе годы я
 весельчакъ бывалъ-съ. Бывало, по цѣлымъ ночамъ
 танцевалъ.

Соломанида Платоновна. Что ужъ про
 тебя и говорить. Собирайся!

Дурнопечинь *(оправляясь передъ зеркаломъ, поетъ
 на тотъ же юлосъ).*

«Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ,
 «Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ.

Соломанида Платоновна. Ну, поскорѣе.
 Прокатимся, да мнѣ письмо писать надобно къ сестрѣ
 въ Саратовъ, чтобъ почаще увѣдомляла о себѣ: хо-
 лера, пишутъ въ газетахъ, тамъ начинается.

Дурнопечинъ *(вдругъ поблѣднѣвъ)*. Какъ холера?

Соломанида Платоновна. Какъ холера?
Обыкновенно какъ...

Дурнопечинъ *(совершенно растерявшись)*. Вотъ тебѣ еще новость, я не поѣду, тетушка.

Соломанида Платоновна. Это отчего не поѣдешь?

Дурнопечинъ. Да какъ же-съ, холера!

Соломанида Платоновна. Ахъ, ты, полумный человѣкъ, за 500 верстѣ холера, а онъ не поѣдетъ, а хоть бы и здѣсь была, что-жь ты все и будешь сидѣть закупорившись: спрячешься отъ нея?

Дурнопечинъ. Я знаю, что не спрячусь, да что же дѣлать, если не могу? Вотъ ужъ начало давить подъ ложечкой, дышать не могу. Нѣтъ, я не поѣду.

Соломанида Платоновна *(строго вставая передъ Дурнопечинымъ)*. Что вы, Николай Михайлычъ, шутите, что ли, надо мной, или ужъ совсѣмъ съ ума сошли? Сейчасъ козломъ прыгалъ, а тутъ вдругъ... Сію минуту одѣвайся и ѣдемъ.

Дурнопечинъ. Нѣтъ-съ, не могу, извините меня; можетъ быть, дѣйствительно я странный и капризный человѣкъ; но рѣшительно не могу: у меня все вдругъ заболѣло, я ужъ и сидѣть не въ состояніи; позвольте мнѣ прилечь. *(Ложится на диванъ)*.

Соломанида Платоновна *(вышедшая изъ себя и всплеснувъ руками)*. Батюшки мои, что это за человѣкъ! Тфу!.. *(Пошла и оборачиваясь)*. Этакой дряни... Этакого мозгляка... Тфу!.. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Дурнопечинъ и Никита.

НИКИТА (*къ зрителямъ*). Вотъ тебѣ и невѣста и катанье.

ДУРНОПЕЧИНЪ. Нѣтъ мнѣ видно радостей, нѣтъ для меня счастья... Все было хорошо, только не надолго. Грустиѣй всего, что никто въ мірѣ мнѣ не вѣритъ, никто даже и не пожалѣетъ меня... А я, право, боленъ, ужасно боленъ. Вотъ теперь ослабъ совершенно... а испарина, испарина-то какая!.. (*Никита только махаетъ рукой*).

(Занавѣсъ падаетъ).

РАЗДѢЛЪ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Прокофѣичъ Манохинъ.

Кириллъ Семенычъ Манохинъ, двоюродный братъ его.

Анна Ефремовна Бурьленко, урожденная Манохина, двоюродная сестра ихъ.

Сергѣй Васильичъ Захаровъ, двоюродный племянникъ ихъ.

Эмилія Петровна Синицына, двоюродная племянница ихъ.

Катенька, воспитанница Анны Ефремовны.

Павель Михайлычъ Богдановъ, воспитанникъ покойнаго Михаила Евграфыча Манохина.

Матвѣевна, старая горничная, дѣвица.

Фаддей Сидоровъ, староста,

Григорій Васильевъ, старый лакей,

Двое лакеевъ съ женами.

Степанъ, слуга Ивана Прокофѣича.

} люди покойнаго Михаила Евграфыча Манохина.

Дѣйствіе происходитъ въ Починкѣ, усадьбѣ Михаила Евграфыча Манохина.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ гостиную.

ЯВЛЕНІЕ I.

На авансценѣ, по правую сторону, у окна, сидитъ Катенька; около нея, развалиясь въ креслахъ, съ лорнеткой въ глазу, Сергѣй Васильчъ; рядомъ съ нимъ — Эмилія Петровна; у стола, на диванѣ, Анна Ефимовна; къ лѣвой сторонѣ — Кирялль Семенычъ, и не вдалекѣ отъ него, за столомъ, уложеннымъ бумагами, Иванъ Прокофьичъ; въ глубинѣ сцены стоятъ: старая горничная дѣвица Матвѣевна, бурмистръ Фаддей Сидоровъ, старшій дворецкій Григорій Васильевъ, два лакея съ женами.

Анна Ефимовна (полу-обращаясь къ людямъ). Я и прежде говорила и теперь повторяю, что мнѣ ничего особеннаго не надобно: не поставь себѣ твердымъ правиломъ исполнять обязанность христіянки и родственницы во всѣхъ случаяхъ моей жизни, я бы не имѣла даже силы пріѣхать сюда... Вы всё знаете, какъ любилъ меня покойникъ; кто былъ его тайный и секретный другъ, кто былъ совѣтникъ ему во всемъ, какъ не я? а ничего противъ прочихъ не желаю; куда мнѣ! — день мой — вѣкъ мой! (обращаясь

къ Катенькѣ вполмогоса). Catiche, arrange-toi, vois donc comme ton collet est chiffonné.

КАТЕНЬКА. Je suis toute fatiguée du voyage, chère maman.

АННА ЕФРЕМОВНА. Tu dis des folies.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ *(теткѣ)*. И мы, ma tante, тоже ничего особеннаго не желаемъ: я проживаю тысячу цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, такъ для меня, право, всякаго рода наслѣдство капля въ морѣ.

КИРИЛЛЪ СЕМВИИЧЪ. Можно ли, при такой горести, особеннаго желать! Вотъ хоть бы я: думалъ ли, прошлой весной, что черезъ годъ прїѣду къ дядюшкѣ, а его ужъ и въ живыхъ не будетъ! *(утираетъ глаза платкомъ)*.

ЭМИЛИЯ ПЕТРОВНА. Я ближе всѣхъ къ покойному дѣдушкѣ жила и, въ прежнее время, довольно часто у него бывала; но когда онъ сдѣлался серьезно боленъ, то рѣшительно отказалась, чтобы не навлечь на себя никакого подозрѣнія, и даже теперь прїѣхала потому, что этого требовалъ отъ меня мой мужъ: онъ самъ имѣетъ свое состояніе и хочетъ, чтобы я его имѣла. Я, какъ жена, хочу исполнить его желаніе: на что онъ будетъ согласенъ, на то и я; а что онъ не корыстенъ и добръ, такъ это всѣ посторонніе знаютъ.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Объ этомъ-съ послѣ надобно говорить, а лучше о деньгахъ спросить: кто барскія деньги укралъ?

АННА ЕФРЕМОВНА. Я, мой родной, начала этотъ разговоръ къ тому, чтобы внушить имъ *(указывая на людей)*, что мы, родные, не похожи на

другихъ: наше родство служило и будетъ служить примѣромъ согласія.

Кириллъ Семенычъ. Именно, наше родство можетъ случить примѣромъ; я сегодня по утру то же самое говорилъ.

Анна Ефремовна *(къ людямъ)*. Вы, мои голубчики, должны прежде всего думать, что правда яснѣ солнца, а ложь не поможетъ: мы будемъ всё дѣйствовать единодушно. Вотъ, напримѣръ, Матвѣевнѣ: какъ ей не сказать правды о деньгахъ, о которыхъ братецъ Иванъ Прокофьичъ спрашиваетъ. Къ покойному дядѣ она была всегда близка. Мы всегда ее разумѣли за женщину честную. Она первая должна открыть всю истину.

Кириллъ Семенычъ. Она и откроетъ,—въ этомъ и сомнѣваться нечего.

Матвѣевна *(выступая и прикладывая руку къ сердцу)*. Всенижайшая мать, государыня Анна Ефремовна! Мы, еще при жизни покойнаго барина нашего, всегда къ стопамъ вашимъ припадали, а не то, что намъ, при такомъ случаѣ, говорить какія-нибудь лживыя рѣчи. Меня, съ позволенія сказать, и безъ того вся дворня поѣдомъ ѣсть, а я, по сей день—ослѣпнуть на этомъ мѣстѣ—ни въ чемъ неповинна. Сама, передъ вашими особами, признаюсь: чайку люблю выпить, а больше ничего... Мнѣ самъ покойникъ-баринъ говаривалъ: «пей, говоритъ, ты, Матвѣевна, сколько хочешь чаю, только не бранись,» а я этого не могла, такъ повела себя съ малолѣтства: какая ни на есть правда, передъ господами не скрою.

Анна Ефремовна. Это, моя милушка, очень

похвально съ твоей стороны, и потому говори все: мы тебя не выдадимъ.

Кирилль Семенычъ. Такъ неужели же, сестрица, она думаетъ, что мы ее выдадимъ? Этого быть не можетъ.

Матвѣевна. Что мнѣ думать, Кирилль Семенычъ! думать я не могу, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами готова открыть свою душу.

Сергѣй Васильичъ. Тебя, старушка, не одушѣ спрашиваютъ: знать твою душу намъ рѣшительно не интересно, а ты скажи, гдѣ деньги. (*Къ Катенькѣ, подавая ей папироску*). Voulez-vous fumer, m-lle?

Катенька. Merci: я не курю.

Сергѣй Васильичъ. Вы такъ сегодня печальны.

Катенька. Я всегда такая.

Эмилія Петровна. Отчего вы, cousin, мнѣ не предложите?

Сергѣй Васильичъ. Вы не курите.

Эмилія Петровна. Но я хотѣла бы учиться у васъ.

Сергѣй Васильичъ (*подавая ей папиросу*). Prenez!

Эмилія Петровна. Merci! теперь ужъ я не хочу.

Анна Ефремовна. Говори же, милая Матвѣевна; мы ждемъ тебя.

Матвѣевна. Чтò мнѣ, Анна Ефремовна, говорить? говорить мнѣ больше не приходится.

Иванъ Прокофьичъ. Послѣ брата остались деньги-съ, а теперь ихъ нѣтъ на лицо; такъ вы должны-съ сказать, гдѣ эти деньги.

МАТВѢВНА. Батюшка Иванъ Прокофьичъ, господинъ вы умный и разсудительный: какое слово вы отъ меня спросили! моему ли глупому разуму отвѣчать на это!

АННА ЕФРЕМОВНА. Вотъ ужъ это, Матвѣвна, мнѣ очень непріятно слышать: отвѣчать у тебя хватитъ ума на все, но ты не хочешь; а мы на тебя надѣялись.

МАТВѢВНА. Ничего, матушка Анна Ефремовна, по теперешнему случаю, не знаю; хоть озолотите меня, теперь ничего не могу сказать.

КИРИЛЛЪ СЕМЕНЫЧЪ. Грѣхъ и стыдно тебѣ, Матвѣвна, такъ говорить. Кабы я не самъ былъ при этомъ, такъ не повѣрилъ-бы.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ (*указывая на Григорья Васильева*). Можетъ быть, этотъ старикъ лучше скажетъ.

АННА ЕФРЕМОВНА. Неужели и ты, Григорій Васильевъ, возьмешь грѣхъ на свою душу?

ГРИГОРІЙ. А я вотъ, матушка, тоже ничего не знаю: глухой да слѣпой, что мнѣ сказать!.. Какое у меня было на рукахъ барское бѣлье и платье, все цѣло; а больше что же! хоть обыщите, у меня больше ничего нѣтъ. Подсвѣчники да ножи были у Петрушки, столовое бѣлье съ посудой у Ивана, а другое прочее я и не знаю у кого. Послѣдній годъ глаза меня больно одоляли: вотъ хоть бы васъ: голосокъ-то еще кое-какъ слышу, а въ личико не разсматриваю. Не думалъ я пережить покойнаго барина... Что дѣлать! не своя воля, а Божія.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Отъ этихъ-съ много не узнаешь-съ. (*Къ старость*). Вы-съ что же-съ?

ӨАДДЕЙ СИДОРОВЪ. Я къ этому дѣлу, Иванъ

Прокофьичъ, не причастенъ ничѣмъ: наша вотчина не то, чтобы была дальная. Дѣло извѣстное: соберешь оброки, принесешь барину, и конецъ! Вамъ, по этому случаю, лучше Павла Михайлыча спросить: они завсегда всѣ счеты повѣряли у покойника; а мое дѣло мужицкое: я ничего не знаю.

Анна Ефремовна. Ты, Оаддеюшка, сослался на вашего Павла Михайлыча очень некстати. При всей моей кротости, я видѣть не могла равнодушно этого человѣка: онъ Божеское наказаніе въ нашемъ семействѣ! Не будь его, дядя былъ бы совершенно иначе расположенъ къ своимъ роднымъ. Я полагаю, братецъ Иванъ Прокофьичъ, что молодыхъ нечего и спрашивать; если старыя плутуютъ, такъ молодежь, конечно, пойдетъ по ихъ слѣдамъ.

Оаддей Сидоровъ. Какъ сударыня, вашей милости угодно, а мы за собой никакого не знаемъ плутовства.

Григорій. Ахъ, матушка Анна Ефремовна, какіе ужъ мы плуты! глухіе да старыя — экихъ вы плутовъ нашли!

Анна Ефремовна. Сдѣлайте милость, не оправдывайтесь. (*Къ Ивану Прокофьичу*). Я полагаю, мой родной, имъ можно идти.

Иванъ Прокофьичъ. Можно-съ: вы ихъ спрашивали, а я на нихъ ужъ насмотрѣлся.

Анна Ефремовна. Ступайте... Во всякомъ случаѣ, братъ Иванъ Прокофьичъ и вы, братъ Кириллъ Семенычъ, какъ старшіе въ семействѣ и мужчины, должны тутъ принять мѣры. Я объ этомъ васъ покорнѣйше прошу... Что-жь вы стоите? Ступайте. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Матвѣевны*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, *кромя* Спдорова, Васильева и лакеевъ съ ихъ женами.

Кирилль Семенычъ (*къ Матвѣевнѣ*). Ты что еще тутъ стоишь? Ты слышала, братецъ приказаль идти: что же тутъ вертишься? Подслушивать, что ли хочешь?

Матвѣевна. Милости хочу вашей барской просить, меня съѣли совсѣмъ въ дворнѣ! Анна Ефремовна давеча изволила сказать, что старыя плутуютъ, а молодыя за ними вслѣдъ идутъ, — именно правда, мать-государыня: за это-то я и при покойномъ баринѣ пропала, что была имъ не потатчица!.. Слѣпой этотъ Григорій Васильичъ до самаго конца при баринѣ находился... Анютка, что передъ вами стояла, только званіе носить замужней бабы, а живетъ нивѣсть какъ. Хоть бы съ этого взять: придетъ лѣто, по домамъ, на закромахъ грибы и ягоды носить, а барину все нѣтъ да не родилось... а мнѣ бездѣлицей въ глаза тычутъ... Грѣшнымъ дѣломъ самоварчикъ поставишь, такъ всѣ и кинутся... что ты тутъ, говорятъ, съ своими чаями расположилась! избу, говорятъ, сожжешь...

Иванъ Прокофьичъ. Подите сюда ко мнѣ поближе-съ. Кто былъ послѣднее время около дяди-съ, когда онъ кончался-съ?

Кирилль Семенычъ. Именно это всего важнѣй... Я только хотѣлъ спросить, кто при немъ послѣднее время находился.

Матвѣевна. Всѣ были, кромѣ меня; потому что меня еще за недѣлю допускать не стали... Двадцать лѣтъ ходила за покойнымъ баринномъ, а тутъ вдругъ негодна стала!.. А насчетъ денегъ, такъ вамъ прямо доложу: это никѣмъ другимъ сдѣлано, какъ Павломъ Михайлычемъ. Въ дворнѣ это тоже знаемо, только вамъ не скажутъ: у нихъ все это ведено заедино; поэтому давеча мнѣ и опасно было говорить... а я могу сказать вамъ всю сущую правду.

Анна Ефремовна. Правду говорить, милая моя, опасаться нечего: я и прежде говорила и теперь повторяю: правда яснѣе солнца.

Матвѣевна. Матушка Анна Ефремовна, какъ мнѣ не опасаться: человекъ я маленькій! ну, какъ что послѣ выдетъ, такъ меня своя братья живую въ землю закопаютъ.

Иванъ Прокофьичъ. Какже это-съ онъ сдѣлалъ насчетъ денегъ?

Матвѣевна. Сдѣлалъ, Иванъ Прокофьичъ, просто: еще за два дня до смерти барина шкатулку спровадилъ. Немало я еще ему до этого говорила: батюшка, говорю, Павелъ Михайлычъ, баринъ этакъ трудень, отчего вы къ братцамъ и сестрицамъ повѣстки не дадите? «Самъ Михайло Евграфычъ этого не хочетъ», только и отвѣтилъ... Что послѣ этого станешь дѣлать? Покойникъ разумѣлъ его все равно, что за роднаго сына.

Иванъ Прокофьичъ. Куда же-съ онъ эту шкатулку дѣвалъ?

Матвѣевна. Надо полагать, увезъ къ Николаю Семенычу Бохмурову — въ дворнѣ болтаютъ про

это: да и дѣвать ему больше некуда. Тотъ вѣдь, сами изволите знать, большой былъ пріятель барину: за день, кажется, передъ тѣмъ дѣломъ онъ былъ у насъ, и все съ воспитанникомъ сидѣли въ кабинетѣ у покойнаго и шептались; а опосля, на другое или на третье утро, сама своими глазами видѣла, какъ нашъ-то молодчикъ сѣлъ этакъ на бѣговыя дрожки, поставилъ шкатулку передъ собой и погналъ во всю прыть. Я даже тутъ всплакала: жалко вѣдь, какъ барское добро расхищаютъ; прямо бросилась на старосту. Что, я говорю, ты такой-этакой дѣлаешь? Три, что ли, у тебя головы? Видишь или нѣтъ, что у насъ дѣлается? «Молчи, говоритъ, старуха! не наше дѣло!» Охъ, милые господа мои, лучше ужъ молчать! Какъ все-то говорить, такъ и словъ не достанетъ! сраму столько было, что я, живучи эдакіе годы, не привидывала!

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Это, однако, становится очень любопытно... Вотъ тебѣ, старушка десять рублей; говори, пожалуйста, откровеннѣе. Главное скажи намъ, сколько у дяди было денегъ.

МАТВѢЕВНА (*принимая деньги и цѣлуя у него руку*). Тысячъ сто было-съ.

ВСЬ (*кромя Ивана Прокофьича*). Сто тысячъ!!

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Нѣтъ-съ, это пустяки: ста тысячъ не было.

МАТВѢЕВНА. Ай, батюшка, какъ не быть! куда же деньгамъ дѣваться? Последнее время онъ очень тугъ на нихъ сдѣлался. Не знаю, какъ другой прислугѣ, потому что отъ меня всегда всякую малость таятъ, а мнѣ такъ ужъ года два ни платьевъ, ни башмаковъ, ничего не выдавалъ.

Иванъ Прокофьичъ. Что же еще было?

Кириллъ Семенычъ. Срамъ-то какой еще былъ?

Матвѣевна. А такой, что какъ пріѣхалъ этотъ воспитаникъ въ обратную, сейчасъ же позвалъ бурмистра и пошли по всѣмъ барскимъ владовымъ и сундукамъ, перебирали и пересматривали, примѣрно сказать, съ раиняго утра до поздняго уювода.

Анна Ефремовна. Боже мой, Боже мой! на что люди рѣшаются!.. около умирающаго совершать подобныя вещи!

Эмилія Петровна. Они, вѣрно, все, что было получше, и выкрали.

Матвѣевна. Такъ для чего же, какъ не для этого, государыня моя, Эмилія Петровна! Вотъ какъ мнѣ ничего не нужно въ вашемъ шкафѣ или сундукѣ, такъ пойду ли я! смѣю ли я это сдѣлать?

Иванъ Прокофьичъ. Что же такое-съ они выбрали изъ комода?

Матвѣевна. Не припомню, Иванъ Прокофьичъ! Съ моей ли, батюшка, памятью всякую малость помнить! Вотъ теперь извольте спросить меня, что сегодня по утру было,—не помню.

Иванъ Прокофьичъ. Говорите дальше-съ.

Матвѣевна. А дальше, Иванъ Прокофьичъ, было такое дѣло: запечатали комоды, вдругъ говорятъ: собрать всю дворню въ залу. Пришли мы, и я, грѣшная, приплелась. Изъ кабинета выходитъ Павелъ Михайлычъ, и обѣ дверцы растворились на распашку. Батюшка-баринъ привсталъ этакъ немного на постельѣ: видно, что ему сказать что-то

хочется, а молвы нѣтъ, только глазами обводитъ всѣхъ...

Иванъ Прокофьичъ. Какъ молвы нѣтъ?

Матвѣевна. Такъ-съ, ничего не сказалъ.

Кирилль Семенычъ. Да, вонъ она какая правда выходитъ!

Иванъ Прокофьичъ. Языкъ, что ли, у него отнялся?

Матвѣевна. Почти что такъ. Какой ужъ у этакого больнаго человѣка можетъ быть языкъ! Только что сворачивали, что, будто бы, по его приказанію дѣлалось; а онъ и въ добрую пору не любилъ приказанія давать: не очень разговорчивъ былъ, нечего сказать.

Анна Ефремовна. Для чего жъ созывали васъ всѣхъ?

Матвѣевна. Къ наградѣ всѣ призваны были: «баринъ вашъ, почалъ Павелъ Михайлычъ, за вашу вѣрную службу желаетъ васъ наградить. Вотъ, говоритъ, Ѳаддей Сидоровъ, тебѣ пятьдесятъ рублей серебромъ: ты, говоритъ, никогда ни въ чемъ замѣченъ не былъ»... замѣтишь ли этакого плута? въ глазахъ проведетъ хоть кого. «Вотъ и тебѣ, старичокъ, тоже пятьдесятъ рублей» Григорью говоритъ: «не плачь, говоритъ, ты не будешь безъ куска хлѣба», а тотъ ужъ и расхныкался, повалился въ ноги и встать будто не сможетъ... прехитрый старичишко! тамъ вамъ какъ-угодно понимать его, а онъ человѣкъ преехидный. Послѣ этого всѣхъ молодыхъ, которые въ горницѣ служили, по двадцати-пяти рублевъ обдѣлилъ, а прочей дворнѣ — по десяти рублей на семью; а обо мнѣ и помину

нѣтъ: стою, какъ оплеванная; у сердца у меня сдѣлалось тошно! «Чѣмъ я, говорю, Павелъ Михайлычъ, хуже всѣхъ прочихъ, чѣмъ я передъ бариномъ провинилась?» а сама такъ ревомъ и заревѣла. «Тебѣ, говоритъ, тоже десять рублей», и подалъ мнѣ бумажку: «тебѣ бы и больше слѣдовало, да Михайло Евграфычъ тобою не доволенъ за то, что ты къ Аннѣ Ефремовнѣ письмо писала; а мнѣ какъ было не писать? Господа сирашиваютъ или приказываютъ тамъ что-нибудь, а я вишь буду ослушиваться... гдѣ это вѣдано?

А н н а Е ф р е м о в н а (*вспыхнувъ*). Ты это, милая моя, заговорила вздоръ: письмомъ ко мнѣ ты не могла разгнѣвать покойнаго дядю, и съ моей стороны было весьма натурально, что я желала провѣдать о здоровьѣ его: онъ былъ слишкомъ дорогъ и близокъ моему сердцу; а я такія имѣю правила, что вся моя жизнь посвящена на любовь къ роднымъ: въ письмѣ моемъ, ни я къ тебѣ, ни ты ко мнѣ, кажется, ничего, кромѣ какъ о здоровьѣ его не писали.

М а т в ѣ е в н а. Ничего больше не писали; а имъ показалось обидно: такое ужь мое, видно, несчастье въ этомъ приспѣло.

И в а н ъ П р о к о ф ѣ и ч ѣ. Вы сказали-съ, что братъ молвы не имѣлъ: давно ли-съ онъ ее потерялъ?

М а т в ѣ е в н а. Давно, Иванъ Прокофьичъ, давно ужь въ языкѣ былъ нерѣчистъ, а за недѣлю до смерти хуже годовалаго ребенка говорилъ.

И в а н ъ П р о к о ф ѣ и ч ѣ. И все, что вы говорили-съ, было въ эту недѣлю-съ?

МАТВѢВНА. Въ эту недѣлю.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Потомъ-съ?..

МАТВѢВНА. А потомъ—я вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами признаюсь—ничего потомъ больше не было.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Ты лжешь, Матвѣвна! когда ты приходила къ намъ въ усадьбу, на праздникъ, такъ говорила о дѣдушкиномъ шкафѣ съ книгами и о креслахъ.

КИРИЛЛЪ СЕМЕНЫЧЪ. Объ этомъ и я слышалъ.

МАТВѢВНА. Говорила, Эмилія Петровна,— не могу потаить, говорила.

АННА ЕФРЕМОВНА. Какой это шкафъ съ книгами?

МАТВѢВНА. Покойнаго барина шкафъ съ книгами...

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Чтѣ-жь изъ этого слѣдуетъ-съ?

МАТВѢВНА. Приемышь его взялъ къ себѣ въ тотъ же самый день, вижу, и книжки барскія тащатъ къ нему во флигель, а тутъ, посмотрю, и кресла туда же: только поглядѣла вслѣдъ, а говорить ужъ ничего не посмѣла.

АННА ЕФРЕМОВНА. Это превышаетъ всякое вѣроятіе. Братецъ Иванъ Прокофьичъ, родной мой, чтѣ вы намѣрены предпринять?

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Отберемъ-съ отъ нея показаніе и, сообразно съ нимъ, будемъ-съ разыскивать.

КИРИЛЛЪ СЕМЕНЫЧЪ. Непремѣнно надобно этакъ сдѣлать.

Эмилия Петровна. Еслибы я предполагала, что тутъ будутъ такъ воровать, то непременно бы была сама или просила бы моего мужа быть при смерти дѣдушки.

Кирилль Семенычъ. Тогда бы и было все хорошо и родные бы вамъ всѣ были благодарны, — а теперь что вышло! И я бы пріѣхалъ, при всемъ малолюдствѣ моемъ: на сѣнокосъ бы не посмотрѣлъ, да пріѣхалъ.

Иванъ Прокофьичъ *(къ Матвѣевнѣ)*. Подите-съ сюда поближе: все, что вы говорили, я записалъ-съ. Грамотныя ли вы-съ? умѣете ли писать-съ?

Матвѣевна. Какая, батюшка, писака: такъ кой-какія каракульки ставлю...

Иванъ Прокофьичъ. Ну, такъ слушайте-съ, я вамъ прочитаю: «Татьяна меня зовутъ, Матвѣева дочь, крѣпостная и дворовая дѣвица умершаго Михаила Евграфыча Манохина, будучи спрашиваема его наслѣдниками: штыкъ-юнкеромъ Кирилломъ Семенычемъ Манохинымъ, провинціальною секретаршею Эмилиєю Петровною Синициною, прапорщикомъ Сергѣемъ Васильичемъ Захаровымъ, вдовою коллежскою ассесоршею Анною Ефремовной Бурыленко и надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Прокофьичемъ Манохинымъ, показала, что покойный баринъ мой потерялъ языкъ за недѣлю до смерти и все это время находился въ совершенномъ безпамятствѣ. За нѣсколько дней до его смерти пріѣзжалъ и гостилъ сосѣдній помѣщикъ Николай Семенычъ Бохмуровъ, и вскорѣ послѣ его отъѣзда, воспитанникъ нашего барина, Павелъ Михайловъ Богдановъ, вынесъ барскую шкатулку, въ которой всегда хранились барскія деньги,

которыхъ было, какъ извѣстно мнѣ, тысячь сто, и отвезъ ее, на бѣговыхъ дрожкахъ, къ тому Бохму-рову. Въмѣстѣ со старостой Ѳаддеемъ Сидоровымъ они раскрывали всѣ барскіе сундуки и комоды, пере-сматривали всѣ вещи, изъ которыхъ весьма много похитили; а потомъ, собравъ всю дворню, онъ, Богдановъ, дабы скрыть свое преступленіе, началъ обдѣлять всѣхъ деньгами, а послѣ этого велѣлъ вы-носить различныя вещи въ занимаемый имъ флигель, какъ-то: шкафъ съ барскими книгами, кресла и проч., и когда я, видѣвъ, что господинъ мой находится близко къ смерти, стала имъ говорить, чтобы они извѣстили о томъ ближайшихъ родственниковъ, то онъ, Богдановъ, отозвался и велѣлъ мнѣ молчать»... Вы-съ это говорили?

М а т в ѣ в н а. Я, Иванъ Прокофьичъ...

И в а н ъ П р о к о ф ѣ и ч ѣ. Подпишите-съ. (*Мат-вѣевна беретъ перо*). Подпишите-съ свое имя и отече-ство, а если есть, такъ и прозвище.

М а т в ѣ в н а (*подписывая*). Какое прозвище! у меня никакого его нѣтъ; дразнять Галкой, только и есть..

И в а н ъ П р о к о ф ѣ и ч ѣ. Ну, Галки не надо. Ступайте.

М а т в ѣ в н а. Батюшка, Иванъ Прокофьичъ, какъ бы мнѣ чего не было.

А н н а Е ф р е м о в н а. Ахъ, Матвѣевна! я не думала, чтобы ты была такъ неразумительна! Что же тебѣ можетъ быть, когда ты дѣлаешь по совѣсти?

К и р и л л ѣ С е м е н ы ч ѣ. Я бы, на твоёмъ мѣстѣ, Матвѣевна, ничего не боялся... Чего бояться, когда дѣло говоришь?

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ же и Степанъ.

СТЕПАНЪ. *(входя)*. Воспитанникъ пришелъ-съ.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Пусть войдетъ!..

(Матвѣевна). Ты ступай! *(Степанъ и Матвѣевна уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ же, *кромя* Степана и Матвѣевны.АННА ЕФРЕМОВНА *(Катенькѣ)*. Поди и ты, душа моя, въ наши комнаты: теперь ты можешь отдохнуть. *(Катенька, молча посмотрѣвъ на Анну Ефремовну, встаетъ)*.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Зачѣмъ, та tante, вы ихъ отсюда усылаете? Имъ будетъ тамъ скучно.

АННА ЕФРЕМОВНА *(не обращая вниманія на его слова, Катенькѣ)*. Иди! *(Катенька уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ, ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА, АННА ЕФРЕМОВНА,
КИРИЛЪ СЕМЕИЧЪ и ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ.ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА *(Сергѣю Васильичу)*. Какъ мнѣ васъ жаль, кузень!

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Что такое?

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Ничего... Мнѣ васъ жаль.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Благодарю, хоть и не понимаю.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Какъ вы нынче стали непонятливы!

АННА ЕФРЕМОВНА. Тебя, Эмилія Петровна, дѣйствительно понять трудно, — Сережа это сираведливо говоритъ.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. И вы меня тоже не понимаете?

АННА ЕФРЕМОВНА. Рѣшительно не понимаю.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Ахъ, Боже мой, какая я послѣ этого загадочная!.. Но всетаки скажу, что дѣвушку воспитывать трудно: надобно имѣть очень бдительный надзоръ.

АННА ЕФРЕМОВНА. Что же ты именно хочешь этимъ выразить?

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Спросите лучше у Сергѣя Васильича: онъ, можетъ быть, будетъ съ вами откровеннѣе.

АННА ЕФРЕМОВНА. Сережа, что такое все это значить?

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ (*пожимая плечами*). Я, право, ma tante, не знаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ же и Богдановъ.

БОГДАНОВЪ (*входя и поклонившись вслѣдъ, на что ему никто не отвѣтилъ, къ Ивану Прокофьевичу*). Вы требовали меня-съ?

Иванъ Прокофьичъ *(продолжая писать)*. Да-съ...
Погодите немного. *(Молчаніе)*.

Эмилія Петровна *(Кириллу Семенычу)*. Я уѣхала изъ дому и, воображая скоро вернуться, захватила съ собою всё ключи: мой бѣдный Симонъ сидитъ теперь даже безъ чаю.

Кириллъ Семенычъ. Онъ, кажется, у васъ, какъ и я же, не охотникъ до этого.

Эмилія Петровна. Напротивъ, очень любить, особенно съ трубкой.

Богдановъ *(Эмили Петровнѣ)*. Если вамъ угодно, такъ можно послать съ нарочнымъ.

Эмилія Петровна *(съ насмѣшкой)*. Благодарю васъ: если я захочу, такъ и сама могу здѣсь распорядиться и послать. *(Молчаніе)*.

Иванъ Прокофьичъ. Мы-съ извѣстился, что, въ предсмертные дни нашего дяди, распропало-съ много вещей. Вы-съ были при немъ безотлучно: не угодно ли вамъ объяснить-съ, кѣмъ именно эти вещи расхищены и гдѣ онѣ нынѣ находятся?

Богдановъ. Изъ его движимости не расхищено ничего, потому что, еще при жизни его, на все наложены его именныя печати.

Иванъ Прокофьичъ. Опечатываютъ имѣнія наследники-съ или полиція, а не нахлѣбники, не имѣющіе никакаго права на наследство.

Богдановъ. Опечатывалъ не я, если вы разумѣете подъ именемъ нахлѣбника меня; а это была воля умирающаго.

Анна Ефремовна. Умоляю васъ, не приводите, въ этомъ случаѣ имени нашего дяди: въ какомъ

онъ былъ, послѣднее время, тяжкомъ положеніи, мы, какъ добрые родные, знали очень хорошо.

Эмилия Петровна. Я еще за два мѣсяца была у дѣдушки до его смерти, и тогда ужъ онъ говорилъ очень дурно.

Иванъ Прокофѣичъ. Говорилъ дурно-съ и соображенія не имѣлъ-съ.

Кириллъ Семенычъ. Какое ужъ соображеніе! Я здоровый человѣкъ, помоложе его, и то соображенія не имѣю.

Богдановъ. Я не знаю-съ: Михайло Евграфычъ до послѣдней минуты не утратилъ разсудка и выражалъ свои мысли и желанія очень ясно.

Иванъ Прокофѣичъ. Вы-съ говорите, что ничего изъ движимости не утрачено; а на примѣръ-съ гдѣ шкафъ дяди съ книгами и его любимое кресло?

Богдановъ. Шкафъ съ книгами и любимое кресло Михайла Евграфыча у меня; но онъ самъ то и другое подарилъ мнѣ.

Иванъ Прокофѣичъ. Стало быть-съ, вы признаетесь, что кресла и шкафъ захвачены вами? Такъ и запишемъ.

Богдановъ. Я не признаюсь въ этомъ: эти вещи мной не захвачены, а онѣ мнѣ подарены.

Иванъ Прокофѣичъ. Въ числѣ утраченныхъ вещей похищена шкатулка съ деньгами, которыхъ хранилось до ста тысячъ.

Богдановъ (*нѣсколько сконфузившись*). Сколько въ этой шкатулкѣ было денегъ и какое она получила послѣ покойнаго назначеніе, я не знаю.

Иванъ Прокофѣичъ. Намъ извѣстно-съ, что вы лично вынесли ее и увезли, а потому мы васъ

спрашиваемъ: по какому вы праву завладѣли этой шкатулкой и куда именно ее скрыли?

Богдановъ. Все это происходило, когда Михайло Евграфычъ былъ еще живъ, и этой шкатулки у меня, въ настоящее время, нѣтъ.

Иванъ Прокофьичъ. Однако, она вами увезена, и мы знаемъ, куда именно.

Богдановъ. Можетъ быть; но, по крайней мѣрѣ, я съ своей стороны не считаю себя ни въ правѣ, ни обязаннымъ отвѣчать на это.

Анна Ефремовна. Вы, молодой человѣкъ, хотите, я вижу, совершенно вооружить насъ противъ себя; а вамъ этого не слѣдовало бы дѣлать, если не по собственнымъ чувствамъ, то въ память вашего втораго отца.

Эмилия Петровна (*Богданову*). Вы не смѣете намъ не отвѣчать, когда мы васъ спрашиваемъ.

Богдановъ. Почему-жь, не смѣю?

Эмилия Петровна. Потому, что не смѣете.

Богдановъ. Странная причина!

Иванъ Прокофьичъ (*перебивая его*). Вы должны намъ написать, что было при смерти дяди.

Богдановъ. Что же такое было особеннаго при смерти Михайла Евграфыча и что я могу написать?

Иванъ Прокофьичъ. То, что вы со старостой осматривали и опечатывали всѣ дядины вещи, обдѣляли всю дворню деньгами, изъ движимости взяли себѣ шкафъ съ книгами, кресла и прочее, увезли шкатулку на бѣговыхъ дрожжахъ,—вотъ что было съ!

Богдановъ. Нѣтъ-съ, я этого не напишу-съ!
 Иванъ Прокофьичъ. Ну, не напишите, такъ
 ступайте!.. (*Богдановъ, встѣмъ слегка поклонившись, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, что въ явленіи V.

Иванъ Прокофьичъ (*обращаясь къ Кириллу Семенову и къ Сергію Васильичу*). Подите и велите нашимъ людямъ его арестовать... Пускай хоть въ амбаръ посадятъ и ключъ ко мнѣ принесутъ.

Кириллъ Семеновъ (*Сергію Васильичу*). Ступайте ужь вы-съ.

Сергѣй Васильичъ (*насмѣливо*). А вы то что же?

Иванъ Прокофьичъ (*Сергію Васильичу*). Нѣтъ, вы ступайте-съ!

Сергѣй Васильичъ (*безпечно*). Я, пожалуй, пойду... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Эмилія Петровна, Анна Ефремовна, Кириллъ Семеновъ
 и Иванъ Прокофьичъ.

Анна Ефремовна (*потупляя голову*). Какъ тяжело и непріятно все это видѣть!.. Такую ли дядя думалъ видѣть благодарность въ этомъ дерзкомъ мальчишкѣ, котораго воспиталъ, какъ сына, и по-

слѣднее время, откровенно должно сказать, предпочелъ его всѣмъ своимъ роднымъ.

Эмилія Петровна. Какъ мнѣ жаль, что нѣтъ со мной моего Симона! Онъ бы справился съ этимъ господиномъ!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ТѢ же и Сергѣй Васильчъ.

Сергѣй Васильчъ. Посадили... *(поправляя на себя галстухъ и жилетъ)*. Онъ ужасный однако скотина... *(обращаясь къ Ивану Прокофьичу)*. Что жъ мы теперь предпримемъ?

Иванъ Прокофьичъ. Напишемъ-съ всё вмѣстѣ письмо къ Бохмурову.

Кирпиль Семенычъ. Больше этого теперь нечего дѣлать.

Анна Ефремовна. Въ какомъ же родѣ будетъ это, голубчикъ мой, письмо?

Иванъ Прокофьичъ. Въ такомъ-съ, что вотъ-съ, прибывъ въ имѣніе нашего дяди, мы-съ, къ крайнему нашему-съ удивленію, нашли многія вещи изъ движимости растраченными-съ, въ числѣ которыхъ-съ, какъ показываютъ люди, находилась и шкатулка со ста тысячами, которая, какъ знаемъ мы, отвезена-съ къ нему воспитанникомъ Богдановымъ, а потому и просимъ возвратить намъ ее по принадлежности, и что, въ противномъ случаѣ-съ, мы будемъ утруждать начальство и онъ, неминуемо, подвергнется отвѣтственности.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ. Неужели же вы думаете, что онъ отдастъ? Развѣ онъ какой-нибудь дуракъ: у него сто тысячъ въ карманѣ, а онъ отдастъ.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Мы сначала его попугаемъ-съ,—а если упрется, такъ жаловаться будемъ: у насъ доказательствъ-съ много. Я нарочно отбиралъ все на бумагѣ-съ.

КИРИЛЛЪ СЕМЕНЫЧЪ. Братецъ ужь знаетъ, какъ дѣло сдѣлать.

АННА ЕФРЕМОВНА. Отчего же ты, Сережа, думаешь, что онъ не отдастъ?

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Я ничего, ma tante, не думаю: я такъ только сказалъ.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. (*Сергью Васильичу*). Вы кажется, теперь думаете о другомъ.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. А, да, вы не ошиблись... а сами вы о чемъ думаете?

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА (*вздохнувъ*). Я думаю о многомъ.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. Я буду такимъ образомъ писать-съ.

АННА ЕФРЕМОВНА. Пиши, мой родной; я согласна.

КИРИЛЛЪ СЕМЕНЫЧЪ. Какъ не согласиться! всѣ согласны.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ (*Сергью Васильичу и Эмили Петровнѣ*). А вы-съ?

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Я согласна.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Пишите, что хотите: я желаю только деньги получить, а тамъ мнѣ все равно.

А н н а Е ф р е м о в н а. Это, Сережа и всѣ вы, мои друзья, теперь мало сказать, что мы согласны: мы должны просить брата Ивана Прокофьича: пусть онъ дѣйствуетъ въ нашемъ дѣлѣ, какъ братъ и старшій членъ въ нашемъ семействѣ. Я напередъ увѣрена, что мы раздѣлимся дружелюбно... И потому позвольте мнѣ прежде всего васъ всѣхъ перещеловать, въ знакъ моей искренней къ вамъ любви, и попросить прощенія, если я передъ кѣмъ чѣмъ-нибудь виновата. Съ этой минуты мы должны на всю жизнь сдѣлаться друзьями. Братъ Иванъ Прокофьичъ, съ тобой щелкуюсь съ первымъ. *(Подходитъ и щелкуетъ его)*. Ну, другъ мой, Сережа! *(Щелкуются)*. Эмилия Петровна *(щелкуются)*, Кириллъ Семенычъ! *(Щелкуются)*.

С е р г ѣ й В а с и л ь и ч ѣ. C'est très joli... Cousine, laissez moi aussi baiser votre main.

Э м и л и я П е т р о в н а *(подавая ему руку)*. Какъ вы любезны!

К и р и л л ѣ С е м е н ы ч ѣ. Дай Господи, чтобы намъ въ мирѣ начать и въ мирѣ кончить.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ залу, въ которой на столахъ разложены различныя вещи изъ движимости: на одномъ стоитъ посуда хрустальная и фарфоровая, на другомъ разложено серебро; на третьемъ положено бѣлье, и тутъ же лежитъ на верху турецкая шаль. Въ углу навалено старое платье, самовары, мѣдная и желѣзная посуда, шляпы, зонтики и проч. На аванъ-сценѣ стоитъ столъ съ бумагами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Катенька стоитъ около стола и записываетъ. Сергѣй Васильичъ около нея.

КАТЕНЬКА. Сергѣй Васильичъ, уйдите отсюда, Бога ради; вы мнѣ мѣшаете. Я собьюсь, и маменька разсердится. Она велѣла все записать аккуратно.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Какъ это легко вамъ сказать и какъ мнѣ трудно исполнить! Бросьте ваше писанье: я не могу равнодушно видѣть, какъ вы свои хорошенькіе пальчики мараете въ чернилахъ. Посмотрите, какъ вы обезобразили вашу очарова-

тельную ручку. *(Беретъ Катеньку за руку, но та ее быстро выдергиваетъ).*

КАТЕНЬКА. Перестаньте! Вы совершенно забываетесь! Это очень неблагородно...

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Чтожь тутъ неблагороднаго? напротивъ, очень благородно. Вы сами сознаетесь, что говорите неправду.

КАТЕНЬКА. Я всегда говорю правду. Съ другими дѣвицами вы не позволите себѣ такъ обращаться, какъ со мной.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Всѣ другія дѣвицы, кромѣ васъ, уроды, и я ихъ ненавижу.

КАТЕНЬКА. Вовсе не потому.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Почему-жь вы думаете?

КАТЕНЬКА. Потому, что другихъ вы не смѣете, а я бѣдная дѣвушка, и меня вы можете оскорблять.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. И вы думаете, что я хочу васъ оскорблять?... Я?... Вы ужасно несправедливы ко мнѣ, и я буду говорить съ вами рѣшительно... Развѣ я виноватъ, что вы такія хорошенькія? Въ этомъ я рѣшительно не виноватъ.

КАТЕНЬКА. Я не желаю быть для васъ хорошенькой.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Это значить, вы не желаете мнѣ нравиться.

КАТЕНЬКА. Даже очень.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Я застрѣлюсь.

КАТЕНЬКА. Стрѣляйтесь: вонъ тутъ въ ве-

щухъ есть заржавленные пистолеты; можете ихъ взять.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. И вамъ не будетъ меня жаль, и васъ не будетъ потомъ мучить совѣсть? *(Катенька молчитъ)*. Вамъ, вѣрно, будетъ жаль?... признайтесь?... взгляните на меня: у васъ такіе чудные глазки; имъ нехорошо хмуриться. Еслибъ у меня были такіе прекрасные глаза, я бы на всѣхъ смотрѣлъ ласково.

КАТЕНЬКА. Оставьте меня, прошу васъ въ послѣдній разъ. Я, право, буду жаловаться Аниѣ Ефремовнѣ и просить ее, чтобы она увезла меня куда-нибудь отсюда: вы мнѣ проходу не даете.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. О, mon Dieu, mon Dieu! Какъ ужасно это слышать!... Стало быть, вы меня совершенно не любите?

КАТЕНЬКА. Совершенно не люблю.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Даже ненавидите?

КАТЕНЬКА. Почти.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. И любите другаго.

КАТЕНЬКА. Можетъ быть.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Это ничего, я не ревнивъ; только мнѣ позвольте смотрѣть и цѣловать вашу ручку. *(Беретъ ее проворно за обѣ руки и хочетъ поцѣловать ихъ)*.

КАТЕНЬКА *(вырываясь, со слезами на глазахъ)*. Сергѣй Васильичъ... это ужасно... Господи, какъ обращаются со мной!.. Пустите меня! *(Вырывается и бѣжитъ къ правой двери)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ же и Анна Ефремовна.

А Н Н А Е Ф Р Е М О В Н А. Чтò такое у васъ?

К А Т Е Н Ъ К А. Мамаша! Сергѣй Васильичъ... не позволяйте ему...

А Н Н А Е Ф Р Е М О В Н А. Иди къ себѣ въ комнату.
(Катенька уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

А Н Н А Е Ф Р Е М О В Н А (*садясь*). Какъ это тебѣ, Сережа, не стыдно! чтò ты тутъ надѣлалъ?

С Е Р Г Ъ Й В А С И Л Ъ И Ч Ъ. Право, ma tante, ничего: я хотѣлъ только поцѣловать ея ручку.

А Н Н А Е Ф Р Е М О В Н А. Я тебя просила нѣсколько разъ, чтобы ты перемѣнилъ свое обращеніе съ этой дѣвочкой. Неужели ты не понимаешь, что здѣсь все перетолкуютъ, особенно Эмилія...

С Е Р Г Ъ Й В А С И Л Ъ И Ч Ъ. Чтòжъ мнѣ дѣлать, ma tante! я очень влюбленъ.

А Н Н А Е Ф Р Е М О В Н А. Неправда: вѣтреность тобой владѣетъ. Лучше поговоримъ о дѣлѣ: я еще вчера говорила тебѣ, что я здѣсь совершенно одна: на милыхъ братцевъ и племянницу положиться невозможно, а о твоихъ чувствахъ и расположеніи ко мнѣ я еще ничего не знаю. Можетъ быть, и ты присоедилишь къ ихъ партіи и будешь мнѣ вредить.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Съ чего это, ma tante, вамъ пришло въ голову? я вовсе не такой чело-вѣкъ!..

АННА ЕФРЕМОВНА. Я этого, другъ мой, и не думаю, а сказала потому, что если мы не предостережемся, такъ Иванъ Прокофьевичъ ничего намъ не дастъ — помани мое слово — я его знаю давно. Твою безтолковую кузину и дурачка Кириллушку онъ, безъ сомнѣнiя, заставитъ плясать по своей дудкѣ; но ты — другое дѣло: ты, въ этомъ случаѣ, долженъ дѣйствовать, какъ настоящій мужчина.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Будьте спокойны, ma tante: я не дуракъ, я имъ гроша лишняго не уступлю.

АННА ЕФРЕМОВНА. Такъ и слѣдуетъ, душа моя; но я хотѣла поговорить о себѣ: я очень опасаясь за себя: я женщина, и женщина въ этихъ дѣлахъ неопытная, и потому прошу твоего участiя.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Неужели же вы во мнѣ сомнѣваетесь? я готовъ для васъ все сдѣлать.

АННА ЕФРЕМОВНА. Вѣрю и благодарю, и хочу прямо тебѣ объяснить, что отъ другихъ моихъ родныхъ, при всемъ моемъ расположенiи къ нимъ, я не видѣла, въ продолженiе всей моей жизни, капли любви или уваженiя, а ты еще маленькимъ росъ въ моемъ домѣ и все, бывало, нѣмоваль: «я теты Аны наслѣдникъ».

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ *(вздыхая)*. Ахъ, ma tante, я бы желалъ отъ васъ наслѣдовать одно сокровище!

АННА ЕФРЕМОВНА. Какое это, родной мой?

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Mlle Катиншъ.

АННА ЕФРЕМОВНА. Что это, Сережа, все у

тебя дурь въ головѣ: когда ты хотя немного остепенишься?

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Не могу, ma tante: влюбленъ очень...

АННА ЕФРЕМОВНА. Перестань говорить глупости; мнѣ слушать это даже неприлично.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Вы не слушайте, только не бранитесь.

АННА ЕФРЕМОВНА. Ахъ ты повѣса, повѣса! *(Встаетъ)*.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ *(тоже вставая)*. И я, ma tante, пойду съ вами.

АННА ЕФРЕМОВНА. Это зачѣмъ?

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. У васъ тамъ такъ хорошо! я бы всю жизнь хотѣлъ тамъ сидѣть.

АННА ЕФРЕМОВНА. *(беретъ его за ухо и тихонько деретъ)*. Вотъ тебѣ за это. Изволь оставаться здѣсь.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ *(цѣлуя у ней руку)*. А я все-таки пойду. *(Оба уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эмилія Петровна, Кирилль Семенычъ и Матвѣевна *выходятъ изъ противоположныхъ дверей*.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Я еще вчера это видѣла.

КИРИЛЛЬ СЕМЕНЫЧЪ. А я ничего не видалъ, — хоть что хотите со мной дѣлайте, ничего не замѣтилъ.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Это давно извѣстно, что вы ничего не можете ни замѣтить, ни понять: вы точно слѣпой какой-то!

Кирилль Семенычъ. Чтѣ дѣлать! меня и дома люди на каждомъ шагу обманываютъ: ничего не умѣю досмотрѣть.

Матвѣевна. Я сама, Кирилль Семенычъ, батюшка, до вчерашняго дня ничего не знала. Вотъ Эмилія Петровна призвали меня и спросили о письмѣ: я имъ сказала, а онѣ и говорятъ: гдѣ, говорятъ, Сергѣй Васильичъ? а я и доложила, что у Анны Ефремовны сидитъ — сама видѣла, шедши подъ окошкомъ. Поди, говорятъ, подслушай, чтѣ они говорятъ. Тутъ все и провѣдала. Въ двѣичей никого не случилось: приложила ухо къ перегородкѣ и слышу: Анна Ефремовна, на чемъ свѣтъ стоитъ, всѣхъ бранить—и Ивана Прокофѣича и васъ обоихъ,—всѣхъ, не мое будь сказано слово, такъ и поносить.

Кирилль Семенычъ *(качая головой)*. Какіе подумаешь, Анна-то Ефремовна и Сергѣй Васильичъ люди... недаромъ говорятъ, столичный народъ ловкій.

Эмилія Петровна. Какъ вы обо всемъ смѣшно думаете—изъ рукъ вонъ!..

Матвѣевна. Чтѣ батюшка, Кирилль Семенычъ, осмѣлюсь вамъ доложить, чтѣ толку-то что столичные! Только слава, что въ Москвѣ живутъ, а особенно Анна Ефремовна — и не слушалъ бы, чтѣ про нее дворовые говорятъ... Приѣхала тоже съ воспитанницей, а ни на той, ни на другой порядочной одежки нѣтъ! Этто, слышу, въ прачешной хохоть: что такое? — вхожу: надъ бѣльемъ Анны Ефремовны потѣшаются... щеголихи московскія!... А башмаки на обѣихъ такіе, что я, служанка, не стала бы носить. Почасту, говорятъ, бываетъ не то, что чаю или кофею — обѣда не на что изготовить:

все и ладить куда-нибудь въ гости уйти; а какъ деньги появились, такъ опять пиры да банкеты; нарядовъ сейчасъ себѣ и воспитанницѣ закупить; а черезъ два дня и нѣтъ ничего.

Эмилія Петровна. А про Сергѣя что говорятъ?

Матвѣевна. Тоже неисправенъ: шесть лошадей на конюшнѣ стоитъ, а при деньгахъ весьма рѣдко бываетъ. Сюда-то ѣхамши, тройку за безцѣнокъ продалъ: тронуться было не съ чемъ.

Кириллъ Семенычъ. Я вотъ вамъ, Эмилія Петровна, сказать только не смѣю, а вѣдь это все надобно рассказать брату Ивану Прокофьичу.

Эмилія Петровна. Непремѣнно рассказать! что ихъ скрывать!

Кириллъ Семенычъ. Ты ему расскажи, Матвѣевна, все, а то онъ послѣ узнаетъ, такъ сердиться станетъ.

Матвѣевна. Ай, нѣтъ, батюшка!.. не смѣю я говорить съ Иваномъ Прокофьичемъ!.. глядѣть даже на него боюсь!.. Съ вами да вотъ съ Эмиліей Петровной посмѣлѣе, а къ нему трепеть чувствую!.. господинъ строгій, расчетливый...

Эмилія Петровна (*Кириллу Семенычу*). Вамъ надобно рассказать, а не Матвѣевнѣ.

Кириллъ Семенычъ. Да не знаю, запомню ли я... Толку-то у меня мало, на словахъ-то очень не толковъ!..

Эмилія Петровна. Тутъ толку очень надобно мало: вы ему скажите, что Анна Ефремовна писала къ дядѣ на насъ оскорбительное письмо и

обѣщала Матвѣевнѣ за это три тысячч... Помните ли вы это?..

Кириллъ Семенычъ. А какъ онъ спроситъ письмо-то?..

Эмилія Петровна. Пожалуй, возьмите у Матвѣевны.

Матвѣевна. Изорвала, Эмилія Петровна, — тогда же, со страху, изорвала!.. Богъ заплати Аннѣ Ефремовнѣ, въ какое она меня дѣло теперь влопала...

Эмилія Петровна. Письмо пустое, оно вамъ вовсе не нужно... Вы скажите, что она теперь въ дружбѣ съ Сергѣемъ Васильичемъ и вмѣстѣ насъ бранятъ, потому что онъ имѣетъ виды на ея воспитанницу... Этого не забудьте: это очень важно...

Кириллъ Семенычъ. Это я помню, объ этомъ не забуду.

Эмилія Петровна. Потомъ скажите... *(За сценой слышенъ голосъ Ивана Прокофьича: «Эй, позвать ко мнѣ Степана!»)* Вотъ ужъ онъ и идетъ, а я еще не одѣта... Какъ встала сегодня, такъ, не убравъ даже головы, хожу... Не забудьте же, расскажите все; а я имъ, при всѣхъ, вгону краску въ лицо... Пойдемъ, Матвѣевна, со мной: ты мнѣ расскажешь еще что-нибудь нужное. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Кириллъ Семенычъ *(посль минутнаго размышленія)*. Чѣмъ-то меня наградятъ, не знаю! пожалуй, еще обмануть: смѣлости-то у меня, какъ у другихъ, нѣтъ... *(Слышенъ голосъ Ивана Прокофьича)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Кирилль Семенычъ, Иванъ Прокофьичъ, за нимъ Степанъ.

Иванъ Прокофьичъ (*сидясь за столъ, Степану*). Я тамъ чуланы у дворни опечаталъ: если хоть одна печать-съ будетъ не цѣла, и съ васъ спрошу-съ. У воспитанника тоже флигель опечатанъ: чтобы пальцемъ никто не смѣлъ дотронуться... такъ и скажите-съ всѣмъ. Для присмотра возьмите хоть Кирилла Семеныча людей... надежны ли они у васъ-съ?

Кирилль Семенычъ. Надежны, братецъ: какъ за самого себя ручаюсь.

Иванъ Прокофьичъ (*Степану*). Ступайте-съ. (*Садится и начинаетъ разбирать бумаги*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Кирилль Семенычъ и Иванъ Прокофьичъ.

Кирилль Семенычъ. Я, братецъ, къ вамъ.

Иванъ Прокофьичъ. Что такое-съ?

Кирилль Семенычъ. Объ Аннѣ Ефремовнѣ... нехорошо она поступаетъ!.. помните, Матвѣевна проболталась о письмѣ? она, точно, о всѣхъ насъ писала.

Иванъ Прокофьичъ. Ну-съ?

Кирилль Семенычъ. И всѣхъ насъ хотѣла, чрезъ Матвѣевну, очернить передъ дядей: три ты-сячи обѣщала ей, чтобы та насказала ему на насъ,—

а теперь съ Сергѣемъ Васильичемъ въ стачку вошла... Вотъ она какая!

Иванъ Прокофьичъ. Все это пустяки-съ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, это не то что отъ себя говорю, а мнѣ Эмилія Петровна очень наказывала вамъ сказать.

Иванъ Прокофьичъ. Бабы сплетни-съ.

Кириллъ Семенычъ. Сплетни-то—сплетни-съ!.. Вчера, говорятъ, Сергѣй Васильичъ цѣлый вечеръ сидѣлъ у сестрицы... Съ воспитанницей у него связь теперь затѣвается. Эмилія Петровна при всѣхъ хочетъ привести ихъ въ краску.

Иванъ Прокофьичъ. Видно, ей самой завидно-съ.

Кириллъ Семенычъ. Похоже на то: не знаю, какъ нынче, а прежде между ними очень подозрительно было. Не оставьте меня, братецъ: человекъ я смиренный; они такіе хитрые люди: въ глазахъ обдѣляютъ; я съ ними и говорить не умѣю... Моя Варвара Михѣевна, передъ отъѣздомъ сюда, цѣлый день меня бранила: и ротозѣемъ, и безпамятнымъ, и почти что дуракомъ называла, въ ноги велѣла вамъ поклониться, чтобы научили да наставили; а я одинъ что съ ними сдѣлаю—пропаду!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Анна Ефремовна.

Анна Ефремовна *(къ Ивану Прокофьичу)*. Здравствуй, мой родной! *(Цѣлуется. Къ Кириллу Семенычу)*. Здравствуй, братъ Кирюша! *(Протягиваетъ ему руку)*

которую тотъ цѣлуетъ; она садится). Обошла я сейчасъ весь домъ, и такъ мнѣ сдѣлалось грустно и тошно... Нѣтъ нашего друга и благодѣтеля, не увидимъ мы его больше никогда: лежитъ онъ теперь въ сырой землѣ!..

Иванъ Прокофьичъ. Всѣ тамъ-съ будемъ.

Анна Ефремовна. Конечно, всѣ тамъ будемъ; но при всемъ томъ невозможно быть равнодушнымъ при смерти близкаго человѣка, особенно съ моимъ привязчивымъ и чувствительнымъ характеромъ... Когда же мы, братъ, приступимъ къ раздѣлу?.. Право, невыносимо жить въ такомъ бездѣйствіи.

Иванъ Прокофьичъ. Хоть сейчасъ же: я все подготовилъ.

Анна Ефремовна. Сдѣлай милость, мой родной, покончите это скорѣе: я сегодня всю ночь не спала, не знала куда дѣваться, — даже разсердилась на свою Катюшу: мнѣ тоска неимоверная, а она какъ убитая спитъ... Сходи, Кирилль Семенычъ, и позови Сережу и Эмилию: мы сейчасъ же все покончимъ.

Кирилль Семенычъ. Какъ братцу угодно... Прикажете позвать?

Иванъ Прокофьичъ. Позовите-съ. *(Кирилль Семенычъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Анна Ефремовна и Иванъ Прокофьичъ.

Анна Ефремовна. Я, родной мой, нарочно услала брата Кирилла Семеныча. Мнѣ нужно съ

тобой посовѣтоваться, и первое мое слово будетъ, чтобы намъ съ тобой, милый братъ, дѣйствовать въ нашемъ дѣлѣ единодушно.

Иванъ Прокофьичъ. Отчего же не единодушно-съ?

Анна Ефремовна. Ты, мой родной, какъ умный человекъ, самъ понимаешь, что въ этомъ состоитъ общая наша польза, и что прочихъ намъ опасаться нечего.

Иванъ Прокофьичъ. Отъ своего-съ никто не откажется.

Анна Ефремовна. По думѣ, можетъ быть, но по уму они не поймутъ: ты самъ знаешь очень хорошо этихъ людей. Сергѣй вѣтреный и безпутный мальчишка: деньги для него вода. Эмилія зла, но тоже пустая бабенка: она воображаетъ себя начитанной, а въ головѣ у нея ничего рѣшительно нѣтъ. Про Кириллушку и говорить нечего: по наклонностямъ онъ корыстливъ, но, къ несчастію, ничего не понимаетъ... Кто жь тутъ еще остался? Никого... Не знаю, какъ ты, а я еще съ молодыхъ лѣтъ привыкла тебя любить и уважать больше всѣхъ моихъ родныхъ.

Иванъ Прокофьичъ. И я васъ уважаю-съ.

Анна Ефремовна. Благодарю, мой другъ. Будь увѣренъ, что вполне это чувствую, и потому рѣшаюсь тебя прямо спросить: что ты предполагаешь назначить мнѣ изъ имѣнія покойнаго дяди?

Иванъ Прокофьичъ. Что сами захотите-съ.

Анна Ефремовна. Если ты, родной мой, такъ обязателенъ, то я не скрою отъ тебя моего желанія: мнѣ хочется получить братнину подмосковную.

Знаю, что я тутъ немного выиграю, но мнѣ она необходима для моей московской жизни. Теперь я живу и каждое яйцо покупаю, а тутъ по крайней мѣрѣ запасъ свой будетъ.

Иванъ Прокофьичъ. Всея подмосковной много-съ.

Анна Ефремовна. Гдѣ же тутъ много, голубчикъ мой, разсуди ты хорошенько. Мнѣ подмосковная, а тебѣ этотъ Починокъ съ деревнями.

Иванъ Прокофьичъ. Если мнѣ уступить-съ Починокъ съ деревнями, такъ, пожалуй, берите подмосковную-съ.

Анна Ефремовна. Да какъ же иначе? иначе и быть не можетъ. Я хоть сейчасъ подпишу Починокъ за тобой, и что бы другіе ни говорили, я слушать даже не буду... Старшій братъ, почтенный братъ, гордость, можно сказать, цѣлаго семейства— и чтобы ему не уступить лучшей усадьбы!.. это грѣхъ и стыдно!..

Иванъ Прокофьичъ. Что же-съ?.. вамъ одну подмосковную?

Анна Ефремовна. Изъ имѣнья одну подмосковную, а взъ денегъ что придется.

Иванъ Прокофьичъ. Да какія же вы еще деньги нашли?

Анна Ефремовна. Которыя похищены: онѣ вѣроятно, найдутся. Я, въ этомъ случаѣ, имѣю твердую и несомнѣнную надежду.

Иванъ Прокофьичъ. Чтобы отыскать-съ ихъ, такъ надобно хлопотать, а на хлопоты нужны деньги-съ.

Анна Ефремовна. Хлопотать объ этомъ,

кромѣ тебя, не кому,—я тебѣ скажу это въ глаза и за глаза и надѣюсь, что словъ моихъ ты не при-
мешь за лесть.

Иванъ Прокофьичъ.хлопотать безъ усло-
вія я не стану-съ: если сдѣлаютъ со мной условіе,
пожалуй; а не то, какъ хотятъ-съ.

Анна Ефремовна. Въ чемъ же, другъ мой,
условіе твое будетъ состоять?

Иванъ Прокофьичъ. Тамъ-съ увидите: я
его помѣщу въ раздѣльномъ актѣ.

Анна Ефремовна. Не знаю, чего ты хо-
чешь, и потому ничего не могу сказать, тѣмъ болѣе,
что я тутъ не одна участвую, — но напередъ увѣ-
рена въ твоёмъ благородствѣ и безкорыстіи, и, чтобы
показать, что я расположена къ тебѣ не на однихъ
только словахъ, я торжественно тебѣ объявляю, что
какъ только кончится раздѣлъ нашъ и какъ я тамъ
получу свою часть, сейчасъ же дѣлаю духовную на
имя твоего сына,—это ты знай и помни.

Иванъ Прокофьичъ. Благодарю покорно-съ.

Анна Ефремовна. Теперь мы, кажется, по-
няли другъ друга съ тобой, и я еще разъ повторяю:
дѣйствовать единодушно.

Иванъ Прокофьичъ. Хорошо-съ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Сергѣй Васильчъ.

Сергѣй Васильчъ. Bon jour, ma tante!
Здравствуйте, дядя! Я на васъ въ претензіи... За-
чѣмъ вы заводскихъ лошадей угнали къ себѣ въ
усадьбу? Я желаю ихъ за собой оставить.

Иванъ Прокофьичъ. Что вамъ пользы въ нихъ-съ?

Сергѣй Васильичъ. Гораздо больше, чѣмъ вамъ: я заводчикъ и въ лошадахъ нуждаюсь. Мнѣ изъ домашней рухляди ничего рѣшительно не нужно: уступите только этихъ пять лошадей.

Иванъ Прокофьичъ. Мнѣ покойный дядя еще прошлаго года обѣщалъ ихъ-съ подарить.

Сергѣй Васильичъ. Обѣщалъ, однако не подарилъ: онѣ должны, какъ и все прочее, идти въ раздѣлъ.

Иванъ Прокофьичъ. Ну ужь это завтра!

Сергѣй Васильичъ. Какъ же завтра? Я не согласенъ. *(Садится съ досады).*

Иванъ Прокофьичъ. Не соглашайтесь, пожалуй.

Анна Ефремовна. Теперь еще, Сережа, ничего не кончено: Богъ дастъ, будемъ дѣлиться; братъ, можетъ быть, найдетъ и невыгоднымъ ихъ оставить за себя, или ты самъ передумаешь и уступишь; теперь еще ничего не видно.

Сергѣй Васильичъ. Во первыхъ, ужь онѣ отведены къ дядѣ въ усадьбу: слѣдовательно, онъ нашелъ выгоднымъ ихъ взять; а во вторыхъ, я не передумаю и не уступлю. Бѣжавши сюда, я только и мечталъ объ этихъ лошадахъ,—а ужь здѣсь и распорядились.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Эмилія Петровна съ Кирилломъ Семенычемъ.

Эмилія Петровна *(ни съ кѣмъ не кланяясь, къ Ивану Прокофьичу)* Я немного задержала: сейчасъ по-

лучила письмо отъ моего Симона, и онъ прислалъ записочку, что мы желаемъ получить. (*Подаетъ ему записку*). Какъ тутъ написано, я не смѣю и не желаю перемѣнить. Десять лѣтъ я жила на его счетъ — и впродолженіе этого времени бумажнаго платка не имѣла возможности купить на свои деньги; даже когда выходила замужъ, такъ онъ мнѣ дѣлалъ на свой счетъ башмаки. О спротъ никто изъ родныхъ не хотѣлъ подумать: всѣ были заняты собой.

Иванъ Прокофѣичъ (*читаетъ вслухъ, съ разстановкой, записку Эмили Петровны*). «Желаемъ мы... получить на свою часть... подмосковную усадьбу Клинки, двадцать тысячъ деньгами и пятую часть изъ движимаго имѣнія...» Немного-съ.

Эмилиа Петровна. Многого мой мужъ и не позволить себѣ желать, а требуетъ, чтобы отдали намъ, что слѣдуетъ.

Анна Ефремовна. И всѣ, душа моя, хотятъ получить что слѣдуетъ, а о лишнемъ никто и не думаетъ...

Кирилль Семенычъ. Гдѣ ужъ лишнее! хоть бы свое получить. Я вотъ и бѣдный, и семейный человѣкъ, а не смѣю просить чего-нибудь больше: прибавятъ что-нибудь изъ расположенія — благодаренъ буду, а нѣтъ — такъ не обижусь: я такъ и женѣ сказалъ.

Эмилиа Петровна. Мы съ вами, Кирилль Семенычъ, объ этомъ по себѣ судить не можемъ (*взглядывая на Анну Ефремовну и Сергѣя Васильича*): другіе думаютъ объ этомъ иначе.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Что это значитъ, кузина, что вы, говоря эти слова, смотрите на меня?

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Ахъ, pardon! я не знала, что на васъ нельзя взглянуть.

СЕРГЪЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Напротивъ, я всегда прихожу въ восторгъ, когда вы на меня смотрите.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Merci за комплементъ. Сожалѣю, что не могу быть также съ вами любезна.

АННА ЕФРЕМОВНА. Вы, Эмилія Петровна, сегодня что-то ужъ очень нелюбезны: даже теткѣ не хотите поклониться.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Вы, я думаю не нуждаетесь въ моихъ поклонахъ.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ (*вставая*). Черновое условіе-съ подготовилъ: «18... года, октября... дня, мы, нижеподписавшіеся, а тутъ по формъ-съ... Пунктъ первый: я, штыкъ-юнкеръ Кириллъ Семеновъ Манохинъ (*Кириллъ Семенычъ подходитъ*), получаю весь мужской гардеробъ покойнаго брата...

КИРИЛЛЪ СЕМЕНЫЧЪ. Вотъ за это, братецъ, благодарю: у меня все уйдетъ на пользу, — доскуточка не брошу.

ИВАНЪ ПРОКОФЬИЧЪ. А имѣющуюся изъ дамскихъ нарядовъ единственную турецкую шаль беру... Кому тамъ-съ изъ васъ угодно? Вы ли-съ, Анна Ефремовна, возьмете, или Эмилія Петровна? Мнѣ все равно-съ... я такъ и запишу.

ЭМИЛІЯ ПЕТРОВНА. Я беру ее, дядюшка, за себя.

АННА ЕФРЕМОВНА. Нѣтъ, мой родной, эту шаль я желаю имѣть: она жены покойнаго брата, которая была всегда моимъ другомъ, и я желаю ее сохранить на память.

Иванъ Прокофьичъ. Какъ же-съ?

Эмилія Петровна. Я не уступаю.

Анна Ефремовна. А я подавно.

Иванъ Прокофьичъ. Такъ-съ разорвите пополамъ.

Анна Ефремовна. Пусть лучше разорвется пополамъ, но я не хочу, чтобы она была въ чьихъ-нибудь рукахъ.

Эмилія Петровна. И для меня это будетъ пріятнѣе.

Иванъ Прокофьичъ. Подайте, Кирилль Семенычъ, шаль. *(Кирилль Семенычъ подаетъ)*. Рвать что ли-съ?

Сергѣй Васильичъ *(вставая и подходит)*. Конечно, рвать; дайте, я вамъ пособлю. *(Разрываютъ шаль и подаютъ одну половину Аннѣ Ефремовнѣ, а другую Эмиліи Петровнѣ)*.

Сергѣй Васильичъ *(Садясь на мѣсто)*. C'est charmant!

Анна Ефремовна *(Эмиліи Петровнѣ)*. Какъ это умно и благородно съ вашей стороны!

Эмилія Петровна. Точно такъ же, какъ и съ вашей.

Иванъ Прокофьичъ. Пунктъ второй-съ: изъ полутора пуда серебра получить полпуда мнѣ Ивану Прокофьеву Манохину, полпуда Аннѣ Ефремовнѣ Бурыленко и полпуда Эмиліи Петровнѣ Синицыной.

Кирилль Семенычъ. А мнѣ-то, братецъ, что же? пустое мѣсто?

Иванъ Прокофьичъ. Вы-съ гардеробъ братнинъ получили: тутъ есть шуба въ двѣсти серебромъ.

Кирилль Семенычъ. Какая ужь шуба! вытерта.

Иванъ Прокофьичъ. Поправить можно-съ...
«Третіе: экипажи...»

Сергьй Васильичъ. Вы обо мнѣ, Иванъ Прокофьичъ, кажется, совсѣмъ забыли; но я не умеръ еще,—увѣряю васъ: напротивъ, даже очень здоровъ.

Иванъ Прокофьичъ. Придетъ очередь и до васъ. «Экипажи: четырехъстную карету беру я, Кирилль Семенычъ, двумъстную карету—я, Анна Ефремовна, коляску съ фордекомъ—я, Эмилія Петровна, тарантасъ крашеный—я, Сергьй Васильичъ; а пролетки мнѣ-съ.»

Сергьй Васильичъ. Attendez, mon oncle, этого нельзя: пролетки на лежачихъ рессорахъ.

Иванъ Прокофьичъ. А вашъ тарантасъ на стоячихъ, чтѣ-ли?

Сергьй Васильичъ. Пролетки и тарантасъ двѣ вещи разныя; предоставьте мнѣ эту часть знать не хуже вашего: у меня цѣлый сарай экипажей.

Кирилль Семенычъ. Братецъ, карета-то, которую вы мнѣ назначили, нигуда не годится. У покойника индюшки въ ней яйца высиживали... Мнѣ только старье и даютъ.

Иванъ Прокофьичъ. На всѣхъ не угодишь... «Пунктъ четвертый: изъ бѣлья столоваго и прочаго, значущагося въ описи, одну половину дѣлпмъ мы на равныя части—я, Анна Ефремовна, Эмилія Петровна и Сергьй Васильичъ; а другую половину предоставляемъ мы брату и дядѣ нашему, Кириллу Семенычу, по многочисленности его семейства.» Вотъ вамъ нестарое.

Кириллъ Семенычъ. Нестарое, братецъ: это хорошо,—да въ другомъ обидно.

Анна Ефремовна. Бѣлье, я полагаю, надобно раздѣлить поровну: кто жь по хозяйству, въ бѣльѣ не нуждается?

Эмилія Петровна. Я изъ бѣлья должна получить пятую часть: этого желаетъ мой мужъ, и я не могу измѣнить.

Иванъ Прокофьичъ. «Пятый пунктъ: посуда: пять дюжинъ тарелокъ Эмиліи Петровнѣ, стекло и хрусталь Аннѣ Ефремовнѣ, чашки, чайники и три желѣзные подноса Кириллу Семенычу, бритвенную шкатулку Сергью Васильичу; а столовый и чайный приборъ съ голубыми разводами я беру за себя-съ.»

Анна Ефремовна. Ты это, братъ, говоришь про саксонскій сервизъ?

Иванъ Прокофьичъ. Я не знаю-съ, какой онъ: можетъ быть, и саксонскій.

Анна Ефремовна. Это, родной мой, переѣните. Я буду покорнѣйше просить, чтобы этотъ сервизъ мнѣ уступили: у меня съ нимъ связано самое драгоцѣнное воспоминаніе; его подавали на моей свадьбѣ; а кому это время не дорого?

Кириллъ Семенычъ. А мнѣ опять старое: изъ чашекъ ни одной нѣтъ цѣлой: всѣ съ трещиной; я еще вчера всѣ пересматривалъ. Согрѣшилъ я, грѣшный: ни въ чемъ мнѣ, видно, счастья нѣтъ.

Эмилія Петровна. Мнѣ пяти дюжинъ тарелокъ вовсе не нужно: чтѣ мнѣ съ ними дѣлать? Въ одномъ ужь очень щедры, а въ другомъ скупы.

Сергѣй Васильичъ. Интереснѣе всего, что Иванъ Прокофьичъ беретъ себѣ и пролетки, и сер-

визы, а меня награждаетъ березовой шкатулкой съ двумя какими-то бритвами: это славно, право, славно!

Иванъ Прокофьичъ. Вы сами отказались отъ движимости: я васъ не заставлялъ. Будьте благодарны, что и то даютъ... «Находящуюся въ двухъ усадьбахъ, въ здѣшнемъ Починкѣ и въ подмосковной Клинкахъ, всю мебель, а равно рогатый и другой скоть наследуютъ безраздѣльно тѣ, которые примутъ на себя вышеозначенные Починокъ и Клинки. Пунктъ седьмой: недвижимое: я, Кирилль Семенычъ, принимаю на себя деревню Захарьино съ писанными за ней, по послѣдней ревизіи, осмьюдесятью душами и со всѣми замежеванными къ ней земляными угодьями, такъ какъ оныя прилегаютъ къ собственнымъ моимъ владѣніямъ. Я, Анна Ефремовна, получаю слѣдующую мнѣ часть въ подмосковной усадьбѣ Клинкахъ, со всѣми ея усадебными принадлежностями, а также съ конскимъ, рогатымъ и птичьимъ скотомъ, и семьдесятъ душъ.»

Эмилія Петровна. Постойте, дяденька, я не согласна: это совершенно противно нашимъ намѣреніямъ.

Иванъ Прокофьичъ. Дайте-съ кончить-то! послѣ наговоритесь... что вамъ не терпится!... «А остальные восемьдесятъ душъ около тѣхъ же Клинокъ, въ деревнѣ Зайцовѣ, получить мнѣ, Эмиліи Петровнѣ, съ половиннымъ количествомъ земли, замежеванной въ общую дачу Клинковъ съ Зайцовымъ..» Вотъ и вамъ досталось тутъ же... о чемъ хлопотали...

Анна Ефремовна. Перечитайте, мой род-

ной, сначала мой пунктъ: я что-то плохо понимаю. Дѣло вѣковое: надобно поступить пунктуально.

Иванъ Прокофьичъ (*скороговоркой*). «Я, Анна Ефремовна, получаю слѣдующую мнѣ часть въ подмосковной усадьбѣ Клинкахъ, со всѣми ея усадебными принадлежностями, а также съ конскимъ, рогатымъ и птичьимъ скотомъ и семьдесятъ душъ.»

Анна Ефремовна. Семьдесятъ мало, мой родной: при Починкѣ, которой вы желаете оставить за собой, ихъ сто пятьдесятъ; въ этомъ количествѣ, мнѣ принять безвыгодно.

Эмилия Петровна. У насъ не раздѣлъ, а умора: Аннѣ Ефремовнѣ семьдесятъ душъ съ усадьбой мало, а мнѣ только восемьдесятъ, безъ усадьбы и безо всего...

Иванъ Прокофьичъ. Никакой тутъ уморы нѣтъ, ваши восемьдесятъ душъ стоятъ вдвое противъ сестриныхъ.

Анна Ефремовна. Вотъ, видишь, мой родной, ты самъ сознаешься, что меня обижаетъ: это невозможно такъ.

Иванъ Прокофьичъ. Вамъ усадьба идетъ: неужели вы этого не понимаете? «Изъ числа писанныхъ по усадьбѣ Починку полтораста душъ принять мнѣ, Сергѣю Васильичу Захарову, восемьдесятъ душъ, поселенныхъ въ деревнѣ Фарисеевкѣ; а мнѣ, Ивану Прокофьеву, владѣть остальными семидесятью душами и усадьбою Починкомъ, со всѣми его земляными, лѣсными и другими угодьями, скотомъ, господскимъ и надворнымъ строеніемъ, и все находящееся въ той усадьбѣ, за исключеніемъ движимости,

значащейся въ раздѣльномъ актѣ, получить мнѣ безраздѣльно.

С е р г ѣ й В а с и л ь и ч ѣ . Bravo! эта статья верхъ совершенства. Вы, Иванъ Прокофьичъ, оставляете за собой и кровныхъ лошадей, и движимость, и усадьбу.

И в а н ѣ П р о к о ф ь и ч ѣ . Въмѣсто усадьбы вамъ даютъ десять душъ лишнихъ. Братъ Кириллъ Семеновичъ тоже беретъ восемьдесятъ душъ безъ усадьбы.

К и р и л л ѣ С е м е н ы ч ѣ . Ай, братецъ! вся ваша воля, я Захарьина не беру: что-что восемьдесятъ душъ!

И в а н ѣ П р о к о ф ь и ч ѣ . Ну, такъ возьмите фарисеевскихъ восемьдесятъ.

К и р и л л о С е м е н ы ч ѣ . А въ Фарисеевкѣ развѣ лучше? вотъ какъ въ Починкѣ, такъ не скажемъ...

И в а н ѣ П р о к о ф ь и ч ѣ (*передавая ему*). Не скажемъ... вы только затѣмъ и ротъ развѣваете, чтобы сказать пустяки!.. «Объ имѣвшихся у покойнаго нашего брата деньгахъ, которыя въ настоящее время похищены, всѣ мы, вышеозначенные наслѣдники, уполномочиваемъ разыскивать оныя коллежскаго assessора Ивана Прокофьича Манохина, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ на себя всѣ нужные къ тому дѣлу предварительные расходы, кои мы, съ своей стороны, въ случаѣ неотысканія денегъ, обязуемся ему, Ивану Манохину, пополнить, по причитающейся на cadaго части изъ своихъ собственныхъ доходовъ; а въ случаѣ же, буде тѣ деньги отыщутся, то предоставляемъ ему, Ивану Манохину, двѣ трети, а остальную треть раздѣлить между собой... Вотъ и все-съ.» (*Садится. Молчаніе*).

Эмилія Петровна (*заговариваетъ первая*). Ни съ четвертымъ, ни съ пятымъ, ни съ шестымъ, ни съ седьмымъ пунктами я не могу согласиться. Симонъ мнѣ назначилъ принять подмосковную Клинки, и я ихъ никому не уступлю.

Анна Ефремовна. Вы бы, Эмилія Петровна, ужь лучше написали, чтобы вамъ все съ мужемъ отдали: это было бы выгоднѣе.

Эмилія Петровна. Всего я никакъ не надѣюсь получить, оттого, что дѣйствую прямо, а не отдаленными путями. Я въ покойному дѣдушкѣ, чтобы выиграть въ его мнѣніи, не писала черезъ служанокъ писемъ. У меня нѣтъ ни воепитанницъ, ни племянниковъ, которые бы мнѣ помогали, а имѣю только мужа, волю котораго и исполняю.

Анна Ефремовна. Приостановитесь, Эмилія Петровна: вы ужь черезчуръ зафантазировались,—приостановитесь! Вы слишкомъ еще молоды, чтобы задѣвать тетку, къ которой вы обязаны почтеніемъ.

Эмилія Петровна. Ахъ, Боже мой! не могу же я быть такая почтительная племянница, какъ вашъ племянникъ Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Что вамъ Сергѣй Васильичъ помѣшалъ? Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ; я васъ не трогаю! Что вамъ надобно отъ меня?

Эмилія Петровна. Какъ вы самолюбивы: вы думаете, что вами всѣ интересуются? Ошибаетесь: повязка съ глазъ спала,—теперь васъ очень хорошо понимаютъ. Я, дядюшка, Иванъ Прокофьичъ, сказала вамъ рѣшительно, что несогласна ничего уступить, что захотятъ Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

А н н а Е ф р е м о в н а. Она съ ума сошла, право, съ ума сошла! Ты полѣчишь, душа моя: этакъ болѣзни запускать не надобно. Ты и всегда была интересанка; но по крайней мѣрѣ прежде ты скрывала, а теперь... это ужасъ!

Э м и л і я П е т р о в н а. Пусть я буду интересанка и безумная, а обсчитать вамъ себя не позволю. Дядя Кирилль Семенычъ будетъ тоже согласенъ со мной, потому что, пользуясь его добротой, ему тоже ничего не даютъ.

К и р и л л ь С е м е н ы ч ь. Истинно такъ, ничего не даютъ. Я только говорить боюсь. Какъ братцу Ивану Прокофьичу угодно, а мнѣ въ этому подписаться нельзя. Захарьина я не беру; а изъ подвижности только и надѣлили старымъ платьемъ: живи, какъ хочешь! Обидѣть меня легко: человекъ я кроткій. Вамъ, сестрица Анна Ефремовна, хорошо: вы и умныя, и бойкія; а я что?

А н н а Е ф р е м о в н а. Это, стало быть, Сережа, мы съ тобой больше всѣхъ получили?

С е р г ѣ й В а с и л ь и ч ь. Гдѣ жъ, ma tante, я больше всѣхъ получилъ? Мнѣ, Богъ знаетъ что, такое надавали!.. Иванъ Прокофьичъ захватилъ все себѣ. Одни лошади стоятъ три тысячи цѣлковыхъ...

А н н а Е ф р е м о в н а. Къ этому, другъ мой, я и веду разговоръ (*Къ Эмили Петровнѣ и Кириллу Семенычу*): успокойтесь, милостивые государи, я тоже не согласна: братья Кирилла Семеныча мнѣ тяжело даже видѣть. Онъ старается представить изъ себя какого-то попрошайку, которыхъ никогда еще въ нашемъ родствѣ, благодаря Богу, не бывало. А васъ Эмили Петровна, я заставлю молчать, и вы расскае-

тесъ въ томъ, что наговорили. Вы надѣтесъ на благородство Сережи: остерегитесъ, на все есть границы; но что слишкомъ грустно для моего сердца, такъ это то, что я ошиблась въ братцѣ Иванѣ Прокофьичѣ! За всю мою слѣбую и глупую, можно сказать, любовь, онъ мнѣ платитъ не тѣмъ...

Иванъ Прокофьичъ (*сидѣвшій, отвернувшись отъ всѣхъ, устремивъ глаза на потолокъ, оборачивается къ Аннѣ Ефремовнѣ*). Что-же съ вамъ еще надобно?

Анна Ефремовна. Родной мой, ты самъ знаешь, что мнѣ надобно: я желаю получить подмосковную по крайней мѣрѣ со ста душами. Отъ денегъ я тоже не могу отказаться.

Иванъ Прокофьичъ. Хорошо-съ: вамъ подмосковная со ста душами, да денегъ тысячь пятьдесятъ, что ли?

Анна Ефремовна. Я довольна буду двадцатью-пятью.

Иванъ Прокофьичъ. Положимъ такъ-съ. (*Сергью Васильчу*). Вы чего желаете-съ?...

Сергѣй Васильичъ. Мнѣ надобно тоже денегъ, лошадей оставьте за мной и дайте крестьянъ.

Иванъ Прокофьичъ. Я думаю, этакъ, душъ полтора ста?

Сергѣй Васильичъ. Безъ усадьбы, конечно, полтора ста.

Иванъ Прокофьичъ. Ну, вотъ полтора ста,—да денегъ тысячь тридцать? довольно?

Сергѣй Васильичъ. Довольно.

Иванъ Прокофьичъ (*къ Эмиліи Петровнѣ*). Вамъ чего сколько-съ?

Эмилія Петровна. Мнѣ—что написано въ запискѣ; я больше не желаю.

Иванъ Прокофѣичъ (*къ Кириллу Семенычу*). А вы что-съ?

Кириллъ Семенычъ. Серебра вы, братецъ, мнѣ ничего не дали: у меня въ домѣ всего двѣ дюжины ложекъ; мнѣ серебро очень нужно.

Иванъ Прокофѣичъ. Пудъ, что ли, вамъ отдать?

Кириллъ Семенычъ. Пудъ ужь гдѣ! хоть бы полпуда! изъ платья, если хотите, я уступлю вамъ или Сергѣю Васильчу.

Иванъ Прокофѣичъ. А недвижимое—какъ по вашему, сколько вамъ слѣдуетъ?

Кириллъ Семенычъ. Изъ недвижимаго, братецъ, Починогъ бы мнѣ получить; а Захарьино мнѣ не къ рукамъ.

Иванъ Прокофѣичъ. Слава Богу, раздѣлились! Я тоже себѣ часть выдѣлю!.. Эй, Степанъ! (*Степанъ входитъ*). Позови еще Фильку и Ёмку.. (*Обращается къ роднымъ*). Покойной ночи желаю вамъ!.. До пріятнаго свиданья-съ! Я тоже себѣ выдѣлю! (*Уходитъ въ сильномъ азартѣ*).

Анна Ефремовна. Боже мой, что онъ хочетъ предпринять?

Кириллъ Семенычъ. Согрешили мы несчастные! (*Вся остаются въ страхъ или въ недоумѣніи*).
(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Наугольная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Ефремовна сидитъ въ большихъ креслахъ; Катенька стоитъ сзади и растираетъ ей руку.

Анна Ефремовна. Не тутъ... ниже... неужели ты по сю пору не знаешь, которое мѣсто у меня поражено?.. Теперь выше, да прижимай крѣпче: надобно кровь разбить... Такой несообразительной дѣвочки, какъ ты, сѣге Катишь, трудно даже вообразить: ты умѣешь только ѣсть и спать; признательности въ тебѣ никакой: покойна ли я, или разстроена, тебѣ все равно. *(Катенька плачетъ)*. А, тутъ слезы... Раскаяніе, другъ мой, полезно, если оно влечетъ за собой исправленіе, а если нѣтъ, такъ для чего же оно?.. Сейчасъ раскаешься, а черезъ полчаса сдѣлаешь еще хуже.

Катенька. Я не знаю, маменька, чѣмъ я противъ васъ виновата.

Анна Ефремовна. Ты виновата своей холодностью, своей нелюбовью, своимъ невниманіемъ ко мнѣ.

Катенька. Я васъ очень люблю и если что дѣлаю нехорошо, такъ безъ всякаго умысла.

Анна Ефремовна. Нехорошо дѣлать съ умысломъ или безъ умысла: все нехорошо... Отчего же я, старуха, не позволю себѣ ничего, что бы могло быть названо дурнымъ. Здѣсь теперь всѣ мои родные: чего они не дѣлаютъ, на что не рѣшаются, а я одна держу себя благородно... видишь ли ты это?

Катенька. Вижу-съ.

Анна Ефремовна. А кому ты должна подражать? мнѣ или другимъ?

Катенька. Вамъ, маменька!

Анна Ефремовна. Вамъ, маменька!... Это только одни слова пустыя, а на дѣлѣ ничего нѣтъ.

Катенька. Я стараюсь.

Анна Ефремовна. Не вижу я съ твоей стороны никакого старанія... Еслибы старалась, такъ понимала бы, въ какомъ я теперь ужасномъ положеніи! Я ѣхала сюда поправить свои обстоятельства, а что же вышло? другой день сижу безъ кофею, потому что не на что купить этихъ пустяковъ... Будь у меня хоть сколько-нибудь денегъ, я бы минуты здѣсь не осталась и прямо бы поѣхала въ подмосковную. Ты смотришь, это я, по наружности, покойна, — такъ узнай, что у меня на сердцѣ происходитъ. Надобно имѣть мой твердый характеръ, чтобы все это скрыть и перенести. Изъ всѣхъ моихъ родныхъ у меня теперь остался одинъ только Сережа, а ты и того своимъ глупымъ обращеніемъ отталкиваешь отъ меня.

КАТЕНЬКА. Вы меня, маменька, за него въ Москвѣ сами бранили: онъ очень нехорошо со мной обращается.

АННА ЕФРЕМОВНА. Если я тебя бранила, такъ, вѣроятно, за что-нибудь въ самомъ дѣлѣ нехорошее, и ты всетаки должна помнить, что онъ мой племянникъ. Изволь сейчасъ утереть слезы и не хмурься! я ненавижу сердитыхъ лицъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЧЪ *разстроенный*.

АННА ЕФРЕМОВНА. Вотъ онъ и самъ, легокъ на поминѣ... Что съ тобой, Сережа? На тебѣ лица нѣтъ!

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЧЪ. Это ужасно, ma tante! Этотъ Иванъ Прокофьевичъ, Богъ знаетъ что, дѣлаетъ!

АННА ЕФРЕМОВНА. Что такое еще? Ахъ, Творецъ, Творецъ мой небесный! пошли только терпѣнье.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЧЪ. Онъ собирается къ себѣ увезти все, наряжаетъ подводы, распоряжается людьми; а когда я велѣлъ заложить пролетки и хотѣлъ осмотрѣть шесть хомутовъ — потому что онъ какъ ни кричи, а я ему этихъ вещей не уступлю — онъ вдругъ запрещаешь, избилъ моего кучера.

АННА ЕФРЕМОВНА. Отступись, мой другъ; смири себя и отнеси это къ его необразованію.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЧЪ. Хорошо необразованіе!.. Позволять себѣ дѣлать все, а мы должны смотрѣть на все равнодушно!...

Анна Ефремовна. Не равнодушно, мой другъ, а мы теперь должны имѣть другое въ виду: пускай онъ тутъ куралесить, а намъ надобно ѣхать въ подмосковную, которая, самъ согласись, цѣлый мѣсяцъ безъ всякаго надзора; надобно же кому-нибудь принять ее поскорѣе.

Сергѣй Васильичъ. Вы куда хотите поѣзжайте, а я отсюда не тронусь и шагу ему не дамъ ступить безъ себя.

Анна Ефремовна. Если ты, мой другъ, непременно хочешь, такъ оставайся,—это будетъ даже полезно, потому что ты всетаки своимъ вліяніемъ будешь ограничивать его; но меня, мой другъ, отпусти.

Сергѣй Васильичъ. Я васъ и не держу, ma tante.

Анна Ефремовна. Но тутъ, другъ мой, дѣло вотъ въ чемъ: надѣясь на твое расположеніе, я хочу повѣрить тебѣ маленькій секретъ мой. Смѣшно сказать, а мнѣ тронуться отсюда нельзя: поѣхавъ изъ Москвы, я думала, что я сейчасъ получу наследство, и очень мало взяла съ собой денегъ и теперь сижу безъ полушки... во всю жизнь со мной не бывало такого случая... Ты, конечно, одолжишь мнѣ рублей сто на дорогу; ужъ это будетъ и кстати въ тѣмъ, которые я тебѣ должна, и всю ужъ сумму сполна я къ тебѣ вышлю съ первой же почтой.

Сергѣй Васильичъ. Очень бы радъ вамъ услужить, ma tante, но у меня у самого нѣтъ денегъ ни гроша...

Анна Ефремовна. Какъ, ни гроша?

Сергѣй Васильичъ. Да такъ — ни гроша, да и только. <http://rcin.org.pl>

Анна Ефремовна (*грустно*). Пустяки! не хочешь дать: это другое дѣло. Вотъ въ этакихъ случаяхъ, другъ мой, и узнается расположеніе! Какъ разсудить теперь хорошенько, такъ и увидишь, что Ивана Прокофьича обвинять во многомъ и не за что: онъ дѣйствуетъ по крайней мѣрѣ прямо.

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ же мнѣ взять вамъ денегъ? не украсть же ихъ мнѣ!

Анна Ефремовна. Кто жъ васъ заставляетъ украсть? и что это у васъ за выраженія! Я не Эмилія Петровна: съ той вы говорите, какъ вамъ вздумается, а со мной прошу быть осторожнѣе... (*Къ Катенькѣ*). Что ты здѣсь сидишь? у тебя особенная страсть быть тамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Какъ гдѣ только мужчины, тутъ насъ извините, тутъ мы приросли къ мѣсту... иди въ свою комнату. (*Катенька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Ефремовна и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Я не понимаю, *ma tante*, за что вы на всѣхъ сердитесь.

Анна Ефремовна. Ни на кого я не сержусь, а оплакиваю, что мнѣ цѣлый вѣкъ суждено въ людяхъ ошибаться. Я ко всѣмъ съ распростертыми объятіями и съ готовностью отдавать всякому родному послѣднее, а мнѣ отвѣчаютъ одной холодностью. Я другимъ снисхожу недостатки и даже терплю пороки ихъ, а мнѣ въ истинной нуждѣ никто не хочетъ помочь.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Вы требуете невозможнаго: дай вамъ денегъ, когда ихъ у самаго нѣтъ!

АННА ЕФРЕМОВНА. Это одна ничтожная отговорка. Если у тебя и дѣйствительно нѣтъ, то ты, какъ мужчина, сейчасъ можешь достать.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Гдѣ же я могу достать? у меня нѣтъ здѣсь заемнаго банка.

АННА ЕФРЕМОВНА. Хорошо... будь по вашему... *(Звонитъ. Является горничная)*. Позови мнѣ, пожалуйста, старосту. *(Къ Сергѣю Васильичу)*. Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ: я больна и разстроена.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Чтожь вы меня гоните отъ себя?

АННА ЕФРЕМОВНА. Я не гоню, а прошу дать мнѣ покой. Это желаніе въ мои лѣта весьма извинительно; а съ твоей стороны очень неделикатно не понимать этого.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Извольте, я уйду; пожалуй сердитесь: для меня, право, все равно.

АННА ЕФРЕМОВНА. Я это вижу.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ *(уходя)*. Какъ вы смѣшны.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АННА ЕФРЕМОВНА *(вслѣдъ ему)*. Я сумашедшая была, что понадѣялась на этого повѣсу. *(Входитъ староста)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Ефремовна и Ѡаддей Сидоровъ.

Анна Ефремовна. Здравствуй, Ѡаддеюшка! я ужь тебя давно поджидаю. Что скажешь хорошенькаго?

Ѡаддей Сидоровъ. А что сказать-съ! хорошаго мало.

Анна Ефремовна. Чтожь насчетъ денегъ, голубчикъ мой, когда ты меня удовлетворишь?

Ѡаддей Сидоровъ. Искаль вчера, по вашему приказанію.

Анна Ефремовна. Ну, что же?..

Ѡаддей Сидоровъ. Нигдѣ не могъ достать.

Анна Ефремовна. Такъ ты бы, другъ мой, покуда мнѣ своихъ далъ, хоть бы рублей семдесятъ серебромъ: послѣ получишь.

Ѡаддей Сидоровъ. Какія у меня, сударыня, свои дещьги! своихъ у меня нисколько нѣтъ.

Анна Ефремовна. Какже нисколько, когда ты даже передъ смертію дяди получилъ пятьдесятъ рублей серебромъ въ награду?

Ѡаддей Сидоровъ. Только и есть; да и тѣ запечатаны.

Анна Ефремовна. Отчего жь это никто не хочетъ повѣрить мнѣ?

Ѡаддей Сидоровъ. Иванъ Прокофьичъ запретъ сдѣлалъ.

Анна Ефремовна. Это какими судьбами?

Ѡаддей Сидоровъ. Не могу ничего знать.

Анна Ефремовна. Такъ твоя обязанность, Ѳаддей Сидоровъ, внушить; ты мужикъ умный... Неужели не понимаешь, что Иванъ Прокофьичъ и я здѣсь равны.

Ѳаддей Сидоровъ. Говорено было, да толкуютъ другое. Починокъ, говорятъ, Ивану Прокофьичу достался: онъ вчера объ этомъ повѣстилъ всѣхъ.

Анна Ефремовна. А! если это такъ, такъ поди же и объяви отъ моего имени, что Ивану Прокофьичу никогда Починокъ не достанется. Мы всѣ родные на это не согласны.

Ѳаддей Сидоровъ. Какъ мнѣ это, сударыня, дѣлать! вся ваша воля... а мнѣ дѣлать этакія дѣла опасно!

Анна Ефремовна. Отчего же тебѣ съ Иваномъ Прокофьичемъ не опасно дѣлать? Какже ты его допускаешь здѣсь распоряжаться, какъ въ собственномъ имѣнїи? Ты думаешь, что мы не знаемъ, что вы хлѣбъ думаете вывезти? Все, мой милый, знаемъ, все намъ извѣстно.

Ѳаддей Сидоровъ. Я тутъ воспрещать не могу.

Анна Ефремовна. Ты долженъ, однако, слушаться и меня.

Ѳаддей Сидоровъ. Я и то слушаюсь; отъ меня, кажись...

Анна Ефремовна. Ну, не разсуждай много, любезный... я не люблю говорунувъ. (*Гордо и строго*). Сколько послѣ покойнаго дяди осталось хлѣба?

Ѳаддей Сидоровъ. Хлѣба довольно-съ.

А н н а Е ф р е м о в н а . Сколько пшенно?

Ө а д д е й С и д о р о в ъ . Четвертей двѣсти слишкомъ есть одной ржи.

А н н а Е ф р е м о в н а *(совсѣмъ ужь поднявъ голову)*. Собери же сейчасъ какъ можно больше подводъ, забери сто четвертей и продай въ городъ, а деньги доставь мнѣ... Можешь идти.

Ө а д д е й С и д о р о в ъ . Я, сударыня, по себѣ хлѣба продавать не смѣю: у Ивана Прокофьича теперь и ключи всѣ отъ амбаровъ на храненіи.

А н н а Е ф р е м о в н а . Я съ Иваномъ Прокофьичемъ не только что говорить, видѣться не хочу; а я требую, чтобы ты исполнилъ мое приказаніе; а ты дѣлай, какъ хочешь *(Староста, постоявъ нѣсколько времени, уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

А н н а Е ф р е м о в н а сперва одна, потомъ Катенька.

А н н а Е ф р е м о в н а *(одна)*. Последняя надежда лопнула... Господи, вразуми меня!.. Соображеніе даже начинаю терять... Развѣ сойтись опять съ братомъ Иваномъ. Я это еще прежде предчувствовала. Пускай-бы другіе ему противорѣчили: онъ бы на нихъ разсердился, а со мной бы еще больше сблизился и отпустилъ бы меня въ подмосковную. Онъ здѣсь, а я тамъ,—и прекрасно бы было!.. Катенька!.. *(Катенька входитъ)*. Приготовься писать...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Григорій, съ заткнутой за петлю салфеткой.

Григорій. Гдѣ прикажете, матушка, на столъ накрывать? Хотѣлъ было въ столовой—Эмилиа Петровна не приказала: Матвѣевну теперь взяли для всѣхъ услугъ. Иванъ Прокофьичъ тоже ничего не сказалъ... На сколько теперь приборовъ накрывать—не знаю...

Анна Ефремовна. Ты все еще, Григорьюшка, по прежнему, какъ при дядѣ, бывало, хочешь видѣть всѣхъ насъ за общимъ столомъ? Нѣтъ, старичокъ, мы не только что обѣдать, мы имени слышать другъ друга не можемъ.

Григорій. Слышалъ, матушка Анна Ефремовна! Экое дѣло! все у васъ на неудовольствіе пошло.

Анна Ефремовна. Грѣхъ на дядюшкѣ: какъ бы онъ оставилъ одному, такъ бы лучше было... Я тебя думаю, Григорьюшка, взять къ себѣ. На дняхъ ѣду я въ Москву. Соберись, голубчикъ, со мной. Что тебѣ здѣсь дѣлать!

Григорій. Какъ вамъ угодно; я ни отъ чего не прочь. Службы-то отъ меня спрашивать нельзя: старъ больно.

Анна Ефремовна. Не для службы я тебя беру, а успокоить твою старость желаю, въ память моего друга и дяди, къ которому ты нелпцемѣрно былъ привязанъ. У тебя, должно быть, есть деньжонки и имѣннице какое-нибудь? какъ бы тебѣ его

выручить? Иванъ Прокофьичъ, говорятъ, все у васъ запечаталъ.

Григорій. А что, матушка, у меня ничего нѣтъ. Одинъ чуланчишка; а въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ старыхъ сапожишковъ.

Анна Ефремовна. Куда же ты деньги-то дѣвалъ пятьдесятъ рублей серебромъ, которыми тебя наградили?

Григорій. Дочкѣ отослалъ; она у меня за мѣщанина выдана. Думалъ за старостью она призритъ: мнѣ на хлѣбъ и хватить; а ей будетъ полегче; даромъ что въ мѣщанствѣ, а небогато живетъ. Самъ-то бы и старателенъ и работающъ, да какъ-то безтолковъ, дурашенъ очень...

Анна Ефремовна. (*Катенькѣ*). Готова ли ты? (*Григорью*). Ступай; а обѣдать не буду.

Григорій. Ну, вотъ тебѣ! никто и обѣдать не хочетъ... Экія времена пришли! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Ефремовна и Катенька.

Анна Ефремовна. Матвѣевна правду сказала: прелукавый старичишка! (*Катенькѣ*). Пиши. (*Диктуетъ*). «Многоуважаемый братецъ, Иванъ Прокофьичъ! другой день я не осушаю глазъ послѣ той непріятности, которая, совершенно съ моей стороны невинно, вышла между нами. Повѣрьте, «родной мой братецъ, я совершенно согласна на

«ваши желанія, и если что сказала, такъ для того
 «только, чтобы остановить прочую нашу роденьку.
 «Я прежде говорила и теперь готова письменно
 «подтвердить, что Починнокъ долженъ вамъ принадле-
 «жать и въ доказательство этого хочу уѣхать отсюда.
 «Изъ подвижности я возьму только, что вами мнѣ
 «было предназначено. Двумѣстную карету оставляю
 «въ вашу пользу и вмѣсто ея прошу мнѣ выдать
 «хоть сто рублей серебромъ, чтобъ я имѣла воз-
 «можность отсюда уѣхать, потому что говорю вамъ,
 «какъ брату, на участіе котораго всегда надѣялась,
 «что я не имѣю полущки въ моемъ кошелькѣ. При
 «составленіи раздѣльнаго акта я буду просить васъ
 «оставить за мной подмосковную, какъ вы уже и
 «обѣщали. Примите, любезный братецъ, мое искрен-
 «нее увѣреніе въ томъ душевномъ расположеніи, ко-
 «торое всегда питала, по гробъ васъ любящая...»
 Хорошо, дай мнѣ. *(Подписывается)*. Теперь сходи
 душа моя, отыщи брата и сама отдай ему въ руки,
(Катенька уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

А н н а Е ф р е м о в н а *(одна)*. Хоть бы въ этомъ
 мнѣ успѣть! Такой страдалицы, какъ я, нѣтъ, ка-
 жется, на свѣтѣ другой! Съ пятнадцати лѣтъ все въ
 долгахъ, и сама не понимаю, отчего это происходитъ.

ЯВЛЕНІЕ Х.

Та же и Катенька.

К а т е н ь к а *(вблгая)*. Мамевъка!..

А н н а Е ф р е м о в н а. Что еще такое случилось?

КАТЕНЬКА. Сергѣй Васильичъ!.. онъ тамъ, въ корридорѣ: мнѣ пройти нельзя.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Сергѣй Васильичъ.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ (*показываясь въ дверяхъ*).
Не вѣрьте, ma tante: я, право, ничего.

АННА ЕФРЕМОВНА. Сергѣй Васильичъ.. имѣйте хоть скольконибудь стыда.. Извольте отсюда идти: я видѣть васъ не желаю.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Зачѣмъ же уйти? развѣ я вамъ мѣшаю?

АННА ЕФРЕМОВНА. Повторяю вамъ, идите вонъ... повѣса!

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Чтожь вы кричите? напередъ заплатите деньги, которые вы мнѣ должны.

АННА ЕФРЕМОВНА. Теперь не мѣсто и не время объ этомъ говорить... Отдала ли ты, Катюша, брату Ивану письмо, и что онъ тебѣ сказалъ?

КАТЕНЬКА. Отдала, маменька; онъ просилъ васъ черезъ полчаса придти въ большую залу.

АННА ЕФРЕМОВНА (*къ Сергѣю Васильичу*). Уйдете вы или нѣтъ?

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Чѣмъ же я васъ беспокою?

АННА ЕФРЕМОВНА. Всѣмъ! и я вынуждена буду просить сюда брата Ивана Прокофьяча, чтобъ онъ васъ научилъ быть вѣжливымъ.

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬИЧЪ. Вы заблуждаетесь,

ma tante. Иванъ Прокофѣичъ ужъ за мной присылалъ; мы будемъ съ нимъ скоро друзья, и я ему расскажу все, на что вы меня подбучали, adieu! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Анна Ефремовна и Катенька.

Анна Ефремовна (*всплеснувъ руками*). Боже мой, Боже мой! поддержи меня... Чего я ни терплю, чего ни переношу! всё меня оскорбляютъ... (*Начинаетъ рыдать*).

Катенька. Да вы, маменька, успокойтесь: прилегли-бы немного.

Анна Ефремовна (*слабымъ голосомъ*). Сведи меня. (*Катенька беретъ ее подобострастно подъ руку и уводитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Входятъ Иванъ Прокофѣичъ и Кириллъ Семенычъ.

Кириллъ Семенычъ. Я, братецъ, ничего не говорилъ, ей Богу, ничего не говорилъ: вы тогда не разслушали, а я слова противъ васъ не сказалъ. Больше все говорили Эмилиа Петровна да Сергѣй Васильичъ.

Иванъ Прокофѣичъ (*садясь*). Мнѣ-съ все равно.

Кириллъ Семенычъ. Я ужъ теперь съ Эмилией Петровной поссорился, начала меня посы-

латъ въ городъ, чтобы я ѣхалъ да на васъ жалобу подалъ; я не согласился.

Иванъ Прокофьичъ. Въ чемъ же-съ жалобу-съ?

Кириллъ Семенычъ. А вотъ, что вы... усадьбу, говоритъ, хотите раззорить. Все теперь сидитъ съ Матвѣвной да разсуждаетъ. Совѣтницу какую нашла! Даромъ, что молодая барыня, а хуже старой: въ домъ все на замкъ; какъ куда уѣзжаетъ изъ дому, будто не нарочно и увезетъ все ключи съ собой; а Симонъ и ходитъ по горницамъ да хлопаетъ глазами. *(Иванъ Прокофьичъ не слушаетъ. Кириллъ Семенычъ послѣ нѣсколькихъ минутъ моланія).* Вы бы, братецъ, оиять насъ подѣлили; а то что намъ безъ васъ дѣлать! Пожалуй, живи здѣсь — толку ничего не будетъ! Лучше бы ужъ на одинъ конецъ.

Иванъ Прокофьичъ. Если-съ мнѣ не дадутъ-съ, что я себѣ написалъ-съ, я ничего не буду дѣлать.

Кириллъ Семенычъ. Такъ и возьмите, что написали: я не прочь... Стану ли я съ вами спорить?

Иванъ Прокофьичъ. А сами на Починокъ бьете?

Кириллъ Семенычъ. Въ этомъ виновать: прежде хотѣлось; а теперь нѣтъ.

Иванъ Прокофьичъ. Чего же вы теперь желаете?

Кириллъ Семенычъ. Душъ сто безъ усадьбы, да серебра тоже желаю: про серебро мнѣ Варвара Михѣвна очень наказывала...

Иванъ Прокофьичъ. Подпишите за мной Починокъ, такъ все это получите.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Эмилія Петровна *(за дверьми)*.

Эмилія Петровна. Иванъ Прокофьичъ здѣсь?

Иванъ Прокофьичъ. Здѣсь-съ.

Эмилія Петровна. Одни?

Иванъ Прокофьичъ. Одинъ-съ... Вы ступайте!

Кирилль Семенычъ. Слушаю-съ *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Прокофьичъ и Эмилія Петровна.

Эмилія Петровна *(входя въ заднюю дверь)*. Я пришла съ вами говорить въ послѣдній разъ: долго ли у насъ это будетъ?

Иванъ Прокофьичъ. Отъ васъ зависитъ.

Эмилія Петровна. Извините: отъ меня ничего, а все отъ васъ... Я буду губернатору жаловаться. Онъ очень любитъ брата Колю и уважаетъ все наше семейство.

Иванъ Прокофьичъ. За что же вы будете жаловаться?

Эмилія Петровна. А за то, что вы мнѣ не выдѣляете моей части.

Иванъ Прокофьичъ. Я вамъ уступаю-сь подмосковную.

Эмилія Петровна. Да гдѣ жъ это? я ничего еще покуда не вижу. Вросла мужа, хозяйство: живу здѣсь цѣлую недѣлю, безъ обѣда, въ холоду. Анна Ефремовна трубы отъ моей комнаты не позволяетъ закрывать въ ея спальнѣ: у меня никакого терпѣнья не достаетъ.

Иванъ Прокофьичъ. Вы сами еще мнѣ ничего не уступили.

Эмилія Петровна. Чего я вамъ не уступила?

Иванъ Прокофьичъ. Починка не уступаете мнѣ.

Эмилія Петровна. Напрасно: про Починокъ я ничего не говорила; берите, — только чтобы подмосковная моя была.

Иванъ Прокофьичъ. На словахъ мало говорить, а надо написать-сь.

Эмилія Петровна. Я и напишу; только вотъ еще что: я хочу, чтобы вы Аннѣ Ефремовнѣ и Сергѣю Васильичу какъ можно меньше дали.

Иванъ Прокофьичъ. Я имъ меньше и дамъ-сь.

Эмилія Петровна. Еще я требую, чтобы вы кончили сегодня. Долше мнѣ жить здѣсь очень наскучило: я хозяйка, имѣю обязанности. Симонъ, я думаю, и теперь на меня сердится: я его совсѣмъ кинула.

Иванъ Прокофьичъ. Кончимъ... Теперь пожалуйте въ залу: я сейчасъ туда приду-сь.

Эмилія Петровна. Хорошо. *(Идетъ; на встрѣчу ей Сергій Васильичъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ же и Сергѣй Васильичъ

Сергѣй Васильичъ. Bon jour, ma cousine!

Эмилія Петровна. Bon jour. Какъ вы сегодня добры!

Сергѣй Васильичъ. Я всегда такой.

Эмилія Петровна. Полноте обманывать.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Иванъ Прокофьичъ и Сергѣй Васильичъ.

Сергѣй Васильичъ. Вы меня къ себѣ звали?

Иванъ Прокофьичъ. Да-съ... За что вы на меня сердитесь?

Сергѣй Васильичъ. Вы сами это должны хорошо знать... Позволяете себѣ дѣлать, чортъ знаетъ что, такое.

Иванъ Прокофьичъ. Что же я такое дѣлаю? Вы сами толкомъ не скажете, что хотите получить, а послѣ сердитесь.

Сергѣй Васильичъ. Я хочу получить денегъ, имѣнья и лошадей, которыхъ вы увели въ свою усадьбу.

Иванъ Прокофьичъ. Лошадей можно привести и назадъ: не прикованныя они тамъ стоятъ.

Сергѣй Васильичъ. Сдѣлайте милость.

Иванъ Прокофьичъ. И вамъ вѣдь мнѣ надобно уступить: я для васъ все дѣлаю-сь.

Сергѣй Васильичъ. Что же я вамъ могу уступить?

Иванъ Прокофьичъ. Я Починокъ желаю за собой оставить: онъ вамъ совершенно не нуженъ; онъ выгоденъ при хозяйствѣ, а чтобы хозяйничать, такъ надобно жить здѣсь; а вы ужь Москвы не оставите.

Сергѣй Васильичъ. Разумѣется! Поѣду я въ эту глушь!

Иванъ Прокофьичъ. Такъ ужь и не спорьте въ этомъ; я его возьму.

Сергѣй Васильичъ. Берите.

Иванъ Прокофьичъ. При Починкѣ мнѣ пойдетъ семьдесятъ душъ и вамъ столько же, — только я не знаю, въ которыхъ мѣстахъ: здѣсь или подъ Москвой?

Сергѣй Васильичъ. Гдѣ хотите; одно — чтобы было хорошее имѣнье. (*Звываетъ*). Вы слышали, тетушка Ефремовна хочетъ уѣхать въ подмосковную и тамъ распорядиться; вы остерегитесь ее.

Иванъ Прокофьичъ. Кто ее пустить! Пойдемте однако.

Сергѣй Васильичъ. Идемъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Прежняя зала.

ЯВЛЕНИЕ I.

На правой сторонѣ Анна Ефремовна и Кирилль Семеновичъ, а на лѣвой — Эмилиа Петровна.

Анна Ефремовна. И не дожدهшься, кажется, этакой радости, когда эти наши сходбища кончатся. Я въ такомъ теиерь положеніи, что, ей Богу, ничего не надобно, отъ всего готова отказаться, только бы отпустили меня въ Москву.

Кирилль Семеновичъ. Кому же, матушка-сестрица, это пріятно, особенно при этомъ несогласіи? Безъ брата Ивана Прокофьича мы пропадемъ: пускай онъ хоть и лишнее возьметъ себѣ, да, по крайней мѣрѣ, развяжетъ намъ руки.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Иванъ Прокофьичъ и Сергѣй Васильичъ.

Иванъ Прокофьичъ. Всѣ ужъ здѣсь?

Анна Ефремовна. Всѣ, мой родной... но, прежде, чѣмъ начнешь, скажи мнѣ, другъ мой, что-нибудь на мое письмо въ отвѣтъ. Надобно же мнѣ знать, какъ располагать собой.

Иванъ Прокофьичъ. Все будетъ сдѣлано по вашему желанію.

Анна Ефремовна. Точно ли все, мой голубчикъ? меня это очень беспокоитъ.

Иванъ Прокофьичъ. Все-съ... Прежде вотъ что-съ: всѣ вы изъявили согласіе уступить мнѣ Починокъ, такъ дайте мнѣ теперь-съ письменный отзывъ объ этомъ. Кирилль Семенычъ, подписывайтесь.

Кирилль Семенычъ. Вы, братецъ, почитайте прежде: всѣ послушаютъ; а я что одинъ?

Анна Ефремовна. Прочитай, мой родной!

Эмилия Петровна. Я тоже хочу, чтобъ вы прочитали всѣмъ.

Иванъ Прокофьичъ. Точно сами грамотъ не умѣютъ. *(Читаетъ)*. «Мы, нижеподписавшіеся, дали сей отзывъ коллежскому ассессору Ивану Прокофьичу Манохину въ томъ, что предоставляемъ ему усадьбу Починокъ, со всею движимостію...»

Кирилль Семенычъ. А серебро, братецъ какъ же? вы серебра мнѣ обѣщали.

Иванъ Прокофьичъ. Серебро пойдетъ по особой росписи. *(Читаетъ)*... «движимостію, со всѣми земляными, лѣсными и другими угодьями, включенными въ купчую крѣпость, данную нашему дѣду, Евграфу Манохину; и ничего намъ изъ этой усадьбы себѣ не искать и вписать это слово въ слово въ нашъ раздѣльный актъ; а по имѣнію пойдутъ ему, Ивану Манохину, значащіяся по Починку пятьдесятъ душъ да въ Фарисеевкѣ двадцать! *(обращаясь къ Эмили Петровнѣ)*. Подписывайтесь.

Эмилия Петровна. Нѣтъ, я раздумала, и безъ мужа ни къ чему не могу подписаться.

Иванъ Прокофьичъ. Да вѣдь вы сами говорили, что согласны.

Эмилія Петровна. Я и теперь говорю, что согласна, но подпишусь, если мужъ мнѣ это позволитъ.

Иванъ Прокофьичъ. Тьфу ты, иное дѣло (*Кирилль Семенычу*). Начинайте ужъ вы по-крайности!

Кирилль Семенычъ. Я не знаю, братецъ, чтобы другіе не разсердились.

Иванъ Прокофьичъ. Да что же вамъ другіе? Другіе всѣ согласны, и этого не понимаете. (*Обращаясь къ Аннѣ Ефремовнѣ*). Подпишитесь, сестрица.

Анна Ефремовна. Я, мой родной, тебѣ прежде говорила и теперь повторяю, что я согласна на все, только откровенно тебѣ скажу, что я объ деньгахъ беспокоюсь.

Иванъ Прокофьичъ. Деньги вамъ будутъ. Я сейчасъ послалъ въ село къ Тихону, чтобы двѣсти цѣлковыхъ вамъ доставилъ.

Сергѣй Васильичъ. Что вы врете! Тихонъ другой день, какъ уѣхалъ въ городъ, и намъ тутъ никому и ни къ чему не слѣдуетъ подписываться. Вы напишите напередъ весь раздѣльный актъ, тогда и подпишемся.

Иванъ Прокофьичъ. Раздѣлъ послѣ-съ! Вы прежде это кончите; вы сами давиче уступали мнѣ Почлянокъ.

Сергѣй Васильичъ. Почлянокъ мы вамъ и отдадимъ, но напишите весь актъ.

Иванъ Прокофьичъ. Актъ мы напишемъ въ городъ, тамъ и совершимъ; а здѣсь, пожалуй, еще ошибемся, а самъ не умѣю писать.

Эмилія Петровна. А себѣ вы умѣете писать? отъ чего вы вещей не дѣлите?

Иванъ Прокофьичъ. Вещи послѣ раздѣлимъ.

Анна Ефремовна. Ахъ, нѣтъ, мой родной! Это сираведливо: вещи ты теперь раздѣли, для меня это необходимо: я завтра-же уѣзжаю отсюда совѣмъ.

Иванъ Прокофьичъ. Намъ теперь всемъ надобно ѣхать въ городъ.

Эмилія Петровна. Какъ въ городъ? Это съ чего вы взяли? Я не поѣду. Довольно жила и здѣсь, благодарю покорно. Дѣлите теперь-же, а не то я буду жаловаться.

Кириллъ Семенычъ. Вы, братецъ, хоть что-нибудь здѣсь раздѣлите, хоть серебра мнѣ сколько-нибудь дайте.

Иванъ Прокофьичъ. А! серебро тебѣ! Вещи вамъ раздѣлить!.. Погодите, я раздѣлю вамъ ихъ, вотъ вамъ ваши вещи!.. *(схватываетъ вдрухъ палку и начинаетъ ею колотить по столу, на которомъ были разставлены фарфоръ, хрусталь, серебро и прочія лучшія вещи).* Вонъ они! смотрите! ваши вещи.

Сергѣй Васильичъ *(унимая его)*. Что вы дѣлаете? Перестаньте! Эй, сюда! кто тамъ есть? Погоди-жь ты у меня, чортъ этакой!.. *(быстро уходитъ. Иванъ Прокофьичъ продолжаетъ колотить вещи).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Сергѣя Васильича.

Анна Ефремовна. Боже! я не въ состояніи этого видѣть... *(тоже уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ IV.

Иванъ Прокофьичъ, Кирилль Семенычъ и Эмилія Петровна.

Кирилль Семенычъ *(юля передъ Иваномъ Прокофьичемъ)*. Батюшка! братецъ, умилостивитесь... *(хватаетъ было его за руку)*.

Иванъ Прокофьичъ. Прочь! убью! *(заманивается на него палкой, но тотъ увертывается и убегаетъ)*

ЯВЛЕНИЕ V.

Иванъ Прокофьичъ и Эмилія Петровна.

Иванъ Прокофьичъ *(кидается на Эмилію Петровну)*. И тебѣ тоже будетъ.

Эмилія Петровна *(едва убѣгая отъ него)*. Онъ съ ума сошелъ! Спасите!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Иванъ Прокофьичъ и Оаддей Сидоровъ.

Оаддей. Батюшка, Иванъ Прокофьичъ, воспитанникъ убѣжалъ изъ амбара. Подъ полъ что-ли, подлецъ, ушелъ.

Иванъ Прокофьичъ *(хватаетъ его за шиворотъ)*. А, ушелъ! Всѣ они теперь ушли.. Давай огня!

Поджигай домъ!.. поджигай всю усадьбу! Давай мнѣ ножъ! Я перерѣжу всю скотину!.. Васъ всѣхъ перерѣжу. (*Хватаетъ со стола поварской ножъ и бѣжитъ, староста за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Ефремовна, Катенька, Кирилль Семенычъ и Эмилія Петровна.

Анна Ефремовна (*сопровождаемая Катенькой и быстро входя*). Боже! Несите Неоналимую купину.

Эмилія Петровна (*преслѣдуя Кирилла Семеныча*). Говорятъ вамъ, закладывайте сейчасъ лошадей и везите меня отсюда!

Кирилль Семенычъ. Матушка, да братецъ закололъ мою лошадку-то.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Матвѣевна.

Матвѣевна (*вбѣгала*). Отцы мои, чтò творится! Сергѣй Васильичъ съ народомъ съ кольями и дрекольями пошелъ на Ивана Прокофьяча. Тотъ на скотномъ было дворѣ заперся и скотинку началъ колоть, этотъ съ ружьемъ на него идетъ. (*Раздается ружейный выстрѣлъ*).

Всѣ женщины и Кирилль Семенычъ. Ай! (*и присѣдаютъ*).

(Занавѣсъ опускается).

ХИЩНИКИ.

КОМЕДИЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Лошадь волки съѣли
да санями подавились!

Пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Зыровъ, главный начальникъ вѣдомства.

Андашевскій, Аленсѣй Николаичъ, товарищъ его.

Вуландъ, Владиміръ Ивановичъ, директоръ.

Мямлинъ, Дмитрій Дмитричъ, камергеръ.

Князь Янтарный, Георгій Иракліевичъ, камергеръ.

Генераль-маіоръ Варнужа.

Шуберскій, столоначальникъ.

Басаева, Ольга Петровна, дочь графа Зырова. Вдова.

Вуландъ Вильгельмина Федоровна, жена Владиміра Ивановича Вуланда.

Сонина Марья Сергѣевна, вдова.

Горничныя, Слуги и Курьеръ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Утро. Большой кабинетъ. Предъ письменнымъ столомъ сидитъ Владиміръ Иванычъ Вулацъ, плотный, черноволосый, съ щетинистыми бакенбардами, мужчина. Онъ, съ мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ-бы просматриваетъ разложенныя предъ нимъ бумаги. Напротивъ его, на диванъ, сидитъ Вильгельмина Федоровна (жена его), высокая, худая, блѣлая нѣмка. Она, тоже съ недовольнымъ лицомъ, вяжетъ какое-то вязанье.

Вильгельмина Федоровна. Я сегодня въ газетахъ прочла, что на мѣсто Янсона товарищемъ назначенъ Андашевскій.

Владиміръ Иванычъ (*не поднимая глазъ отъ бумагъ и мрачнымъ голосомъ*). Да!... Съ недѣлю ужъ какъ рѣшено было это назначеніе.

Вильгельмина Федоровна. Отъ чего-жь ты мнѣ не сказалъ объ этомъ?

Владиміръ Иванычъ. Забывалъ все какъ-то.

Вильгельмина Федоровна. А на какомъ основаніи тебя тутъ обошли?

Владимиръ Ивановичъ (*какъ-бы удивленный этимъ вопросомъ*). Что же я тутъ такое!

Вильгельмина Федоровна. А то, что ты гораздо старше Андашевскаго и раньше его получилъ тайнаго совѣтника.

Владимиръ Ивановичъ. Это нынче ничего не значитъ.

Вильгельмина Федоровна. Наконецъ, ты, я думаю, лучше его знаешь дѣло... Опытнѣй его, и полагаю даже, что умнѣе!

Владимиръ Ивановичъ. Ты такъ полагаешь; а другіе, видно, полагаютъ иначе!

Вильгельмина Федоровна. Что-жь ты и останешься на своемъ мѣстѣ?

Владимиръ Ивановичъ. Куда-жь мнѣ дѣваться!

Вильгельмина Федоровна. Очень просто: проси у графа какой-нибудь высшей себѣ должности!.. Скажи ему, что ты униженъ и оскорбленъ назначеніемъ Андашевскаго тебѣ въ начальниви: это самолюбіе благородное, а не глупое!... Графъ долженъ это понять.

Владимиръ Ивановичъ. Какъ-же, пойметъ!... очень нужно ему до моего самолюбія.

Вильгельмина Федоровна. И ты, поэтому, съ докладомъ будешь ходить къ Андашевскому?

Владимиръ Ивановичъ (*покраснѣвъ въ лицѣ отъ досады*). Конечно!

Вильгельмина Федоровна (*тоже вспыхнувъ отъ досады*). Ну, я женщина, а потому должна была-бы имѣть меньше самолюбія, чѣмъ мужчина,—но я лучше бы сквозь землю провалилась, чѣмъ вынесла подобное униженіе.

Владиміръ Ивановичъ. Проваливайся, пожалуй!.. какъ кого удивишь!.. скажутъ только, что одной душой на свѣтѣ меньше стало.

Вильгельмина Ѳедоровна *(разсердясь)*. Душой!.. Ты самъ послѣ этого дуракъ!.. За что ты бранишься?

Владиміръ Ивановичъ. Какъ же не браниться? Говоришь какой-то вздоръ, фантазіи какія-то!..

Вильгельмина Ѳедоровна. Нѣтъ, это вовсе не фантазіи, а мнѣ дѣйствительно очень досадна несправедливость графа. Неужели-же Андашевскій былъ полезенъ тебѣ на службѣ и больше твоего участвовалъ хоть-бы въ тѣхъ-жъ реформахъ?

Владиміръ Ивановичъ *(съ грустной усмѣшкой)*. Не думаю!.. По реформѣ большую часть работъ производилъ я, а личные доклады графа ужь исключительно писаны мною.

Вильгельмина Ѳедоровна *(стремительно)*. Вотъ по этому-то мнѣ ужасно и хочется узнать, за что собственно сдѣланъ Андашевскій товарищемъ?

Владиміръ Ивановичъ. За то, что льстилъ и подличалъ предъ графомъ до такой степени, что гадко было видѣть это!.. Только что ноги не цѣловалъ у него!..

Вильгельмина Ѳедоровна. Ну, это пустяки: за одно подличанье онъ не сдѣлалъ-бы его товарищемъ!.. Тутъ непременно должно быть чье-нибудь постороннее вліяніе, какая-нибудь особая причина; а то графу не было-бы никакого основанія отдать Андашевскому предпочтеніе предъ тобой.

Владиміръ Ивановичъ. Не было основанія, однако онъ всетаки предпочелъ его.

Вильгельмина Федоровна. Предпочель, потому что на то была какая-нибудь особая причина; а потому ты тѣмъ больше имѣешь права обидѣться этимъ и требовать у графа, чтобы онъ выхлопоталъ тебѣ сенатора, напримврѣ...

Владиміръ Ивановичъ. Вездѣлицу!.. Сенаторство!.. Нынче, матушка, въ сенаторство попасть не такъ легко, какъ въ прежнее время: сажаютъ все спеціалистовъ по судебной части...

Вильгельмина Федоровна. Въ такомъ случаѣ проси, чтобы тебѣ оставили тоже содержаніе, и выходи въ въ отставку.

Владиміръ Ивановичъ. И того не сдѣлаютъ!.. На дняхъ еще циркулярно по всеѣмъ вѣдомствамъ объявлено, чтобы никакихъ представленій о пенсіонныхъ назначеніяхъ выше штатныхъ не дѣлать.

Вильгельмина Федоровна. А если такъ, то плюнь на все!.. Пусть тебѣ дадутъ, что слѣдуетъ по закону, и уѣдемъ за-границу! Я лучше по міру, съ сумой готова идти, чѣмъ видѣть, что мужъ мой подъ начальствомъ у мальчишки, который прежде за счастье считалъ, когда я позволю ему поцѣловать мою руку или налью чашку чаю. (*Владиміръ Ивановичъ что-то такое хочетъ возразить женѣ; но уходитъ Курьеръ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Курьеръ; *потомъ Владиміръ Ивановичъ одинъ.*

Курьеръ. Камергеръ Мямлинъ и генераль-майоръ Варнуха. <http://rcin.org.pl>

Вильгельмина Ѳедоровна. А я еще и не одѣта! Уйти скорѣе!..

Владимиръ Ивановичъ *(съ досадою)*. Уходи!.. Что тебѣ тутъ сидѣть!.. *(Вильгельмина Ѳедоровна уходитъ)*.

Владимиръ Ивановичъ *(Курьеру)*. Проси этихъ господъ! *(Курьеръ уходитъ)*.

Владимиръ Ивановичъ *(одинъ)*. Эти женщины хуже змѣй!.. У меня и безъ того адъ на душѣ, а она еще пилитъ своимъ милымъ язычкомъ! Справедливо сказалъ какой-то философъ, что человѣкъ не столько оттого страдаетъ, когда ему самому скверно, какъ оттого, когда онъ видитъ, что другому хорошо! Вчера при мнѣ г. Андашевскій пріѣхалъ въ театръ и проходитъ въ первый рядъ кресель, слышу со всѣхъ сторонъ говорятъ: «Это Андашевскій!.. Новый товарищъ!..» А онъ оглоданой-то харей своей такъ всѣмъ и улыбается, и ко мнѣ вдругъ чуть не съ распростертымъ объятіямъ. «Какъ, говоритъ, я счастливъ, что вижу васъ!» Пытку бы легче вынесъ, чѣмъ эту милую сцену, а между тѣмъ сиди, самъ тоже улыбайся и дѣлай видъ, что кромѣ удовольствія ничего не чувствуешь!.. Будь кто хочешь, кажется, назначень со стороны, хоть столоначальнишка какой-нибудь изъ аристократовъ, я равнодушнѣй бы перенесъ, зная, что въ Россіи въ службѣ все дѣлается по протекціи; но тутъ предпочтенъ человѣкъ совершенно-равный мнѣ, стоявшій рѣшительно въ однихъ условіяхъ со мной, — это ужъ прямо насмѣшка!.. Плевокъ въ лицо!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Владиміръ Иванычъ; входятъ Мямлинъ, плъшивый господинъ, съ женской почти физіономіей и съ необыкновенно толстымъ задомъ, и генералъ-міоръ Варпуха, худенькій, мозглый малороссіянинъ, съ длиннѣйшими усами, съ нелпнымъ, но совершенно необразованнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

М я м л и н ъ. Вашему превосходительству имѣю честь представиться! *(на этихъ словахъ онъ вдругъ останавливается и начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы).*

В л а д и м і р ъ И в а н ы ч ъ *(протягивая ему руку).* А у васъ это подергиванье въ лицѣ еще не прекратилось!

М я м л и н ъ. Лучше нынче, лучше!.. *(продолжаетъ гримасничать).*

В л а д и м і р ъ И в а н ы ч ъ *(съ нѣкоторымъ участіемъ).* Но, скажите, что такое собственно это за болѣзнь?

М я м л и н ъ. Нервная!.. Тоже самое, что и пляска святаго Витта, какъ объясняли мнѣ врачи!..

В л а д и м і р ъ И в а н ы ч ъ. И что же, вы боль при этомъ сильную чувствуете?

М я м л и н ъ. Нисколько!.. Ни малѣйшей!.. Непроизвольное только сокращеніе личныхъ мускуловъ.

В л а д и м і р ъ И в а н ы ч ъ. Но есть же противъ этого средства какія-нибудь?

М я м л и н ъ. Электричество больше всего тутъ помогаетъ, и мнѣ теперь гораздо лучше!.. Конечно, когда взволнуешься чуть, такъ усиливаются при-

падки, а сегодня вотъ я являлся къ графу, потому къ нашему новому начальнику, Алексѣю Николаичу Андашевскому и наконецъ къ вашему превосходительству... Все это очень пріятно, но не могло не подѣйствовать. *(Владиміръ Ивановичъ перенесъ свой взглядъ на генераль-маіора Варнуху, который все время стоялъ, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ; но какъ только взоръ Владиміра Ивановича коснулся до него, такъ онъ миновенно и очень низко поклонился ему и затѣмъ опять сейчасъ же вытянулся въ струнку).*

Владиміръ Ивановичъ *(къ Варнухѣ)*. Вы недавно причислены къ намъ?

Генераль-маіоръ Варнуха *(бойко и стчетливо)*. Точно такъ, ваше превосходительство!

Владиміръ Ивановичъ. Но по чьему собственно представленію?

Генераль-маіоръ Варнуха. Господина товарища!

Владиміръ Ивановичъ. Стало быть, вы лично извѣстны Алексѣю Николаичу?

Мямлинъ *(у котораго лицо окончательно уже успокоилось)*. Дядя мой, князь Михайло Семенычъ, просилъ за него Алексѣя Николаича... Господинъ Варнуха завѣдывалъ нѣкоторое время имѣньемъ дяди.

Генераль-маіоръ Варнуха. Тогда, оставивши военную службу, я занимался частными дѣлами и почестъ, что всѣ имѣнья князя Михайла Семеныча пушалъ на выкупъ, и такъ какъ онъ остался очень доволенъ мной, то и сдѣлалъ меня потомъ смотрителемъ Огюньскаго завода.

Владиміръ Ивановичъ *(какъ-бы повторяя слова Варнухи)*. Смотрителемъ Огюньскаго завода вы были?.. Но

заводъ этотъ, какъ мнѣ помнится, производится этими несчастными ссыльными?

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Точно такъ, ваше превосходительство!.. Очень трудно было управляться!.. На собственной рукѣ даже имѣю нѣсколько шрамовъ!.. *(заворачиваетъ рукавъ мундира и показываетъ нѣсколько шрамовъ).*

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. Это отъ чего?

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Билъ ихъ-съ изъ собственныхъ рукъ!.. Сѣчь не велѣно... по суду когда еще что будетъ, а между тѣмъ они буянствуютъ каждыи день, только этимъ самымъ и усмирять ихъ!

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. Вы тамъ и получили чинъ генералъ-маіора?

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Точно такъ, ваше превосходительство!.. Три года уже состою генералъ-маіоромъ и тепериче-бы желалъ получить болѣе высшую должность.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. Да... Но у насъ, вѣдь, предварительно всякаго назначенія, даютъ обыкновенно порученія...

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Слушаю, ваше превосходительство!

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. И смотря потому, кто какъ исполнить ихъ...

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Слушаю, ваше превосходительство!

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. Прошу садиться! *(Движеніемъ руки своей приглашаетъ гостей своихъ садиться и самъ садится. Мямлинъ довольно свободно располагается на своемъ креслѣ, но генералъ-маіръ Варнуха только притыкается на кончикъ стула).*

МЯМЛИНЪ *(закладываетъ волосы).* А я, ваше

превосходительство, только вчерашняго числа возвратился изъ моей скучной и длинной командировки...

Владиміръ Ивановичъ *(насилно улыбаясь)*. Знаю это я!

Мямлинъ. Въ три тома дѣло произведъ!.. Вотъ какіхъ три тома!.. *(показываетъ рукою на аршинъ отъ земли)*. Двѣсти пятьдесятъ деревень объѣхалъ; съ желѣзными дорогами семь тысячъ восемьсотъ верстъ сдѣлалъ, — надобно было на это употребить времени и труда! *(На всь эти слова Владиміръ Ивановичъ хотъ бы малѣйшее выразилъ одобреніе)*. И какъ вотъ сейчасъ я Алексѣю Николаичу докладывалъ: въ самую, нынѣшнюю страстную недѣлю, когда всѣ истинно-русскіе желаютъ и ждуть съ семействомъ разговѣться, я, одинъ-одинехонекъ живу, въ идолопоклоннической, мордовской деревнюшкѣ: только одинъ разъ въ недѣлю и оживаешь душой, когда услышишь благовѣстъ изъ сосѣдняго, русскаго села или съѣдишь туда къ обѣднѣ; вдругъ я читаю въ газетахъ, что нашъ Алексѣй Николаичъ назначенъ товарищемъ, я всплакалъ даже отъ радости, потому что этотъ выборъ прямо показываетъ, что въ настоящее время въ Россіи можно служить и что достоинства и заслуги не пропадаютъ даромъ! *(Владиміръ Ивановичъ, лицо котораго становилось все болѣе и болѣе сердитымъ и недовольнымъ, и на эти слова ничего не проговорилъ. Мямлинъ, обращаясь уже къ генераль-маіору Варнухѣ)*. Согласны вы съ этимъ?

Генераль-маіоръ Варнуха *(потупляя глаза и какимъ-то перъшителльнымъ голосомъ)*. Конечно-съ!..

Мямлинъ *(совершенно не соображая кому и что говорить)*. Про Алексѣя Николаича всѣ, я думаю, даже враги его скажутъ что онъ уменъ!.. Просвѣщенъ!..

Двѣтеленъ!.. Знающъ! *(Каждое слово Мямлина какъ-бы булавкой кололо генерала Варнуху, такъ что онъ слегка даже вздрагивалъ. Мямлинъ въ окончательномъ пафосѣ своего увлеченія и снова обращаясь къ нему).* И наконецъ, души ангельской! Чего-жъ можно больше требовать отъ чело-вѣка! *(Генераль-майоръ Варнуха при этомъ только уже выворотилъ бѣлки свои на Мямлина, какъ бы желая тѣмъ выразить ему свое удивленіе. Мямлинъ, ничего этого незамѣчавшій).* Это назначеніе такъ меня ободрило, что, когда я радость мою по этому предмету передавалъ князю Михаилу Семеновичу, такъ онъ, сочувствуя конечно вполне выбору Алексѣя Николаича, посмѣялся даже мнѣ: «Ахъ, ты, говоритъ, добрая, русская душа; каждому малѣйшему успѣху Россіи ты радуешься!..» Я что жъ? Признаюсь: патриотъ!.. Люблю мое отечество! И теперь вотъ прямо самому графу и вашему превосходительству осмѣлюсь сказать и просить разсмотрѣть мои труды; можетъ быть, и въ нихъ найдется что-нибудь полезное! Никакой поправки или снисхожденія не желаю себѣ; а прошу только разсмотрѣть ихъ и оцѣнить по достоинству.

Владимиръ Ивановичъ *(мрачнымъ голосомъ).* Наша обязанность просматривать все поступающія къ намъ дѣла.

Мямлинъ. А я только и желаю того! *(начинаетъ снова выдѣлывать изъ лица гримасы).*

Владимиръ Ивановичъ *(съ нескрываемымъ отвращеніемъ).* Какая, однако, у васъ болѣзнь эта несносная.

Мямлинъ. Очень несносная! *(встаетъ и начинаетъ раскланиваться).* Поручаю себя вашему вниманію.

Владимиръ Ивановичъ *(тоже вставая и протягивая Мямлину руку).* Весьма радъ, что видѣлъ васъ!

М я м л и н ь *(склоняя передъ нимъ голову)*. Супругъ вашей прошу засвидѣтельствовать отъ меня глубочайшее уваженіе.

В л а д и м и р ь И в а н ы ч ь. Благодарю васъ! *(обращаясь къ генераль-майору Варнухъ, но не протягивая ему руки)*. Радъ, что съ вами познакомился! *(Генераль-майоръ Варнуха проворно и низко ему кланяется)*.

М я м л и н ь *(показывая ему рукою)*. Мы съ генераломъ только и просимъ васъ объ одномъ: воздать каждому изъ насъ по дѣломъ нашимъ! *(Оба за тѣмъ, еще разъ раскланиваются съ Владиміромъ Ивановичемъ и уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

В л а д и м и р ь И в а н ы ч ь *(оставшись одинъ и какимъ-то широмъ разсвирьпылымъ садясь на свое мѣсто)*. Погодите: я воздамъ вамъ по дѣломъ вашимъ!.. Эготъ дуралей-то прокаженный съ ключомъ воображаетъ, что я его три дурацкіе тома стану читать; да я, безъ всякаго чтенія, прямо доложу графу, что это чепуха великая, и напередъ увѣренъ, что не ошибусь!.. Въ Андашевскомъ какого-то ужъ ангела открылъ и говоритъ мнѣ это прямо въ глаза; одно это показываетъ, что онъ дуракъ набитый! Другой-то тоже хорошъ, спичка эта военная, воришка съ какого-то заводиска, высшей должности себѣ ожидаетъ! Что до меня касается, такъ я васъ обоихъ угощу: въ службѣ только еще и осталось одно это наслажденіе, что подобнымъ скотамъ можешь ногу подставить! *(Входитъ Курьеръ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Владиміръ Иванычъ и Курьеръ.

Курьеръ. Чпновникъ Шуберскій!

Владиміръ Иванычъ. О, чортъ его дерп!
(сердито къ Курьеру). Что ему надобно отъ меня?

Курьеръ. Онъ съ бумагами какими-то пришель-еъ.

Владиміръ Иванычъ. Зови! (Курьеръ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Владиміръ Иванычъ. Я увѣренъ, что этотъ прощальга пришелъ выемотрѣть, что у меня написано на лицѣ. (Входитъ Шуберскій, молодой еще человекъ, въ виць-мундирномъ фракѣ и съ дѣлами подъ мышкой).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Владиміръ Иванычъ и Шуберскій; потомъ на миновение входитъ Курьеръ.

Владиміръ Иванычъ (довольно сурово). Что у васъ за дѣла такія спѣшныя? (Шуберскій на это молча подаетъ ему бумаги. Владимиръ Иванычъ подписывая эти бумаги). Это все пустяки какіе-то, подтвержденія!.. Развѣ они не могли полежать, пока я приѣду? (почти швыряетъ къ Шуберскому подписанныя бумаги).

ШУБЕРСКІЙ (*скромно подбирая эти бумаги*). Я еще и собственное дѣло имѣю къ вамъ, Владиміръ Ивановичъ!

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. Что такое-съ?

ШУБЕРСКІЙ. Я пришелъ попросить у васъ позволенія подать мнѣ въ отставку.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ (*видимо удивленный этими словами*). Это съ чего вамъ вздумалось?

ШУБЕРСКІЙ (*грустно пожимая плечами*). Мнѣ при Алексѣѣ Николаичѣ невозможно оставаться служить. Онъ въ первый же разъ, какъ будетъ управлять за графа, начнетъ непременно преслѣдовать меня.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ (*съ нѣкоторымъ вниманіемъ*). Но что такое собственно у васъ съ нимъ вышло?.. Я до сихъ поръ не знаю хорошенько!..

ШУБЕРСКІЙ (*скромно потупляя глаза*). Я въ одномъ фельетонѣ моемъ написалъ про Алексѣя Николаича!.. Тогда, можетъ быть, вы изволите помнить дѣло это по Калишинскому авціонерному обществу.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ (*съ бѣльшимъ уже вниманіемъ*). Ну-съ!

ШУБЕРСКІЙ (*съ тѣмъ же скромнымъ видомъ*). А у меня въ этомъ обществѣ зять, мужъ сестры моей, служилъ...

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ (*съ еще большимъ вниманіемъ*). Ну!

ШУБЕРСКІЙ. Онъ какъ-то приходитъ къ намъ и рассказываетъ: «вашъ, говоритъ, Андашевскій взялъ съ нашей компаніи триста тысячъ акціями».

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ (*покраснѣвъ даже въ лицъ отъ удовольствія*). Стало быть, это не утка газетная была?

<http://rcin.org.pl>

Шуберскій. Какая же газетная утка? Зять мой съ управляющимъ компаніей и возилъ къ нему эти акціи и не на домъ, а на квартиру къ его любовницѣ.

Владиміръ Иванычъ. Это къ Марьѣ Сергѣевнѣ Сониной?

Шуберскій. Къ ней именно!.. Алексѣй Николаичъ у ней въ гостиной и принялъ эти акціи, сначала сосчиталъ ихъ очень аккуратно, а потомъ просилъ Марью Сергѣевну положить ихъ на время въ свою шифоньерку.

Владиміръ Иванычъ. И вы все это описали?

Шуберскій. Почти; но главнымъ образомъ я провелъ въ статьѣ ту мысль, что какъ выгодно бываетъ иногда акціонернымъ обществамъ открывать бесплатную подписку вліятельнымъ лицамъ, и въ примѣръ тому указалъ на Калишинское акціонерное общество и будто-бы нѣкоего г. Подстегина..

Владиміръ Иванычъ. И что же, по поводу этого фельетона, Андашевскій имѣлъ съ вами объясненіе?

Шуберскій. Очень большое!.. Именемъ графа, призывалъ меня къ себѣ и спрашивалъ: кто это писалъ? я сказалъ, что я. Онъ спросилъ: про кого это писано и кто именно г. Подстегинъ? Я отвѣчалъ, что лицо это совершенно вымышленное. Онъ, однако, не повѣрилъ тому и началъ меня тѣснить, такъ что еслибы вы не взяли меня къ себѣ, то я службу долженъ былъ-бы оставить.

Владиміръ Иванычъ. Я теперь припоминаю: онъ мнѣ тогда <http://www.voin.org.ru> выговаривалъ, зачѣмъ я васъ

взялъ къ себѣ!.. Да вы садитесь, пожалуйста!.. Что-жь вы все стоите? (*Шуберскій садится и принимает не столь уже подобострастный видъ.*)

Владимиръ Иванычъ (*продолжаетъ съ важностью*). И рассказывалъ такъ, что когда вы сдѣлались фельетонистомъ газетъ, то безпрестанно стали являться къ нему и просить себѣ награды и повышеній, но онъ, не находя васъ, заслуживающимъ того, отказывалъ вамъ,—тогда вы написали на него этотъ пасквиль...

Шуберскій (*съ нѣсколькими вспыхнувшимъ лицомъ*). Нѣтъ-съ, я не пасквиль на него писалъ, а передалъ дѣйствительно случившійся фактъ!

Владимиръ Иванычъ. А зять вашъ, скажите, можетъ подтвердить этотъ фактъ?.. Имѣеть какое-нибудь юридическое доказательство на него?

Шуберскій. Зять мой не станетъ подтверждать этого факта, потому что онъ до сихъ поръ служить въ томъ же обществѣ, и отъ этой службы зависитъ весь его кусокъ хлѣба; но всего лучше фактъ этотъ можетъ подтвердить Марья Сергѣевна Сонина.

Владимиръ Иванычъ. Она! Подниметь Марья Сергѣевна руку на своего возлюбленнаго!..

Шуберскій. Подниметь-съ теперь!.. Онъ, говорятъ, покинулъ ее!

Владимиръ Иванычъ (*восклинулъ въ удивленіи*). Какъ покинулъ?

Шуберскій. Совершенно покинулъ-съ и женится, говорятъ, на какой-то княжнѣ или графинѣ...

Владимиръ Иванычъ (*какъ-бы въ порывѣ благороднаго негодованія*). Ахъ, негодяй какой!.. (*Сильно звонитъ.. Вбѣгаетъ прежній курьеръ.*)

Владимиръ Ивановичъ *(ему)*. Позови сюда поскорѣй Вильгельмину Федоровну. *(Курьеръ уходитъ)*.

Шуберскій. Даже многіе изъ нашихъ чиновниковъ удивляются этому поступку Алексѣя Николаича, зная, сколько лѣтъ онъ любилъ Марью Сергѣевну.

Владимиръ Ивановичъ. Никогда онъ ея не любилъ и никого въ мірѣ онъ не можетъ любить! Этотъ человекъ, до мозга костей своихъ, эгоистъ и лицемеръ! Я началъ знать г. Андашевскаго съ самаго его поступленія къ намъ. Онъ шагу въ жизни не сдѣлалъ безъ пользы для себя, и два фортеля въ этомъ случаѣ употреблялъ: по первыхъ, постоянно старался представить изъ себя чиновника высшаго образованія и возвышенныхъ убѣжденій и для этого всегда накупалъ иностранныхъ книгъ и журналовъ и всемъ обыкновенно рассказывалъ, что онъ то, се, третье тамъ читалъ, — этимъ собственно вначалѣ онъ и обратилъ на себя вниманіе графа; а потомъ сталъ льстить ему и возводить графа въ какіе-то боги и тутъ-же, будто къ слову, напѣвалъ ему, какъ онъ самъ цѣлыя ночи проводитъ за работой и какъ этимъ разстроилъ себѣ грудь и печень; ну, и разжалобить старика: тотъ ему почти каждый годъ то крестъ, то чинъ, то денежную награду дастъ, то повыситъ въ должности, и я убѣжденъ даже, что онъ Янсона подшибъ, чтобы сѣсть на его мѣсто.

Шуберскій. Слухи есть и объ этомъ.

Владимиръ Ивановичъ. Непремѣнно-съ это было, потому что графъ очень любилъ Янсона и вдругъ ни съ того, ни съ сего возненавидѣлъ его!.. Ту же самую маску г. Андашевскій, вѣроятно, но-

силъ и предъ Марьей Сергѣевной: пока та была молода, недурна собой,—женщина она съ обезпеченнымъ состояніемъ и поэтому денегъ отъ него не требовала, — онъ клялся ей въ своей любви и вѣрности, а теперь себѣ, вѣроятно, пріискалъ въ невѣсты какую-нибудь другую дуру съ огромнымъ состояніемъ или съ большими связями.

Шуберскій. Я на-дняхъ узнаю, кто это именно невѣста его.

Владиміръ Ивановичъ. Узнайте, пожалуйста, и мнѣ передайте!

Шуберскій. Очень хорошо-съ! (*Входитъ Вильгельмина Федоровна*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Вильгельмина Федоровна.

Владиміръ Ивановичъ (*обращаясь къ женѣ*). Слышала: нашъ Алексѣй Николаичъ бросилъ свою Марью Сергѣевну?

Вильгельмина Федоровна (*отступая даже шагъ назадъ*). Не можетъ быть!

Владиміръ Ивановичъ. Бросилъ и женится на какой-то княжнѣ.

Вильгельмина Федоровна. Господи, чего ужъ не выдумаютъ?

Шуберскій. Нѣтъ-съ, это не выдумка! Собственный лакей Алексѣя Николаича на дняхъ, въ трактиръ хвасталъ и рассказывалъ, что господинъ его женится на какой-то графинѣ или княжнѣ, богатой, красавицѣ изъ себя...

Вильгельмина Федоровна (*видимо заинтересованная этой новостью и садясь на диванъ*). Но, можетъ быть это перемѣшали только, а онъ именно на Марья Сергѣевнѣ и женится.

Шуберскій. Врядъ-ли-съ, потому что лакей къ этому прибавлялъ, что прежнюю свою привязанность Алексѣй Николаичъ бросилъ: ни самъ къ ней не ѣздитъ, ни ея къ себѣ не принимаетъ.

Вильгельмина Федоровна. Бѣдная Марья Сергѣевна! я воображаю, что теперь съ ней происходитъ: она, я думаю, не перенесетъ этого и съ ума сойдетъ.

Владимиръ Ивановичъ. Если только есть ей съ чего сходить! (*обращаясь къ Шуберскому*). А вы не извольте оставлять службы: это вздоръ!.. При женѣ ничего, можно говорить все: г. Андашевскій безъ меня не можетъ сдѣлать вамъ никакого существеннаго зла; но если онъ отнесется ко мнѣ, то я прямо его спрошу, за что онъ васъ преслѣдуетъ? Онъ мнѣ, разумѣется, скажетъ, что въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ неудобно имѣть чиновникомъ газетнаго репортера, такъ какъ онъ можетъ разгласить какія-нибудь даже государственныя тайны. «Но гдѣ-же, спрошу, статья закона, прямо воспреещающая газетнымъ репортерамъ быть чиновниками; потому что въ отношеніи нашихъ подчиненныхъ мы можемъ дѣйствовать только на основаніи существующихъ узаконеній; если-же, скажу, вы желаете употребить вакую-нибудь произвольную мѣру, то я не знаю, во первыхъ, въ чемъ она можетъ состоять, а во вторыхъ, пусть ужь она будетъ безъ меня!» Тогда я и посмотрю, что онъ вамъ сдѣлаетъ.

Шуберскій. Сдѣлаетъ то, что велитъ подать мнѣ въ отставку.

Владиміръ Ивановичъ (*воскликая во весь голосъ*). Никогда!.. никогда!.. Какъ это вы умный молодой человекъ, и не понимаете того!.. Еслибы онъ дѣйствительно имѣлъ глупость вытѣснить васъ, такъ вы объ этомъ можете напечатать во всѣхъ газетахъ, потому что это явное пристрастіе и проведеніе въ службѣ личныхъ антипатій и, повѣрьте вы мнѣ-съ: г. Андашевскій не только не станетъ васъ преслѣдовать теперь, а, напротивъ, онъ будетъ повышать васъ...

Шуберскій. Ну, ужъ этого, я думаю, никогда не можетъ быть...

Владиміръ Ивановичъ. Очень возможно-съ! Мы обыкновенно смѣлы и деспотичны только противъ слабыхъ. У насъ есть, конечно, власть, чины, кресты, которые мы раздаемъ; а у васъ есть другая сила и врядъ-ли не болѣе могучая, чѣмъ наша: это печать, и въ рукахъ вашихъ, нѣкоторымъ образомъ, общественное мнѣніе.

Шуберскій. Это совершенно справедливо, и если вы, Владиміръ Ивановичъ такъ на это смотрите... (*при этихъ словахъ онъ встаетъ на ноги*) то позвольте мнѣ за все, что вы сдѣлали и дѣлаете для меня, этой печатью служить вамъ, въ чемъ только вы прикажете...

Владиміръ Ивановичъ. Благодарю васъ! Но, можетъ быть, вамъ несовсѣмъ будетъ удобно писать, напимѣръ, про наше вѣдомство, такъ какъ вы служите у насъ: опять, пожалуй, выйдетъ какая-нибудь глупая исторія!

Шуверскій. Я самъ ничего и не буду писать; но у меня есть очень много пріятелей-фельетонистовъ, которые напишутъ все, что я ихъ попрошу.

Владиміръ Иванычъ. Отлично это, безподобно!.. и я, признаюсь, весьма былъ-бы доволенъ, еслибы, по поводу назначенія г. Андашевсваго, которое всетаки считаю величайшей ошибкой со стороны графа, въ газетахъ прошла такого рода инсинуація-статья, что отъ чего-де наше правительство такъ мало обращаетъ вниманіе на общественное мнѣніе и на довольно важные посты выбираетъ людей, у которыхъ на совѣсти дѣла въ родѣ дѣлъ по Калишинскому акціонерному обществу и которые женщину, двадцать лѣтъ безкорыстно ихъ любившую, бросаютъ при первомъ своемъ возвышеніи. Понимаете, чтобы, въ одно и тоже время, затушевано все было и прозрачно!

Шуверскій. Понимаю, и не прикажите ли еще прибавить, что общественное мнѣніе тѣмъ болѣе бываетъ удивлено, что въ подобныхъ случаяхъ иногда обходятъ людей, истинно призванныхъ на извѣстный постъ.

Владиміръ Иванычъ. Нѣтъ, это зачѣмъ же ужь!.. Довольно и того!

Шуверскій. Слушаю-съ! *(кланяется сначала Владиміру Иванычу, а потомъ Вильгельмину Фодоровичъ и идетъ).*

Владиміръ Иванычъ *(вслѣдъ ему).* Пожалуй-ста, когда будете имѣть какуюнибудь просьбу ко мнѣ, адресуйте безъ всякой церемоніи.

Шуверскій *(еще разъ кланяясь въ дверяхъ).* Не премину воспользоваться вашимъ добрымъ позволеніемъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Владиміръ Иванычъ и Вильгельмина Федоровна.

Владиміръ Иванычъ. Съ этой стороны мы, значить, дадимъ г. Андашевскому щелчокъ порядочный!.. (обращаясь къ жепъ), а потомъ ты съѣздишь къ Марьѣ Сергѣевнѣ.

Вильгельмина Федоровна (невиннымъ голосомъ). Хорошо!.. Мнѣ самой очень хочется навѣстить ее!

Владиміръ Иванычъ. Во первыхъ, навѣстить ее надобно; а потомъ... помнишь ты это Калишинское дѣло, по которому г. Андашевскій цапнулъ триста тысячъ?

Вильгельмина Федоровна (въ удивленіи). Триста тысячъ, однако!

Владиміръ Иванычъ. Триста тысячъ—ни больше, ни меньше, и пріемъ этихъ денегъ, какъ сказывалъ мнѣ сейчасъ Шуберскій, происходилъ на квартирѣ Марьи Сергѣевны и даже въ присутствіи ея; а потому она, Богъ знаетъ, можетъ быть, какія доказательства имѣеть къ уличенію г. Андашевскаго.

Вильгельмина Федоровна. Но если и есть у ней такія доказательства, развѣ она скажетъ объ нихъ.

Владиміръ Иванычъ. Скажетъ, потому что она зла теперь на Андашевскаго за его измѣну; а, наконецъ, она дура набитая: у ней всегда все можно выспросить и даже выманить; главное, нѣтъ-ли у

ней какого-нибудь документика обличающаго: письма его или записочки?

Вильгельмина Федоровна. Положимъ, у ней найдется такой документъ и она отдастъ его; но что-жъ потомъ будетъ?

Владиміръ Ивановичъ. Потомъ, превосходно будетъ: я двадцать такихъ писачекъ, какъ Шуберскій, найму и заставлю ихъ называть въ газетахъ прямо уже по имени г. Андашевскаго; мало того: я документъ этотъ лично принесу къ графу и скажу, что получилъ его по городской почтѣ для доставленія ему.

Вильгельмина Федоровна (*недовѣрчиво пожимал плечами*). И графъ, разумѣется, разсердится на тебя за это: потому что Андашевскій всетаки его созданіе, и потомъ они уже вмѣстѣ, вдвоемъ, начнутъ тебѣ мстить и преслѣдовать тебя!

Владиміръ Ивановичъ. Да хоть-бы они голову сняли съ меня за то, такъ я сдѣлаю это!.. Мнѣ легче умереть, чѣмъ видѣть, какъ этотъ плуть и подлипало возвышается!...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ II.

Гостиная въ квартирѣ Марьи Сергѣевны Сониной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья Сергѣевна не старая еще женщина, но полная и не по лѣтамъ уже обрюзгая, съ землянымъ цвѣтомъ лица и съ немного распухнувшимъ отъ постоянного насморка носомъ; когда говоритъ, то тянетъ слова. Она полулежитъ на диванъ, кругомъ обложенная подушками. Какъ-бы въ противоположность ей, не вдалекъ отъ дивана, бодро и прямо сидитъ въ креслѣ **Вильгельмина Федоровна** въ модной шляпѣ и дорогой шали.

Вильгельмина Федоровна. Я бы непременно давно у васъ была; но полагала, что вы на дачѣ, и только вчера спросила Владиміра Ивановича: «Гдѣ, говорю, нынче на дачѣ живетъ Марья Сергѣевна?..» «Какое, говоритъ, на дачѣ; она въ городѣ и больна!!» «Ахъ, говорю, какъ же тебѣ не грѣхъ не сказать мнѣ!» Сегодня ужъ нарочно отложила всѣ дѣла въ сторону и поѣхала.

Марья Сергѣевна. Я давно больна, третій

мѣсяцъ больна и даже посѣтовала въ душѣ, что вы не побываете у меня!

Вильгельмина Ѳедоровна. Да вы бы написали мнѣ, я сейчасъ же бы и пріѣхала въ вамъ.

Марья Сергѣевна. А этого я и не сообразила, а потомъ тоже полагала, что вы также на дачу переѣхали.

Вильгельмина Ѳедоровна. Нѣтъ, мы другой годъ не живемъ на дачѣ,—Владиміру Иванычу рѣшительно некогда: онъ по горло заваленъ дѣлами!.. Наградъ никакихъ не даютъ; а дѣла прибавляютъ, такъ что я прошу его даже бросить лучше эту службу проклятую.

Марья Сергѣевна *(махнувъ рукой)*. Охъ, эта ужъ нынче служба: она всѣхъ, кажется, отъ всего отвлекаетъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. Какъ же неотвлекаетъ!.. но когда еще она вознаграждается, такъ это ничего; вотъ какъ нашему общему знакомому Алексѣю Николаичу Андашевскому, тому хорошо служить: въ сорокъ лѣтъ какихъ-нибудь сдѣланъ товарищемъ!

Марья Сергѣевна. А вы думаете — легко ему! Онъ тоже нигуда теперь не ѣздитъ; у меня какихъ-нибудь раза два былъ въ продолженіе всей моей болѣзни; пишетъ, что все дѣлами занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна *(какъ-бы въ удивленіи)*. Неужели же онъ у васъ всего только два раза былъ?

Марья Сергѣевна. Всего!.. Это меня больше и огорчаетъ; а вижу, что нельзя требовать: занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна. Что-жъ такое

занять! Это ужь, видно, не одни занятія его останавливаютъ; а что-нибудь и другое.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (*съ нѣкоторымъ испугомъ и удивленіемъ*). Что же другое можетъ его останавливать?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Заважничаль, можетъ быть!.. Возгордился, что на такой важный постъ вышелъ.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Но какъ же ему, душенька, противъ меня-то гордиться!.. Вы знаете, я думаю, мои отношенія съ нимъ!.. Что жь, я, не скрываясь, говорю, что пятнадцать лѣтъ жила съ нимъ, какъ съ мужемъ.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Какъ же не знать!.. Всѣ очень хорошо знаемъ, и тѣмъ больше тому удивляемся! Въ газетахъ даже пишуть объ этомъ.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (*окончательно испугавшись*). Въ газетахъ?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Да!.. Сегодня Владиміръ Ивановичъ, какъ я повѣхала къ вамъ, подалъ мнѣ газету и говоритъ: «Покажи этотъ номеръ Марьѣ Сергѣевнѣ; врядъ ли не про нее тутъ написано!» Я и захватила ее съ собою (*подаетъ Марьѣ Сергѣевнѣ газету*). Въ этомъ вонъ столбцѣ напечатано это!.. (*показываетъ ей на одно мѣсто въ газетѣ*).

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (*начинаетъ неумьло и вслухъ читать*). «Мы сегодня лучъ нашего фонаря наведемъ во внутренность одного изъ петербургскихъ домовъ, въ небольшую, но мило убранную квартиру; въ ней сидитъ съ кроткими чертами лица женщина; противъ нея помещается уже знакомый нашему читателю г. Подстегинъ. Видно, что бѣдная женщина

преисполнена любви и нѣжности къ нему, но г. Подстегинъ мраченъ и озабоченъ. Вдругъ раздается звонокъ. Г. Подстегинъ проворно встаетъ съ своего стула и выходитъ въ зало. Тамъ стоятъ какихъ-то двое неизвѣстныхъ господъ; они сначала почтительно кланяются г. Подстегину; а потомъ начинаютъ съ нимъ шептаться. Въ результатъ этого совѣщанія было то, что когда г. Подстегинъ проводилъ своихъ гостей и снова возвратился къ своей собесѣдницѣ, то подалъ ей на триста тысячъ акцій Калишинскаго акціонернаго общества. «Ангель мой, говоритъ онъ ей: побереги эти деньги до завтра въ своей шифоньеркѣ!» *(останавливаясь читать и качая головой)*. Да!.. Это такъ!.. Да! Правда!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА *(стремительно)*. Правда это, значить?

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. Совершенная правда!... Два дня потомъ лежали у меня эти деньги: вечеромъ онъ, по обыкновенію поздно отъ меня уѣхавъ, побоялся ихъ взять съ собою; а на другой день ему что-то нельзя было заѣхать за ними, онъ и пишетъ мнѣ: «Мари, будь весь день дома, не выходи никуда и постереги мои триста тысячъ!» Такъ я и стерегла ихъ: цѣлый день все у шифоньерки сидѣла!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА *(съ вспыхнувшимъ отъ радости лицомъ)*. А у васъ цѣла эта записочка?

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. Цѣла!... О, у меня каждая строчка его сохраняется!.. Интересно, кто это пишетъ!

ВЕЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Тутъ дальше еще интереснѣе будетъ!.. Позвольте мнѣ вамъ прочесть: вамъ, кажется, трудно читать.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Да, я не привыкла читать; по французски мнѣ еще легче, — прочтите, пожалуйте!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА *(беретъ газету и начинаетъ бойко и отчетливо читать)*. «Казалось-бы что одно это событіе могло связать на вѣки г. Подстегина съ его подругой; но ничуть не бывало: онъ выдаетъ ее, какъ только нужно ему это стало. Напрасно бѣдная женщина пишетъ ему, онъ ей не отвѣчаетъ! Она посылаетъ къ нему свою горничную, — онъ общается къ ней пріѣхать и не ѣдетъ!»

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА *(со слезами уже на глазахъ)*. И это совершенная правда!.. Но кто же, душа моя, могъ все это узнать и описать?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА *(съ улыбкою)*. Это пишетъ чортъ, который куда наведетъ лучъ волшебнаго фонаря своего, вездѣ все видитъ.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Какъ чортъ? Господи помилуй!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Конечно, не чортъ, а человекъ, но у котораго вездѣ есть лазейки, шпионы свои, чрезъ которыхъ онъ все знаетъ.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Ужъ дѣйствительно настоящій чортъ: все описалъ.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Но вы послушайте еще дальше! *(читаетъ)*. «Перемѣнимъ направленіе нашего луча: предъ нами богато-убранная гостиная. Г. Подстегинъ стоитъ уже на коленяхъ предъ прелестнѣйшей собой дамой. Она вѣтромъ тихонько ударяетъ его по головѣ и говорить: «я никогда не выйду за васъ замужъ, пока вы такъ дурно будете произносить по-французски!» «Божество

мое, восклицаетъ Подстегинъ: я учусь у француза произносить слова. Какъ вы, напримѣръ, находите я произношу слово: *étudiant*?... хорошо?» «Недурно, отвѣчаетъ дама и даетъ ему поцѣловать кончикъ своего мизинца».

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. И это правда!... Онъ очень дурно произноситъ по французски.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Французъ, тоже говорятъ, какъ назначили его товарищемъ, каждый день ходитъ къ нему и учитъ его.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Но кто-же эта дама? не я же это?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Конечно, не вы!.. И я не знаю, правда-ли это; но весь Петербургъ, говорятъ, понялъ такъ, что это Ольга Петровна Басаева.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (*восклицаетъ*). Дочь графа?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Да!.. Онъ дѣйствительно бываетъ у ней каждый вечеръ, по слухамъ, даже женится на ней; вотъ и вѣрьте нынче мужичинамъ!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (*съ полными уже слезъ глазами*). Славно, отлично со мной поступилъ!.. Но я не допущу этого; не позволю ему это сдѣлать!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Но какъ же вы недопустите? Чѣмъ? Какимъ способомъ?

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. А я приду въ ту церковь, гдѣ ихъ вѣнчать будутъ, да и лягу поперекъ двери.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Развѣ возможно это? Вы и не узнаете, гдѣ они обвѣнчаются.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Но не могу же, душа моя, я все это видѣть и переносить равнодушно.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Записочкой вотъ этой, гдѣ онъ пишетъ о трехстахъ тысячахъ, которыя онъ въ вашемъ домѣ получилъ съ Калишинскихъ акціонеровъ, вы могли бы испугать его; но вы, конечно, никогда не рѣшитесь на это!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Отъ чего-же?.. Ничего?.. Если онъ самъ со мной такъ поступаетъ, то я рѣшусь на все!.. Я добра и кротка только до времени!.. Но чѣмъ же я именно напугаю его этимъ?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Тѣмъ, что вы записку эту можете напечатать.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Гдѣ же это я напечатая ее?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Въ газетахъ!.. Въ какой хотите газетѣ можете напечатать.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Но, душенька, я рѣшительно не съумѣю это сдѣлать! Если я ему скажу это, онъ просто разсмѣется. «Гдѣ, скажетъ, тебѣ напечатать!» Онъ знаетъ, что я ни по какимъ бумагамъ ничего не умѣю сдѣлать... Вы научите ужь меня, пожалуйста.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Да я сама хорошенько не знаю, какъ это дѣлается; но Владиміръ Ивановичъ, если вы позволите, сегодня заѣдетъ къ вамъ и поучитъ васъ.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Ахъ, пожалуйста! Я несказанно буду рада ему; но только я напередъ позову къ себѣ Алексѣя Николаича и выпрошу у него все! Можетъ быть, на него тутъ и клеветаютъ?

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. Только вы,

Вога ради, не проговоритесь какъ-нибудь ему, что мы съ Владиміромъ Иванычемъ принимаемъ въ этомъ участіе!.. Вы можете вооружить его противъ насъ на вѣки; а онъ всетаки теперь начальникъ мужа!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Понимаю я это, милушка, будто этого я не понимаю! Скажу, что въ газетахъ прочла.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. И что газету не я вамъ привезла, а что вы ее купили.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Конечно!.. понимаю!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. А потомъ, если на счетъ женитьбы Алексѣй Николаичъ станетъ запрягаться, то вы потребуйте отъ него, чтобы онъ на васъ женился; это будетъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, тѣмъ больше, что онъ долженъ же когда-нибудь это сдѣлать!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА *(обрадованная этимъ совѣтомъ)*. Какъ же не долженъ?.. Непремѣнно долженъ!

ВИЛЬГЕЛЬМИНА ФЕДОРОВНА. А теперь пока: adieu!.. Я поѣду сказать Владиміру Иванычу, чтобы онъ пріѣхалъ къ вамъ.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Да, да! Чтобъ пріѣхалъ!.. *(Обѣ дамы цѣлуются, и Вильгельмина Федоровна уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА *(оставшись одна и беря себя за голову)*. Такъ разстроилась этимъ извѣстіемъ, что, пожалуй, не въ состояніи буду и сообразить, что написать Алексѣю Николаичу *(садится къ письменному столу и, начиная писать, произноситъ то, что пишетъ)*,

«Я прочла въ газетахъ, что вы женитесь на друго й. Пріѣзжайте сейчасъ же ко мнѣ оправдаться въ томъ. Если вы не пріѣдете, то я напечатаю въ газетахъ всѣ ваши письма ко мнѣ, въ которыхъ вы клялись меня вѣчно любить и гдѣ просили меня хранить ваши триста тысячъ, которыя вы получили въ моемъ дом и это показываетъ, до чего вы прежде были откровенны со мной» *(останавливаясь писать)*. Ну вотъ и все, слава Богу: теперь только фамилію подпишу... *(макаетъ перо въ чернильницу и хочетъ продолжать писать, но дѣлаетъ огромное чернильное пятно на письмѣ и восклицаетъ испуганнымъ голосомъ)*. Вотъ тебѣ и разъ! *(слизываетъ чернильное пятно и вмѣстѣ съ тѣмъ смарываетъ самое письмо и мараетъ себѣ носъ чернилами)*. Ну, все письмо испортила!.. Господи, что я за несчастное существо въ мірѣ! Во всемъ-то мнѣ въ жизни неудачи! Больше писать не въ состояніи; отправлю какъ есть *(кое-какъ складываетъ письмо и кричитъ)*. Даша! *(Входитъ Даша)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Сергѣевна и Даша.

МАРЬЯ СЕРГѢВНА. Отнеси поскорѣй это письмо Алексѣю Николаичу *(отдаетъ Дашѣ письмо)*.

ДАША. Слушаю-съ! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ СЕРГѢВНА *(одна и начиная плакать)*. Ужь именно несчастное существо!.. Больше двухъ

лѣтъ, какъ Алексѣй Николаичъ заѣдетъ ко мнѣ на какіе-нибудь полчаса, никогда не посидитъ, ничего не разскажетъ; а теперь и совсѣмъ бросить хочеть!.. Что я буду дѣлать съ собой? Мнѣ скоро жить даже не на что будетъ: все прожила съ нимъ!. Не къ роднымъ же мнѣ идти на хлѣба. Меня никто изъ нихъ и знать не хочеть, а все изъ за него; долженъ онъ все это понять и хотъ сколько-нибудь оцѣнить! Вильгельмина Федоровна совершенно справедливо говоритъ, что ему надобно жениться на мнѣ!.
(продолжаетъ плакать. Входитъ Даша).

ЯВЛЕНІЕ V.

Марья Сергѣевна и Даша.

ДАША. Алексѣй Николаичъ сейчасъ придутъ къ вамъ.

МАРЬЯ СЕРГѢВНА (утирая слезы). Хорошо!
(Даша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРЬЯ СЕРГѢВНА (повеселѣвши нѣсколько). Испугался, видно, немножко!.. Теперь я знаю, какъ держать себя съ нимъ!.. Спасибо Вильгельминѣ Федоровнѣ, что она научила меня на счетъ газетъ!.. Я теперь все буду печатать въ газетахъ, что онъ противъ меня сдѣлаеть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья Сергѣевна. *Входитъ Андашевскій, господинъ съ рыжею, типическою, чиновничьей физіономіей; глаза его горятъ иньвомъ; но ротъ его улыбается, и видно, что все его стараніе направлено на то, чтобы сохранить спокойный видъ и скрыть волнующую его эмоцію.*

Андашевскій (*подавая Марью Сергѣевну руку и садясь вблизи нея*). Что это за странное письмо вы ко мнѣ написали?

Марья Сергѣевна. Какъ же мнѣ не написать было тебѣ письма!.. Ты посмотри, что про тебя самого пишутъ въ газетахъ (*подаетъ ему газету*).

Андашевскій (*беря газету и тихо откладывая ее въ сторону*). Знаю это я, читаль; но почему-жъ вы думаете, что это про меня писано?

Марья Сергѣевна. Потому, что тутъ пишутъ, какъ къ тебѣ на квартиру ко мнѣ приходили акціонеры, какъ ты получилъ съ нихъ триста тысячъ и далъ мнѣ ихъ убрать.

Андашевскій (*насмльственно смѣясь*). Но тоже самое могло случиться съ тысячью другихъ людей; а потому я никакъ не могу принять это прямо на свой счетъ.

Марья Сергѣевна. А кто же, по твоему, эта дама, передъ которой ты стоишь на колѣзяхъ.

Андашевскій. Этого тоже я никакъ ужъ не знаю.

Марья Сергѣевна. А я знаю!.. Это дочь

графа, Ольга Петровна Басаева, на которой ты женишься.

Андашевскій *(замѣтно сконфуженный)*. Дѣлаетъ честь твоей прозорливости.

Марья Сергѣевна. Пора ужъ быть прозорливой! Не все оставаться слѣпой.

Андашевскій *(пристально взглядывая ей въ лицо)*. Мнѣ интереснѣе всего знать, кто прислалъ тебѣ эту газету.

Марья Сергѣевна. Никто; я сама ее купила!

Андашевскій. Купить ты никакъ ее не могла; потому что какимъ же образомъ ты именно купила тотъ номеръ, гдѣ, по твоему мнѣнью, напечатано обо мнѣ,—стало бытъ всетаки сказалъ же тебѣ кто-нибудь объ этомъ!.. Кто тебѣ это сказалъ?

Марья Сергѣевна *(опышенная этимъ вопросомъ)*. Я не скажу тебѣ, кто мнѣ сказалъ.

Андашевскій. Все равно, я послѣ узнаю!

Марья Сергѣевна. Ни за что!.. никогда ты этого не узнаешь!.. И, пожалуйста, не отклоняйся въ сторону отъ разговора и отвѣчай мнѣ на мой вопросъ: женишься ты на Ольгѣ Петровнѣ или нѣтъ? *(Андашевскій на это только усмѣхается, но ничего не говоритъ. Марья Сергѣевна, не отставая отъ него)*. Женишься или нѣтъ?

Андашевскій *(довольно протяжно и потупляя въ землю свои глаза)*. Нѣтъ, не женюсь.

Марья Сергѣевна. А ты думаешь, что я такъ сейчасъ твоимъ словамъ и повѣрила!.. Ты мнѣ долженъ доказать это!

Андашевскій. Но чѣмъ же я могу тебѣ это доказать?

МАРЬЯ СЕРГЬЕВНА. Тѣмъ, что женись на мнѣ!.. Ты давно бы долженъ былъ сдѣлать это!

АНДАШЕВСКІЙ (*захохотавъ уже искреннимъ смѣхомъ*).
Что за безуміе выдумала!

МАРЬЯ СЕРГЬЕВНА. Отъ чего же безуміе?.. Тутъ ничего нѣтъ такого страннаго и смѣшнаго.

АНДАШЕВСКІЙ. Да, какъ же не смѣшно! сколько лѣтъ жили, и вдругъ ей пришло въ голову, чтобы я женился на ней.

МАРЬЯ СЕРГЬЕВНА. Мужъ мой только прошлаго года померъ; раньше и нельзя было; а теперь я непременно требую, чтобы ты женился на мнѣ.

АНДАШЕВСКІЙ. Нѣтъ, я не могу на тебѣ жениться!

МАРЬЯ СЕРГЬЕВНА. Почему же не можешь?

АНДАШЕВСКІЙ. Потому, что ни моя служба, ни мое положеніе въ свѣтѣ, ничто мнѣ не позволяетъ того.

МАРЬЯ СЕРГЬЕВНА (*очень оскорбленная послѣдними словами*). А, такъ это, значить, я унижу васъ; но только вы ошибаетесь, кажется, въ этомъ случаѣ!.. Ты хоть и чиновенъ; но отецъ твой всетаки былъ пьяный приказный, а мой отецъ генераль-лейтенантъ! братья мои тоже генераль-маіоры! Ты вотъ по французски до сихъ поръ дурно произносишь и на старости лѣтъ долженъ учиться у француза; а я по-французски лучше говорю, чѣмъ по-русски, и потому воспитаніемъ моимъ тоже не унижу тебя!

АНДАШЕВСКІЙ (*въ свою очередь тоже вспыхнувши отъ послѣднихъ словъ Марьи Сергьевны*). Тутъ не объ униженіи говорятъ, а то, что, женись на тебѣ, я, при

моемъ высокомъ постѣ, не буду имѣть жить на что!.. Я слишкомъ бѣденъ, чтобы вести жизнь женатаго человѣка.

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА (*крайне удивленная этими словами*). Какъ ты бѣденъ?.. Ты жалованье огромное получаешь и вромѣ того у меня въ домѣ получилъ триста тысячъ капптала—бѣдный какой!..

АНДАШЕВСКІЙ (*еще больше покраснѣвъ*). Послушай, ты наконецъ выведешь меня изъ терпѣнія этиме тремя стами тысячъ! Ты говоришь о нихъ на каждомъ шагу и сдѣлала то, что объ этомъ все газеты теперь трубятъ!.. Понимаешь ли ты, какое зло мнѣ можешь принести этимъ; а между тѣмъ это были казенныя деньги, которыя я случайно получилъ у тебя на квартирѣ.

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. Ахъ, Боже мой, сѣжите, пожалуйста, какую дуру нашель, въ чемъ завѣрить хочеть! Зачѣмъ-же ты въ запискѣ своей, которую прислалъ мнѣ объ этихъ деньгахъ, прямо просилъ меня, чтобы я поберегла твои деньги?.. Казенныя деньги ты не сталъ бы называть твоими.

АНДАШЕВСКІЙ. Въ запискѣ къ тебѣ я и казенныя деньги могъ назвать своими!.. Это не официальная бумага!.. Но гдѣ-жъ у тебя эта записка?.. Развѣ цѣла еще она?

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. Цѣла и спрятана!

АНДАШЕВСКІЙ. Отдай мнѣ ее сейчасъ-же!

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. Нѣтъ, не отдамъ.

АНДАШЕВСКІЙ (*удивленный и взбѣшенный*). Какъ же не отдашь?.. Ты не имѣешь права не отдать мнѣ ея; потому что она у тебя можетъ быть украдена; ты можешь умереть одночасно, и ее опишутъ вмѣстѣ

съ другими вещами, а я совсѣхъ сторонъ окруженъ врагами и шпионами, которые изо всего готовы сдѣлать на меня обвиненіе.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Зачѣмъ-же мнѣ умирать? Ты, вѣроятно, желаешь этого, а я нѣтъ!.. Украсть у меня этой записки тоже никто не украдетъ: я ее далеко берегу!

АНДАШЕВСКІЙ (показывая на шифоньерку). Въ этой шифоньеркѣ, конечно?

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Нѣтъ, подальше!

АНДАШЕВСКІЙ. Никакъ ужь не подальше!.. Гдѣ у васъ ключи отъ нея?

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Ключи потеряны! (при этомъ она поспѣшно закрываетъ руками одну изъ подушекъ своихъ).

АНДАШЕВСКІЙ. Вотъ они, видно, гдѣ! (засовываетъ руку подъ ту же подушку).

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (кричитъ). Не дамъ я вамъ ключей!

АНДАШЕВСКІЙ (весь красный). Нѣтъ, дадите!.. (вытаскиваетъ изъ-подъ подушки руку Марьи Сергѣевны, въ которой она держитъ ключи, и начинаетъ отнимать ихъ у нея).

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (кричитъ на всю квартиру). Не дамъ,—пустите!

АНДАШЕВСКІЙ (тихимъ, но вѣптъ съ тѣмъ блѣшнымъ голосомъ). Если ты мнѣ сейчасъ-же не отдашь ключей и не возвратишь записки, я убью тебя,—слышишь! (Въ это время раздается довольно сильный звонокъ. Андашевскій тотчасъ же оставляетъ руку Марьи Сергѣевны, которая, въ свою очередь, убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату и кричитъ оттуда: Я не отдамъ вамъ вашей записки!.. Я напечатаю ее!)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

А н д а ш е в с к і й (*одинъ и замѣтно сконфуженнымъ тономъ*). Какую величайшую неосторожность сдѣлалъ тогда, что посвятилъ эту дуру въ мою тайну!.. Въ голову совершенно не пришло, что я долженъ съ ней непременно буду поспорить; а между тѣмъ у себя на казенной квартирѣ не ловко было принять этихъ господъ!.. Ее непременно кто-нибудь тутъ учить и поддуваетъ, а то она, по своей безтолковости и безпамятливости, давно бы все забыла... (*Подумавъ немного*). Дѣлать нечего, надобно ѣхать къ Ольгѣ Петровнѣ, признаться ей во всемъ и посоветоваться съ нею. (*Входитъ Даша*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Андашевскій и Даша.

А н д а ш е в с к і й (*ей*). Кто это звонилъ?

Д а ш а. Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

А н д а ш е в с к і й. А, понимаю теперь, откуда все это идетъ!.. Проводи меня чернымъ ходомъ.

Д а ш а. Пожалуйте-съ! (*уводитъ Андашевскаго*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Изъ дверей въ залу входитъ Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

В л а д и м і р ъ И в а н ы ч ъ. Господинъ Андашевскій, кажется, изволилъ здѣсь быть!.. Посмотримъ,

посмотримъ, какая это записочка его!.. *(потираетъ съ удовольствіемъ руки).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Владиміръ Иванычъ. *Входитъ Марья Сергѣевна, сильно разстроенная.* '

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. Здравствуйте, Владиміръ Иванычъ!

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. Что это вы больны позволите быть и какъ-будто бы чѣмъ-то разстроены?

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. И больна, и разстроена!.. У меня былъ сейчасъ Алексѣй Николаичъ.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ *(склоняя голову)*. Былъ; значитъ, пріѣзжалъ!

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА. Пріѣзжалъ, и то себѣ позволилъ, что я понять не могу: я спросила его, что правда-ли, что онъ женится на Ольгѣ Петровнѣ Басаевой. Онъ запирается. Тогда я, какъ Вильгельмина Фодоровна мнѣ совѣтывали, сказала ему, чтобы онъ на мнѣ женился; Боже мой, взбѣсился, выпелъ изъ себя и сталъ мнѣ доказывать, что онъ не можетъ на мнѣ жениться, потому что бѣденъ и что даже тѣ триста тысячъ, которыя онъ получилъ при мнѣ, не его будто-бы деньги, а казенныя.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ *(восклицаетъ въ удивленіи)*. Какъ казенныя?

МАРЬЯ СЕРГѢЕВНА *(насмѣшливо)*. Казенныя ужь стали.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНЫЧЪ. Казенныя, такъ въ

казну и должны были бы поступить. Какъ же онъ у него могли очутиться?

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Ну, вотъ, подите!.. Я говорю ему: «Ты самъ въ запискѣ своей ко мнѣ называлъ ихъ своими деньгами.

ВЛАДИМИРЪ ИВАНЫЧЪ. Слышалъ я отъ жены объ этой запискѣ и собственно за тѣмъ приѣхалъ, чтобы взглянуть на эту записку... Позвольте мнѣ ее видѣть!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Сейчасъ, сію минуту! *(подходитъ къ шифоньеркѣ, отпираетъ ее и, вынувъ оттуда цѣлый пукъ писемъ и записочекъ, подаетъ его Владиміру Ивановичу)*. Она тутъ должна быть гдѣ-нибудь!

ВЛАДИМИРЪ ИВАНЫЧЪ *(перебиралъ письма и просматривая ихъ)*. Вижу-съ!.. Найду! *(останавливается на одной запискѣ)*. Вотъ она и записка очень важная.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Должно быть очень важная; потому что какъ только я напомнила ему о ней, онъ сейчасъ же сталъ требовать ее себѣ; но я не дура: прямо сказала, что не дамъ ему этой записки... Тогда онъ, вообразите, силой рѣшился взять ее.

ВЛАДИМИРЪ ИВАНЫЧЪ *(опять въ удивленіи)*. Силой?

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Да, бросился къ ключамъ отъ шифоньерки, такъ что я едва успѣла ихъ взять въ руку, тогда онъ схватилъ мою руку и началъ ломать ее.

ВЛАДИМИРЪ ИВАНЫЧЪ *(качая головой)*. Скажите, пожалуйста!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Вею руку мнѣ изломалъ!.. Я не знаю, какъ у меня достало силы не выпустить

ключей!.. Ломаеть миѣ руку, а самъ миѣ шепчетъ: «я тебя убью, убью, если ты не отдашь миѣ записки!..» И я теперь въ самомъ дѣлѣ боюсь, что онъ убьетъ меня.

Владимиръ Ивановичъ. О, полноте, Господь съ вами!

Марья Сергѣевна. Нѣтъ, вы его не знаете! Онъ злецъ ужасный: я всѣ ночи теперь не буду спать и ожидать, что онъ вернется ко миѣ въ квартиру и убьетъ меня!

Владимиръ Ивановичъ. Если вы его ужъ такъ боитесь, такъ уѣзжайте куда-нибудь на время изъ Петербурга, а записочку эту передайте миѣ съ письмомъ отъ себя, въ которомъ опишите все, что миѣ теперь говорили, и просите меня, чтобы я эту записку и самое письмо представилъ графу, какъ единственному въ этомъ случаѣ защитнику вашему.

Марья Сергѣевна. Что-жь графъ сдѣлаеть ему за это?

Владимиръ Ивановичъ. О, графъ многое можетъ сдѣлать ему: вопервыхъ, видя изъ вашего письма, какъ безчестно этотъ человекъ поступилъ уже въ отношеніи одной женщины, онъ, конечно, не пожелаетъ выдать за него дочь; да и сама Ольга Петровна, вѣроятно, не рѣшится на это.

Марья Сергѣевна. Это такъ!.. Да!..

Владимиръ Ивановичъ. А, по случаю трехъ сотъ тысячъ и записки, которую онъ писалъ къ вамъ о нихъ, графъ, полагаю, посоветуетъ Алексѣю Николаичу жениться на васъ, такъ какъ вы владеете весьма серьезною его тайною.

Марья Сергѣевна. Ахъ, я очень бы этого

желала, потому что я до сихъ поръ ужасно еще люблю его, да и привыкла къ нему — сами посудите!

Владимиръ Ивановичъ. Вѣроятно, такъ это и будетъ, и мы мѣсяца черезъ три назовемъ васъ: «М-ше Андашевскою».

Марья Сергѣевна. Благодарю васъ за ваше доброе желаніе.

Владимиръ Ивановичъ. Записочку эту вы позволите, значить, мнѣ взять съ собою! (*кладетъ записку себѣ въ карманъ*). А письмо отъ себя, какъ я вамъ говорилъ, вы потомъ пришлете!

Марья Сергѣевна. Непремѣнно пришло! Только я хоть и больна теперь, но завтра же уѣду изъ Петербурга: я ужасно боюсь здѣсь оставаться.

Владимиръ Ивановичъ. Это какъ вамъ угодно!.. Конечно, если ѣхать, такъ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! главное, не забудьте письмецо-то ко мнѣ написать и прислать!

Марья Сергѣевна. Нивакъ не забуду! (*Владимиръ Ивановичъ цѣлуетъ у нея руку, а она его въ лобъ, и затѣмъ Вуландъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Марья Сергѣевна (*оставшись одна и видимо повѣрившая всѣмъ словамъ Вуланда*). Какъ только я сдѣлаюсь женою Алексѣя Николаича, такъ непременно стану покровительствовать Вуланду. Онъ и жена его такое участіе показали мнѣ въ теперешнемъ моемъ не-пріятномъ положеніи, что, ей Богу, рѣдко встрѣтишь подобное отъ самыхъ близкихъ родныхъ!

ДВѢЙСТВІЕ Ш.

Огромная и красивая дача, большая терраса которой, увитая плющомъ и задрапированная полотномъ, выходитъ въ садъ, простирающійся до самаго взморья. На горизонтѣ виднѣется заходящее солнце.

ЯВЛЕНІЕ I.

На одномъ концѣ террасы сидитъ графъ Зыровъ, съдой уже старикъ, съ энергическимъ и выразительнымъ лицомъ, съ гордой осанкой и съ нѣскольکو презрительной усмѣшкой; привычка повелѣвать какъ-бы невольнo высказывалась въ каждомъ его движеніи. Одѣтъ онъ довольно моложаво, въ коротенькомъ пиджакѣ и съ однимъ только болтающимся солдатскимъ Георіемъ въ петличкѣ. На другомъ концѣ террасы помѣстилась дочь графа, Ольга Петровна Басаева, молодая вдова, съ нѣскольکو сухой, черствой красотой; но, какъ видно, очень умная и смѣлая. Костюмъ ея отличается безукоризненнымъ вкусомъ и былъ самой послѣдней моды.

ОЛГА ПЕТРОВНА (замѣтно горячась). ЭТОТЪ князь Литарный, папа, или, какъ ты очень мѣтко его называешь, азіатскій князь, на вечерѣ у madame Бобриной, на всю гостиную à pleine voix кричалъ:

«Какъ это возможно: графъ Зыровъ на такое мѣсто, которое всегда занимали люди нашего круга, посадилъ никому неизвѣстнаго чиновничка своего!» Я вышла наконецъ изъ себя и сказала: «Князь, пощадите!.. Вы забываете, что я дочь графа!» «Ахъ, pardon, madame, говорить, но я графа такъ люблю, такъ уважаю, что не могу не быть удивленнымъ послѣднимъ выборомъ его, который никакъ не могу ни понять, ни оправдать чѣмъ-либо...

Графъ (*презрительно усмѣхался*). Какъ же ему и понять мой выборъ, когда онъ самъ просился на это мѣсто.

Ольга Петровна. Я это предчувствовала и даже кольнула его этимъ: «нельзя, говорю, князь, требовать, чтобы всѣ назначенія дѣлались по нашему вкусу. Мало-ли чего человѣкъ желаетъ, но не всегда того достигаетъ!» Его немножко передернуло. «Англійская, говорятъ, аристократія никогда не позволяетъ себѣ открывать такой легкой доступъ новымъ людямъ въ свою среду!» «Позвольте, говорю, а Робертъ Пиль и Д'Израели?» «Робертъ Пиль и Д'Израели и г. Андашевскій двѣ вещи разныя: то люди геніальные!»

Графъ (*съ прежней презрительной усмѣшкой*). А можетъ быть, и Андашевскій человѣкъ геніальный! Почему они знаютъ его? Они его совершенно не вѣдаютъ.

Ольга Петровна. Они нисколько и не заботятся узнать его; а говорятъ только, что это человѣкъ не ихъ общества, и этого для нихъ довольно.

Графъ (*вспыливъ наконецъ*). Что-жъ мнѣ за дѣло до ихъ общества! Я его и знать не хочу—всякій дѣ-

лаеть, какъ ему самому лучше: у меня собственно два достойныхъ кандидата было на это мѣсто: Вулантъ и Андашевскій—первый безспорно очень умный, опытный, но грубый, упрямый и, по временамъ, пьяный нѣмецъ; а другой хоть и молодой еще почти человѣкъ, но уже знающій, работающій, съ прекраснымъ сердцемъ и, наконецъ, мнѣ лично преданный.

О л ь г а П е т р о в н а *(съ нѣкоторой краской въ лицѣ)*. Тебѣ онъ, папа, преданъ и любить тебя больше, чѣмъ сынъ родной.

Г р а ф ъ. Это я знаю и многія доказательства имѣю на то! Неужели же при всѣхъ этихъ условіяхъ не предпочесть мнѣ было его всѣмъ?

О л ь г а П е т р о в н а. Объ этомъ, папа, и рѣчи не можетъ быть!.. Иначе это было-бы величайшей несправедливостью съ твоей стороны, что я и сказала князю Янтарному: «и если, говорю, графъ въ выборѣ себѣ хорошаго помощника проманкировалъ своими дружественными отношеніями, то это только дѣлаетъ честь его безпристрастію!» «Да-съ, говорить, но если всѣ мы будемъ такимъ образомъ поступать, то явно покажемъ, что въ нашемъ кругу нѣтъ людей, способныхъ къ чему либо болѣе серьезному.

Г р а ф ъ. И дѣйствительно нѣтъ!.. хоть-бы взять съ той-же молодежи: развѣ можно ее сравнить съ прежней молодежью?.. Между нами всегда было, кромѣ ужъ желанія трудиться, работать, нѣкотораго рода рыцарство и благородство въ характерахъ, а теперь вотъ они въ театрѣ накричатъ и набуяняютъ и вмѣсто того, чтобы за это бросить, заплатить тысячи двѣ, три, они лучше хотятъ идти къ миро-

тому судья подъ судъ — это грошевики какіе-то и алтынники!

Ольга Петровна. Все это, можетъ быть, справедливо; но тутъ досадно, папа, то, что, какъ видно, всё, старые и молодые, раздѣляютъ мнѣніе князя Янтарнаго, потому что я очень хорошо знаю Янтарнаго: онъ слишкомъ большой трусъ, чтобы позволить себѣ въ такомъ многочисленномъ обществѣ такъ рѣзко выражать свое мнѣніе, еслибы онъ ожидалъ себѣ встрѣтить возраженіе, напротивъ: одни поддерживали его небольшими фразами, другіе ободряли взглядами; наконецъ, которые и молчали, то можно навѣрное поручиться, что они думали тоже самое.

Графъ. И пусть себѣ думаютъ, что хотятъ! Я на болтовню этихъ господъ никогда не обращалъ никакого вниманія и обращать не буду.

Ольга Петровна. Ты этого не говори, папа!.. Крикъ этихъ господъ для людей такихъ значительныхъ, какъ ты и Андашевскій, гораздо опаснѣе, чѣмъ что-нибудь другое, а тѣмъ больше, что къ этому присоединилась опять какая-то статья въ газетахъ.

Графъ *(нахмуривая брови)*. Опять статья?

Ольга Петровна. Опять!.. Очень рѣзкая, говорятъ, и прозрачная. Ты бы, папа, какія-нибудь мѣры принялъ противъ этого.

Графъ *(пожимая плечами)*. Какія же я могу принять мѣры?.. *(насмѣшливо)*. Нынче у насъ свобода слова и печати. *(Встаетъ и начинаетъ ходить по террасѣ)*. Нечего сказать, — славное время переживаемъ: всѣмъ негоднымъ даны всевозможныя льготы и права, а

всѣ порядочные люди связаны по рукамъ и по ногамъ!.. *(Прищуривается и смотритъ въ одну изъ боковыхъ аллей сада)*. Что это за человекъ ходитъ у насъ по парку?

О л ь г а П е т р о в н а. Это, вѣроятно, Мямлинъ!.. Я привезла его съ собою... Онъ одинъ на вечеръ у madame Бобриной заступался за тебя и очень умно, по моему, доказывалъ, что нынче всѣ службы сдѣлались такъ трудны, такъ требуютъ отъ служащихъ многого, что на важныя мѣста возможно только сажать людей совершенно къ тому приготовленныхъ.

Г р а ф ъ *(съ презрительной усмѣшкой)*. Это, вѣроятно, онъ себя считаетъ совершенно приготовленнымъ на освободившееся мѣсто Андашевскаго.

О л ь г а П е т р о в н а *(стремительно)*. И ты, папа, опредѣли его непременно!

Г р а ф ъ *(съ удивленіемъ взглядывая на дочь)*. Что ты такое говоришь?.. шутишь, что-ли?

О л ь г а П е т р о в н а. Нѣтъ, не шучу, и я тебѣ сейчасъ объясню, почему я такъ говорю: ты вступи, что Мямлинъ родной племянникъ князя Михайла Семеныча и когда ты опредѣлишь его къ себѣ, то самому князю и всему его антуражу будетъ это очень пріятно и дастъ тебѣ отличный противовѣсъ противъ всѣхъ сплетенъ и толковъ у madame Бобриной, которыми, опять я тебѣ повторяю, вовсе не слѣдуетъ пренебрегать. *(Графъ грустно усмѣхается)*. Ты повѣрь, папа, женскому уму: онъ въ этихъ случаяхъ бываетъ иногда дальновиднѣе мужскаго.

Г р а ф ъ. Но какимъ же образомъ дать Мямлину

какое-бы то ни было серьезное мѣсто, когда его порчить и кобенить почти каждыминутно?

Ольга Петровна. Это, папа, болѣзнь, а не порокъ; но что Мямлинъ уменъ, въ этомъ я убѣдилась въ послѣдній разъ, когда онъ такъ логично и послѣдовательно отстаивалъ тебя. (*Графъ отрицательно качаетъ головой*). Ты, папа, не можешь судить объ его умѣ, потому что, какъ самъ мнѣ Мямлинъ признавался, онъ такъ боится твоего суроваго виду, что съ нимъ сейчасъ же дѣлается припадокъ его болѣзни, и онъ не въ состояніи высказать тебѣ ни одной своей мысли.

Графъ (*усмѣхаясь*). Какія у него мысли?.. У него никогда, я думаю, не бывало въ головѣ ни одной своей, собственной мысли.

Ольга Петровна. Даже, папа, еслибы и такъ это было, то я всетаки прошу тебя опредѣлить его; если не для него, такъ для меня это сдѣлай.

Графъ. Но почему-жь тебѣ такъ желается этого?

Ольга Петровна. Желается, папа, потому что это будетъ полезно для тебя и наконецъ нужно для меня самой.

Графъ (*пожимая плечами*). Не понимаю, почему это тебѣ можетъ быть нужно!.. Во всякомъ случаѣ я долженъ объ этомъ прежде поговорить и посоветоваться съ Андашевскимъ.

Ольга Петровна. Съ Андашевскимъ я говорила: онъ самъ этого желаетъ и сію минуту, вѣроятно, пріѣдетъ просить тебя о томъ же.

Графъ (*взглядывая пристально на дочь*). Гдѣ-жь ты видѣла Андашевскаго?

Ольга Петровна. Онъ вчера вечеръ сидѣлъ у меня.

Графъ. Стало быть, онъ бываетъ у тебя довольно часто?

Ольга Петровна. Бываетъ!.. Позволь мнѣ позвать къ тебѣ Мямлина и обѣщай ему это мѣсто! soyez si bon, cher père, pommez le directeur (*подходитъ и начинаетъ ласкаться къ отцу*). Я позову его папа?.. Да?

Графъ (*пожимая плечами*). Позови, пожалуй.

Ольга Петровна. Вотъ за это merci, papa! (*цѣлуетъ отца въ лобъ и сбѣгаетъ съ лѣстницы*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ (*смотря вслѣдъ дочери*). Умная женщина — Ольга! Какъ она скоро и хорошо поняла всю эту нашу глупую служебную махинацію, и только мнѣ одно тутъ подозрительно, что она очень ужъ сблизилась послѣднее время съ Андашевскимъ и что это такое: дружба ли, или болѣе нѣжное чувство?.. Во всякомъ случаѣ я весьма бы не желалъ, чтобы изъ этого произошло что-нибудь серьезное, потому что какой-бы по личнымъ качествамъ своимъ этотъ господинъ ни былъ, но всетаки онъ рагвену и хамъ, по своему происхожденію! (*Входитъ Ольга Петровна, ведя за собой Мямлина*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ, Ольга Петровна и Мямлинь.

Ольга Петровна (*Мямлину*). Графъ здѣсь!.. Я просила его за васъ, сколько только могла.

Г р а ф ъ (*довольно привѣтливо протягивая Мямлину руку*).
Здравствуйте!.. Вы, какъ я слышалъ, желаете по-
лучить бывшее мѣсто Алексѣя Николаича.

М я м л и н ъ (*дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобы
не начать гримасничать*). Очень желаю, ваше сіятельство.

Г р а ф ъ. Но совладаете-ли вы съ нимъ? Это
мѣсто очень трудное и отвѣтственное.

М я м л и н ъ (*рѣшительнымъ тономъ*). Совладаю, ваше
сіятельство! Я совершенно готовъ на это мѣсто.

Г р а ф ъ. Ну смотрите: я васъ назначу, только
ужь на себя послѣ пеняйте, если что будетъ выхо-
дить между нами.

М я м л и н ъ (*обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ*). Бла-
годарю васъ, ваше сіятельство!.. (*кидается къ графу и
хватаетъ его руку, чтобы поцѣловать ее*).

Г р а ф ъ (*не давая ему руку и съ презрѣніемъ*). Пере-
станьте!.. какъ это можно!.. Вы сядьте лучше и
успокойтесь! (*Всѣ садятся. Лицо Мямлина начинаетъ мало
по малу принимать болѣе спокойное выраженіе*).

О л ь г а П е т р о в н а (*обращаясь къ нему*). А ка-
кой мы милый споръ съ вами выдержали на вечерѣ
у madame Бобриной.

М я м л и н ъ (*пожимая плечами*). Это невѣроятно!..
Это непостижимо!.. Требуютъ, чтобы на всѣ высшія
должности назначались ихъ знакомые, на томъ только
основаніи, что они люди хорошихъ фамилій; но,
Боже мой, я самъ ношу одну изъ древнѣйшихъ дво-
рянскихъ фамилій; однако помыслить никогда не
смѣлъ получить то мѣсто, которое занялъ теперь
Алексѣй Николаичъ, сознавая, что онъ ученѣй меня,
способнѣе, и что однимъ только трудолюбіемъ и
добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей

я могу равняться съ нимъ, и въ настоящее время за величайшую честь для себя и милость со стороны графа считаю то, что онъ предложилъ мнѣ ирженее мѣсто Алексѣя Николаича.

Ольга Петровна. Князь Янтарный, видно, не такъ добросовѣстенъ, какъ вы, и больше объ себѣ думаетъ.

Мямлинь. Что человекъ думаетъ объ себѣ больше, чѣмъ онъ, можетъ быть, заслуживаетъ,— это еще извинительно; но высказывать это такъ прямо и открыто, по моему, дерзость!.. Въ этомъ случаѣ надобно вспомнить объ Европѣ и объ ея общественномъ мнѣніи: не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ, я, бывши въ Эмсѣ на водахъ, читалъ въ одной сатирической нѣмецкой газеткѣ, что въ Россіи государственныхъ людей чеканятъ, какъ талеры: если мальчика отдали въ иажескій корпусъ, то онъ неизрѣнно дойдетъ до какихъ-нибудь высшихъ должностей по военной части, а если въ училище правовѣдѣнія или лицей, то до высшихъ должностей по гражданской части!.. Все это, можетъ быть, очень зло, но, къ счастью для насъ, не совѣмъ справедливо, а между тѣмъ что-же-бы заговорили подобныя газеты о Россіи, еслибы еще устроился порядокъ, котораго желаютъ друзья madame Бобриной?

Ольга Петровна. Они, я думаю, очень мало заботятся о Россіи: было-бы имъ хорошо.

Мямлинь. Да-съ, но въ тоже время это показываетъ, что они совершенно не понимаютъ духа времени: я, по моей болѣзни, изъѣздилъ всю Европу, сталкивался съ разными слоями общества и долженъ сказать, что весьма часто встрѣчалъ взгляды и по-

нятія, которыя прежде были немислимы; на примѣръ-съ: еще наши отцы и дѣды считали за величайшее несчастіе для себя, когда кто изъ членовъ семействъ женился на какой-нибудь актрисѣ, цыганкѣ и тѣмъ болѣе на своей крѣпостной; а нынче наоборотъ: одинъ англійскій врачъ, и очень ученый врачъ, меня пользовавшій, узнавъ мое общественное положеніе, съ первыхъ же словъ спросилъ меня, что нѣтъ-ли у русской аристократіи обыкновенія жениться въ близкомъ родствѣ? Этотъ вопросъ точно молнія освѣтилъ мою голову! Я припомнилъ, что дѣйствительно отецъ мой былъ женатъ на троюродной сестрѣ, дѣдъ, вѣроятно, не на двоюродной и что еще при Іоаннѣ Грозномъ одинъ изъ моихъ прадѣдовъ женился на такой близкой роднѣ, что патриархъ даже разгнѣвался!.. Рассказываю я ему все это. «Вотъ, говоритъ, гдѣ причина вашей болѣзни: въ вашемъ родѣ не обновлялась кровь никакими новыми элементами. Жениться-съ, говоритъ, непременно надобно на женщинахъ другаго общества, иныхъ занятій, чужеземкахъ» и въ доказательство тому привелъ довольно скабресный примѣръ!..

Ольга Петровна. Какой-же это?

Мямлинъ. О, при дамахъ неловко повторять!

Ольга Петровна. Ничего, извольте говорить.

Мямлинъ (*конфузясь*). Привелъ въ примѣръ... нашъ... Орловскій, лошадиный заводъ, котораго все достоинство произошло отъ смѣси двухъ породъ: арабской и степной.

Ольга Петровна. Сравненіе не совсѣмъ лестное, но, можетъ быть, и справедливое.

Мямлинъ. Очень справедливое-съ! Я переда-

валъ его князю Михайлу Семенычу; оно тоже ему очень понравилось.

Графъ (которому, видимо наскучило слушать всѣ эти разсужденія Мямлина, обращаясь къ нему). А скажите, вы разсказывали князю вашъ разговоръ и споръ на вечерѣ у madame Бобриной?

Мямлинъ. Отъ слова до слова-съ!

Графъ. Что же князь на это? Мнѣ очень любопытно это знать!

Мямлинъ. Князь въ ражѣ пришелъ, въ гнѣвъ. «Какъ, говорить, смѣютъ они судить такія вещи: я пошлю къ нимъ чиновника сказать, чтобы они замолчали!»

Графъ. Стало быть, онъ нисколько не раздвѣяетъ ихъ толковъ обо мнѣ?

Мямлинъ. Нисколько-съ! Онъ всегда съ этимъ кружкомъ былъ немножко въ контрѣ; но теперь вотъ вы меня выбрали, а они кричатъ противъ васъ, это еще больше возстановить; и за мое назначеніе онъ, вѣроятно, самъ прѣдетъ благодарить васъ.

Графъ. Очень радъ буду его видѣть у себя. (На этихъ словахъ Мямлинъ вдругъ покуриваетъ головой и начинаетъ гримасничать. Графъ, испугавшись даже нисколько). Что такое съ вами?

Мямлинъ. Припадокъ опять начался... говорилъ много... взволновался нѣсколько... Позвольте мнѣ уйти въ сторону.

Графъ. Пожалуйста! (Мямлинъ отходитъ въ сторону и принимается какъ-бы съ величайшимъ наслажденіемъ выдѣлывать изъ лица разнообразнѣйшія гримасы, третъ у себя за ухомъ, третъ носъ свой. Графъ, смотря на него). Какой несчастный!

Ольга Петровна (*вполголоса*). Да; но согласись, папа, что онъ очень умный человекъ!

Графъ (*тоже вполголоса*). Ничего себѣ: благородствовать можетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Алексѣй Николаичъ.

Графъ. Говорилъ тебѣ, что принимать всегда безъ доклада.

Лакей. Алексѣй Николаичъ самъ приказалъ доложить объ себѣ (*уходитъ. Мямлинъ, между тѣмъ, снова подходитъ къ графу*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ, Ольга Петровна и Мямлинъ.

Графъ (*Мямлину*). Что вамъ лучше теперь?

Мямлинъ (*продолжая немного grimасничать*). Прошло нѣсколько!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. *Входитъ Андашевскій; видъ его совсѣмъ иной, чѣмъ былъ въ предыдущей сценѣ; онъ какъ-будто бы даже ниже ростомъ показывается; выраженіе лица у него было кроткое, покорное и какъ-бы нѣсколько печальное. Онъ со всѣми раскланивается.*

Графъ. Какъ вамъ не совѣстно, Алексѣй Николаичъ, велѣть о себѣ докладывать.

Андашевскій. Но я полагалъ, ваше сіятельство, что не заняты-ли вы чѣмъ-нибудь.

Графъ. Вы никогда не можете помѣшать никакимъ моимъ занятіямъ!.. А теперь я дѣйствительно занятъ былъ и извиняюсь только, что предварительно не посовѣтовался съ вами; я на прежнее мѣсто ваше назначилъ Дмитрія Дмитрича Мямлина!.. Не имѣете-ли вы чего-нибудь сказать противъ этого выбора?

Андашевскій (*почтительно склоняя передъ графомъ головою*). Ваше сіятельство, въ выборѣ людей вы показывали всегда такую прозорливость, что вамъ достаточно одинъ разъ взглянуть на человѣка, чтобы понять его, но Дмитрія Дмитрича вы такъ давно изволите знать, что въ немъ ужъ вы никакъ не могли ошибиться; я-же съ своей стороны могу только душевно радоваться, что на мое мѣсто поступаетъ одинъ изъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Мямлинъ (*со слезами на глазахъ*). А мнѣ позвольте васъ, графъ, и васъ, Алексѣй Николаичъ, благодарить этими оросившими мои глаза слезами, которыя, смѣю завѣрить васъ, слезы благодарности, да стану еще я за васъ молиться Богу, потому что въ этомъ отношеніи я извиняюсь: я не петербуржецъ, а москвичъ!.. человѣкъ вѣрующій!.. христіанинъ есмь и православный!.. (*обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ*). А вамъ, Ольга Петровна, могу высказать только одно: я считалъ васъ всегда ангеломъ земнымъ, а теперь вижу, что и не ошибся въ томъ; за васъ я и молиться не смѣю, потому, что вы, вѣроятно, угоднѣе меня Богу.

Графъ (*видимо опять соскучившій слушать Мямлина и обращаясь къ Андашевскому*). // Вы завтра же потрудитесь

сказать, чтобы о назначеніи господина Мямлина составили докладъ!

Андашевскій. Очень хорошо-съ!

Графъ. А теперь я желадъ бы остаться съ Алексѣемъ Николаичемъ наединѣ.

Мямлицъ *(почти струсивъ)*. Слушаюсь!.. Слушаюсь! *(торопливо раскланивается со всѣми общимъ поклономъ и поворно уходитъ, виляя своимъ задомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Графъ, Ольга Петровна и Андашевскій.

Ольга Петровна. Я тоже пойду и похожу по саду!.. Вы позовите меня, когда кончите *(уходитъ)*. Графъ Андашевскій остается на террасѣ, а Ольга Петровна начинаетъ ходить около, въ весьма недалнемъ разстояніи отъ террасы.

Графъ. Ольга мнѣ сказывала, что въ газетахъ опять появилась статья о Калишинскомъ акціонерномъ обществѣ.

Андашевскій. Даже двѣ-съ!.. Одна въ понедѣльничномъ номерѣ, а другая въ сегодняшнемъ.

Графъ. И что же онѣ въ общихъ чертахъ, намекахъ только говорятъ?

Андашевскій. Въ понедѣльничной только въ намекахъ сказано; а въ нынѣшней я прямо по имени названъ и опозоренъ, какъ только возможно.

Графъ. Это лучше наконецъ, что васъ назвали прямо по имени. Теперь вы можете начать судебное преслѣдованіе противъ автора этихъ статей; вы конечно знаете его?

Андашевскій. Полагаю, что это одинъ изъ нашихъ чиновниковъ, Шуберскій, который прежде писалъ объ этомъ и даже признался мнѣ въ томъ.

Графъ. Но отъ чего его тогда же не выгнали?

Андашевскій. Изъ моей экспедиціи онъ тотчасъ послѣ того вышелъ, но его взялъ къ себѣ на службу Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Графъ. Зачѣмъ же Вуландъ это сдѣлалъ?

Андашевскій. Вѣроятно, чтобы досадить и повредить мнѣ, и даже настоящія статьи, какъ извѣстно мнѣ, писаны подъ диктовку господина Вуланда.

Графъ (*удивленный*). Вуланда?

Андашевскій. Самыя положительныя доказательства имѣю на это. Онъ и прежде всегда мнѣ завидовалъ, а теперь, по случаю назначенія моего, сдѣлался окончательно злѣйшимъ врагомъ моимъ.

Графъ (*сильно разсердясь*). О, въ такомъ случаѣ я поговорю съ г. Вуландомъ серьезно! Я не люблю, чтобы подъ мои дѣйствія вели подкобы!.. Шуберскому сказать, чтобы онъ сейчасъ же подалъ въ отставку, а васъ я прошу начать судебное преслѣдованіе противъ него за клевету на васъ, потому что я желаю, чтобы вы публично и совершенно были оправданы въ общественномъ мнѣніи.

Андашевскій (*смущеннымъ и робкимъ голосомъ*). Нѣтъ, ваше сіятельство, я не могу начать противъ г. Шуберскаго судебного преслѣдованія!

Графъ (*удивленнымъ и недовольнымъ тономъ*). Это почему?

Андашевскій. Потому, что онъ можетъ доказать справедливость своихъ обвиненій противъ меня!

Г Р А Ф Ъ *(все больше и больше приходя въ удивленіе)*. Но какимъ же образомъ и чѣмъ онъ можетъ доказать это?

А н д а ш е в с к і й. Тѣмъ, что вѣроятно даже письменныя какія-нибудь доказательства имѣетъ на то; такъ какъ происшествіе, которое онъ описываетъ, въ самомъ дѣлѣ существовало.

Г Р А Ф Ъ *(какъ-бы пораженный громомъ)*. Какъ существовало?.. и вы дѣйствительно съ этихъ акціонеровъ взяли триста тысячъ?

А н д а ш е в с к і й *(съ трепетомъ въ голосъ)*. Взялъ-съ?

Г Р А Ф Ъ *(все еще какъ-бы неспрыцый тому, что слышитъ)*. Алексій Николаичъ, что вы такое говорите? Вы или помѣшались, или шутите надо мной, то я напоминаю вамъ, что шутки такія неприличны!

А н д а ш е в с к і й. Я-бы никогда, ваше сіятельство, не позволялъ себѣ шутить такимъ образомъ; но, въ несчастію, все, что я докладывалъ вамъ, совершенно справедливо.

Г Р А Ф Ъ. Но что-же вамъ за охота такая пришла докладывать мнѣ? Отчего вы не хотѣли скрыть отъ меня этого?

А н д а ш е в с к і й. Оттого, ваше сіятельство, что я всегда и во всемъ привыкъ быть откровененъ съ вами.

Г Р А Ф Ъ. Но вы-бы лучше пораньше были откровенны со мной, когда я васъ не выбиралъ еще въ товарищи себѣ, тогда я, можетъ быть, и поостерегся-бы это сдѣлать.

А н д а ш е в с к і й. Я полагалъ, ваше сіятельство, что дѣло это затухнетъ и что уже о немъ никогда никакой огласки не будетъ!

Г Р А Ф Ъ. Расчетъ благородный и особенно въ

отношеніи меня!.. Я ѣздилъ всюду, кричалъ, ссорился за васъ и говорилъ, что за вашу честность я также ручаюсь, какъ за свою собственную, и вы оказались воръ!.. (*Андашевскій вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ*). И что я теперь долженъ по вашему дѣлать? Я долженъ сейчасъ-же ѣхать и просить, какъ величайшей справедливости, чтобы васъ вышвырнули изъ службы, а вмѣстѣ съ вами и меня, стараго дурака, чтобы не ротозѣйничалъ.

Андашевскій (*совершенно сконфуженный*). Ваше сіятельство, позвольте мнѣ хоть сколько-нибудь оправдаться передъ вами!..

Графъ (*перебивая его*). Чѣмъ-съ?... Чѣмъ вы можете оправдаться, когда вы сами говорите, что пойманы почти съ поличнымъ?

Андашевскій. Я, ваше сіятельство, не смѣлъ-бы и просить васъ о томъ, еслибы отъ этого зависѣла только одна моя участь, но тутъ замѣшаны имя и честь вашей дочери.

Графъ (*поблѣднѣвъ*). Какъ моей дочери?

Андашевскій. Вашей дочери, графъ! Вы, конечно, изволите помнить, что, по безконечной добротѣ вашей ко мнѣ, вы мало, что благодѣтельствовали мнѣ на службѣ, но ввели меня вашъ домъ, какъ гостя!.. Здѣсь я встрѣтилъ Ольгу Петровну... Человѣкъ можетъ владѣть своими поступками, но не чувствами!.. Страсть безнадежная, но тѣмъ не менѣе пожирающая меня, зазгласъ въ моемъ сердцѣ къ Ольгѣ Петровнѣ.

Графъ. Врете-съ! Лжете!.. Весь Петербургъ я, думаю, знаетъ, что у васъ всегда была любовница.

Андашевскій. Любовь и любовница, ваше

сіятельство, двѣ вещи разныя, и видитъ Богъ, что я десять лѣтъ уже люблю Ольгу Петровну, но видя, что она была жена другаго, понимая всю бездну, которая раздѣляла насъ по нашему общественному положенію, я конечно взглядомъ малѣйшимъ не позволялъ себѣ выразить чувства къ ней и только уже въ послѣднее время, когда Ольга Петровна сдѣлалась вдовою и намъ пришлось случайно встрѣтиться заграницей на водахъ, то маленькое общество, посреди котораго мы жили, и отсутствіе свѣтскихъ развлеченій сблизили насъ, и здѣсь я, къ великому счастью своему, узналъ, что внушаю Ольгѣ Петровнѣ тоже самое чувство, которое и самъ питалъ къ ней.

Графъ *(насмѣшливо)*. Но почему-же чувство это заставило васъ взять взятку, вотъ этого признаюсь, не понимаю.

Андашевскій *(трепещущимъ голосомъ)*. Вопросъ вашъ, ваше сіятельство, заставляетъ меня открыть вамъ то, что я думалъ унести въ могилу съ собою... Чувство мое заставило меня сдѣлать это, потому что, когда я возвратился въ Петербургъ, то черезъ два-же мѣсяца получилъ отъ Ольги Петровны письмо, гдѣ она умоляла меня достать и выслать къ ней двѣсти тысячъ франковъ, которыми она могла-бы заплатить долги свои; а иначе ей угрожала опасность быть посаженной въ тюрьму!.. Я могъ все въ жизни вынести, но только не это!.. Своихъ денегъ у меня не было почти нисколько!.. Я первоначально бросился было ко всѣмъ контористамъ, чтобы занять у нихъ, но они мнѣ безъ матеріальнаго обезпеченія не довѣрили такой значительной суммы... Въ это время рѣшалось дѣло по Калишин-

скому акціонерному обществу: оно безъ всякаго ущерба въ справедливости могло быть рѣшено такъ, какъ и рѣшили его; но я поѣхалъ къ учредителямъ, обманулъ ихъ, напугалъ, говоря, что дѣло ихъ тогда только будетъ выиграно, если они выдадутъ мнѣ пай, и они мнѣ выдали его въ триста тысячъ.

Графъ *(насмѣшливо и пристально взглядывая въ лицо Андашевскому)*. Сумма, немного превышающая долгъ моей дочери.

Андашевскій. Я взялъ, сколько мнѣ дали, ожидая, что у Ольги Петровны могутъ открыться другіе долги!

Графъ *(съ едва сдерживаемымъ бѣшенствомъ)*. Что-жь они открылись?

Андашевскій *(покраснѣвъ немного въ лицѣ)*. Открылись!

Графъ. Печный и предусмотрительный вы обожатель, и недостаетъ теперь только одного, чтобы вы еще лично меня впутали въ эту гнусную исторію!.. *(Ольга Петровна, все время ходившая около, при послѣднихъ словахъ графа вошла на террасу)*.

Ольга Петровна. Вы, Алексѣй Николаичъ, въ разсказѣ отцу забыли ему напомнить, что прежде, чѣмъ я обратилась къ вамъ, я писала ему и со слезами просила его заплатить мой долгъ, а онъ мнѣ даже не отвѣчалъ на мои письма.

Графъ. Нечѣмъ мнѣ было платить твоихъ долговъ!

Ольга Петровна. Было-бы чѣмъ, папа, еслибы у тебя деньги на другое не ушли!.. *(Снова обращаясь къ Андашевскому)*. Графу я вижу, Алексѣй Николаичъ, непріятенъ вашъ великодушный поступокъ

въ отношеніи меня; но я его очень дорого цѣню и завтрашній же день желаю сдѣлаться вашей женой, съ полною моею готовностью всюду слѣдовать за вами, какая бы васъ участь ни постигла. (*Въ отвѣтъ на это Андашевскій молча ей кланяется, а графъ почти въ отчаяніи закидываетъ голову назадъ и произноситъ негромкимъ голосомъ: «O, mon Dieu, mon Dieu!»*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ П ЛАКЕЙ; ПОТОМЪ БЕЗЪ ЛАКЕЯ.

Л А К Е Й. Владиміръ Ивановичъ Вуландъ!

А Н Д А Ш Е В С К І Й (*потупляясь*). Вѣроятно, съ доносомъ на меня.

Г Р А Ф Ъ (*дочери и Андашевскому*). Уйдите-же!.. Не могу я съ нимъ при васъ объясняться. (*Андашевскій и Ольга Петровна уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г Р А Ф Ъ. *Входитъ Вуландъ. Онъ нѣсколько блѣденъ и смущенъ.*

Г Р А Ф Ъ (*ему строго*). Очень кетати, что вы пріѣхали. Я хотѣлъ было послать за вами курьера.

В У Л А Н Д Ъ (*довольно грубымъ голосомъ*). Радуюсь, что предупредилъ желаніе вашего сіятельства.

Г Р А Ф Ъ. Я хотѣлъ съ вами поговорить по поводу глупыхъ газетныхъ статей, которыя опять стали появляться о Калишинскомъ дѣлѣ.

Вуландъ. И я собственно ѣхалъ къ вашему сїятельству отчасти по тому же дѣлу.

Графъ. Прекрасно-съ!.. Мы сошлись, поэтому, въ нашихъ желанїяхъ!.. Статьи эти пишетъ одинъ изъ покровительствуемыхъ вами чиновниковъ, Шуберскій! Я желаю, чтобы онъ минуты у насъ не оставался на службѣ.

Вуландъ. Эти статьи пишетъ не Шуберскій!..

Графъ. Кто-жь ихъ пишетъ?

Вуландъ. Я не знаю кто, но г. Шуберскій, когда я бралъ его къ себѣ, клятвенно мнѣ обѣщався никогда не писать о томъ, что совершалось или будетъ совершаться въ нашемъ вѣдомствѣ.

Графъ. Ну, клятвы своей онъ не сдержалъ!.. Мало того-съ: я знаю, что статьи эти вы ему диктуете; а я со шпионами и клеветниками служить не желаю — извольте искать себѣ другаго мѣста!

Вуландъ (*поблѣднѣвъ*). Это, вѣроятно, г. Андашевскій представилъ все вашему сїятельству въ превратномъ видѣ; но въ этихъ статьяхъ ни я, ни г. Шуберскій нисколько не участвовали; а что онъ является, такъ потому, что дѣло это огласилось на весь Петербургъ, и что оно не выдуманно, а фактъ, такъ я даже доказательство имѣю на то: г-жа Сонина, бывшая близкою особою господина Андашевскаго, прислала мнѣ письмо, удостовѣряющее, что все, напечатанное въ газетахъ, совершенно справедливо, и къ этому присоединила даже собственноручную записку г. Андашевскаго, подтверждающую этотъ фактъ, прося все это представить вашему сїятельству, что я и исполняю въ настоящемъ случаѣ!..

(*Подаетъ графу письмо Сопиной и записку Андашевскаго*).

Г Р А Ф Ъ *(было взглянувъ на то и на другое)*. Ничего этого знать я не хочу!.. Вотъ все это!.. Вотъ! *(рветъ письмо и записку)*.

В у л а н д ъ *(окончательно поблѣднѣвъ)*. Ваше сіятельство, вы уничтожаете документъ!

Г Р А Ф Ъ *(кричитъ)*. Никакого тутъ документа нѣтъ!.. Мало-ли о какихъ деньгахъ онъ могъ писать ей!.. Вотъ всѣ ваши документы! *(рветъ письмо и записку еще на болѣе мелкіе куски и бросаетъ ихъ на полъ)*. А я вамъ повторяю, что съ доносчиками и клеветниками я служить не желаю!

В у л а н д ъ. Не желать со мной служить вы можете, но уничтожать документы вы не имѣете права—я жаловаться на то буду!

Г Р А Ф Ъ. Никакихъ документовъ тутъ не было! Идите вонъ, когда вы такъ позволяете себѣ говорить!

В у л а н д ъ *(грубо и мрачно)*. Уйти я уйду, а жаловаться всетаки буду! *(Поворачивается и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Графъ одинъ; потомъ Андашевскій и Ольга Петровна.

Г Р А Ф Ъ *(кидаясь въ кресло и начиная хохотать какимъ-то сумашедшимъ смѣхомъ)*. Ха! ха! ха! Отлично, превосходно поступаю!.. *(Входятъ Андашевскій и Ольга Петровна, подслушивавшіе въ сосѣдней комнатѣ предыдущую сцену. Графъ злобно и насмѣшливо обращаясь къ нимъ)*. Надѣюсь, что вы довольны мною!.. И это дѣлаетъ, по милости вашей, шестидесятилѣтній человекъ, имя котораго ни-

когда и ничѣмъ не было зайятнано!—Да будете вы прокляты!!.. *(Уходитъ, сильно хлопнувъ дверьми, въ комнаты).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Андашевскій и Ольга Петровна.

Ольга Петровна *(пожимая плечами)*. Сума-шедшій старикъ!

Андашевскій *(какъ-бы все еще не мошій придти въ себя отъ предыдущей сцены съ графомъ)*. Я однако никакъ не ожидалъ, чтобы все это такъ благополучно кончилось! *(Подбираетъ съ полу клочки разорванныхъ писемъ и показывая ихъ Ольгу Петровну)*. Посмотри, пожалуйста, въ какіе мелкіе кусочки онъ разорвалъ письма!..

Ольга Петровна. Я тебѣ это предсказывала! Сказать ему откровенно самое лучшее было!.. Онъ очень хорошо чувствуетъ, что виноватъ тутъ! Онъ пять тысячъ душъ моей покойной матери прожилъ на разныхъ своихъ балетчицъ! Однако пойдемъ поскорѣе и сейчасъ же устроимъ, чтобы завтра намъ и обвѣнчаться! Надобно скорѣй его этимъ связать.

Андашевскій. О, да, необходимо! *(Оба уходятъ озабоченной походкой)*.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ IV.

Изящно убранная гостиная въ квартирѣ Андашевскихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Мямлинъ и князь Янтарный. Первый, по обыкновенію, съ своимъ немного подергивающимся, бабьимъ лицомъ, въ невычищенномъ вицмундирѣ, съ непричесанными клочковатыми волосами, съ грязными ногтями, но за то въ звѣздѣ и во всяхъ крестикахъ и медаляхъ, какіе когда-либо получалъ. Князь Янтарный, довольно не старый еще и красивый изъ себя мужчина, съ большими черными и даже съ поволокой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающими глазами, напротивъ, былъ выстриженъ почти подъ гребенку, и подбородокъ имѣлъ тщательнѣйшимъ образомъ выбритый, который однако все-таки оставался немного черноватымъ отъ необыкновенной густоты волосъ. Одѣтъ князь былъ въ бѣлый галстухъ и въ новенькій съ шолочки вицмундирный фракъ; шляпа и лаковые сапоги его блестяли почти до неприличія. Всѣ слова свои онъ произноситъ, замѣтно важничая и закрывая для этого немного глаза свои, и вообще рѣчь его должна быть нѣсколько похожа на журчанье ручья.

М я м л и н ъ (видимо стараясь втолковать что-то такое князю Янтарному). Я вамъ говорю, что Ольга Петровна

все это устроила... У ней при мнѣ былъ разговоръ объ этомъ съ Алексѣемъ Николаичемъ.

Князь Янтарный. Странно!.. Встрѣчаясь въ обществѣ, я всегда съ ней немного пикировался и на ея маленькія стрѣлы отвѣчалъ довольно колко; но, можетъ быть, этимъ самымъ я и выигралъ въ ея глазахъ,—*qui peut comprendre la femme!*

Мямлинь. Непремѣнно этимъ самымъ-съ! Она женщина большаго ума! Насквозь понимаетъ людей! Хоть бы взять-съ меня! Вуландъ совершенно въ грязь меня втопталъ передъ графомъ... Она меня спасла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Ольга Петровна, уже *тадаме Андашевская.*

Мямлинь (*быстро хватая князя Янтарнаго за руку и представляя ея Ольгу Петровну*). *Madamel.. permettez moi de vous présenter: князь Янтарный.*

Ольга Петровна. Мы съ княземъ знакомы давно! (*Любезно протягиваетъ обоимъ гостямъ свою ручку и затѣмъ, легкимъ движеніемъ головы пригласивъ ихъ садиться, сама тоже садится. Князь Янтарный и Мямлинь садятся въ нѣсколько церемонно визитной позѣ.*)

Князь Янтарный (*немного привставая съ своего кресла и прижимая вмѣстѣ съ наклоненіемъ головы руку къ сердцу*). *Pardon, madame, что я являюсь къ вамъ въ этой ливреѣ нашей,—но я пріѣхалъ къ вамъ почти официально, чтобы безконечно благодарить васъ за ваше доброе участіе, которое, какъ вотъ Димитрій Дмитричъ (*показываетъ на Мямлина*) передавалъ мнѣ, вы принимали въ опредѣленіи моемъ на мѣсто г. Вуланда.*

Ольга Петровна (*съ живостью*). А вы уже определены... Ахъ, я очень рада!

Князь Янтарный. Алексѣй Николаичъ еще недѣли двѣ тому назадъ заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ, что Владиміръ Иванычъ Вуландъ скоропостижно померъ! Это такъ меня фрапировало!.. Я передъ тѣмъ только еще обѣдалъ рядомъ съ Вуландомъ въ Англійскомъ клубѣ, и онъ былъ совершенно здоровъ!.. Какъ, почему и отъ чего человѣкъ умеръ?

Ольга Петровна (*немного сконфуженная этими словами*). У него, кажется, аневризмъ былъ.

Мямлинь. Да и жизни былъ невоздержной— это что таить!

Князь Янтарный. И Алексѣй Николаичъ тутъ-же предложилъ мнѣ занять мѣсто Владиміра Иваныча, но я уже имѣлъ подобную должность и оставилъ ее, что я и высказалъ откровенно Алексѣю Николаичу; но онъ былъ такъ добръ, что въ довольно ясныхъ намекахъ далъ мнѣ понять, что это мѣсто для меня пока; но что современемъ я могу занять и *большее*.

Ольга Петровна. О, конечно, если это хоть сколько-нибудь будетъ зависѣть отъ мужа, то вы получите и *большее*, и я надѣюсь теперь, что вы помирились съ нимъ въ душѣ нѣсколько...

Князь Янтарный. Я мало что помирился съ Алексѣемъ Николаичемъ, но я сталъ благоговѣть передъ нимъ, и въ этомъ случаѣ не беру ничего другаго, какъ мой собственный примѣръ: я, какъ хотите это назовите, имѣлъ глупость, неосторожность, но я, не зная человѣка, позволялъ себѣ говорить противъ него, и Алексѣй Николаичъ слышалъ

это конечно, потому что я говорилъ это всюду, говорилъ не только что при васъ, но даже съ вами. Вы, вѣроятно, въ это время были уже невѣстой его, и полагаю, что должны были передавать ему это...

Ольга Петровна. Да, я ему передавала.

Князь Янтарный (*поднимая указательный палецъ свой какъ-бы затѣмъ, чтобы придать больше вѣсу словамъ своимъ*). И Алексѣй Николаичъ, не смотря на все это, въ видахъ ужь конечно одной только пользы служебной и находя меня, не зная почему, заслуживающимъ настоящей моей должности, самъ первый пріѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ трудиться вмѣстѣ съ нимъ; такъ поступить изъ милліоновъ людей можетъ только одинъ!

Мямлинь (*подхватывая*). И который, прибавьте, любить Россію истинной любовью!

Князь Янтарный. Именно любить Россію истинной любовью! Кромѣ того-съ: послѣдніе два дня я имѣлъ счастье... Иначе не могу этого называть!.. Имѣлъ счастье видѣть Алексѣя Николаича въ его служебной дѣятельности и убѣдился, что въ этомъ отношеніи онъ гениальный человѣкъ!

Ольга Петровна. Да, очень способный! Я хоть и жена его, но тоже могу сказать, что онъ, какъ всѣ люди, имѣетъ конечно много недостатковъ; но, какъ служебный дѣятель, онъ рѣшительно человѣкъ съ государственнымъ призваніемъ.

Князь Янтарный. Рѣшительно съ государственнымъ призваніемъ: эта быстрота соображенія!.. Ударъ прямо въ цѣль! Способность обобщить, на группы разбить тысячи фактовъ, собранныхъ со всей Россіи... <http://rcin.org.pl>

Мямлинъ *(снова подхватывая)*. А даръ изложенія!

Князь Яитарный. Да-съ!.. Изложенья даръ! Бумаги, имъ написанныя, усыпаны брильянтами, алмазами краснорѣчія, и я самъ видѣлъ, что онѣ ничего ему не стоятъ: онѣ такъ и льются, такъ и льются у него... Я теперь торжественно и всѣмъ говорю, что выборъ Алексѣя Николаича и предпочтеніе его другимъ кандидатамъ показываетъ въ графѣ Зыровѣ величайшую прозорливость и величайшую мудрость.

Мямлинъ. А я всегда это самое говорилъ!.. *(Обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ)*. Но скажите, какъ здоровье графа нынче? Я нѣсколько разъ къ нему являлся, но ни разу не былъ принятъ.

Ольга Петровна. Папа былъ очень серьезно боленъ.

Мямлинъ *(съ искреннимъ участіемъ)*. Но что было причиною его болѣзни?... простудился-ли онъ, не соблюлъ-ли діетки?.. Старички обыкновенно любятъ покушать.

Ольга Петровна. Нисколько!.. нимало!.. причина — его душевныя потрясенія! *(Оба директора дѣлаютъ удивленные и какъ-бы вопрошающія лица. Ольга Петровна продолжаетъ)*. Сначала его очень волновали эти крики по поводу назначенія Алексѣя Николаича... *(Князь Яитарный потупляетъ при этомъ глаза. Ольга Петровна, показывая на него пальчикомъ)*. Ему совѣстно даже при этихъ словахъ моихъ смотрѣть на меня!..

Князь Яитарный *(держа униженно голову)*. Совѣстно,—каюсь въ томъ.

Ольга Петровна *(снова продолжаетъ)*. Потомъ эти гадкія газетныя статьи пошли, гдѣ такой грязью, такой низкой клеветой чернили человекъ, имъ вы-

браннаго и возвышеннаго; а наконецъ и бракъ мой съ Алексѣемъ Николаичемъ добавилъ нѣсколько въ обществѣ теперь прямо утверждаютъ, что папа выбралъ себѣ въ товарищи Андашевскаго, чтобы пристроить за него дочку, и что Андашевскій женился для той же цѣли на этой старой кокеткѣ!

ОБА ДИРЕКТОРА (*хохочутъ и почти въ одно слово восклицаютъ*). На старой кокеткѣ!.. Кто-жь можетъ говорить это?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (*князю Янтариному*). Да наша общая съ вами пріятельница, madame Бобриня, говоритъ это, и я нисколько въ этомъ случаѣ на нее не претендую; но желала бы, чтобъ ей растолковали одно: Алексѣй Николаичъ женился на мнѣ ни какъ не для полученія настоящаго своего мѣста, потому что онъ имѣлъ его уже раньше, а что папа не для этой цѣли его вышаль, такъ это можно доказать тѣмъ, что графъ, напротивъ, очень недоволенъ моимъ замужествомъ за Алексѣя Николаича и *entre nous soit dit*: онъ до сихъ поръ почти не принимаетъ насъ къ себѣ!

КНЯЗЬ ЯНТАРИЙ (*съ удивленіемъ*). Но почему же графъ можетъ быть недоволенъ вашимъ замужествомъ?

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Тутъ много причинъ!.. Прежде всего, разумѣется, то, что Алексѣй Николаичъ плебей; ну и потомъ: мы съ мужемъ, какъ молодые оба люди, женясь ничего не помышляли о томъ, что будетъ впереди, и все намъ представлялось въ розовомъ цвѣтѣ; но папа очень хорошо понималъ, что какимъ же образомъ тесъ и зять будутъ стоять на службѣ такъ близко другъ къ другу, и теперь дѣйствительно въ обществѣ уже говорятъ объ этомъ.

М я м л и н ъ. Говорятъ-съ!.. Говорятъ! Я не рѣшался только докладывать вамъ объ этомъ, но толки есть.

О л ь г а П е т р о в н а. Очень большіе, знаю это я!.. До папа тоже это доходитъ, и все это его волновало, беспокоило, тревожило, и семьдесятъ его лѣтъ неволью сказались въ этомъ случаѣ.

К н я з ь Я н т а р н ы й. Графу, однако, семьдесятъ лѣтъ?

О л ь г а П е т р о в н а. О, да, около того!.. Мнѣ тридцать слишкомъ лѣтъ, а онъ очень, очень немолодымъ женился!.. И я даже боюсь теперь... Опять таки прошу, чтобы между нами это осталось; я съ вами говорю совершенно какъ съ друзьями своими: я боюсь, что нѣтъ ли у него маленькаго размягченія мозга. *(Оба директора вмѣстѣ и почти въ ужасѣ восклицаютъ).*

К н я з ь Я н т а р н ы й. Скажите какое несчастіе!

М я м л и н ъ. Господи помилуй! *(крестится при этомъ).*

О л ь г а П е т р о в н а *(продолжаетъ)*. Потому что послѣднее время онъ газетъ даже не читаетъ,—не понимаетъ!.. Какая-же причина тому?..

К н я з ь Я н т а р н ы й *(глубокомысленно)*. Но можетъ быть графъ озабоченъ чѣмъ-нибудь другимъ?

О л ь г а П е т р о в н а. Развѣ забота можетъ помѣшать понять газету?.. Тутъ непременно должно быть что-нибудь болѣе серьезное, и вообразите мое положеніе теперь: съ одной стороны отецъ въ такомъ нехорошемъ состояніи здоровья, а съ другой мужъ, который тоже бѣсится, выходитъ изъ себя: «Разъ, говоритъ, можно перенести клевету, два, три: но переносить ее всю жизнь не хватитъ никакого человеческого терпѣнія!» *(И)* я ожидаю, что онъ

въ одну изъ бѣшеныхъ минутъ своихъ пойдетъ и подастъ въ отставку. *(Оба директора опять въ одинъ голосъ восклицаютъ: Какъ это возможно?... Мы не пустимъ его!... Онъ погубитъ этимъ все наше вѣдомство).*

Ольга Петровна. Я тоже не совѣтую ему это дѣлать; но въ то же время не могу не согласиться съ нимъ, что есть оскорбленія, которыя нельзя перенести ни для какихъ благихъ цѣлей. *(На этихъ словахъ Мямлинъ вскакиваетъ вдругъ съ своего мѣста, какъ бы уколотый чѣмъ-нибудь, и произноситъ почти испуганнымъ голосомъ: Алексѣй Николаичъ пріѣхалъ-съ!)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Андашевскій; *лицо у него взволнованное, озабоченное, но не печальное.*

Ольга Петровна *(пристально взглянувъ на мужа).*
Ты откуда?

Андашевскій *(притворно небрежнымъ голосомъ).*
У князя Михайла Семеныча былъ.

Ольга Петровна *(измѣнившись нѣсколько въ лицѣ).*
И что же?

Андашевскій *(тѣмъ же небрежнымъ тономъ).*
Послѣ расскажу!.. *(обращаясь къ директорамъ), здравствуйте, господа (и затѣмъ дружески пожавъ имъ руки, садится въ кресло и въ замѣтномъ утомленіи опрокидывается на задокъ его).*

Князь Янтарный. Я счелъ себя обязаннымъ лично поблагодарить Ольгу Петровну за участіе ея въ опредѣленіи меня.

Андашевскій. Да-съ, да!.. По крайней мѣрѣ починъ въ этомъ ей прямо принадлежитъ!.. Тогда этотъ несчастный Вуландъ померъ; экспедицію его, я зналъ, что по многимъ обстоятельствамъ нельзя было оставить безъ начальнига, а между тѣмъ графъ заболѣлъ, и такимъ образомъ обязанность выбора легла на мнѣ; но я рѣшительно не зналъ кого назначить, такъ что говорю наконецъ объ этомъ женѣ... Она мнѣ и посовѣтовала: «чего-жь, говоритъ, тебѣ лучше: попроси князя Янтарнаго принять это мѣсто!.. Можетъ быть, онъ и согласится!»

Князь Янтарный *(склоняя передъ Андашевскимъ голову)*. Правиломъ князя Янтарнаго всегда было и будетъ исполнять все, что возлагаетъ на него правительство, хотя откровенно долженъ признаться, что въ экспедиціи Владиміра Ивановича я нашелъ такой беспорядокъ, такой хаосъ....

Андашевскій *(перебивая его)*. Я васъ предувѣдомлялъ о томъ!.. Вы не можете на меня сѣтовать.

Князь Янтарный. Очень помню-съ! Но я объясню вамъ собственно затѣмъ, что Вуландъ слылъ трудолюбивымъ дѣльцомъ, и если теперь будутъ выходить какія-нибудь упущенія, то прямо скажутъ, что князь Янтарный запустилъ это; а между тѣмъ, чтобы привести дѣла хоть въ сколько-нибудь человѣческій порядокъ, я долженъ употребить громадный трудъ!.. гигантскій трудъ.

Мямлинь *(давно уже желавшій смѣшаться въ разговорѣ)*. А я вотъ принялъ экспедицію Алексѣя Николаича, тагъ ни одной бумаги не нашелъ неисполненной, а книги бухгалтерскія такимъ почеркомъ ведены, что я право думалъ рисованныя. *(Относясь къ*

Андашевскому). А между тѣмъ, какъ Владиміръ Ивановичъ всегда завидовалъ вамъ и обижался вашимъ возвышеніемъ.

Андашевскій (какъ-бы ничею не знавшій по этому предмету). Онъ говорилъ вамъ объ этомъ?

Мямлинь. Больше чѣмъ говорилъ; я былъ жертвою этой его зависти!.. Тогда какъ васъ назначили въ товарищи, я былъ въ командировкѣ; и конечно прискакалъ сейчасъ же въ Петербургъ, являюсь, между прочимъ, къ Владиміру Ивановичу и начинаю ему, по своей откровенности, хвалить васъ!.. Говорю, какъ вы умны, просвѣщенны, трудолюбивы, а по болѣзни моей, надобно признаться, я не все и замѣчаю, что вокругъ меня происходитъ, только тутъ же со мной вмѣстѣ былъ бывший управитель дяди Михайла Семеныча, генералъ Варнуха, котораго вы надняхъ, кажется, изволили назначить смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни.

Андашевскій. Да, я его назначилъ.

Мямлинь. Дядь очень это будетъ пріятно!... Очень! Выходимъ мы съ нимъ тогда отъ Владиміра Ивановича, онъ мнѣ и говоритъ: «Зачѣмъ вы такъ Алексѣя Николаича хвалили Владиміру Ивановичу? Ему это очень было непріятно: онъ весь даже краснѣлъ со злости!» Я такъ себя по лбу и ударилъ. «Ну, думаю, будетъ мнѣ за это отплата». И дѣйствительно: на другой же день насказалъ на меня графу...

Ольга Петровна. А сколько самому Алексѣю Николаичу онъ, по своей зависти, дѣлалъ непріятностей.

Князь Янтарный. Алексѣю Николаичу даже!

Ольга Петровна. Да, какъ же! Всѣ эти газетныя статьи противъ Алексѣя Николаича были писаны подъ диктовку г. Вуланда.

Князь Янтарный. О, какая низость это съ его стороны!

Ольга Петровна. Онъ и г-жа Сонина, бывшій предметъ страсти моего супруга, — творцы ихъ. *(Князь Янтарный и Мямлинъ, какъ слѣдуетъ хорошимъ подчиненнымъ, потупляютъ при этомъ глаза свои).*

Ольга Петровна. И можете себѣ представить, что могутъ изобрѣсть и какъ наклеветать завидующій другъ и ревнующая женщина!

Князь Янтарный *(поднимая съ грустью глаза къ небу)*. Воображаю!

Мямлинъ. Дьяволь это речеть въ нихъ и говорить ихъ устами.

Ольга Петровна. Это впрочемъ послужить Алексѣю Николаичу прекраснымъ урокомъ не вѣрять впередъ въ доброту глухихъ женщинъ и въ дружбу умныхъ мужчинъ!

Андашевскій *(съ улыбкой)*. Очень вѣрное замѣчаніе! *(относясь къ Мямлину)*. Ахъ, кстати, по поводу газетныхъ статей: вы объявляли господину Шуберскому, чтобы онъ подалъ въ отставку?..

Мямлинъ. Какъ же съ!.. Въ тотъ-же день, какъ вы приказали... Онъ даже заплакалъ сначала и сталъ увѣрять меня, что можетъ представить удостовѣреніе, что эти статьи писаны не имъ... «А что еслибы, говорить, я захотѣлъ писать, такъ могъ-бы написать что-нибудь и посерьезнѣе».

Андашевскій. Что-же такое посерьезнѣе онъ могъ-бы написать?

М я м л и н ъ (*робля, недоговаривая и стараясь свою мысль довыразить болѣе жестами*). Да тамъ-съ я, ей-Богу, и не знаю... но что будто-бы, когда тамъ... Владиміръ Иванычъ... поссорился, что-ли, съ графомъ... то прямо пріѣхалъ въ пѣмецкій клубъ, и что г. Шуберскій тамъ тоже былъ... Владиміръ Иванычъ позвалъ его къ себѣ и сталъ ему рассказывать, что тамъ... графъ кричалъ, что-ли тамъ на него, и что будто бы даже разорвалъ... я ужь и не понялъ хорошенько, что это такое... разорвалъ письмо, что-ли, какое-то...

А н д а ш е в с к і й (*взглядывая на жену*). Еще новую исторію сочинили.

О л ь г а П е т р о в н а (*пожимая плечами*). Ихъ, вѣроятно, и много еще будутъ сочинять.

М я м л и н ъ. И что будто-бы, изволите видѣть, сталъ говорить г. Шуберскому: «Опиши все это!» Но что тотъ будто-бы отказался!.. «Что, говоритъ, мнѣ писать такія небылицы!» Тогда Владиміръ Иванычъ очень разсердился на него и принялся пить пуншъ и что будто-бы выпилъ его стакановъ двадцать... такъ что Шуберскій принужденъ былъ уложить его въ карету и свести домой, а на другой день Владиміръ Иванычъ померъ.

А н д а ш е в с к і й. Все это очень можетъ быть: Вуландъ дѣйствительно, говорятъ, опился, въ пьяномъ видѣ могъ Вогъ знаетъ чего наболтать; но къ дѣлу это нисколько нейдетъ.

М я м л и н ъ (*глубокомысленно*). Идетъ-съ, по моему!.. Тамъ, какъ вамъ угодно: но, какъ я понимаю, г. Шуберскій этотъ хоть и плакалъ-съ передо мной, но онъ человекъ наглый!.. дерзкій!.. Какъ видить,

что слезами ничего не возьмешь, такъ сейчасъ-же подъялъ носъ!.. «Если, говорить, меня заставятъ оставить службу, такъ я все, что мнѣ рассказывалъ Вулантъ, напечатаю, а если-же оставятъ, такъ наоборотъ... напишу статью, опровергающую всѣ прежнія объ этомъ статьи».

Андашевскій (*замѣтно обрадованный*). А, это другое дѣло!.. Если онъ напишетъ такую статью, тогда его можно будетъ и оставить. (*Обращаясь къ князю Янтарному*). Какъ вы думаете?

Князь Янтарный. Разумѣется!.. Это такая мелочь! И вообще вся наша пресса такая грязь и сало, что отъ нея можно только отворачиваться, но никакъ не обращать на нее большаго вниманія.

Андашевскій (*Мямлину*). На томъ условіи, чтобы г. Шуберскій напечаталъ статью, опровергающую всѣ прежнія статьи, я могу его оставить.

Мямлинъ. Я самъ тогда это тоже сообразилъ и думаю, чортъ его дери!.. все лучше доложить объ этомъ Алексѣю Николаичу, а теперь я такъ и передамъ ему ваше приказаніе.

Андашевскій. Такъ и передайте. (*Входитъ торопливо лакей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андашевскій, Ольга Петровна, Князь Янтарный, Мямлинъ и лакей.

Лакей. Графъ прислалъ курьера и требуютъ къ себѣ съ дѣлами и съ бумагами князя Янтарнаго и господина Мямлина.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ лакея.

Мямлинъ *(съ испугомъ)*. Вотъ тебѣ разъ! *(Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы)*. А у меня ничего и не готово.

Князь Янтарный *(также съ вспыхнувшимъ лицомъ)*. И у меня тоже! *(относясь къ Андашевскому нѣсколько смущеннымъ голосомъ)*. Графъ, вѣроятно, вступилъ въ свою должность?

Андашевскій *(насмѣшливо)*. Вѣроятно-съ!.. вѣроятно!.. «Часъ насталъ и левъ просыпается».

Мямлинъ *(Янтарному)*. Пойдемте скорѣе.

Князь Янтарный. Идемте! *(Оба раскланиваются съ Андашевскими)*.

Ольга Петровна *(смѣясь имъ)*. Не завидую, господа, вашему положенію.

Князь Янтарный *(тоже улыбаясь, но насильственно)*. Ужасное, и особенно мое, такъ какъ я никакъ не ожидаю, чтобы графъ встрѣтилъ меня пріязненно!

Мямлинъ. И мое положеніе не лучше вашего *(продолжаетъ все болѣе и болѣе гримасничать)*.

Андашевскій *(Мямлину)*. У васъ даже опять появился въ лицѣ припадокъ вашей болѣзни.

Мямлинъ. Это ужъ всегда, какъ только чѣмъ-нибудь встревожусь. *(Еще разъ раскланиваются съ Андашевскими и уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Андашевскій и Ольга Петровна.

Андашевскій (*плотно притворяя дверь*). Ушли наконецъ, несносные.

Ольга Петровна (*стремительно мужу*). Скажи, какъ ты очутился сегодня у князя Михайла Семенича.

Андашевскій. Очень просто: ѣду я поутру мимо его дома... на сердцѣ у меня давно уже накопило: «ну, думаю, что будетъ, то будетъ!» велѣлъ каретѣ остановиться и вошелъ въ пріемную; народу пропасть; адъютантъ впрочемъ, какъ увидалъ меня, такъ сейчасъ же доложилъ, и князь сейчасъ же пригласилъ меня въ кабинетъ къ себѣ. Вхожу. Князь очень любезно протянулъ мнѣ руку: «Здравствуйте, говоритъ, Алексѣй Николаичъ, что скажете хорошенькаго?» Я говорю: «князь, я пріѣхалъ, во первыхъ доложить вамъ, что покровительствуемый вами генераль-маіоръ Варнуха опредѣленъ мною смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни!» «Благодарю!» говоритъ. «Это назначеніе, говорю, и чисто уже взялъ на свой страхъ, такъ какъ графъ теперь боленъ и, какъ я слышалъ, очень не доволенъ этимъ замѣщеніемъ!» «Это почему?» говоритъ. Я говорю: «я не знаю, но ожидаю, что у меня по этому поводу будетъ съ графомъ весьма непріятное столкновение!» «Какъ это, говоритъ, будетъ глупо со стороны графа!» Подготовилъ, понимаешь, почву не много!

О л ь г а П е т р о в н а (*внимательнѣйшимъ образомъ слушавшая мужа*). Понимаю!

А н д а ш е в с к і й (*продолжая*). «Кромѣ-съ того, говорю, князь, я пріѣхалъ и по собственному очень важному дѣлу, чтобы попросить у васъ совѣта и содѣйствія!» «Радъ, говоритъ, вамъ всемъ служить, чѣмъ только могу!» «Дѣло-съ, говорю, мое состоитъ въ томъ, что съ мѣсяць тому назадъ я женился на madame Басаевой, дочери графа». «Знаю, говоритъ, видѣлъ вашу супругу на балѣ у австрійскаго посла и поздравлялъ ее!» «Бракъ этотъ, говорю, совершенно неожиданно для насъ возбудилъ большіе толки въ обществѣ; отовсюду къ намъ доходятъ слухи объ удивленіи и недоумѣніи общества, что какимъ образомъ на такихъ высокихъ постахъ тестъ и зять будутъ такъ близко стоять другъ къ другу»... Остановился я на этихъ словахъ, жду, что онъ скажетъ... Онъ подумалъ немного, потеръ себѣ носъ и говоритъ: «дѣйствительно, говоритъ, въ служебныхъ сферахъ это не принято и въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно всегда переводятъ кого-нибудь...» «Не кого-нибудь, говорю, а ужъ конечно меня переведутъ; мною, какъ младшимъ, пожертвуютъ и принесутъ меня на закланіе!» «Почему-жь, говоритъ, васъ на закланіе; вѣроятно, дадутъ назначеніе равное теперешнему!» «Ахъ ты, думаю, старый волкъ!.. Ты, пожалуй, устроишь это!»

О л ь г а П е т р о в н а. Воображаю, что ты долженъ былъ почувствовать въ эти минуты!

А н д а ш е в с к і й. Ужасъ! я тебѣ говорю, ужасъ!.. И я помню только одно, что я тутъ, какъ бѣшеный конь, закусплъ удила и рѣшился валять на продомъ:

«Во всѣхъ моихъ служебныхъ объясненіяхъ, князь, говорю, я привыкъ быть всегда совершенно откровеннымъ; позвольте мнѣ и съ вами быть такимъ же!» «Пожалуйста», говоритъ. «Въ настоящемъ случаѣ, говорю, есть еще одно довольно важное обстоятельство: вѣдомство наше, какъ небезызвѣстно вашему сіятельству, преобразовано, устроено и организовано исключительно мною и господиномъ Вуландомъ, и еслибы господинъ Вуландъ былъ живъ, то при теперешнихъ обстоятельствахъ и вопроса никакого не могло быть: мнѣ бы дали какое-нибудь другое назначеніе, а господинъ Вуландъ сѣлъ бы на мое мѣсто, и дѣла пошли точно также, какъ и теперь идутъ; но господинъ Вуландъ умеръ, вновь назначенные директора люди совершенно неопытные, я уйду, самъ графъ старъ и боленъ. Князь! при соединеніи всѣхъ этихъ случайностей, я почти положительно увѣренъ,—что вѣдомство наше мало что потрясется въ своемъ основаніи, но оно совершенно рухнетъ!»

О л ь г а П е т р о в н а. Ты отлично, безподобно сдѣлалъ, что сказалъ ему это!

А н д а ш е в с к і й. Еще бы!.. Я очень хорошо зналъ, съ какимъ господиномъ я говорю и что на него можно только подобными вещами подѣйствовать; вотъ тебѣ доказательство тому: какъ объяснилъ я ему это, онъ весь сталъ вниманіе и у него глаза даже какъ-то разгорѣлись!.. Видно было, что его собственное самолюбіе затронулось, что вотъ-де я все знаю, предусматриваю и предотвращаю. «Но чѣмъ-же, говоритъ, графъ нездоровъ; супруга ваша съ большимъ горемъ мнѣ рассказывала, что у него даже маленькое мозговое разстройство начинается!»

Я пожалъ плечами. «Болѣзнь эта, говорю, до иѣкоторой степени давно присуща графу, и я только, по своей глубокой преданности къ нему, тщательно скрывалъ это; но болѣе уже трехъ лѣтъ какъ на мнѣ лежитъ вся тяжесть его служебнаго труда, такъ что онъ не подписываетъ ни одной бумаги, предварительно мною непросмотрѣнной и ему не рекомендованной!» «А теперь что же, говорить, болѣзнь эта усилилась въ немъ?» «Какъ кажется!» говорю. «Жаль, говорить старика, очень жаль, и въ такомъ случаѣ ужь лучше ему уйти на покой!» «О, говорю: онъ объ этомъ вовсе и не помышляетъ, а напротивъ, съ каждымъ днемъ становится честолюбивѣй и властолюбивѣе!» «Ну, положимъ, говорить, на это не очень посмотрятъ, только къмъ-же замѣстятъ его... Одинъ только Карга-Короваевъ, и могъ-бы еще занять его мѣсто».

Ольга Петровна. Вотъ пріятный сюрпризъ будетъ, если назначатъ Каргу-Короваева!

Андашевскій. Сюрпризъ, при которомъ невозможно будетъ оставаться служить, потому что господинъ этотъ мало того, что деспотъ въ душѣ и упрямъ, какъ волкъ; но онъ уменъ, каналья, и если что захочетъ, такъ его не обманешь, какъ другихъ, наружнымъ только видомъ, что повинешься ему и дѣлаешь по его: онъ дощупается до всего. Это я и высказалъ отчасти князю. «Если, говорю, ваше сіятельство, къ намъ будетъ назначенъ Карга-Короваевъ, то я минуты не останусь въ моей должности!» «Это почему?» говорить. «Потому что, говорю, господинъ Карга-Короваевъ, сколько я знаю его, привыкъ цѣнить и уважать только свои мысли и

свой трудъ и, вступивъ къ намъ въ управленіе, онъ безъ сомнѣнія примется нами созданное учрежденіе ломать и перестраивать по своему, а мнѣ присутствовать при этомъ каждадневно-будетъ слишкомъ ужь тяжело, и я лучше обреку себѣ на нужду и бѣдность, но выйду въ отставку!» Онъ на эти слова мои улыбнулся: «Не пугайтесь, говорить, очень,—и сказалъ вамъ только одно мое предположеніе; но Каргу-Короваева, кажется, прочать на другое мѣсто, гдѣ онъ нужнѣе... Къ вамъ же, говорить, если графъ оставитъ службу, всего бы конечно справедливей было васъ назначить; но только вы молоды еще... Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?..» «Сорокъ девять», говорю.

Ольга Петровна. Пять прибавилъ?

Андашевскій. Пять прибавилъ!.. «Но, говорить, говорили вы когда-нибудь съ самимъ графомъ о вашемъ желаніи занять его мѣсто?» Я говорю, что я никакъ не могъ съ нимъ говорить объ этомъ, потому что оба мы такъ близко заинтересованы въ этомъ случаѣ. «Покрайней мѣрѣ, говорить, супруга ваша, дочь его, могла бы дать ему мысль!» «И той, говорю, не ловко сказать ему объ этомъ. Вотъ еслибы вы, говорю, ваше сіятельство, были такъ добры, что объяснили графу сущность дѣла. Онъ васъ безконечно уважаетъ и каждое слово ваше приметъ за законъ для себя!.. И я опять осмѣлюсь повторить вамъ, что прошу васъ объ этомъ не столько въ видахъ личнаго интереса, сколько для спасенія самаго дѣла, потому что иначе оно должно погибнуть!..» молчитъ онъ на это... мпнуть нять молчалъ... Я убѣжденъ, что у меня въ это время

прибавилось сѣдыхъ волосъ!.. Взгляни, пожалуйста, больше ихъ стало?

Ольга Петровна (*взглядывая на волосы мужа*). Кажется, немного больше.

Андашевскій. Наконецъ прорекъ: «ну, хорошо, говорить, я повидаюсь со старикомъ, поговорю съ нимъ и посовѣтую ему; а потомъ, какъ онъ самъ хочетъ!..» «Безъ сомнѣнія-съ, говорю, какъ самъ пожелаетъ потомъ...»

Ольга Петровна (*лукаво*). Пусть-бы ужъ только онъ посовѣтовалъ!.. Отецъ очень хорошо пойметъ, что это равняется приказанію.

Андашевскій. Конечно!

Ольга Петровна. Онъ однако для этого самъ хотѣлъ пріѣхать къ отцу?

Андашевскій. Непремѣнно.

Ольга Петровна. Но когда-же?

Андашевскій. Я не знаю!.. Можетъ быть, даже сегодня.

Ольга Петровна (*съ безпокойствомъ*). Мнѣ по-этому сейчасъ-же надо ѣхать къ папа.

Андашевскій. Ты думаешь?

Ольга Петровна (*съ тѣмъ-же безпокойствомъ*). Непремѣнно, а то князь пріѣдетъ къ нему, прямо скажетъ о твоёмъ желаніи, это ужасно озадачитъ отца: онъ взбѣсится конечно и, пожалуй, чтобы повредить тебѣ, расскажетъ все про калишинское дѣло и про Вуданда.

Андашевскій (*въ свою очередь тоже съ безпокойствомъ*). Но чѣмъ-же ты его отъ этого остановишь?

Ольга Петровна. Знаю я, чѣмъ мнѣ его остановить... У меня многое есть, чѣмъ я могу на

него дѣйствовать... Вели мнѣ поскорѣе подать карету. Mamzelle Эмилія, подайте мнѣ шляпу.

А н д а ш е в с к і й *(подходитъ къ дверямъ и кричитъ)*. Карету подавать для Ольги Петровны! *(М-ле Эмилія, хорошенькая нѣмка-юрничная, подаетъ Ольгѣ Петровнѣ тлпку и уходитъ)*.

О л ь г а П е т р о в н а *(надъвъ торопливо тлпку и подавая руку мужу)*. Прощай!

А н д а ш е в с к і й *(почти умоляющимъ голосомъ)*. Возвращайся, Бога ради скорѣе, не искушай моего терпѣнья!

О л ь г а П е т р о в н а. Прямо отъ отца и возвращусь сюда! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

А н д а ш е в с к і й *(начиная ходить взадъ и впередъ по комнатѣ)*. Говорятъ, въ Россіи служба очень пріятная и спокойная дѣятельность; но одинъ день такой, какъ сегодня для меня, пережить чего стоитъ, а иначе нельзя: не предусмотрри и прозѣвай хоть одну минуту, изъ-подъ носу утащатъ лакомый кусокъ. Вся задача въ томъ и состоитъ, чтобы раньше другихъ забѣжать!.. *(безпокойство и нетерпѣніе все больше и больше овладѣваетъ имъ)*. Жена, вѣроятно, долго еще не возвратится... Просто не знаю, что и дѣлать съ собою!.. Опіуму, кажется, съ удовольствіемъ-бы принялъ, чтобы заснуть на это время и ничего не чувствовать! *(беря себя за лъвой бокъ)* такое біеніе сердца, началось, что аневризмъ, пожалуй, наживешь!.. *Входитъ лакей*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Андашевскій и лакей.

ЛАКЕЙ (*нѣсколько мрачнымъ и таинственнымъ голосомъ*).
Госпожа Сони́на о́нѣ при́шла къ вамъ и жа́летъ васъ видѣть.

АНДАШЕВСКІЙ. Только еще недоставало этого!.. (*обращаясь къ лакею*) я, кажется, сказалъ тебѣ одинъ разъ навсегда, чтобы ты не только что никогда не принималъ ея, но даже не смѣлъ-бы и докладывать мнѣ объ ея посѣщеніяхъ.

ЛАКЕЙ. Да я не хотѣлъ было докладывать, но она сѣла на лѣстницѣ, на лавочку, и говоритъ, что будетъ дожидаться, пока вы пройдете.

АНДАШЕВСКІЙ (*еще съ большимъ бѣшенствомъ*). Ну, я тебѣ отъ мѣста откажу, если ты ея сейчасъ-же не протуришь!

ЛАКЕЙ. Да мнѣ что!.. я, пожалуй, протурю! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

АНДАШЕВСКІЙ. Какова наглость этой женщины!.. Послѣ того, какъ сдѣлала противъ меня подлость и чуть было не погубила меня, она ходитъ еще ко мнѣ! Чего она надѣется и ожидаетъ?.. Что я испугаюсь ее или разнѣжусь и возвращу ей любовь мою?.. Глупость въ нѣкоторыхъ людяхъ доходитъ иногда до такихъ предѣловъ, что понять даже невозможно! (*Звонитъ. Входитъ тотъ же лакей*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Андашевскій и лакей, *потомъ Андашевскій одинъ.*

Андашевскій *(нетерпливо ему)*. Что, ты отказалъ?

Лакей. Отказалъ-съ, ушла!

Андашевскій. Какъ-же ты это сдѣлалъ?

Лакей. Сказалъ-съ, что если она не уйдетъ, такъ я за городовымъ схожу и вмѣстѣ ее выведемъ; она заплакала и ушла.

Андашевскій. Ну и хорошо!.. спасибо! *(смотритъ съ нетерпніемъ на часы)*. А Ольги Петровны все еще нѣтъ! *(лакею)*. Поди, приведи мнѣ извозчика къ дому графа. *(Лакей уходитъ)*. Поѣду къ подвѣзду графа и буду на крыльцѣ его дожидаться жены.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДВѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

Служебный кабинетъ графа Зырова. Огромный столъ весь заваленъ бумагами и дѣлами. Графъ, по прежнему, въ пиджакъ, сидитъ передъ тѣмъ столомъ; лицо его имѣетъ почти грозное выраженіе. На правой отъ него сторонѣ стоятъ въ почтительныхъ позахъ и съ грустно наклоненными головами Мямлицъ и князь Явтарный; а на лѣво генераль-маіоръ Варнуха въ замирающемъ и окаменѣломъ положеніи и чиновникъ Шуберскій, тоже грустный и задумчивый.

Графъ (*строю Варнуху*). Когда именно вы определены?

Генераль-маіоръ Варнуха. Приказомъ 17 августа, ваше сіятельство.

Графъ. Но Алексѣй Николаичъ, я думаю, долженъ былъ бы предупредить меня о томъ и спросить моего согласія прежде, чѣмъ я буду имѣть честь прямо уже встрѣтиться съ вами на службѣ...

Генераль-маіоръ Варнуха (*плачевнымъ тономъ*). Я буду стараться, ваше сіятельство.

Графъ. Стараться вы будете!.. Гдѣ вы прежде служили?

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Смотрителемъ Огюньскаго завода!

ГРАФЪ. Отчего же тамъ и не продолжать службы?.. На какомъ основаніи и на какихъ данныхъ пришла вамъ въ голову мысль искать настоящаго мѣста? Здѣсь надобно имѣть христіанскія чувства, христіанское направленіе.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Я христіанинъ, ваше сіятельство.

ГРАФЪ. То-есть, почему вы христіанинъ? Что въ церковь ходите и творите земные поклоны предъ образами... Тутъ нужно-съ быть человѣку религіозному въ душѣ, сознательно и просвѣщенно вѣрующему.

МЯМЛИНЪ (*вытягивая голову и произнося робкимъ голосомъ*). Генералъ Варнуха, ваше сіятельство, назначенъ по ходатайству князя Михаила Семеныча.

ГРАФЪ. Я не съ вами говорю, а потому прошу васъ не вмѣшиваться! (*У Мямлина сейчасъ же при этомъ задергало лицо. Графъ, снова обращаясь къ генералу Варнухѣ*). Я заранѣе васъ предувѣдомляю, что я каждый день буду заѣзжать въ богадѣльню и горе вамъ, если хоть малѣйшія упущенія встрѣчать буду! Снисхожденія никакого не ждите!.. Мало, что отъ службы уволю, подъ судъ еще отдамъ, потому что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ: нечего было идти туда, куда вы не признаны ни по способностямъ вашимъ, ни по чему другому!..

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ ВАРНУХА. Семейство, ваше сіятельство, нужда заставляетъ.

ГРАФЪ. Семейство не даетъ же человѣку права на всякія мѣста, такія только отдираются. Отправ-

ляйтесь. *(Генераль-майоръ Варнуха поертывается и уходитъ на цыпочкахъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ Зуровъ, князь Янтарный, Мямлинь и Шуберскій.

Графъ *(взглядывая на Шуберскаго)*. Вы, если я не ошибаюсь, г. Шуберскій?

Шуберскій. Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ. Но на какомъ основаніи вы въ вице-мундирѣ? Вы продолжаете еще служить у васъ?

Шуберскій. Продолжаю, ваше сіятельство.

Графъ. Но я Алексію Николаичу, кажется, довольно ясно сказалъ, чтобы онъ предложилъ вамъ подать въ отставку.

Шуберскій. Мнѣ передавалъ это ваше приказаніе Дмитрій Дмитричъ Мямлинь, но я прежде желалъ доложить вашему сіятельству, что статьи, за которыя вамъ угодно было разгнѣваться на меня, писаны не мною: я имѣю удостовѣренія въ томъ отъ редакціи газеты, гдѣ помѣщены эти статьи *(подаетъ графу удостовѣреніе)*.

Графъ *(почти не взглядывая на удостовѣреніе)*. И вы думаете, что я этому повѣрю: господа газетчики и фельетонисты, я не знаю, чего не способны написать и въ чемъ не готовы удостовѣрить.

Шуберскій. Можетъ быть, дѣйствительно, ваше сіятельство, это и справедливо; но редакція газеты, изъ которой я имѣлъ честь представить вамъ удостовѣреніе, пользуется именемъ самой честной, самой добросовѣстной.

Графъ. Всѣ вы одинаковы! Всѣ!.. Правительству давно бы слѣдовало обратить на васъ вниманіе и позажать вамъ рты!.. Какъ же вы говорите, что не вы писали статьи, когда вы сами признавались въ томъ Андашевскому?

Шуберскій. Первая статья, ваше сіятельство, дѣйствительно написана мною; но я въ этомъ случаѣ введенъ былъ въ обманъ господиномъ Вуландомъ.

Графъ. На господина Вуланда теперь сваливаете!.. Господинъ Вуландъ заставлялъ васъ писать?

Шуберскій. Господинъ Вуландъ-съ!.. И я надняхъ помѣщу статью, опровергающую мою прежнюю статью!.. Въ ней откровенно я признаюсь, какъ и кѣмъ былъ введенъ въ обманъ.

Графъ. Ну, я увѣренъ въ одномъ, что еслибы господинъ Вуландъ былъ живъ, такъ вы бы не напечатали такой статьи.

Шуберскій. Напечаталъ бы, ваше сіятельство.

Графъ. Нѣтъ-съ, не напечатали-бы! Во всякомъ случаѣ я съ фельетонистами служить не желаю.

Шуберскій. Но гдѣ-же, ваше сіятельство, законъ, воспреещающій фельетонистамъ служить?

Графъ. Есть законъ-съ!.. Я могу уволить васъ, когда мнѣ угодно и совершенно по своему усмотрѣнію.

Шуберскій. Ваше сіятельство, Алексѣй Николаичъ совершенно простилъ меня за мою статью.

Графъ *(крича)*. Но я васъ не прощаю, понимаете вы это!.. И если вы въ 24 часа не подадите въ отставку, то я велю васъ уволить по 3-му пункту — другого рѣшенія вамъ отъ меня не будетъ!.. *(слезка киваетъ головой Шуберскому, который ему тоже слезка кланяется и уходитъ блѣдный и окончательно сконфуженный)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ Зыровъ, князь Янтарный и Мямлинъ.

Графъ (*относясь къ князю Янтарному*). Что у васъ приготовлено?

Князь Янтарный (*очень модно и свободно подходя къ графу и вмѣстѣ съ тѣмъ играя брелоками своихъ часовъ*). Я, ваше сіятельство, сегодня ничего приготовленнаго не имѣю, потому что все это время ревизовалъ мою экспедицію.

Графъ (*съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглядывая на него*). Но что же такое собственно вы ревизовали? Не мои же распоряженія, надѣюсь?

Князь Янтарный. О, конечно, нѣтъ!.. Но вообще весь этотъ ходъ и порядокъ дѣлать.

Графъ. То есть, канцелярскій порядокъ, вы хотите сказать?

Князь Янтарный. Да-съ, я это именно и хотѣлъ сказать.

Графъ. Ну, это вы совершенно напрасно трудились; потому что вашъ предшественникъ такъ превосходно зналъ этотъ порядокъ, такъ добросовѣстно велъ его, что вамъ за прошедшее время можно быть вполне покойному и заботиться о томъ, чтобы на будущее время порядокъ этотъ шелъ также исправно, какъ шелъ онъ при Владимірѣ Ивановичѣ.

Князь Янтарный. Я такъ и ожидалъ это найти, ваше сіятельство, но въ великому моему удивленію встрѣтилъ въ экспедиціи Владиміра Иваныча крайній беспорядокъ, страшныя упущенія.

Графъ (*смѣясь ему прямо въ лицо*). Вотъ что вы встрѣтили!.. А что, если я вамъ скажу, что вы это говорите неправду!..

Князь Янтарный. Совершеннѣйшую правду, ваше сіятельство!.. Я уже докладывалъ объ этомъ и Алексѣю Николаичу.

Графъ. Алексѣю Николаичу вы можете докладывать, сколько вамъ угодно, но меня вамъ не убѣдить въ томъ; я старый воробей на службѣ—и цѣль всѣхъ вновь вступающихъ чернить дѣятельность своихъ предшественниковъ очень хорошо понимаю: если дѣло пойдетъ хорошо у нихъ, это возвыситъ ихъ собственный трудъ; а если оно пойдетъ дурно, то этимъ можетъ быть отчасти извиненъ допущенный ими беспорядокъ, — приемъ весьма старый и весьма извѣстный въ служебномъ мѣрѣ!

Князь Янтарный (*потупляя свои глаза*). Мнѣ очень грустно, ваше сіятельство, что мои слова вы изволили такимъ образомъ понять и что мнѣ нѣкоторымъ образомъ показываетъ, что я не имѣю счастья пользоваться вашимъ добрымъ мнѣніемъ о себѣ, но смѣю васъ завѣрить, я настоящей моей должности не искалъ, и мнѣ ее Алексѣй Николаичъ самъ предложилъ.

Графъ. Алексѣй Николаичъ, вѣроятно, имѣлъ для этого какія-нибудь свои основанія; но я съ своей стороны буду требовать отъ васъ настоящей службы и дѣятельности неманкирующей и въ этомъ случаѣ не стѣсняюсь никакими свѣтскими соображеніями.

Князь Янтарный. Я, ваше сіятельство, никогда ни на какія свѣтскія соображенія и не рассчитывалъ; а привыкъ заявлять себя своей дѣятельностью,

которую Алексѣй Николаичъ отчасти уже видѣлъ и, какъ говорилъ мнѣ, остался ею очень доволенъ.

Графъ *(выходя изъ себя)*. Опять Алексѣй Николаичъ! Скажите на милость: пока я сижу еще здѣсь, на этомъ стулѣ, кто вашъ начальникъ — я или Алексѣй Николаичъ?

Князь Янтарный. Конечно, вы, ваше сіятельство!

Графъ. Однако и вы, и какой-то генералъ Варнуха, и господинъ Мямлинъ безпрестанно напоминаете мнѣ то объ Алексѣѣ Николаичѣ, то о князѣ Михайлѣ Семенычѣ, не достаетъ только назвать еще мнѣ та-даме Бобрину, и я на это одинъ разъ навсегда говорю, что я стою уже одной ногой въ могилѣ, а потому ни въ какихъ покровителяхъ не нуждаюсь и никакихъ враговъ и соперниковъ не боюсь!

Князь Янтарный. Я, ваше сіятельство, всегда васъ и разумѣлъ такимъ и всегда зналъ ваше высокое безпристрастіе.

Графъ. Да-съ, прошу васъ и на будущее время разумѣть меня такимъ, и если желаете служить со мной, то во первыхъ: не играйте вашими брелоками!.. Я люблю дисциплину и нахожу это неприличнымъ при разговорѣ съ начальникомъ... *(Князь Янтарный мгновенно же перестаетъ играть брелоками)*. А во вторыхъ, не надѣйтесь ни на сыны, ни на князи человѣческіе, и вообще я желаю вамъ гораздо большаго усердія въ трудахъ вашихъ, чѣмъ я встрѣтилъ это сегодня! *(круто поворачивается къ Мямлину)*. У васъ хоть готово ли что-нибудь?

Мямлинъ. Имѣю-съ докладъ! *(Князь Янтарный съ надутымъ и оскорбленнымъ лицомъ, отходитъ и становится*

на прежнее мѣсто; а Мямлинъ подходитъ къ графу и развертываетъ передъ нимъ огромное дѣло, запинаясь на каждомъ почти словѣ и дѣлая изъ лица гримасы). Это-съ дѣло крестьянъ Боловоротинской волости съ казною!.. У нихъ во владѣніи были по лѣвую сторону Оки поемные дуга!.. Это геологическій ужь законъ, что горная сторона рѣки всегда направо по теченію, а налѣво низовая сторона-съ,—это законъ геологическій... (Графъ молча, но мрачно его слушаетъ. Мямлинъ, все больше и больше конфузясь). А на нагорной этой сторонѣ, изволите видѣть, земли и владѣнія вѣдомства государственныхъ имуществъ... Оно взяло и промежевало себѣ дуга... крестьяне говорятъ, что у нихъ десятилѣтняя давность владѣнія, а имъ на это возражаютъ, что для казны нѣтъ десятилѣтней давности.

Графъ (съ удивленіемъ взглядывая на Мямлина). Какъ нѣтъ для казны десятилѣтней давности?

Мямлинъ (утвердительно). Нѣтъ-съ!

Графъ. Перестаньте, что вы говорите! Десятилѣтняя давность для всего въ мірѣ существуетъ!

Мямлинъ (снова утвердительно). Нѣтъ, ваше сіятельство, прямая статья есть.

Графъ. Нѣтъ такой статьи съ!

Мямлинъ. Есть, ваше сіятельство!

Графъ (показывая на шкафъ съ книгами). Вонъ сводъ законовъ,—отыщите! (Мямлинъ подходитъ къ этому шкафу, вынимаетъ изъ него сразу нѣсколько томовъ и начинаетъ дрожащими руками перелистывать ихъ, потѣетъ при этомъ, краснѣетъ, дѣлаетъ изъ лица маленькія гримасы и ничего не находитъ. Графъ между тѣмъ просматриваетъ докладываемое ему дѣло и при этомъ только слегка покачиваетъ головой и грустно усмѣхается).

Мямлинъ (съ сильною уже гримасою въ лицѣ). Не могу,

ваше сіятельство, найти, — извините!.. Позвольте мнѣ дома приискать!.. Въ подлинномъ дѣлѣ, это очень ясно прописано.

Графъ (*продолжая грустно улыбаться*). А вы, скажите, читали это подлинное дѣло все?

Мямлинъ. Читалъ, ваше сіятельство!

Графъ. Ну, я признаюсь, гораздо бы лучше для васъ желалъ, чтобы вы вовсе его не читали. Въ чемъ же, по вашему, суть дѣла тутъ?

Мямлинъ. Это тяжба крестьянъ Коловоротинской волости съ казною.

Графъ. То-есть, была тяжба и она уже рѣшена и земля возвращена въ казну; такъ?

Мямлинъ. Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ. Такъ къ чему же вы мнѣ говорите о какой-то геологіи, о какихъ-то статьяяхъ закона не существующихъ! Въ чемъ тутъ наша обязанность?.. Чего собственно отъ насъ требуютъ? (*Мямлинъ молчитъ и краснѣетъ въ лицу*). Требуютъ, чтобы я далъ заключеніе, что слѣдуетъ-ли крестьянъ подвергать уплатѣ въ казну за неправильное владѣніе, и конечно мое мнѣніе должно состоять въ томъ, что слѣдуетъ!

Мямлинъ (*снова оживленнымъ тономъ*). Нѣтъ, ваше сіятельство, я не могу съ этимъ согласиться и остаюсь въ томъ убѣжденіи, что если десятилѣтняя давность существуетъ для частныхъ лицъ, то почему же она не должна существовать для казны?.. Это прямое нарушеніе справедливости!..

Графъ (*выходя изъ себя*). Господи помилуй, вы помѣшались наконецъ на этой десятилѣтней давности?.. Къ чему она вамъ... Зачѣмъ?..

Мямлинъ (*смущеннымъ уже голосомъ*). Затѣмъ, что вотъ-съ въ этой бумагѣ прямо сказано, что для казны не должно существовать десятилѣтней давности (*показывая на одну изъ бумагъ въ дѣлѣ*).

Графъ. А вы дали себѣ трудъ подумать, что это за бумага?.. Это-съ единоличное мнѣніе министра государственныхъ имуществъ, который, когда былъ возбужденъ общій вопросъ по сему предмету, то полагалъ съ своей стороны, что на тѣ случаи, гдѣ нарушены границы генеральнаго межеванія, не должно распространяться десятилѣтней давности, и съ нимъ однако никто не согласился... Вѣдь это наконецъ несносно, Дмитрій Дмитричъ: вы мало того, что не вникли нисколько въ самое дѣло, но мнѣ приходится еще спорить съ вами, оровергать разныя смутныя мысли, которыя случайно приходятъ вамъ въ голову!.. На будущее время прикажите ужь лучше доглядывать мнѣ вашимъ начальникамъ отдѣленія, а сами пока посидите при этомъ и поучитесь!

Мямлинъ. Но мнѣ это будетъ очень обидно, ваше сіятельство!

Графъ. Но что-жь мнѣ дѣлать? Какъ-же быть... Мнѣ самому читать за васъ всѣ дѣла и объяснять вамъ ихъ—я не имѣю на то ни времени, ни желанія. (*Входитъ лакей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Ольга Петровна пріѣхала!

Графъ. Что?

<http://rcin.org.pl>

ЛАКЕЙ. Ольга Петровна прїѣхала и говоритъ, что ей очень нужно васъ видѣть.

ГРАФЪ (*подумавъ немного и обращаясь къ директорамъ*).
Дочь, господа, прїѣхала: прошу на время выйти!
(*Директора уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Графъ и лакей; потомъ графъ одинъ.

ГРАФЪ (*лакею*). Проси! (*Лакей уходитъ*). Нечего сказать—славный народъ!.. А отъ чего?.. Отъ того, что ни одинъ изъ нихъ службы никогда настоящей не несъ! Я бывало, адъютантомъ былъ, къ генералу своему идешь съ бумагой, дрожишь, что запятой какой-нибудь не забылъ ли поставить, потому что у того пѣна у рта сейчасъ появится, и онъ мѣсяцъ за это съ гауптвахты не спуститъ, а имъ что! Онъ стоитъ передъ тобой, да брелоками только поигрываетъ, или несетъ чепуху въ родѣ этого непропеченнаго калача московскаго—Мямлина.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Графъ и Ольга Петровна.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА (*входя*). Ты занятъ, папа?

ГРАФЪ. Да, поживаль твоя труды твоего супруга за время болѣзни моей и наслаждался ими.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА. Что же такое мужъ мой сдѣлалъ за время твоей болѣзни?

Графъ. То, что насаждалъ мнѣ такихъ умниковъ, съ которыми я не знаю какъ и быть...

Ольга Петровна. Кто же это?

Графъ. Во первыхъ, какого-то генерала Варнуху!

Ольга Петровна. Не какого-то, папа, а рекомендованнаго княземъ Михаиломъ Семенычемъ!.. Наконецъ, генераль Варнуха получилъ такое ничтожное мѣсто, что объ этомъ, я полагаю, и говорить не стоитъ.

Графъ. вмѣсто дѣльнаго и трудолюбиваго Вуланда выбралъ какого-то лѣнтяя восточнаго, князя Янтарнаго, и вдобавокъ еще злѣйшаго врага моего, который бранилъ меня на всѣхъ перекресткахъ.

Ольга Петровна. Ему за тѣмъ, папа, и дали это мѣсто, чтобы онъ не кричалъ противъ тебя.

Графъ. А, такъ это вы обо мнѣ заботились!.. Какія, подумаешь, у меня добрыя и нѣжныя дѣти!

Ольга Петровна. Ты вотъ, папа, сердисься и разными пустяками тревожишь себя, а между тѣмъ я пріѣхала къ тебѣ по гораздо болѣе серьезному и неприятному дѣлу!

Графъ. У васъ съ супругомъ, кажется, только тѣ дѣла и серьезны, когда что до васъ касается.

Ольга Петровна. Нѣтъ, папа, это и до тебя касается!.. Мужа призывалъ къ себѣ князь Михайло Семенычъ.

Графъ *(насмѣшливо)*. Съ чѣмъ его и поздравляю.

Ольга Петровна. И говорилъ ему, что въ правительственныхъ сферахъ очень неблагоприятно смотрятъ, что ты и мужъ, то-есть тесть и зять, такъ близко служатъ другъ къ другу.

Графъ (*тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ*). Я говорилъ вамъ это еще прежде, предсказывалъ; а теперь и кушайте, что сами себѣ приготовили.

Ольга Петровна. Нельзя же, папа, чувствами владѣть и душиить ихъ въ себѣ для сохраненія выгоды по службѣ!.. Чувство дороже всего для человека!

Графъ. А когда дороже, такъ и наслаждайтесь ими и уѣзжайте куда-нибудь въ Аркадію.

Ольга Петровна. Мы бы и уѣхали, но мужа не пускаютъ изъ службы.

Графъ. Кто-жь его можетъ не пустить?

Ольга Петровна. Не то что не пускаютъ прямо, а просятъ для спасенія самаго дѣла; потому что Вуландъ умеръ, новые директора неопытны, ты старъ и часто бываешь боленъ.

Графъ. Опять я!.. Но я просилъ бы васъ покорнѣйше оставить меня въ покоѣ: боленъ ли я, здоровъ ли, вамъ рѣшительно до этого нѣтъ никакого дѣла.

Ольга Петровна. Нѣтъ, папа, мнѣ есть до этого дѣло и большое: твой докторъ прямо мнѣ сказалъ, что если ты также усиленно будешь заниматься твоей службой, какъ прежде занимался, такъ жизнь свою сократишь.

Графъ. Какой прозорливый докторъ и какъ эти слова его должны тебѣ нравиться.

Ольга Петровна. Ты, папа, кажется, не хочешь понять ни чувства моего, изъ котораго я тебѣ это говорю, ни того, что я хочу тебѣ сказать.

Графъ. Къ несчастію, я все очень хорошо понимаю!.. Все!.. Тебѣ хочется спихнуть меня съ моего

мѣста и посадить на него твоего мужа — вотъ что хочется тебѣ сдѣлать!

Ольга Петровна. Да, папа, я очень желаю, чтобы ты вышелъ въ отставку и чтобы на твое мѣсто поступилъ мужъ.

Графъ (*горько усмѣхнувшись*). Откровенно сказано!

Ольга Петровна. Совершенно откровенно!.. Другая на моемъ мѣстѣ стала бы, можетъ быть, хитрить, скрытничать.

Графъ. И знаешь: это гораздо было бы лучше!.. Гораздо!.. Есть такого рода откровенности, которыя требуютъ большой безсовѣстности, чтобы высказывать ихъ.

Ольга Петровна (*нѣсколько смущенная этими словами*). Только не передъ тобой, папа!.. Ты самъ добротой своей ко мнѣ приучилъ меня быть совершенно откровенной съ тобою; и хоть тебѣ, можетъ быть, и неприятно теперь выслушивать меня, но я всетаки хочу высказать еще нѣсколько моихъ резонновъ... (*Графъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе*). Я объясню все въ очень короткихъ словахъ: тебѣ и Алексѣю Николаичу нельзя вѣстѣ служить, это уже рѣшено!.. Тебя, разумѣется, если ты самъ не пожелаешь того, не тронуть: за тобой слишкомъ много заслугъ и ты слишкомъ много уважаемъ, чтобы тебя захотѣли огорчить! Поэтому пострадаетъ тутъ бѣдный мужъ мой; ему дадутъ плохонькое мѣстечко или просто даже велѣтъ подать въ отставку, — словомъ, его карьера, такъ блистательно имъ начатая, будетъ подсѣчена въ корень. Мало того, мы будемъ обречены на бѣдность, потому что у Алексѣя Николаича ничего нѣтъ...

Графъ (*перебивая дочь*). А триста тысячъ, которыя онъ взялъ съ Калишинской компаніи?

Ольга Петровна. Алексѣй Николаичъ уже тебѣ говорилъ, куда ушли эти триста тысячъ, и если ты вздумаешь этими деньгами сдѣлать какой-нибудь вредъ мужу, то я буду требовать отъ тебя пять тысячъ душъ материнскаго состоянія, изъ котораго тебѣ слѣдовала только седьмая часть.

Графъ (*въ ужасѣ и бѣшенствѣ*). Какъ?.. седьмая часть... Какъ?.. Развѣ мать твоя дѣлила когда-нибудь свое состояніе со мной?.. Развѣ оно не принадлежало мнѣ также, какъ и ей самой?.. Если я не взялъ у ней клочка бумаги, называемой духовнымъ завѣщаніемъ, такъ потому оно твое?..

Ольга Петровна. Да, потому оно и мое! Адвокаты прямо говорятъ, что если опекунъ растратилъ состояніе малолѣтней, такъ онъ долженъ возвратить его ей, а иначе его посадятъ въ тюрьму.

Графъ (*въ окончательномъ бѣшенствѣ*). Ольга, молчи!!! Дѣлай тамъ, что знаешь; но не смѣй мнѣ этого говорить въ глаза...

Ольга Петровна. И ты, папа, молчи о трехстахъ тысячахъ?.. Если ты хочешь, чтобы я къ тебѣ была нѣжная и покорная дочь, будь и самъ ко мнѣ нѣжнымъ и печнымъ отцомъ; служить тебѣ, я прямо теперь скажу, нѣтъ никакой цѣли: состоянія на службѣ ты уже не составишь, крестовъ и чиновъ получать не можешь, потому что они у тебя всѣ есть...

Графъ. Все высчитала! и забыла только одно, что я службѣ еще могу быть полезенъ: и пусть твой супругъ не думаетъ, что онъ тутъ нуженъ меня: я

его нужнѣй, и онъ пока еще выученикъ мой и щенокъ, котораго я выдресировалъ!!!

Ольга Петровна. Мужъ мой всегда это говорилъ и говорить, а ты посмотри, папа, что выходятъ изъ собственныхъ даже твоихъ словъ: положимъ, ты оттѣснишь мужа и прослужишь еще годъ, два, три, наконецъ утомишься и выйдешь въ отставку, тогда на твое мѣсто выберутъ совершенно случайно человѣка, который тобой созданное дѣло сломаетъ и уничтожитъ, а съ дѣломъ твоимъ папа связано твое имя!.. Ты съ нимъ войдешь въ исторію, и одинъ только Алексѣй Николаичъ способенъ продолжать его въ томъ направленіи, въ какомъ ты ведешь его, потому что, какъ самъ ты говоришь, онъ человѣкъ твоихъ взглядовъ и убѣжденій.

Графъ. Ну, твой Алексѣй Николаичъ, я думаю, способенъ отказаться отъ всякаго рода взглядовъ и убѣжденій и сломать всякое дѣло, если это хоть на мизинецъ будетъ лично ему полезно!

Ольга Петровна. Гнѣвъ, папа, представляетъ тебѣ все въ иномъ видѣ! Впрочемъ, каковъ бы Алексѣй Николаичъ человѣкъ ни былъ, но онъ мужъ мой, а ты мнѣ, надѣюсь, не врагъ же совершенный! Наконецъ, если не для насъ обоихъ, то для твоего будущаго внука, котораго я ношу теперь подъ сердцемъ, ты долженъ желать устроить нашу участь.

Графъ (*злбно усмѣхаясь*). Даже тому, что ты будешь матерью, какъ говоришь теперь, я тебѣ не вѣрю: до того я въ васъ извѣрился!

Ольга Петровна. Я могу, папа, на эти оскорбленія твои отвѣчать только слезами!.. (*начинаетъ плакать*).

Графъ. И не плачь, пожалуйста, при мнѣ!.. Слезамъ твоимъ я тоже не повѣрю и убѣжденъ, что онѣ притворныя.

Ольга Петровна. Говори, папа, все что хочешь! *(Проходятъ нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Ольга Петровна тихо плачетъ, а графъ сидитъ насупившись. Входитъ лакей).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и лакей.

Лакей. Князь Михайло Семенычъ пріѣхалъ!

Графъ *(взмахивая глазами на дочь)*. Это по вашему приглашенію, что ли?

Ольга Петровна *(продолжая плакать)*. Нѣтъ, папа, я не могла приглашать его!

Графъ *(лакею)*. Проси князя на верхъ. *(Лакей уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Графъ и Ольга Петровна.

Графъ *(дочери)*. Я угадалъ, что у тебя слезы притворныя!.. Ты плакала, чтобы протянуть время и подождать, пока пріѣдетъ этотъ гость.

Ольга Петровна. Грѣхъ тебѣ, папа, такъ безжалостно оскорблять меня.

Графъ. Мнѣ же грѣхъ, — ахъ, ты негодяйка такая! Они мнѣ съ супругомъ дѣлаютъ на каж-

домъ шагу козни и мерзости, а я и высказать того не смѣй—фу-ты, наглецы безстыжіе! *(порывисто встаетъ и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Ольга Петровна одна; потомъ князь Янтарный и Мямлинъ; позже Шуберскій.

Ольга Петровна *(сейчасъ-же утираетъ слезы и, приотворивъ дверь въ сосѣдную комнату, говоритъ директорамъ)*. Войдите сюда, господа!.. Графъ ушелъ на верхъ! *(Входятъ князь Янтарный и Мямлинъ. Ольга Петровна снова заглядывая въ двери)*. А вы, monsieur Шуберскій, что-же остались тамъ? *(Шуберскій тоже входитъ. Ольга Петровна, обращаясь ко всѣмъ имъ)*. Вамъ, вѣроятно, графъ наговорилъ всѣмъ непріятностей?

Мямлинъ *(поднимая значительно брови)*. Да еще какихъ-съ,—надобно знать!

Князь Янтарный *(гордо)*. Онъ себѣ позволилъ то мнѣ сказать, что я службу мою брошу, потому что я не привыкъ, чтобы начальники мои, кто-бы они ни были, такъ обращались со мной.

Мямлинъ *(краткимъ голосомъ и разводя руками)*. А изъ меня такого дурака онъ представилъ, что я до сихъ поръ опомниться не могу!.. Еще одно такое объясненіе, и со мной ударъ нервный случится!.. *(Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы)*.

Ольга Петровна. Ужасно, какой старикъ невыносимый сталъ! На Алексѣя Николаича онъ тоже взбѣшенъ до послѣдней степени и чѣмъ кончится эта ссора, я еще не знаю, тѣмъ больше, что къ пала теперь *пріѣхалъ* князь Михайло Семенычъ.

О ба директора (*почти съ испугомъ*). Пріѣхалъ!..
Зачѣмъ?..

Ольга Петровна. Не знаю собственно за-
чѣмъ; но ожидаю, что отецъ, подѣ влияніемъ досады
на Алексѣя Николаича, наскажетъ на него князю.

Мямлинъ (*съ одушевленіемъ*). А я князю на скажу
на самаго графа,—вотъ что-съ!

Ольга Петровна. И объясните князю, что
отецъ главнымъ образомъ за то сердится на мужа,
что вотъ онъ и я тогда очень хлопотали, чтобы
васъ опредѣлили на ваше теперешнее мѣсто!

Мямлинъ. И то скажу-съ, доложу ему.

Ольга Петровна (*обращаясь къ Янтарному*). За
ваше назначеніе графъ тоже бѣсится на мужа. «Ка-
кимъ образомъ, говоритъ, опредѣлитъ ко мнѣ въ
службу злѣйшаго врага моего, который злословилъ
меня на каждомъ шагу».

Князь Янтарный. Я и теперь буду злословить
графа,—въ этомъ случаѣ, pardon, madame, но графъ
своимъ обращеніемъ самъ вызываетъ это и дѣлаетъ
себѣ изъ всѣхъ враговъ.

Ольга Петровна. Совершенно понимаю это и
извиняю вполне! (*обращаясь къ Шуберскому*). А васъ,
monsieur Шуберскій, зачѣмъ собственно графъ при-
зывалъ?

Шуберскій (*съ горькой усмѣшкой*). Чтобы велѣтъ
мнѣ подать въ отставку.

Ольга Петровна. Это ужасно!.. Вотъ теперь
вы и видите, кто васъ преслѣдуетъ: мужъ или графъ.

Шуберскій. Теперь, конечно, вижу.

Ольга Петровна. Тоже самое и въ другихъ

случаяхъ, и даже это калишпнское дѣло, какъ оно происходило,—я не знаю; но знаю только одно, что мужъ мой тутъ чистъ... какъ ангелъ, и что если страдаетъ за что, такъ за свою преданность къ лицамъ, которыя повыше его стояли, и вы ужь, пожалуйста, заступитесь за него въ печати, если его очень опять тамъ злословить будутъ.

Шуберскій. Это будетъ священной обязанностью для меня, потому что я такъ въ этомъ отношеніи виноватъ предъ Алексѣемъ Николаичемъ, что конечно долженъ употребить все, чтобы загладить передъ нимъ вину свою.

Ольга Петровна. А вы давно занимаетесь литературой? Давно получили призваніе къ ней?

Шуберскій. Съ дѣтскихъ почти лѣтъ.

Ольга Петровна. Какъ это пріятно! Все-таки это творчество, поэзія, а не сухая служебная проза!.. Однако, я слышу, графъ идетъ! Уйдите, господа! (*Князь Яктарный, Мямлинъ и Шуберскій поспышно уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Ольга Петровна и графъ.

Графъ (*съ прежней злобной усмѣлкой и низко кланяясь дочери*). Поздравляю васъ: супругъ вашъ назначается на мое мѣсто...

Ольга Петровна (*бросаясь было къ отцу на шею*).
Merci, papa!

Графъ (*отстраняясь*). Не благодарите!.. Не я вамъ устроилъ это, а вы сами!.. И я желалъ бы только

спросить твоего мужа, что неужели въ его гадкой и черствой душenkъ за все, что я сдѣлалъ для него, не накопилось на столько благодарности ко мнѣ, чтобы не ѣздить по городу и не сочинять, что будто бы онъ всегда все дѣлалъ за меня и что теперь я сумасшедшій даже! Если ужъ ему такъ хотѣлось этого проклятаго мѣста моего, такъ лучше бы онъ пришелъ и поклонился мнѣ, я уступилъ бы ему его и по крайней-мѣрѣ не считалъ бы его тогда подлецомъ совершеннымъ.

О л ь г а П е т р о в н а. Мы для тебя же, папа, желали, чтобы ты вышелъ въ отставку и успокоился.

Г р а ф ъ. Ничего вы мнѣ не желали!.. Только пасть свою удовлетворить вы желали, хищники ненасытные!.. Что ты всегда была волчицей честолюбивой, это видѣлъ я съ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ; но его я любилъ и думалъ, что онъ меня любитъ! На прощанье я могу вамъ пожелать одного: пусть у тебя родится дочь, похожая душою на тебя, а онъ отогрѣеть за пазухой у себя такого-же змѣеныша—чиновника, какого я въ немъ отогрѣлъ; тогда вы, можетъ быть, поймете, что я теперь чувствую! (*быстро поворачивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

О л ь г а П е т р о в н а *одна, потомъ Андашевскій ; позже князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій, и наконецъ графъ.*

О л ь г а П е т р о в н а (*одна и усмѣхаясь*). Сердись теперь, пожалуй, сколько хочешь... Дѣло жъ сдѣ-

лано!.. Ъхать поскорѣе къ мужу и обрадовать его!
(Идетъ, но въ дверяхъ встрѣчается съ Андашевскимъ). Ты
пріѣхалъ?

Андашевскій. Да!.. Я тутъ у подъѣзда дожи-
дался и сейчасъ встрѣтилъ князя Михайла Семе-
ныча: онъ говоритъ, что я буду назначенъ.

Ольга Петровна. Непремѣнно будешь назначенъ!

Андашевскій (беря себя за юлову). Господи, что
же это такое!.. Я заплачу!

Ольга Петровна. Заплачь!.. ничего!.. тебѣ
легче послѣ того будетъ. (Андашевскій начинаетъ утирать
выступившія у него на глазахъ слезы; у Ольги Петровны тоже
глаза наполняются слезами).

Андашевскій (съ чувствомъ). Князь сказалъ, что
старикъ самъ даже желалъ оставить это мѣсто и
передать его мнѣ.

Ольга Петровна. Хорошо желалъ! Ты послу-
шалъ бы, какими онъ именами насъ обоихъ тутъ
называлъ, такъ что я солгала даже ему, что буду
требовать у него материнскаго состоянія. Впрочемъ,
Богъ съ нимъ... Скажи лучше, кого ты думаешь
взять на твое мѣсто?

Андашевскій (нѣсколько задумавшись). Конечно
князя Янтарнаго!.. Впервыхъ, у него связи огром-
ныя, а вовторыхъ, онъ самъ неопасенъ: не под-
шибетъ никогда!

Ольга Петровна. А на мѣсто Янтарнаго кого
ты назначишь?

Андашевскій. Право ужь не знаю!

Ольга Петровна. Назначь Шуберскаго: онъ
въ печати имѣетъ значеніе!.. Не мѣшаетъ и въ этой
сферѣ имѣть преданнаго человѣка.

Андашевскій. Мысль не дурная!

Ольга Петровна. А теперь позови ихъ скорѣе и объяви имъ о твоёмъ назначеніи: они очень рады будутъ этому.

Андашевскій. Сейчасъ позову! *(пріотворяя дверь)*, Пожалуйста сюда, господа! *(Къ вошедшимъ)*. Графъ оставляетъ службу...

Всѣ въ одинъ голосъ. Кто-жь на мѣсто его?

Андашевскій *(съ нѣкоторымъ трепетомъ въ голосѣ)*. Я, кажется, назначаюсь!

Мямлинъ *(благоговѣнно складывая руки и возводя глаза къ небу)*. Господи, благодарю Тебя за то!

Князь Янтарный *(грустнымъ тономъ)*. Настоящее мѣсто ваше, поэтому, дѣлается вакантнымъ?

Андашевскій. Да, если это случится... и въ такомъ случаѣ я буду имѣть честь васъ пригласить на него, а теперь все-таки позвольте мнѣ, какъ будущаго моего помощника, обнять васъ...

Князь Янтарный. О, благодарю васъ! *(Оба обнимаются и цѣлуются)*.

Андашевскій *(Мямлину)*. А васъ, Богъ дастъ, къ новому году мы подѣчимъ отъ вашей болѣзни Анненской лейтою!

Мямлинъ. Излѣчусь этимъ, совершенно излѣчусь!

Андашевскій *(Шуберскому)*. Вамъ, господинъ Шуберскій, я тоже бы желалъ предложить мѣсто Георгія Ираклича, когда оно освободится, если только это не повредитъ вашимъ литературнымъ занятіямъ.

Шуберскій *(задыхающимся отъ радости голосомъ)*. Нисколько-съ это не повредитъ!

М я м л и н ъ. Директоръ отличный онъ будетъ, и похваливать насъ иногда въ газетахъ станетъ.

Ш у б е р с к і й. Въ отношеніи товарищей я ужь, конечно, ничего другаго не могу написать.

А н д а ш е в с к і й. Кабинетъ, такимъ образомъ, составлень! *(берется за свою шляпу; тому же примльру слѣдуютъ и всь прочіе; Андашевскій начинаетъ даже при этомъ насвистывать одну изъ арій; Оля Петровна весело натягиваетъ свои перчатки; фізіономіи директоровъ сіяютъ удовольствіемъ; вдругъ въ дверяхъ изъ заднихъ комнатъ показывается графъ Зыровъ).*

Г р а ф ъ *(дѣлая довольно повелительный жестъ рукою).* Прошу васъ, господа, пріостановиться на минуту и не расходиться! *(Всь останавливаются, графъ выходитъ на авансцену; выраженіе лица его печальное и серьезное. Графъ начинаетъ медленно и довольно протяжно говорить).* Я сейчасъ получилъ письмо отъ князя Михайла Семеныча, которое и имѣю честь предъявить вамъ! *(подноситъ держимое имъ въ рукѣ письмо къ глазамъ своимъ и читаетъ его):* «Любезный графъ! поздравляю васъ кавалеромъ ордена брилліантовыхъ знаковъ и съ пожалованіемъ вамъ аренды въ пять тысячъ рублей серебромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу васъ увѣдомить, что на ваше мѣсто назначень тайный совѣтникъ Яковъ Васильичъ Карга-Короваевъ!»

(Занавѣсъ опускается).

ФИНАНСОВЫЙ ГЕНИИ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сосипатовъ Василій Петровичъ, коммерціи совѣтникъ, стоящій во главѣ нѣсколькихъ крупныхъ предпріятій.

Сосипатова Марья Александровна, жена его; молодая и красивая женщина.

Баронъ Кергофъ Эдуардъ Карловичъ, товарищъ Сосипатова по дѣламъ.

Баронесса Кергофъ Дарья Матвѣевна, толстая и румяная дама, лѣтъ ужъ 45-ти.

Журиленко Савва Тарасовичъ, неуклюжій, малороссійскій помѣщикъ.

Г-жа Журиленко Ненна Петровна, родная сестра Сосипатова; сухопарая и желтая дама и тоже ужъ слишкомъ за 40.

Отставной генераль-маіоръ Пронудинъ, служившій прежде по комиссаріатской части.

Говорновъ, господинъ, неизвѣстно какія имѣющій занятія.

Monsieur Шемуа, французъ, тоже неизвѣстно зачѣмъ пріѣхавшій въ Россію.

Живодеровъ Иванъ Ивановичъ, разбогатѣвшій изъ мужиковъ подрядчикъ.

Персиновъ, фельетонистъ газетный.

Сэръ Тонель, глухонѣмой американецъ, спиритъ и медиумъ.

Г-нъ Демьянскій, учитель глухонѣмыхъ.

М-сиръ Шульнинъ, молодой человекъ, исключительно вѣздящій по баламъ, вечерамъ и концертамъ.

Судебный слѣдователь.

Частный приставъ.

Квартальные.

Гости.

Ланкен.

Дѣйствіе происходитъ въ семидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ на аван-сценѣ богатую гостиную, а вдали огромное зало. Обычный недѣльный вечеръ въ домѣ Сосипатовыхъ. Марья Александровна Сосипатова, расфранченная, сидитъ на диванѣ. Около нея размѣщаются нѣсколько дамъ, въ числѣ которыхъ находится и Ненила Петровна Журиленко. Всѣ онѣ тоже очень разряжены и сидятъ съ работами въ рукахъ. На другой сторонѣ сцены почти полулежитъ на кушеткѣ г-нъ Журиленко въ широкомъ, нескладномъ пальто, а невдалекѣ отъ него помѣщается на стулѣ не молодой уже, но очень еще молодцоватый французъ m-еиг Шемуа, съ ленточкой въ петлицѣ; на срединѣ сцены сидитъ баронъ Кергофъ, съ чисто нѣмецкою физіономіей и замѣтно сохраняющій важность и серьезность. Въ залѣ виднѣются гости, изъ которыхъ одни играютъ въ карты, а другіе просто ходятъ.

Ненила Петровна (обращаясь къ барону). Баронъ, прочтите намъ эту статью!.. Намъ очень любопытно ее слышать.

БАРОНЪ (*съ нѣкоторой гримасой*). Но она очень длинна и можетъ утомить слушателей.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Ахъ, нѣтъ, напротивъ!.. Пожалуйста, прочтите.

БАРОНЪ (*какъ-бы нехотя беретъ со стола газету и читаетъ вслухъ*). «Сегодняшній день мы желаемъ побесѣдовать съ нашими читателями объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего финансоваго міра: Василій Петровичъ Сосипатовъ, сынъ простаго цѣловальника, по неудержимому стремленію къ образованію, сначала поступилъ въ народное училище, откуда за блестящіе успѣхи переведенъ былъ въ гимназію и наконецъ вѣнчалъ свое воспитаніе тѣмъ, что получилъ степень магистра технологіи, и тутъ только почувствовалъ, что призваніе его не тихая, ученая дѣятельность и что отечество ждетъ отъ Василья Петровича иныхъ заслугъ: онъ бросилъ науку и занялся финансами и торговлей. Кому невзвѣстенъ его первый прое́ктъ, двинувшій вмѣстѣ съ другими реформами такъ быстро Россію на пути прогресса?»

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*насмѣшливо*). За чѣмъ же тутъ упомянуто, что онъ сынъ цѣловальника? Это небольшая ему честь.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*пожимая плечами*). А по моему, очень большая! Чѣмъ ниже было положеніе человѣка сравнительно съ тѣмъ, какое онъ потомъ занялъ, тѣмъ больше ему чести... Не правда-ли, баронъ?

БАРОНЪ (*вялымъ голосомъ*). Да, конечно!.. (*показывая рукой на газету*). А тутъ далѣе описано, какъ Василій Петровичъ года три тому назадъ подарилъ вамъ триста тысячъ.

Н Е Н П Л А П Е Т Р О В Н А (*съ радостнымъ одушевленіемъ*).
Ахъ, и это напечатано!.. я очень рада тому: подобные великодушные поступки въ отношеніи своихъ родныхъ непременно должны быть извѣстны всему обществу. (*Журиленко при этомъ какъ-то мрачно взглядываетъ на жену*).

Б А Р О Н Ъ (*снова начинаетъ читать*). «Домъ Василія Петровича представляетъ собою образецъ изящества, роскоши и просвѣщеннаго гостепріимства: художники, писатели, иностранцы — все находятъ себѣ въ немъ радушный и хлѣбосольный приемъ!»

М е и г Ш е м у а (*восклицаетъ*). C'est vrai... Это правда!

Ж у р и л е н к о (*поворачивая къ нему голову*). А вы развѣ все учухали, что тутъ читали?

М е и г Ш е м у а. Qu'est ce que c'est: учухали?

Ж у р и л е н к о. То есть, поняли все?

М е и г Ш е м у а (*самодовольно*). Все!. Je comprends tout!

Б А Р О Н Ъ (*снова продолжаетъ читать*). «Новое предпріятіе Василія Петровича горно-колодезно-масляная промышленность вызвала одобреніе всей заграничной прессы: газеты французскія, англійскія, нѣмецкія и даже американскія помѣстили въ своихъ столбцахъ статьи, исполненныя добросовѣстнаго знанія предпринимаемаго дѣла и безусловныхъ одобреній и пожеланій успѣха предпринимателю. Желательно, чтобы русская публика раздѣлила въ этомъ случаѣ мнѣніе Европы и дала возможность г-ну Сосипатову осуществить свое колоссальное предпріятіе. Василій Петровичъ, въ чемъ конечно согласится всякій, имѣетъ слишкомъ много правъ на довѣріе,

давши столько блистательныхъ доказательствъ какъ въ силѣ своихъ финансовыхъ способностей, такъ и въ своей высокой и безукоризненной честности!»

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*опять съ чувствомъ*). Я буду усерднѣйшимъ образомъ молить Бога, чтобы акціи этого дѣла скорѣй раскупились.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*слушавшая все это чтеніе съ потупленнымъ лицомъ и явно недовольнымъ голосомъ*). А я, напротивъ, желаю, чтобы оно совсѣмъ не состоялось.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*съ удивленіемъ*). Это почему?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*все тѣмъ же недовольнымъ голосомъ*). Потому что Василій Петровичъ достаточно измученъ и безъ этого дѣла: у него больше двухъ лѣтъ нѣтъ ни сна, ни аппетита, и всѣ мысли его постоянно направлены на эти только дѣла... Ему самое лучшее бросить все и думать объ одномъ здоровьѣ своемъ.

БАРОНЪ (*тѣмъ же медленнымъ голосомъ*). Я не полагаю, чтобы это могло поправить здоровье Василя Петровича... Оставивши дѣла, онъ непременно будетъ скучать!

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*тѣмъ же недовольнымъ голосомъ*). Скучать все-таки легче, чѣмъ такъ волноваться и тревожиться, какъ онъ тревожится... Наконецъ для чего все это: нашихъ громаднѣхъ денегъ, я думаю, достаточно, чтобы существовать намъ совершенно обезпеченно.

БАРОНЪ (*съ небольшою гримасой*). Тутъ вопросъ не въ деньгахъ!. Деньги для Василя Петровича, конечно, всегда были послѣднею цѣлю; но эти волне-

нія и труды составляютъ для него жизнь!... Въ этомъ его нравственная пища.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*съ разгорѣвшимися глазами*). Это такъ, совершенно вѣрно!. Я по себѣ это чувствую!.. У насъ, видно, въ крови эта потребность кииучей дѣятельности!

ЖУРИЛЕНКО (*женль*). Ври больше—потребность!.. Кабы денегъ много не валило, не было бы потребности!.. Вонъ и оселъ за кормъ возить!

БАРОНЪ (*усмѣхаясь*). Оселъ дѣйствительно, можетъ быть, за кормъ возить; но для человѣка, вѣроятно, существуютъ и другія побудительныя причины!

ЖУРИЛЕНКО. А какія побудительныя причины? Либо палка, либо диньга!.. Всѣ изъ-за того работаютъ; а то-бы всякъ на соломѣ лежалъ да сало илъ!

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*съ удареніемъ на словахъ*). Ты никакъ въ этомъ отношеніи не можешь по себѣ судить другихъ людей, особенно такихъ, какъ, братъ... никакъ!

ЖУРИЛЕНКО. Почему-же не могу? Я тоже человѣкъ, а не свинья: все-таки рыло кверху держу, а не книзу...

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Человѣкъ, но только ужъ совершенно матеріальный!.. Совершенно!..

ЖУРИЛЕНКО (*поднимая передъ всѣми палецъ*). Тсъ!.. Тише!.. Будетъ!.. Самъ батько иде.

ЯВЛЕНІЕ II.

Въ залѣ дѣйствительно показывается Сосипатовъ, господинъ гладко остриженный, выбритый, съ лицомъ истощеннымъ и съ сверкающими глазами. Проходя зало, онъ свысока киваетъ головой своимъ гостямъ и только у двоихъ или троихъ изъ нихъ пожимаетъ руки.

Въ концѣ явленія входитъ лакей.

СОСИПАТОВЪ (войдя въ гостинную и обращаясь къ первому барону Керюфу). Здравствуйте, баронъ! (сестрѣ). Здравствуй, сестра! Давно-ли возвратилась изъ деревни?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Вчера только.

СОСИПАТОВЪ (показывая на Журиленко). И зопль мой здѣсь! (Журиленко). Я васъ сейчасъ сильно огорчу!..

ЖУРИЛЕНКО (вставши уже на ноги и съ насмѣшкой кланяясь Сосипатову). Ясновельможному пану низко кланяюсь.

СОСИПАТОВЪ (шутливо). Кланяйтесь, кланяйтесь, такъ и слѣдуетъ, тѣмъ больше, что ваше злопророчество касательно послѣдняго дѣла нашего не сбылось: заявлено требованій почти на два милліона!

ЖУРИЛЕНКО. Да, четвертушками-жъ пока еще вносятъ, а не полной суммой!

СОСИПАТОВЪ. Четвертушками!... Но что изъ этого?

ЖУРИЛЕНКО (лукаво). А то, что пидюковъ надо считать не въ коноплѣ, а на базарѣ, когда они проданы, и денежки за нихъ въ клѣтушку заперты.

СОСИПАТОВЪ (надменно). Богъ дастъ, и мы тутъ

кое-что запремъ въ клѣтушку!.. (оборачиваясь и увидавъ *m-eur Шемуа*, радостно восклицаетъ). Боже мой, кого я вижу: *m-eur Шемуа*!.. Откуда вы явились?

М-еур Шемуа (восклицаетъ какъ-будто-бы произносилъ Богъ знаетъ какую важную вещь). *De la samragne... Я ѣхалъ... пріѣхалъ авес m-me Журиленко.*

Ненила Петровна (нѣсколько покраснѣвши). *М-еур Шемуа* гостилъ у меня въ деревнѣ.

Сосипатовъ. И долго?

М-еур Шемуа (по прежнему восклицаетъ). *Deux mois... Два мѣсяцъ!... Et tout le monde..... province... провинція* говорятъ: «Василій Петровичъ Пейрера русскій... Лессепсъ!»

Сосипатовъ (съ видимымъ удовольствіемъ). Вотъ какъ!.. Что жъ, эти прозвища не дурныя.

М-еур Шемуа. *Oui, vous avez beaucoup... Вы много славъ имѣете на югъ... тамъ... дальше!*

Сосипатовъ. Очень пріятно это слышать... Но какъ однако вы усовершенствовались въ русскомъ языкѣ.

М-еур Шемуа. Да, я знаю теперь говорить!.. Знаю!..

Сосипатовъ. И что же, живя въ деревнѣ, вы присматривались нѣсколько къ нашей сельской жизни? Видѣли, вникали въ нее?

М-еур Шемуа. *Oui!.. видѣлъ!... (съ трудомъ выговаривая)*. Въ воскресенье... такъ?

Сосипатовъ. Такъ!..

М-еур Шемуа. Въ воскресенье я ходилъ а *l'église* (опять съ затрудненіемъ произносилъ). Церковь.

Сосипатовъ. Въ церковь?

М-е и г Ш е м у а. Oui!.. Видѣлъ тамъ... попъ!.. золотой ризъ!.. Хорошо это!

С о с и п а т о в ъ. Понравилось вамъ?

М-е и г Ш е м у а. Понравилось! И этотъ какъ: диконъ?

С о с и п а т о в ъ (*поправляя его*). Дьяконъ

М-е и г Ш е м у а (*повторяя за Сосипатовымъ*). Дьяконъ... Тоже какъ царь... старый, русскій... золотой ризъ...

С о с и п а т о в ъ. Но у васъ попы тоже въ золотѣ.

М-е и г Ш е м у а. Меньше, меньше!... Видѣлъ это.... ваши свидѣбы.

С о с и п а т о в ъ (*опять поправляя его*). Свадьба!

М-е и г Ш е м у а. Вашъ этотъ... невѣста и мужъ пришли въ m-me Журиленко... Ils lui présentèrent un breidel... полотенце?.. Après quoi ils se prosternèrent à ses pieds.

Н е н и л а П е т р о в н а (*Марья Александровна*). Какъ удивило m-eur Шемуа, когда мнѣ эти молодые поклонились въ ноги, невѣроятно.

М-е и г Ш е м у а. Ils sont serfs encore... Рабы и теперь.

С о с и п а т о в ъ. Нѣтъ, какое рабы! Обычай только еще этотъ старый и глупый остался!.. Во всякомъ случаѣ вы согласитесь, что народъ у насъ красивый и умный.

М-е и г Ш е м у а. Oui! le peuple est brave et bon! (*Входитъ лакей*).

Л а к е й (*Сосипатову*). Какой-то сэръ Тонель и господиъ Демьянскій...

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ же, *кромя лакея.*

СОСИПАТОВЪ. А, очень радъ! *(Лакею).* Проси! *(Сосипатовъ довольно громкимъ голосомъ обращаясь къ гостямъ своимъ, находящимся въ залѣ).* Господа, не угодно-ли вамъ на нѣсколько времени пожаловать сюда. *(Большая часть гостей входитъ въ гостиную).* Сейчасъ сюда придетъ знаменитый медіумъ и спиритъ—нѣкій сэръ Тонель—американецъ, глухонѣмой отъ рожденія.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Но какимъ же образомъ глухонѣмой ѣздитъ по Европѣ?

СОСИПАТОВЪ. Очень просто!... Онъ останавливается только въ столицахъ, гдѣ обращается къ учителю глухонѣмыхъ, и тотъ служитъ ему толмачемъ, какъ и здѣсь вотъ этотъ Демьянскій.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ же и сэръ Тонель *во фракъ, въ бѣломъ галстуцѣ и совершенно рыжій.* Съ нимъ Демьянскій *въ вицъ-мундирномъ фракъ со свѣтлыми пуговицами.*

СОСИПАТОВЪ *(привѣтливо протягивая руку Тонелю).* Здравствуйте, сэръ! *(Демьянскій сейчасъ же переводитъ сэру Тонелю, что сказалъ Сосипатовъ. Тонель съ своей стороны дѣлаетъ знаки пальцами).*

ДЕМЬЯНСКІЙ *(Сосипатову).* Сэръ Тонель благодаритъ за привѣтствіе. *(Прочимъ лицамъ Тонель молча)*

кланяется. Сосипатовъ движеніемъ руки приглашаетъ его садиться. Тонель садится, а рядомъ съ нимъ и Демьянскій).

СОСИПАТОВЪ (посль нѣкоторой запинки обращаясь къ Демьянскому). Можетъ быть, сэръ Тонель будетъ такъ добръ, что покажетъ намъ хоть маленькій опытъ спиритизма... (Демьянскій на пальцахъ передаетъ эти слова Тонелю. Тотъ отвѣчаетъ ему только кивкомъ головы).

ДЕМЬЯНСКІЙ (Сосипатову). Сэръ Тонель готовъ...

СОСИПАТОВЪ. Но когда же? (Демьянскій спрашиваетъ Тонеля на пальцахъ. Тотъ отвѣчаетъ ему тоже на пальцахъ).

ДЕМЬЯНСКІЙ (Сосипатову). Хоть сейчасъ же!... Сэръ Тонель чувствуетъ себя въ удобномъ для того настроеніи... только просить нѣсколько уменьшить свѣтъ въ комнатѣ. (Сосипатовъ мигаетъ лакеямъ. Тѣ уносятъ большую часть лампъ, а на остальные надвигаютъ колпаки. Сэръ Тонель, садясь посреди сцены, дѣлаетъ знаки пальцами вставшему около Демьянскому. Демьянскій обращаясь ко всѣмъ). Сэръ Тонель проситъ задать какой-нибудь вопросъ.

СОСИПАТОВЪ. Позвольте ужъ мнѣ это право: я затѣваю громадное предпріятіе; благополученъ-ли будетъ исходъ его? (Демьянскій передаетъ это Тонелю. Тотъ погружается какъ-бы въ сонъ. Все общество находится въ нѣсколько утрашенномъ и ожидающемъ состояніи; проходятъ двѣ, три минуты глубочайшаго молчанія, среди котораго наконецъ раздаются три очень явственные удара. Всѣ почти въ одинъ голосъ: «Слышали?» «Слышали!»... «Какъ не слышать, очень явственно слышали!» Сосипатовъ почти поблѣднѣвшій). Но что же значить этотъ отвѣтъ?

ДЕМЬЯНСКІЙ. Сэръ Тонель нечетные удары объясняетъ обыкновенно тѣмъ, что они благоприятны.

СОСИПАТОВЪ. Удивительно!... Невѣроятно!

ЖУРИЛЕНКО. Чего удивительнаго! Ногой стук-

нуль... Я хоть десять разъ стукну. (Тонель спрашиваетъ Демьянскаго взглядомъ, что такое говоритъ Журиленко. Тотъ ему передаетъ. Тонель съ видимо разиньваннымъ лицомъ дѣлаетъ нѣсколько знаковъ пальцами).

Демьянскій (обращаясь ко всему обществу). Такъ какъ выражено сомнѣнье, то сэръ Тонель предлагаетъ, не угодно-ли держать его за ноги.

Журиленко (выдвигаясь впередъ). А, это дѣло другое! Я его подержу! (подходитъ къ Тонелю, становится передъ нимъ на колѣни и беретъ его за ноги). Задавайте, кто хочетъ вопросъ.

Неніла Петровна (подойдя къ Тонелю). Я желаю знать, вѣренъ-ли мнѣ тотъ человѣкъ, котораго я люблю? (при этомъ она кидаетъ быстрый, но нѣжный взглядъ на т-ея Шемуа. Демьянскій передаетъ ея слова Тонелю, который снова попружастся какъ-бы въ сонъ. Журиленко держитъ его ноги точно въ желѣзныхъ щипцахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія опять раздаются три очень явственные звука. Новое удивленіе со стороны всѣхъ).

Сосипатовъ (Журиленко). Что, батюшка!.. Что?

Журиленко (сердито поднимаясь на ноги). Да брюхомъ же щелкнулъ! Вотъ какъ и у насъ цыганъ чревовѣщатель былъ: рта не развѣваетъ, а по собачьи лаеетъ, да и собака-то словно въ другой комнатѣ.

Сосипатовъ (съ сердцемъ). Что за глупости вы говорите!.. (Демьянскому). Вы, пожалуйста, и не передавайте этого сэръ Тонелю.

Демьянскій. Нѣтъ, не передамъ. (Сэръ Тонель что-то такое говоритъ на пальцахъ Демьянскому. Демьянскій обращаясь ко всѣмъ). Сэръ Тонель предлагаетъ, что не угодно-ли обществу заняться столоверченіемъ.

Большая часть дамъ. Ахъ, пожалуйста!.. Мы очень рады. (Тонель и нѣсколько человѣкъ гостей стано-

вятся около круглаго, довольно большаго стола, кладутъ на него руки, какъ дѣлается это обыкновенно при столоверченіи. Столъ вскорѣ начинаетъ двигаться кругомъ и все быстрѣе и быстрѣе. Окружающіе его бѣгутъ вмѣстѣ съ нимъ и наконецъ столъ падаетъ и крайемъ своимъ ударяетъ *monsieur Шулькина*, который оттого вскрикиваетъ и начинаетъ затѣмъ прыгать на одной нош. Хозяева и нѣкоторые изъ гостей къ нему съ испугомъ: Что съ вами! Что такое?)

Шулькинъ (скрывая боль). Ничего-съ! Ничего! (убѣгаетъ).

Журиленко (про себя и съ удовольствіемъ). Ловко, видно, его огрѣло!

Сосипатовъ. И это какъ хотите непонятно—этакой столице завертѣлся.

Марья Александровна (съ одушевленіемъ). Главное, знаешь, мнѣ вазалось, что меня что-то влечетъ и тянетъ за столомъ.

Ненила Петровна. А меня, увѣряю васъ, я это ясно чувствовала, что чья-то именно мужская рука хватала за спину, такъ что я нѣсколько разъ хотѣла вскрикнуть.

Сосипатовъ (*Демьянскому*). Сэръ Тонель, можетъ быть, нѣсколько уже утомился отъ своихъ опытовъ. (*Демьянскій* передаетъ это Тонелю. Тотъ отвѣчаетъ ему).

Демьянскій (*Сосипатову*). Да, онъ усталъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствуетъ, что духъ удалился довольно далеко, и ему трудно будетъ призывать его.

Сосипатовъ. Въ такомъ случаѣ не угодно-ли сэръ Тонелю въ зало, къ буфету, выпить тамъ стаканъ чаю, вина... (*жель*). Маша, проводи подъ руку сэра. (*Марья Александровна* подаетъ Тонелю руку, который затѣмъ съ важностью идетъ съ нею въ зало. *Демьянскій* и большая часть гостей слѣдуютъ за ними).

ЯВЛЕНИЕ V.

Сосипатовъ, баронъ и Журиленко.

СОСИПАТОВЪ (*барону, молча стоявшему у колонны и весьма внимательно во все всматривавшемуся, но ни въ чемъ не принимавшему участія*). Какъ, напримѣръ, объясните вы эти удары?

БАРОНЪ (*пожимая плечами*). Я почти согласенъ съ г-мъ Журиленко. (*Журиленко, съ насмѣшливою улыбкой ходившій взади сцены, отзывается: еще бы!*)

СОСИПАТОВЪ. О, вздоръ какой, а потомъ столъ?

БАРОНЪ. Столъ очень обыкновенная вещь; на него дѣйствуютъ хоть и маленькихъ, но нѣсколько силъ, которыя и двигаютъ его.

ЖУРИЛЕНКО (*обращаясь уже къ публикѣ*). Якъ стилько народу ухватило, мельницу-бы своротили, а не то что столъ.

СОСИПАТОВЪ (*не слушая Журиленка*). Прекрасно-съ: вы говорите маленькихъ... но вотъ въ Англійскомъ клубѣ мнѣ очевидцы рассказывали, что при нихъ столъ постепенно склонялся, склонялся и стоявшія на немъ свѣчи и лежавшій варадашъ не падали.

БАРОНЪ. Не вѣрю! Это значило бы, что пересталъ дѣйствовать законъ тяжести; но тогда вся вселенная должна была бы разлетѣться въ прахъ!

СОСИПАТОВЪ. Э, батюшка, все эти законы природы!.. Я въ этомъ случаѣ идеалистъ! (*треплетъ барона по плечу*). «Есть многое, другъ Гораціо, что не снилось нашимъ мудрецамъ!» Однако этому сэръ То-

нелю надо будетъ заплатить, я думаю, рублей пятьсотъ...

Ж у р и л е н к о *(почти въ ужасъ восклицаетъ)*. Пятьсотъ?

Б а р о н ъ. Нѣтъ, пятьсотъ много!.. Достаточно триста.

Ж у р и л е н к о. Триста-же однако!.. Тьфу, дурни вы этакіе... И оставаться тутъ не хочу! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сосипатовъ и баронъ.

С о с и п а т о в ъ *(вслѣдъ ему)*. Разсердился даже, хохолю глупый!.. *(Барону)*. Кстати вотъ по поводу его: жена его, т. е. сестра моя, тотъ капиталъ, который я ей подарилъ, желаетъ отдать мнѣ въ дѣло, а потому вы потрудитесь завтра принять отъ нея деньги и выдайте ей безсрочный вексель, чтобы она всегда могла получить ихъ обратно.

Б а р о н ъ. Хорошо.

С о с и п а т о в ъ. А потомъ... статья обо мнѣ въ газетахъ ужъ напечатана?

Б а р о н ъ. Во вчерашнемъ еще номерѣ.

С о с и п а т о в ъ. Но кто ее писалъ?

Б а р о н ъ. Одинъ мой университетскій товарищъ, прежде свѣтскій господинъ былъ, а теперь фельетонистъ газетный...

С о с и п а т о в ъ. Перомъ довольно бойкимъ владѣть. А что, скажите: въ самой газетѣ взяли за то, чтобы напечатать эту статью?..

Б а р о н ъ. Еще-бы!.. Шестьсотъ рублей.

С о с и п а т о в ъ. Но какъ это противъ иностранныхъ?.. мы и въ иностранныхъ платили: дороже или дешевле?

Б а р о н ъ (*съ презрительной гримасой*). Почти одна и та-же цѣна!

С о с и п а т о в ъ. Но надобно также, чтобы и другія русскія газеты крикнули за меня.

Б а р о н ъ (*съ тою же презрительной гримасой*). Скажу этому господину, чтобы онъ напечаталъ и въ другихъ русскихъ газетахъ. Пусть перефразируетъ ту-же самую статью и пошлетъ въ двѣ, три газеты!

С о с и п а т о в ъ (*съ самодовольствомъ потирая руки*). Да-съ, да! Въ вѣкъ громадныхъ предпріятій и муссировки оныхъ мы живемъ!.. Хорошо это, ей Богу! Все-таки это показываетъ, что человѣчество живетъ, стремится къ чему-то, надѣется чего-то!.. Нѣтъ этого поганого восточнаго застоя! (*берясь за голову*). Скверно вотъ только, что голова у меня все дуритъ: шумъ тамъ какой-то!.. Трескъ, мысли расплываются и перебиваются одна другую...

Б а р о н ъ. Можетъ быть, вы сегодня много работали?

С о с и п а т о в ъ. Очень много!.. Но какъ же иначе и быть? Вотъ сейчасъ, при насъ, Шемуа рассказывалъ, что въ провинціи меня прямо называютъ Лесепсъ или тамъ Пейрера русскій! Это ужъ неподкупленная какая-нибудь статья газетная, а приговоръ простыхъ, непосредственныхъ умовъ, въ которомъ ни лести, ни корысти не можетъ быть — значитъ, дѣйствительно я кое-что сдѣлалъ для страны моей.

Баронъ. Кто-жь въ этомъ сомнѣвался.

Сосипатовъ. Ну-съ, а потому я и долженъ работать, чтобы не уподобиться лѣнивому евангельскому рабу и не закапывать своего таланта. Однако до свиданія! Женѣ скажите, что я и къ ужину не выйду! усталъ очень!.. *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Баронъ *(оставшись одинъ и почти со скрежетомъ зубовъ)*. Несноснѣйшій хвастунишка, какого когда-либо міръ создавалъ!.. *(насмѣшливо)*. Боится закопать свой талантъ, тогда какъ весь его талантъ состоитъ въ дикой и безразсудной предпріимчивости и невѣроятномъ, дурацкомъ русскомъ счастіи въ дѣлахъ! Грустнѣй всего то, что жена, это прелестнѣйшее существо, тоже видитъ въ немъ какого-то великаго человѣка, такъ что когда я, въ своемъ безразсудномъ увлеченіи, имѣлъ неосторожность сказать ей о моемъ чувствѣ, она, гордо поднявъ голову, почти съ презрѣніемъ отвѣтила мнѣ, что, бывъ женой Сосипатова, женщина развѣ можетъ позволить себѣ полюбить кого бы то ни было!.. Значитъ, онъ лучше всѣхъ въ мірѣ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

При послѣднихъ словахъ барона входитъ Марья Александровна. Она сначала оглядывается кругомъ и потомъ стремительно подходитъ къ нему.

Марья Александровна *(взволнованнымъ голосомъ)*. Баронъ, я желаю съ вами говорить.

БАРОНЪ *(въжливо, но холодно ей кланяясь)*. Вашъ слуга покорный!

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ежели вы вашими льстивыми газетными статьями будете еще болѣе развивать самолюбіе въ моемъ мужѣ, то влннусь вамъ, что я расскажу ему все, что между нами произошло!..

БАРОНЪ *(нѣсколько смущеннымъ голосомъ)*. Статьи эти вовсе не мои, и онѣ заказаны и напечатаны по желанію Василья Петровича... собственно для успѣха нашего предпріятія.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(настойчиво)*. Я не хочу успѣха этому предпріятію, понимаете вы! Пусть оно лопнетъ и провалится! Я желаю одного, чтобы мужъ мой ликвидировалъ всѣ дѣла свои.

БАРОНЪ *(пожимая плечами)*. Это совершенно его дѣло; я не могу ни воспрепятствовать ему въ этомъ, ни заставить его это сдѣлать.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Нѣтъ, вы можете заставить его!

БАРОНЪ. Чѣмъ?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Тѣмъ, что посовѣтуете ему! Къ несчастію, онѣ до сихъ поръ вамъ вѣрить...

БАРОНЪ. Почему же къ несчастію?.. *(Марья Александровна не отвѣчаетъ ему)*. Сказать же Василью Петровичу, чтобы онѣ оставилъ всѣ дѣла свои, потому что не способенъ вести ихъ, это размѣшитъ его только...

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Въ такомъ случаѣ выходите сами изъ дѣлъ: безъ васъ онѣ ихъ не поведетъ, а если поведетъ, такъ не долго, потому что скоро утомится!

Баронъ. Но во первыхъ, онъ поведетъ ихъ, за это я головою вамъ ручаюсь; а во вторыхъ, Богъ знаетъ чего натворитъ безъ меня!.. Неужели вы этого не видите и не понимаете? Десять лѣтъ я съ нимъ въ товариществѣ, и каждый день долженъ сдерживать его, какъ бѣшенаго коня, отъ зарывчивости и необдуманности: онъ вѣритъ всякому вздору, каждому недѣльному плану, какой ему предлагаютъ, и конечно первое, что будетъ, когда я его оставлю, онъ подпадаетъ подъ чье-нибудь весьма пагубное для него вліяніе.

Марья Александровна. Знаете что, баронъ, я ужъ буду съ вами говорить откровенно: я ничьего вліянія на мужа такъ не боюсь, какъ вашего, потому что совершенно убѣждена, что вы злѣйшій врагъ его и мой теперь, вѣроятно...

Баронъ. Изъ какихъ-же данныхъ вы это видите.

Марья Александровна. Изъ такихъ, что вы... въ чемъ конечно вы и сами не запретесь... вы вовсе не изъ простенькихъ и добренькихъ людей, и думаю, что никому еще въ мірѣ не простили малѣйшей вамъ обиды, а я васъ обидѣла... очень обидѣла!

Баронъ *(снова смущенный этими словами)*. То вы, а то вашъ мужъ, въ отношеніи котораго я, кажется, до сихъ поръ, остался преданнымъ другомъ!

Марья Александровна *(саркастически смѣясь)*. Ха, ха, ха! «преданнымъ другомъ»! Какъ у васъ духу хватаетъ говорить подобныя вещи и кому же мнѣ, женѣ Василья Петровича, за которой вы два года неотступно ухаживали и которую я ужъ не знаю, чѣмъ не обольщали, обѣщаясь, если я отвѣчу

на ваше чувство, сдѣлать меня чуть-ли, не обладательницей всей Индіи, — развѣ преданные друзья такъ поступаютъ? При этомъ не забывайте, что вы женаты, поэтому вы тутъ противъ двухъ человѣкъ дурно поступали и все это, я полагаю, прямо показываетъ, какой вы въ душѣ дурной и развращенный человѣкъ.

Баронъ *(поблѣднѣвъ наконецъ отъ злости)*. Ненависть ко мнѣ васъ заставляетъ забывать всякое приличіе! Извольте-съ: я выйду изъ товарищества съ вашимъ мужемъ, что мнѣ принесетъ прямую выгоду въ смыслѣ денегъ и въ смыслѣ труда; но повторяю вамъ еще разъ, что это можетъ повлечь серьезнѣйшее потрясеніе, если не полное раззореніе всего вашего состоянія!..

Марья Александровна *(записчиво)*. Хоть бы даже раззореніе состоянія!.. Жизнь мужа для меня дороже всего!

Баронъ. Совершенно вѣрю тому-съ! Не замедлю исполнить ваше желаніе.

Марья Александровна. Буду съ нетерпѣніемъ ждать того! *(Баронъ кланяется ей въ спину и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Марья Александровна *(одна и всплескивая руками)*. Господи, дай мнѣ силы и умѣнье спасти моего Базиля отъ этого демона.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

Рабочій кабинетъ Сосипатова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сосипатовъ и Говорковъ сидятъ въ креслахъ. Последний изъ нихъ мужчина среднихъ лѣтъ, франтовато одѣтый, съ очень красивою и вмѣстѣ съ тѣмъ какою-то каменною наружностью. Онъ только-что пріѣхалъ и видимо сохраняетъ передъ Сосипатовымъ нѣсколько почтительную позу.

Сосипатовъ (гордо развалившись въ креслѣ). Мнѣ про васъ сказалъ въ клубѣ Илья Ѳомичъ и сказалъ въ совершенно случайномъ разговорѣ. Онъ говорилъ вамъ, въ чемъ дѣло?

Говорковъ (выпуская изо рта слова, какъ изъ дуба масло). Нѣтъ-съ, онъ мнѣ писалъ только, чтобы я побывалъ у барона пли у васъ!.. Я сейчасъ заѣзжалъ къ барону; но онъ почему-то не принялъ меня и послалъ къ вамъ.

Сосипатовъ. Это въ сущности все равно!.. Исторія вотъ въ чемъ съ: о нашей послѣдней громадной затѣѣ вы, можете быть, слышали?

Говорковъ (кивнувъ головой). Слышалъ.

Сосипатовъ. Подписка на нее идетъ болѣе чѣмъ удовлетворительно; но мы предположили скупить всѣ сосѣднія земли, чтобы не имѣть потомъ уже никакихъ конкурентовъ, такъ какъ самое дѣло неизсякаемый источникъ богатства!.. неизсякаемый!.. Для всего этого, разумѣется, нужны очень большія деньги и поэтому намъ необходимо какъ можно скорѣе реализовать наши акціи!.. Съ этою цѣлю они разосланы по всевозможнымъ коммиссіонерствамъ... печатаются статьи въ газетахъ о самомъ предпріятіи... даже біографія моя съ портретомъ моимъ какъ лица, стоящаго во главѣ этого дѣла, напечатана; но кромѣ этихъ средствъ, какъ шепнулъ мнѣ Илья Ѳомичъ, существуютъ... *(съ нѣкоторой ужь разстановкой)* такъ называемыя благопріятныя телеграммы отъ иностранныхъ конторъ!

Говорковъ. Существуютъ.

Сосипатовъ. Такъ что еслибы даже подписка на какія-бы-то ни было акціи была за-границей и не ахти какая, то всетаки телеграмма получится, что она превосходная!

Говорковъ. Получится, что превосходная!

Сосипатовъ. И вы можете это устроить для насъ?

Говорковъ. Могу.

Сосипатовъ. Но какимъ-же способомъ это дѣлается?

Говорковъ *(улыбнувшись)*. Это ужь я знаю-съ.

Сосипатовъ. Если это тайна ваша, то не смѣю ей касаться!.. Во всякомъ случаѣ мы съ одними только вами и должны будемъ входить въ сношенія?

Говорковъ. Только со мной...

Сосипатовъ. Съ платой, разумѣется, вамъ?

Говорковъ. Съ платой!

Сосипатовъ. А какъ велика такая?

Говорковъ. Смотря потому, отъ сколькихъ иностранныхъ конторъ вы желаете получить...

Сосипатовъ. Отъ одной, напримѣръ?

Говорковъ. Десять тысячъ.

Сосипатовъ. Отъ двухъ?

Говорковъ. Двадцать.

Сосипатовъ. Ф-фа! Я, знаете, привыкъ къ большимъ денежнымъ тратамъ: но и то меня поробило... За какія-нибудь двадцать словъ десять тысячъ!

Говорковъ. Тутъ дѣло не въ словахъ, а въ поступкѣ!.. Это уголовщина.

Сосипатовъ (*недовольнымъ тономъ*). Уголовщину еще тутъ какую-то нашли.

Говорковъ. Да какъ же-съ? Въ законѣ это называется мошенничествомъ!

Сосипатовъ (*вспыхивая*). Тогда послѣ этого все можно назвать мошенничествомъ: печатается въ газетахъ, что за отъѣздомъ продается карета, тогда какъ владѣлецъ ея, можетъ быть, и не думалъ уѣзжать,—и то мошенничество.

Говорковъ. Пожалуй, и то мошенничество!

Сосипатовъ. Вы ужь очень строгій криминалистъ, но ваша собственно главная профессія въ чемъ состоитъ?

Говорковъ (*замѣтно недовольный этимъ вопросомъ*). Да такъ!.. Ни въ чемъ!.. Пашусь капиталистомъ.

Сосипатовъ. Если вы капиталистъ, то не можете-ли покрайней мѣрѣ для насъ сдѣлать ту

уступку, чтобы за вашъ трудъ получить не деньгами, а нашими акціями по номинальной ихъ стоимости!

Говорковъ. Нѣтъ-съ, я получаю обыкновенно чистыми деньгами.

Сосипатовъ. Деньгами это очень дорого; мнѣ поэтому необходимо прежде переговорить съ барономъ!.. На чемъ мы рѣшимъ, — я васъ увѣдомлю.

Говорковъ. Хорошо-съ! *(вставая)*. До свиданія!

Сосипатовъ *(ему холодно)*. До свиданія!

ЯВЛЕНІЕ II.

Сосипатовъ одинъ; потомъ лакей.

Сосипатовъ *(одинъ)*. Чортъ знаетъ, какъ все дорожаетъ!.. Впрочемъ чему-же и быть иначе! Денежныхъ знаковъ столько накопилось, что они стали какъ щепки. *(Входитъ лакей)*.

Лакей. Отставной генералъ Прокудинъ!

Сосипатовъ. Какой такой еще тамъ Прокудинъ?

Лакей. Они третій уже разъ приходятъ къ вамъ.

Сосипатовъ. Проси!.. *(Лакей уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сосипатовъ. Сколько во мнѣ этихъ отставныхъ генераловъ является—счету нѣтъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Сосипатовъ и генераль Прокудинъ съ палкою въ рукѣ
и замѣтно разбитый нѣсколько на ноги.

Прокудинъ (*расшаркиваясь передъ Сосипатовымъ*).
Позвольте мнѣ представиться земляку моему и генію
всей Россіи.

Сосипатовъ. Слишкомъ много чести!.. По-
корнѣйше прошу садиться.

Прокудинъ (*успѣвшись*). Вы ужь конечно меня
не помните, но я васъ мальчикомъ еще зналъ...
гимназистикомъ... въ красномъ воротничкѣ!

Сосипатовъ. Дѣйствительно, тогда у насъ
красные воротники были...

Прокудинъ. И теперь вотъ пришелъ у васъ
просить хлѣба-съ, хлѣба!.. Въ наше время, когда
пошло все на меркантильную ногу, что тутъ наши
эполеты,—плохо съ ними!

Сосипатовъ. А вы давно изволили оставить
службу?

Прокудинъ. Такъ себѣ, не очень!

Сосипатовъ. По болѣзни, вѣроятно?

Прокудинъ (*протяжно*). Д—да!.. Но больше
по непріятности и потому что шею никогда не лю-
билъ много гнуть! Вышелъ тутъ одинъ глупый
вопросъ — по этой усышкѣ и утечкѣ, такъ что и
плюнулъ на все и, тогда пріѣхавъ въ Петербургъ,
говорю нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ,
что я желалъ бы посвятить себя администраціи!..
Сначала всѣ: «ахъ, мы очень рады, мы все готовы

для васъ сдѣлать!» руку даже мнѣ жмутъ, а какъ до дѣла-то дошло, слышу, мѣста открываются!... Мальчишекъ отъ Дюссо, какъ справедливо тогда смѣялись въ Петербургѣ, опредѣляютъ на нихъ, а мнѣ, старѣйшему кандидату, только кукишъ показывают!... Я вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и говорю женѣ: «Душа моя, ты видишь, что это такое!... Это партія! Богъ съ ней, съ этой государственной службой!... Я лучше пойду и повлчусь до земли нашему знаменитому соотчичу Василью Петровичу!» — что и дѣлаю теперь! *(Привстаетъ и протягиваетъ свою руку до полу).*

Сосипатовъ *(подхватывая его)*. Ахъ, пожалуйста, не беспокойте себя такъ!.. *(Прокудинъ снова усаживается въ кресла)*. Но въ чемъ же я собственно могу быть вамъ полезенъ?

Прокудинъ *(тяжело переводя дыханіе)*. Во многомъ-съ!... Во многомъ!... Прежде всего я вотъ принесъ вамъ послѣднія мои двадцать пять тысячекъ. Располагайте ими какъ вамъ угодно: вы лучше меня знаете, что съ деньгами дѣлать!.. *(Вынимаетъ изъ кармана деньги и кладетъ ихъ на столъ)*. Потомъ-съ, я желалъ бы получить мѣсто директора въ вашемъ новомъ предпріятіи.

Сосипатовъ. Но эти мѣста, вы сами знаете, зависятъ у насъ отъ выбора собранія.

Прокудинъ *(откидываясь нѣсколько назадъ и разводя руками)*. Батюшка, Василій Петровичъ!.. Я хоть и военная косточка, но тоже азбуку эту знаю: развѣ все собраніе не въ вашихъ рукахъ?

Сосипатовъ. Отчасти, можетъ быть, это и такъ; но какимъ же образомъ я, не имѣя чести лично васъ знать, могу поручиться за васъ, тѣмъ болѣе,

что товарищ мой по дѣламъ, баронъ Кергофъ, очень не любитъ и всегда противъ того, чтобы брать людей неполнѣ намъ извѣстныхъ!.. чинъ вашъ конечно говорить въ вашу пользу, но и только...

Прокудинъ. Понимаю-сь!.. Это я хорошо понимаю и прошу объ одномъ: дать мнѣ испытаніе!.. Надѣюсь, что не пострамлю земли Русской — могу быть и конторщикомъ, и надсмотрщикомъ, и бухгалтеромъ, и контролеромъ ужь по одному тому, что все это очень близко сходится съ нашей провіантской частью.

Сосипатовъ. Значить, вы собственно служили по провіантской части?

Прокудинъ. Все время по провіантской части!.. часть умная!..

Сосипатовъ *(улыбался)*. Но и плутоватая, — согласитесь!

Прокудинъ. Нѣтъ, нынче совсѣмъ нѣтъ! потому что бухгалтерія очень строгая ведется!.. Я самъ, въ маленькихъ чинахъ, лѣтъ пять былъ бухгалтеромъ и могъ бы съ успѣхомъ занять у васъ эту должность!.. Тысячъ по 12 жалованье, говорятъ, бухгалтерамъ платять.

Сосипатовъ. О, нѣтъ, меньше!.. Но и на эту должность надобно, чтобъ ваканція была.

Прокудинъ. Я жду-сь, жду!.. Вы вотъ пожалуйте мнѣ на мои деньги вашихъ акцій, что-ли; а я жду!.. Вы человекъ гениальный: скоро можете понимать людей! *(Въ это время лакей вноситъ застрѣкъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тъ же и лакей.

Сосипатовъ (*Прокудину*). Хотите съѣсть чего-нибудь? Выпить рюмку водки, вина?

Прокудинъ. Благодарю!.. Ужь года два ничего не пью!.. сильнѣйшій катаръ желудочный имѣю.

Сосипатовъ (*начиная псть*). Что такое катаръ... У кого нынче нѣтъ катару?

Прокудинъ. Ужь именно, — у кого нѣтъ катару! Доктора такъ объясняютъ, что болѣзнь эта главнымъ образомъ происходитъ отъ душевнаго расстройства, потому-что нынче никто не можетъ-быть спокоенъ духомъ, — видя на каждомъ шагу несправедливость со стороны начальства и со стороны общества.

Сосипатовъ (*кончая псть и показывая лакею на завтракъ*). Убирай все это!

Лакей (*беря подносъ*). Подрядчикъ Живодеровъ спрашиваетъ: уйти ему или дожидаться васъ?

Сосипатовъ. О, я и забылъ объ немъ совсѣмъ! (*лакею*). Пускай онъ войдетъ сюда ко мнѣ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Сосипатовъ и Прокудинъ.

Сосипатовъ. Вы позволите мнѣ переговорить при васъ съ однимъ бородачемъ?

Прокудинъ. Пожалуста!.. Я самъ очень люблю и умѣю разговаривать съ русскими мужичками.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Живодеровъ, толстобрюхій мужикъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ лицомъ умнымъ и плутоватымъ, Войдя, онъ поклонился сначала Сосипатову, а потомъ
Прокудину и остановился у косяка.

Сосипатовъ (ему). Что сважешь хорошаго?

Живодеровъ. Да вотъ на счетъ того, Василій Петровичъ: не обидьте ужь работкой-то!

Сосипатовъ. Зачѣмъ обижать?.. Старые знакомые!.. Что-жь ты одну земляную работу хочешь взять?

Живодеровъ. Да, я такъ бы желалъ... Чѣмъ вамъ безпокоиться и раскидывать работы въ разныя руки... всѣ ихъ принять на себя: и земляную, и каменную, и штукатурную, и малярную даже.

Сосипатовъ. Смотри, справишься-ли ты съ народомъ-то?

Живодеровъ. Господи, николи, кажись, всѣ въ этомъ не останавливалъ: слава Богу, промежь народа знать имѣемъ большую.

Сосипатовъ. Ну, а цѣны какъ?

Живодеровъ. Цѣны нынѣ дать, Василій Петровичъ, надо подороже! Народъ безобразно дорогъ сталъ, да и спился окончательно!

Сосипатовъ. Это такъ; но въ этомъ мы сойдемся; главное-же условіе, чтобы ты плату при-

нималъ отъ меня не деньгами, а акціями этого самаго дѣла, на которомъ будешь работать.

Живодеровъ *(ужь замѣтно смущеннымъ тономъ)*. По какой-же цѣнѣ мнѣ ихъ брать?

Сосипатовъ. По номинальной, разумеется.

Живодеровъ *(отрицательно мотнувъ головой)*. Намъ это, Василій Петровичъ, совсѣмъ неподручно.

Сосипатовъ. Чго-жь ты думаешь, что акціи упадутъ?.. Вотъ сейчасъ генераль, котораго ты здѣсь видишь и который, надѣюсь, что не глупѣй тебя, купилъ ихъ у насъ на 25-ть тысячъ.

Прокудинъ. Купилъ-съ, купилъ съ полною вѣрою и надеждою.

Живодеровъ. Да это кому какъ угодно; но намъ тоже хотъ съ какими бы ни на есть акціями гдѣ-жь тутъ возиться.

Сосипатовъ. Какая-же возня?.. Пошелъ на биржу да продалъ ихъ!

Живодеровъ. Что еще дадутъ за нихъ,—не извѣстно... Я не то что по номинальной цѣнѣ, но даже по биржевой заклѣлся брать всякія акціи.

Сосипатовъ. Вотъ это умно!.. очень умно!.. *(Прокудину)*. Онъ по биржевой цѣнѣ даже заклѣлся брать бумаги.

Прокудинъ *(стараясь слушать Живодерову)*. Ты, любезный, какъ мужикъ, можетъ быть, не понимаешь этого, что бумаги по биржевой цѣнѣ все равно что деньги и золото!

Живодеровъ. Понимаю я, сударь, очень хорошо!.. Черезъ мои руки вороха разныхъ бумагъ прошли и я досконально утверждать не сталъ-бы, кабы меня самого по этой океанной биржевой цѣнѣ

тысячъ на тридцать не огрѣли!.. Я вотъ посѣдѣлъ съ той поры.

Сосипатовъ. Значить, ты продержалъ бумаги въ рукахъ; онѣ упали—это очень натурально.

Живодеровъ. Нѣтъ-съ, я въ тотъ же часъ, какъ мнѣ ихъ дали, пошелъ на биржу продавать.

Сосипатовъ *(пожимая плечами)*. Не понимаю я!

Прокудинъ. И я тоже.

Живодеровъ *(уже съ азартомъ)*. Да такъ-съ! Цѣлая шайка была составлена! Одинъ продалъ, кладемъ такъ, другому акцій на тридцать тысячъ. Другой, тамъ, третьему тѣхъ же акцій на пятьдесятъ, четвертый опять этому третьему на сто; а на дѣль-то, можетъ, и на грошъ никто никому не продалъ; а у маклера промежь тѣмъ заявляютъ; тотъ, по ихнимъ сказкамъ, цѣну этимъ акціямъ биржевую выставляетъ, а потомъ насъ подрядчиковъ вызываютъ: «Принимайте, говорятъ, вонъ эти бумаги по биржевой цѣнѣ!.. Мы съ дуру-то взяли, хватъ на биржѣ-то продавать, а за нихъ, вмѣсто полутораста, настоящіе покупатели семьдесятъ пять только даютъ.

Сосипатовъ *(у котораго въ продолженіе этого разсказа все больше и больше подергивало лицо, обращая наконецъ къ Живодерову гордо голову)*. Что жъ ты, говоря это, полагаешь, что и я что-нибудь подобное устрою?

Живодеровъ *(нѣсколько уже и струсивъ)*. Я, Василій Петровичъ, ничего того не полагаю; но, вѣдь, тоже, акціи не въ однѣхъ вашихъ рукахъ будутъ.

Сосипатовъ *(все больше и больше возвышаетъ свой голосъ)*. Нѣтъ, ты очень хорошо знаешь, что онѣ покрайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, по преимуществу, будутъ сосредоточены въ моихъ рукахъ, поэтому мнѣ всѣхъ

выгоднѣй это сдѣлать. Такъ какъ-же ты смѣешь говорить подобныя вещи въ глаза?.. Ты самъ весь замѣшанъ на плутняхъ, полагаешь, что и другіе тоже.

Живодеровъ. Никакихъ я, словно, плутовъ супротивъ васъ не дѣлалъ.

Сосипатовъ. Ты не противъ меня одного, а противъ цѣлаго міра ихъ дѣлалъ... Когда ты началъ дѣла, такъ у тебя крѣпкихъ сапогъ не было, а теперь домъ въ пятьсотъ тысячъ, сколько, значитъ, ты обобралъ и давальцевъ, и работниковъ.

Живодеровъ. Да, вѣдь, багюшка Василій Петровичъ, можетъ, какъ и вы за дѣла-то принялись, небогатенькіе были!.. Что-жъ этимъ корить человѣка.

Сосипатовъ (*колотя себя въ грудь*). Я все, что имѣю, нажилъ моимъ умомъ, геніемъ, а не прижимами... Пошелъ вонъ, когда сталъ позволять себѣ такъ говорить!

Живодеровъ. Богъ васъ знаетъ, гнѣваться и обижаться изволите неизвѣстно за что.

Сосипатовъ (*обращаясь къ Прокудину*). А? Онъ не понимаетъ, за что я обижаюсь!.. Онъ мнѣ въ глаза говоритъ, что я подлець, и я, по его, не долженъ обижаться.

Прокудинъ (*прозя Живодерову пальцемъ*). Ты, дѣйствительно, любезный, слишкомъ ужъ смѣло заговорилъ... слишкомъ.

Живодеровъ. Ваше превосходительство, я, можетъ, что и сказалъ по глупости.

Сосипатовъ (*перебивая его*). Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ! Чтобы твоя нога не смѣла больше здѣсь быть!

Живодеровъ *(почти уже упрашивающимъ голосомъ)*.
Позвольте покрайности къ барону зайти!.. Онъ, все,
словно, поразсудительнѣй!..

Сосипатовъ. И къ барону не смѣй заходити!
Ни одного гвоздя я тебѣ больше не дамъ вбить на
моихъ работахъ.

Живодеровъ *(въ свою очередь тоже уже разсердившись)*. Что-жь, Богъ съ вами!.. И безъ вашихъ
гвоздей проживемъ. *(Поворачивается и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VІІІ.

Сосипатовъ и Прокудинъ.

Сосипатовъ *(Прокудину)*. Это вотъ самая от-
вратительная сторона всякой торговой дѣятельности:
постоянно приходится наталкиваться на разочаро-
ваніе!.. Десять лѣтъ я этого подрядчика знаю; всегда
разумѣлъ за мужика хорошаго, умнаго и вдругъ ка-
кимъ скотомъ и грубіяномъ оказывается: наплуто-
валъ и навывжималъ изъ народа до полумилліона и
полагаетъ, что онъ всемъ ужъ равный и можетъ
всемъ говорить, что ему угодно. Взбѣсилъ такъ,
что дрожу даже весь, а это мнѣ вреднѣй всего!
*(Садится, беретъ себя за голову, и у него все лицо даже начи-
наетъ подергивать)*.

Прокудинъ *(ему съ участіемъ)*. Это нехорошо-съ,
нехорошо такъ волноваться, и когда я буду слу-
жить у васъ, въ этомъ отношеніи вы успокойтесь: я
ужъ съ этими господами стану разговаривать и у
меня на этотъ счетъ простая метода: какъ онъ за-
говорилъ очень и если нѣтъ свидѣтелей, на кото-

рыхъ бы можно было указать, что при семь находились, и прямо въ зубы!

Сосипатовъ. Именно, въ зубы!

Прокудинъ. Больше ничего-съ!... Я всегда и особенно съ жидами такъ и дѣлалъ: заведу его въ амбаръ за кули съ мукою—и за шейсы: трахъ, трахъ изъ стороны въ сторону,—сразу присмирѣетъ.

Сосипатовъ (*уже вставая*). И этотъ негодай струсилъ, когда я на него прикрикнулъ.

Прокудинъ. И очень даже!... Не смѣю болѣе беспокоить васъ!.. (*Раскланивается*).

Сосипатовъ. Позвольте, однако, записку вамъ дать впередъ до полученія вами акцій. (*Начинаетъ писать записку*).

Прокудинъ (*стоя у него за спиною*). Слава Богу, можно вамъ вѣрить и безъ записки! Имѣете это реноме! А главная просьба моя—облагодѣтельствовать меня службою и не ради корысти какой-нибудь, а ради занятій: вѣкъ свой привыкъ умственно быть занятъ!

Сосипатовъ (*подавая ему записку*). Первая же открывшаяся вакансія будетъ ваша.

Прокудинъ. Несказанно благодарю! Желаю вамъ полнаго здоровья и успокоенія! (*Еще разъ раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНЕ IX.

Сосипатовъ одинъ; потомъ лакей.

Сосипатовъ (*одинъ*). Генералъ сейчасъ видно, что человекъ умный... Понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: онъ прямо бросилъ на столъ 25 тысячъ. <Дѣ-

дайте съ ними, что вамъ угодно: я Сосипатова знаю — онъ геній всей Россіи! И почти правъ!... правъ! По крайней мѣрѣ я первый двинулъ въ русской жизни спекулятивный духъ!.. По настоящему, биржа должна мнѣ памятникъ воздвигнуть, какъ начинателю великаго дѣла! Ломоносовъ справедливо писалъ, что можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ российская земля рождать! (*Беретъ шляпу и перчатки*). Карету мнѣ!

ЛАКЕЙ (*вошедшій на этотъ зовъ*). Ненила Петровна желаетъ васъ видѣть!

СОСИПАТОВЪ. Но я сейчасъ уѣзжаю.

ЛАКЕЙ. Имъ не надолго-съ!

СОСИПАТОВЪ. Хорошо!.. (*Начинаетъ было надѣвать перчатки, но останавливается, увидя входящую Ненилу Петровну, которая, шла опираясь на руку м-г Шемуа и была въ какомъ-то истерзанномъ видѣ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сосипатовъ, Ненила Петровна и м-г Шемуа.

СОСИПАТОВЪ (*съ нѣкоторымъ уже испугомъ*). Что, ты больна, что-ли?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*трагическимъ голосомъ*). Нѣтъ!.. Но я пришла къ тебѣ просить убѣжища и защиты: я расхожусь съ мужемъ!

СОСИПАТОВЪ. Отъ чего?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*опускаясь въ кресло и беря себя за голову*). Я не въ состояніи тебѣ и передать!... М-г Шемуа, расскажите брату.

ШЕ МУ А (*пожимая плечами и по обыкновению своимъ отрывистымъ голосомъ*). C'est affreux!.. М-г Журленко сегодня дѣлаешь кулакъ... кричишь: «Ненилъ Петровна, ты дура... гдѣ твои деньги?... братъ укралъ твои деньги... я бью тебя!» Я всталъ... говорю: м-г, vous n'osez pas tuer votre femme!.. il prend... беретъ мои плеча... толкаетъ дверь меня... даетъ мнѣ боксъ *ici* (*показываетъ на шею*). Après cela il fermait la porte... замокъ щелкаетъ... запираетъ... Ненила Петровна кричишь... плачешь... J'ai perdu mon raison, говорю: garçons, люди! Они боятся... дрожатъ, и тутъ бѣжитъ Ненилъ Петровна... изъ лица кровь!

СОСИПАТОВЪ (*взглянувъ въ лицо сестры*). Билъ значитъ, онъ тебя?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Билъ; я уже другими дверями отъ него убѣжала.

СОСИПАТОВЪ. За то, что ты отдала мнѣ деньги?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Да; но тутъ было и другое. Я тебѣ сейчасъ скажу! М-г Шемуа, выйдите въ гостиную, я хочу остаться съ братомъ наединѣ.

М-г ШЕ МУ А (*уходя*). C'est affreux!... C'est incroyable!...

ЯВЛЕНИЕ XI.—

Сосипатовъ и Ненила Петровна; потомъ баронъ.

СОСИПАТОВЪ (*нетерпеливымъ тономъ*). Говори, что такое?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*тяжело переводя дыханіе*). Тутъ есть и ревность, и ревность совершенно справедливая!

СОСИПАТОВЪ. Къ кому ревность?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Къ ш-г Шемуа, котораго я люблю! (*Стыдливо потупляетъ при этомъ глаза*).

СОСИПАТОВЪ (*возмущенный и удивленный*). Ненила, въ твои годы?

НЕНИЛА ПЕТРОВНА. Постой, братъ, постой!.. Погоди укорять меня! Въ этомъ и ты отчасти виновать!.. Зачѣмъ-же ты меня, дѣвушку съ умомъ, съ чувствомъ, отдалъ за Журиленко?.. Вѣдь, онъ не человѣкъ!... Онъ кабанъ дикій! Я десять лѣтъ его терпѣла, но теперь больше силъ моихъ ужь не хватаетъ, и я тебя рѣшительно прошу позволить мнѣ съ нимъ разойтись и жить у тебя.

СОСИПАТОВЪ. Разумѣется, надобно разойтись! Нельзя же послѣ подобныхъ сценъ оставаться жить! Деньги твои все-таки однако хочу возвратить тебѣ!.. (*подходитъ къ слуховой трубѣ и говоритъ въ нее*). Просите ко мнѣ барона!

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*съ чувствомъ*). Нѣтъ, братъ, нѣтъ, не возвращай мнѣ денегъ!.. Не оскорбляй меня этимъ.

СОСИПАТОВЪ. Я долженъ возвратить! Болтовню твоего супруга, что я обокралъ васъ, я могу уничтожить только фактомъ возврата.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*стремительно*). Но клянусь тебѣ честью, что это было не столько за деньги, сколько за мой проступокъ, въ которомъ я почти не считаю себя виновною; я совершенно убѣждена, что очень не много въ мнѣ женщинъ, которыя въ

состояніи были-бы противустоять м-г Шемуа!.. Это человекъ самой возвышенной души! Сколько въ немъ поэзіи, благородства, этого рыцарства французскаго! Онъ очень въ этомъ отношеніи схожъ съ тобою. *(Входитъ баронъ)*

Сосипатовъ *(ему)*. Извините, Эдуардъ Карлычъ, что я васъ беспокою! Какой глупый случай вышелъ: супругъ сестры моей взбѣсился, зачѣмъ я взялъ ей деньги и кричитъ теперь, что я ихъ обокралъ, а потому я желаю возвратитъ имъ эти деньги назадъ.

Ненила Петровна. Но я, баронъ, не хочу этого и умоляю брата не возвращать мнѣ ихъ.

Сосипатовъ. Ты можешь умолять, но я тебя не послушаю! *(Барону)*. Распорядитесь, пожалуйста, если можно, сегодня-же передать ей всю сумму обратно.

Баронъ *(съ нѣкоторой разстановкой)*. Деньги эти собственно теперь уже издержаны: ихъ нѣтъ въ кассѣ.

Сосипатовъ *(немного удивляясь)*. На что-же такъ быстро потребовалось издержать ихъ?

Баронъ *(опять тѣмъ же нетерпеливымъ тономъ)*. Я взялъ ихъ на уплату себѣ по векселямъ моимъ.

Сосипатовъ *(уже болѣе удивленный)*. Но почему-же съ вашей стороны въ этомъ случаѣ была такая поспѣшность... и хоть деньги вами взяты, я всетаки просилъ бы васъ ссудить ими меня, пообождать нѣсколько уплатою по вашимъ векселямъ.

Баронъ. Нѣтъ-съ, я не могу этого сдѣлать.

СОСИПАТОВЪ. Баронъ, мнѣ даже странно слышать отъ васъ такой отвѣтъ.

БАРОНЪ. Онъ вамъ будетъ нестраненъ, если я вамъ объясню, что я совсѣмъ желаю выйти изъ вашего товарищества.

СОСИПАТОВЪ (*поблѣднѣвъ уже*). Вы?.. Выйти?

БАРОНЪ. Да!

СОСИПАТОВЪ (*почти испуганнымъ голосомъ*). Что такое, баронъ!.. Я васъ начинаю совершенно не понимать: вы за что-нибудь разсердились на меня или потеряли ко мнѣ довѣріе?

БАРОНЪ. Ни за что я на васъ не разсердился и нисколько не утратилъ къ вамъ довѣрія.

СОСИПАТОВЪ. Но что жъ васъ заставляетъ оставлять наши общія дѣла?

БАРОНЪ. Заставляетъ меня это сдѣлать и требуетъ даже отъ меня этого жена ваша!

СОСИПАТОВЪ (*окончательно пораженный удивленіемъ*). Какъ жена требуетъ?

НЕНИЛА ПЕТРОВЛА (*съ любопытствомъ*). Марья Александровна, вы говорите?

БАРОНЪ. Она!

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*пожимая плечами и въ сторону*). Тутъ что-то такое новое открывается: подозрѣнія мои, значить, были справедливы.

СОСИПАТОВЪ (*все еще не могий прийти въ себя*). Но съ какой-же стати жена требовала отъ васъ этого?

БАРОНЪ. Она говоритъ, что я врагъ всей вашей семьи.

СОСИПАТОВЪ. На какомъ же основаніи она это говоритъ?

Баронъ. Это уже вы ее спросите!

Сосипатовъ. Непремѣнно-съ!.. Сію-же минуту! (*Некиль Петровнъ*). Попросите сюда Марью Александровну. (*Та уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сосипатовъ и баронъ.

Сосипатовъ (*подходя къ барону и протягивая ему руку*). Но если бы и такъ это было, то неужели-же ваша дружба ко мнѣ, которой вы дали столько доказательствъ, могла поколебаться отъ какихъ-то капризныхъ женскихъ требованій.

Баронъ (*отвѣчая Сосипатову пожатіемъ руки и въ тоже время не глядя на него*). Марья Александровна, вѣроятно, не находитъ свое требованіе капризнымъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же. *Входятъ Марья Александровна и Невила Петровна. Послѣдняя становится въ сторону и начинаетъ ко всему внимательно присматриваться.*

Сосипатовъ (*строга жемъ*). Марья Александровна, вы поссорили меня съ барономъ!.. Отъ какихъ-то вздорныхъ словъ вашихъ онъ кидаетъ меня.

Марья Александровна (*по наружности какъ-бы спокойно*). Ахъ, я очень рада, что баронъ такъ скоро исполнилъ свое обѣщаніе.

СОСИПАТОВЪ *(почти уже выходя изъ себя)*. Но какъ же вы смѣли требовать отъ него этого обѣщанія?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Смѣла, потому что хочу этимъ спасти и тебя, и дѣтей, и самое себя!

СОСИПАТОВЪ. Но откуда-же и какимъ образомъ могло войти въ твою маленькую голову подобное подозрѣнiе?.. Ты становишься поперегъ пути всей моей жизни!.. Парализируешь всю мою двадцатилѣтнюю дѣятельность!

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Тебѣ не нужно никакой дѣятельности и прежде всего надо успокоиться...

СОСИПАТОВЪ *(топнувъ уже ногой)*. Не хочу я вашего успокоенія! Ты наконецъ врубаешься въ мой нравственный мiръ и хочешь тамъ хозяйничать, заставляя меня дѣлать то, что тебѣ угодно, а не мнѣ!.. Извольте сейчасъ же, на колѣняхъ, вымаливать у барона прощеніе!..

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(тоже уже съ вспыхнувшимъ отъ гнѣва лицомъ)*. Ты, кажется, съ ума сошелъ! Я не у кого въ мiрѣ не стану вымаливать прощенія!.. Я во всѣхъ поступкахъ противъ cadaго права и чиста! Баронъ очень хорошо знаетъ, почему я считаю его врагомъ всего нашего семейства!

СОСИПАТОВЪ. Вы знаете это, баронъ?

БАРОНЪ. Отчасти.

СОСИПАТОВЪ. И вы дѣйствительно врагъ моей семьи и мой врагъ?

БАРОНЪ. Больше всѣхъ вашъ.

СОСИПАТОВЪ *(пораженный)*. Но за что же?

БАРОНЪ. За то что вы слишкомъ долго злоупотребляли мной: я работалъ, а вы на этомъ бо-

гатѣли, и славу себѣ приобрѣтали!.. Теперь ужь я хочу позаботиться объ себѣ и больше этого никакого другаго объясненія дать не могу (*раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, *кромя барона.*

Сосипатовъ (*немогшій окончательно прийти въ себя*). Что такое онъ тутъ наговорилъ?.. Онъ работалъ, а я этимъ только прославлялся!..

Марья Александровна. Конечно, онъ очень много дѣлалъ и трудился!..

Сосипатовъ. А я что-же?.. Такъ уже?.. ни чего?.. Пѣшкой, что-ли, стоялъ у дѣлъ?

Марья Александровна. Не пѣшкой!.. Напротивъ! Я всегда очень хорошо знала и даже барону въ глаза говорила, что ты по своему уму неизмѣримо выше его; но ты человѣкъ непрактичный и фантазеръ; а кромѣ того теперь ужь и боленъ.

Сосипатовъ (*взбѣшеннымъ голосомъ*). Я еще разъ прошу васъ не анализировать меня!.. Не вашего ума, важется, это дѣло!.. Коротокъ онъ для этого!

Ненила Петровна. По моему тоже: чтобы такъ судить рѣшительно, надо имѣть большую смѣлость.

Марья Александровна (*со слезами уже на глазахъ*). Я сужу мужа по моей любви къ нему, а не изъ пустаго чехвальства, какъ дѣлаете это вы!

Сосипатовъ (*жестъ*). Извольте молчать и завтра-же приготовьтесь уѣхать съ дѣтьми въ деревню!..

Вы не можете здѣсь оставаться!.. Вы мнѣ мѣшаете. Я теперь возьму себѣ другихъ помощниковъ, вы и съ тѣми, можете быть, найдете нужнымъ разсориться... Сестра у меня въ настоящее время остается жить, вамъ и то будетъ непріятно, потому что вы всегда съ нею въ какой-то контрѣ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*глубоко оскорбленная*).
Мнѣ дѣйствительно лучше уѣхать, если ты такъ меня понимаешь; но Богъ видитъ мое сердце и знаетъ, какъ ты несправедливъ противъ меня! (*Уходитъ окончательно расплакавшись*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Сосипатовъ и Ненила Петровна.

СОСИПАТОВЪ. Она-же плачетъ!.. Она-же!.. Сама тутъ надурила, убила и умертвила, я все таки скажу, лучшую половину нашего дѣла, разсоривъ меня съ барономъ.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*тайнственно перебивая брата*).
Ну, ты этому радуйся скорѣе, Базиль.

СОСИПАТОВЪ. Никакъ ужъ я тому не могу радоваться... Никакъ...

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*неистово*). Радуйся!.. Неужели ты думаешь, что это такъ... безъ причинъ произошла между Марьей Александровной и барономъ ссора?

СОСИПАТОВЪ. Почему же я знаю эти причины.

НЕНИЛА ПЕТРОВНА (*усмѣхаясь*). Потому что ты мало знаешь женщинъ!.. Ясно, что тутъ прежде была любовь, а потомъ послѣдовалъ разрывъ.

Сосипатовъ. Можетъ быть, и то; но тогда мнѣ новый поводъ удалить ее въ деревню... Теперь вотъ что (*береть себя за голову*). Скажи: этотъ Шемуа... Онъ какъ-то тутъ проговаривалъ, что прїѣхалъ въ Россію съ какими-то коммерческими цѣлями.

Ненила Петровна. Да, онъ желалъ бы занять какое-нибудь видное мѣсто по коммерческой части.

Сосипатовъ. Стало бытъ онъ знакомъ съ этого рода дѣятельностью?

Ненила Петровна. Всю жизнь ею занимался! и при томъ онъ очень уменъ!

Сосипатовъ. Онъ уменъ, и я хочу ему вмѣсто барона поручить весь иностранный отдѣлъ, а потому у меня сейчасъ былъ генералъ, тоже, долженъ быть, человѣкъ со смѣткой... Я составлю себѣ товарищество не хуже, чѣмъ съ барономъ...

Ненила Петровна. Конечно... Неужели то, что ты разошелся съ какимъ-то нѣмчурой—это можетъ поколебать твое положеніе.

Сосипатовъ. Никто и ничто не можетъ поколебать меня!.. Наперекоръ Марьѣ Александровнѣ и барону я могу еще работать: голова моя полна замыслами! Я докажу и имъ, и всему міру, что такое Сосипатовъ!

Ненила Петровна (*совершенно искреннимъ тономъ*). Разумѣется, докажешь!..

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

Богатый кабинетъ барона Кергофа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Баронъ и баронесса, *одѣтая въ бальное платье; по-
томъ лакей.*

Баронесса (*обращаясь къ мужу съ сердитымъ и не-
довольнымъ лицомъ*). Что жь, по твоему, я одна должна
ѣхать въ концертъ?

Баронъ. Почему-жь тебѣ и не ѣхать? Ты не
молоденькая!

Баронесса (*съ удареніемъ*). Но и не старенькая!
Не старенькая!.. Наконецъ, если ты такъ смотрѣлъ
на семейную жизнь, зачѣмъ-же ты женился?

Баронъ. Вы знаете причину, по которой я на
васъ женился; я никакъ ужь не искалъ счастія
имѣть васъ моею супругой, а хотѣлъ только дать
имя ребенку, котораго, вы говорили, что носите подъ
сердцемъ, тогда какъ это была совершенная ложь.

Баронесса (*вспыхнувъ отъ гнѣва*). Нѣтъ, это
была не ложь!.. Ты не смѣешь мнѣ это говорить!
Мало-ли женщинъ, которыя думаютъ, что онѣ бу-

дутъ матерями, и Богъ не даетъ имъ этого счастья; но какъ бы то ни было, ты теперь мнѣ мужъ, и я не содержанка твоя.

Б А Р О Н Ъ. Все равно, была же ею прежде!

Б А Р О Н Е С С А. Мало-ли кто чѣмъ былъ; но ты тѣмъ болѣе долженъ поднимать и возвышать меня въ обществѣ своимъ вниманіемъ и уваженіемъ!.. Вонъ, даже Ненила Петровна, которой я очень мало рассказывала про свою семейную жизнь и которую ужь тоже мужъ не баловаль — билъ даже ее — и та говорить, что лучше быть женой подобнаго дикаго кабана, чѣмъ барона!

Б А Р О Н Ъ. Я эту Ненилу Петровну еще упрячу въ тюрьму за всѣ ея гнусности, которыя она творить въ послѣднее время.

Б А Р О Н Е С С А. И все это, безъ сомнѣнія, за m-ше Сосипатову?

Б А Р О Н Ъ (съ удареніемъ). Именно за Сосипатову.

Б А Р О Н Е С С А. Конечно!.. Конечно!.. Но, къ сожалѣнію, та нисколько не отвѣчала вамъ и выгнала даже васъ изъ своего дома; а если бы она хоть только улыбнулась вамъ, вы готовы были-бы въ огонь и воду. Не знаю только, какія достоинства вы видѣли и видите въ ней.

Б А Р О Н Ъ. Достоинство, какое не у многихъ женщинъ въ настоящее время есть.

Б А Р О Н Е С С А. Какое это такое, желала бы я знать?

Б А Р О Н Ъ. Чистая, безупречная жизнь.

Б А Р О Н Е С С А. Ну да, такъ вотъ и увѣрите!. Весь городъ знаетъ, что она съ вами была въ связи, и только разгнѣвалась за то, что мало денегъ да-

валь... Но, положимъ, она дѣйствительно, какъ вы позволите увѣрять, нравственна; но прежде еще надобно рѣшить вопросъ, что такое эта нравственность?.. Нынче совсѣмъ иначе на это смотрятъ: если какая-нибудь женщина холоднаго темперамента, та будетъ нравственна, а если пылкая, такъ нѣтъ, особенно когда мужъ ея не любитъ! (*порывисто звонитъ. Входитъ лакей*). Скажи молодому человѣку, который у насъ живетъ внизу, что если онъ одѣтъ и готовъ ѣхать въ концертъ, такъ пришелъ бы ко мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Баронъ и баронесса; потомъ м-г Шулькинъ.

Баронъ (*взбѣсившись*). По крайней мѣрѣ принимай ты эту дрянъ у себя, на своей половинѣ.

Баронесса. Извините, я нарочно при васъ даже стану съ нимъ кокетничать!.. Вамъ что до этого? Вы не любите меня.

Баронъ. Отвяжись ты отъ меня съ твоей любовью!.. Вспомни свои лѣта и взглянись въ зеркало: неужели можетъ кто любить тебя такъ, какъ ты того желаешь? Одна штукатурка твоя...

Баронесса. Полюбить еще, сдѣлайте одолженіе, полюбятъ! И потомъ: какъ ты смѣешь такъ выражаться: штукатурка! Я притираюсь, какъ и всѣ почти женщины нынче это дѣлаютъ, а не щеко-турюсь. А, вотъ и м-г Шулькинъ. Такъ какъ мужъ мой не ѣдетъ со мной въ концертъ, то я васъ приглашаю быть моимъ кавалеромъ и ѣхать со мной въ каретъ—угодно?

М-г Шулькинъ. Очень радъ.

Б А Р О Н Е С С А (*вспрено помахивая своимъ вѣеромъ*). А потому послѣ концерта... я не знаю еще, въ какомъ настроеніи я буду; но мы, можетъ-быть, поѣдемъ съ вами ужинать къ какой нибудь отель.

М-г Шулькинъ. Если вамъ угодно!

Б А Р О Н Е С С А. А теперь дайте мнѣ вашу руку. (*Шулькинъ подаетъ ей руку. Баронесса, опираясь на нее и обращаясь къ мужу*). Мы ужъ уѣзжаемъ и надѣюсь, что весело проведемъ время!.. Желаю, чтобы и для тебя также оно пріятно прошло! (*уходитъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Баронъ одинъ; по временамъ входитъ лакей. Позже входитъ Персиковъ, видимо человѣкъ свѣтскій и не очень ужъ молодыхъ лѣтъ.

Б А Р О Н Ъ (*съ бѣшенствомъ и насмѣшкою*). Никакого терпѣнія не хватаетъ жить съ этой женщиной!.. Всѣмъ этимъ безобразничаньемъ своимъ она ревность хочетъ возбудить во мнѣ, не зная того, что я озолотилъ бы всякаго, кто-бы только стяжалъ ея любовь и отвратилъ-бы ея сердечный пламень отъ меня на себя! (*входитъ лакей*).

Л А К Е Й (*подавая барону письмо*). Отъ г-жи Сосипатовой.

Б А Р О Н Ъ (*съ удивленіемъ и почти съ испугомъ*). Какъ отъ Сосипатовой?.. По почтѣ?

Л А К Е Й. Никакъ нѣтъ-съ!.. Человѣкъ его принесъ.

Б А Р О Н Ъ. Откуда?

Л А К Е Й. Изъ дома г-на Сосипатова! Камердинеръ Василья Петровича! Отъ проситъ дать ему отвѣтъ.

БАРОНЪ (*торопливо прочитавъ письмо и взволнованнымъ голосомъ*). Пусть онъ скажетъ Марьѣ Александровнѣ, что я дома и что очень радъ ее видѣть! (*лакей уходитъ. Баронъ тѣмъ же взволнованнымъ тономъ*). Пріѣхать ко мнѣ за чѣмъ-то желаетъ! Ужъ не случилось-ли тамъ бѣды какой! А Персикова до сихъ поръ нѣтъ: хотъ бы отъ него узнать! (*громко звонитъ, вбѣгаетъ прежній лакей*) Послать сейчасъ верховаго за Персиковымъ къ нему на квартиру... въ театр!..

ЛАКЕЙ. Г-нъ Персиковъ здѣсь и играютъ съ управляющимъ на билліардѣ.

БАРОНЪ. Фу, ты, Боже мой, что это за человѣкъ!.. Поди, зови, веди его сюда скорѣй. (*Лакей уходитъ*). Я его жду, Богъ знаетъ съ какимъ нетерпѣніемъ третій день, — а онъ играетъ съ моими лакеями на билліардѣ! (*Баронъ вошедшему Персикову*). Вамъ, Персиковъ, я думаю, прежде слѣдовало-бы идти ко мнѣ, чѣмъ въ билліардную.

ПЕРСИКОВЪ (*совершенно безсичнымъ тономъ*). Pardou, mon cher! но я сыгралъ только партію съ твоимъ управителемъ! Смотрѣть, какъ этотъ господинъ дѣлаетъ шары—просто эстетическое наслажденіе!.. Запоздалъ-же я собственно къ тебѣ потому, что княгиня Рымкова клятвой меня связала быть у ней сегодня въ шесть часовъ!.. Къ ней пріѣхалъ братецъ посланникъ, а у ней рѣшительно некому занимать его, такъ что я обѣдалъ у нихъ и до сихъ поръ болталъ.

БАРОНЪ (*въ досадоѣ*). Богъ мнѣ съ ними, съ вашими посланниками!.. Скажите лучше, что дѣло Сосипатова.

ПЕРСИКОВЪ (*сидя въ кресло и разваливаясь въ немъ*). Все, все, сейчасъ по порядку расскажу! Я тогда

прямо проѣхалъ въ одну кофейную, гдѣ, какъ водится, нашелъ Мишу!.. Я ему рассказалъ все, что ты мнѣ говорилъ... Милѣйшій этотъ человѣкъ въ тоже утро оповѣстилъ другихъ, нужныхъ по закону членовъ, такъ что къ вечеру была окончательно организована вся комиссія и положено было не медля ѣхать къ Сосипатову на дачу...

Б а р о н ъ. Зачѣмъ на дачу? Развѣ онъ тамъ?

П е р с и к о в ъ. Тамъ!.. Они его туда перевезли, чтобы посекретнѣе держать, а то въ городѣ, говорятъ, онъ у нихъ очень дурилъ, и дача эта чортъ знаетъ какъ далеко—версты три отъ города!.. Хорошо, что еще ночь мѣсячная случилась и мы рѣшительно какой-то набѣгъ непріятельскій учинили. Впереди у насъ летѣлъ полицмейстеръ съ бѣлымъ султаномъ!.. За нимъ доктора въ каретѣ и сзади ихъ въ четверо-мѣстной коляскѣ мы, т. е. я, Миша и два судебные члена.

Б а р о н ъ. Но какъ же вы въ комиссіи очутились?

П е р с и к о в ъ. Въ качествѣ репортера, какъ репортеръ газетный! Я, вѣдь, цензоръ и наблюдатель нравовъ и долженъ всюду и вездѣ бывать!.. Сценъ, я тебѣ скажу, мы насмотрѣлись восхитительныхъ. Imaginez: дача въ глухомъ, тѣнистомъ саду... собаки на дворѣ лаютъ... мы стучимся въ нѣсколько кулаковъ... наконецъ намъ отпираютъ; спрашиваютъ, что мы за люди... мы говоримъ: «именемъ закона пропускайте насъ!..» идемъ!.. первая встрѣчаетъ насъ Ненила. Щеки у нея дрожатъ, губы дрожатъ, пейсы ея, которые она, вѣроятно, считаетъ за букли, дрожатъ и вообще выраженіе всей физиономіи таково, что еслибы она въ эту минуту плюнула, то ея

слюна, я убѣжденъ, по своей ядовитости, провертѣла-бы паркетъ! «Чему мы — говорить — обязаны такимъ позднимъ вашимъ посѣщеніемъ?» Миша ей на это очень спокойно объяснилъ, что до свѣдѣнія правительства дошло, что Василій Петровичъ Соснатовъ находится въ такомъ сильномъ, нервномъ разстройствѣ, по которому его необходимо освидѣтельствовать въ умственныхъ способностяхъ!.. *Comprenez vous*: физиономія у Ненилы окончательно вытянулась. «Съ какого же повода, говорить она, это свидѣтельствованіе?.. Отъ родныхъ и людей, близкихъ Василью Петровичу, сколько ей извѣстно, ходатайства о томъ не было!» На это ей отвѣтили, что объ этомъ ходатайствуетъ одинъ изъ кредиторовъ Василья Петровича, баронъ Кергофъ!.. «Баронъ Кергофъ,—говорить,—злѣйшій врагъ Василья Петровича и на это можетъ представить доказательства жена брата, за которой, говорить, я сейчасъ пошлю!» И дѣйствительно послала...

Баронъ. Стало быть, Марья Александровна тамъ-же, съ нимъ живетъ.

Персиковъ (*восклицаетъ*). Нѣту!.. У нихъ предъ тѣмъ только была цѣлая исторія: они сначала Марья Александровны совсѣмъ не пустили къ мужу. Этотъ м-г Шемуа, любовникъ Ненилы, когда Марья Александровна пріѣхала съ желѣзной дороги, вышелъ къ ней и прямо объявилъ, что Василій Петровичъ не желаетъ ее видѣть во всю свою жизнь, такъ что съ бѣдной женщиной стало дурно; она упала въ обморокъ.

Баронъ. Ахъ, негодяи какіе!

Персиковъ. Классическіе! я тебя говорю... Но ты еще послушай, дальше интереснѣе будетъ.

Когда мы, не смотря на всѣ преграды, воздвигаемыя намъ Ненидой, которая только-что юбки предъ нами не растопыривала, всетаки проикли въ большой кабинетъ Василья Петровича, видимъ тамъ, что онъ, при единственной стеариновой свѣчкѣ, бесѣдуетъ съ этимъ глухонѣмымъ американцемъ-медіумомъ, который вызываетъ ему духовъ въ какомъ угодно количествѣ, а Сосипатовъ предлагаетъ имъ разные финансовые вопросы на разрѣшеніе.

Баронъ. Что за чепуха такая?

Персиковъ. Увѣряю тебя!.. Полицимейстеръ, разумѣется, сейчасъ-же попросилъ удалиться этого духовызывателя. Я сначала думалъ: хорошо было-бы его задержать, такъ какъ онъ можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ, что Сосипатовъ снятилъ съ ума... Я говорю объ этомъ доктору... «Чорта съ два, — говоритъ, — какое-же это доказательство, когда милліоны людей вѣрятъ этому!»...

Баронъ. А самъ Сосипатовъ удивился вашему посѣщенію?

Персиковъ. Нисколько! Даже когда Миша объявилъ ему, что онъ желалъ бы получить отъ него нѣсколько письменныхъ отвѣтовъ, Сосипатовъ весьма вѣжливо и покойно отвѣчалъ: «извольте, я готовъ!» И первоначально сталъ писать отвѣты совершенно умные, даже умнѣ самыхъ вопросовъ, и только ужь, когда докторъ замѣтилъ ему, что такъ какъ у него сильное разстройство нервъ, то, вѣроятно, ему трудно заниматься коммерціей!.. Батюшки мои, онъ и пошелъ, и пошелъ!.. «Я, говоритъ, геній коммерческой; только меня всюду окружаютъ мошенники!».. Правительству тоже порядкомъ досталось.

Наконецъ, говорить, что онъ для спасенія своего финансоваго имени намѣренъ объявить себя банкротомъ и что это повелѣлъ ему сдѣлать одинъ изъ вызванныхъ для него духовъ.

Баронъ. И что же, онъ все это написалъ?

Персиковъ. Отъ слова до слова и коммиссія тутъ-же постановила свое заключеніе, что считаетъ его сумашедшимъ.

Баронъ. Но надобно однако, чтобы сенатъ утвердилъ это.

Персиковъ. Да, я тебѣ и это охлопочу очень скоро!.. Сенаторы мнѣ всѣ знакомы и отличнѣйшій народъ, а это дѣло чисто какъ кристалль.

Баронъ. Благодарю васъ несказанно.

Персиковъ. О, mon cher, стоитъ благодарить за это! Я даже еще статью по этому поводу вчера ночью изготовилъ, гдѣ доказываю всю законность и непреложность твоего права требовать это свидѣтельство, потому что тѣ господа конечно ужь съ своей стороны выдвинуть цѣлую фалангу нашего брата, которые будутъ развивать, что это варварство домогаться освидѣтельствванія челоуѣка въ умственныхъ способностяхъ потому только, что онъ кому-нибудь денегъ не платитъ, о чемъ ужь ш-г Шемуа, какъ мнѣ рассказывали, и заявилъ въ клубъ, что это, по французской гуманнтѣ — нельзя!.. Гуманёръ какой: пріѣхалъ изъ Парижа и прямо запустилъ лапу въ милліонное состояніе!..

Баронъ. Говорятъ, онъ Ненилу сильно обираетъ.

Персиковъ (почти съ азартомъ). Тысячи она на него переводитъ!.. Сотни тысячъ!.. Я тебѣ говорю: послѣднее время я рѣшительно начинаю вѣрить, что

одни люди рождаются подъ счастливою звѣздой, а другіе подъ несчастной!.. Возьму въ примѣръ себя: сколько женщинъ меня любило и женщинъ богатыхъ, но ни одна изъ нихъ запонки брилліантовой мнѣ не подарила!

Баронъ. Но вы, вѣроятно, и не приняли бы такого подарка.

Персиковъ. Конечно, не принялъ, потому что мы люди всетаки не нынѣшняго, а прежняго, нѣсколько идеальнаго направленія; но что-жъ изъ того выходитъ: и живешь нищимъ, вѣдящимъ въ каретѣ; а это тяжело!.. У меня вонъ печенка вся сгнила... Я высохъ, какъ лимонъ!.. Не отъ радости-же, въ самомъ дѣлѣ, я нишу фельетоны: будь у меня хоть сколько-нибудь обезпеченное состояніе, я скорѣе бы руку себѣ отрубилъ, чѣмъ строчку печатную написалъ! Я всетаки человѣкъ порядочно воспитанный и очень ясно сознаю, что такое наша братья фельетонисты? Это тѣже торговки, которыя бѣгали прежде по разнымъ богатымъ домамъ и разносили новости.

Баронъ (*усмѣхаясь*). Зачѣмъ же такое самсунженіе! Вы всетаки проводите мысль какую-нибудь.

Персиковъ (*снова съ азартомъ*). Поди ты,—мысль проводимъ! Мы всѣ пытаемся кой-какими фактишками и скандалами, да и тѣхъ иногда нѣтъ. Вотъ хорошо, что на нынѣшней недѣлѣ дѣло этого Сосипатова случилось, а то иногда цѣлый мѣсяць зарядитъ—ничего! А между тѣмъ въ передней, у тебя каждую пятницу торчитъ эта грубая скотина разсылный изъ типографіи: «Давайте, ваше высокородіе, фельетоны!» Просто, я тебѣ говорю, каторга и пытка, а не жизнь!

Баронъ. Но отчего же заграницей фельетонисты, съ которыми я только былъ знакомъ, совершенно довольны своимъ положеніемъ?

Персиковъ. Чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ они такъ довольны! Преимущество ихъ, конечно, въ томъ, что каждый изъ нихъ всю жизнь можетъ говорить въ одномъ духѣ, т. е. быть публично честнымъ человѣкомъ: онъ торчитъ при какой-нибудь газетѣ, которая служитъ выраженіемъ извѣстной партіи и какъ кукушка поетъ свою пѣсню. А у насъ и того нельзя! У насъ вдругъ г-нь редакторъ призываетъ васъ къ себѣ и начинаетъ съ благороднымъ негодованіемъ распевать. «Такъ-съ писать нельзя: у васъ нѣтъ чутья къ общественному настроенію!» Что такое? думаешь; начинаешь стороной узнавать... оказывается, что прежде субсидію онъ получалъ отъ одного господина, а теперь перебѣжалъ къ другому. Вотъ и угадывай это настроеніе.

Баронъ. Значить, вмѣстѣ съ нимъ и вамъ надо поворачивать въ другую сторону!

Персиковъ. Надо! и поворачиваемъ, потому что, иначе, кушать, жрать будетъ нечего. Но это еще ничего, продавалъ-бы себя, какъ умная кокотка, за порядочную цѣну, а то за гроши какіе-то. Помнишь вотъ по этому... по Сосипатовскому предпріятію, я у тебя тысячи четыре перебралъ,—цыфра, кажется, порядочная; но надо знать, много-ли мнѣ изъ нея попало? Вся львиная часть ушла по редакціямъ, гдѣ мнѣ прямо говорили, что онѣ вовсе не обязаны дѣлать другимъ услуги, не извлекая себѣ изъ того пользы.

Баронъ. По моему, въ этомъ случаѣ онѣ совершенно правы!

Персиковъ. Нѣтъ, не правы: потому что онѣ такимъ образомъ должны хвалить всякаго мерзавца. Ну, и стяжали себѣ славное общественное мнѣніе; такъ что, по милости ихъ, совѣстно въ обществѣ показаться. Миѣ на дняхъ одинъ желѣзнодорожникъ встрѣтился въ театрѣ и чрезъ весь партеръ кричить: «скажите — говорить — вашему принципалу, чтобы онъ меня поддерживалъ: я ему за это деньги хорошія заплачу!» *(Входитъ лакей).*

Лакей. Марья Александровна Сосипатова пріѣхала.

Баронъ *(съ замѣтнымъ волненіемъ)* Проси или нѣтъ, погоди, постой.

Персиковъ. Вѣроятно, она пройдетъ къ баронессѣ въ гостиную.

Баронъ. Баронессы дома нѣтъ! Она на этомъ сегодняшнемъ знаменитомъ концертѣ.

Персиковъ *(ударяя себя по лбу)*. Ватюшки, я непременно тоже долженъ быть тамъ, какъ лицо подкупленное: третьяго дня я обѣдалъ у этой божественной примадонны, и она накормила меня макаронами à l'italien и русскими рубцами съ чеснокомъ, — чудо что такое! Прощай! *(Быстро уходитъ).*

Баронъ *(лакею)*. Проси сюда ко мнѣ Марью Александровну. *(Лакей уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Баронъ одинъ, потомъ Марья Александровна; позже Баронесса.

Баронъ *(беря себя за голову)*. И не вѣрится блаженству, что я еще ее увижу и буду съ ней разго-

варивать! (*Входитъ Марья Александровна. Баронъ встрѣчаетъ ее и сначала было радостнымъ голосомъ*). Здравствуйте, Марья Александровна, какъ я радъ васъ видѣть!... (*протягиваетъ ей руку; но Марья Александровна отвѣчаетъ ему однимъ только легкимъ поклономъ. Баронъ, видимо, сконфуженный этимъ, уже молча пододвигаетъ ей кресло. Она садится. Баронъ тоже садится. Проходитъ нѣсколько времени въ молчаніи*).

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*трепещущимъ нѣсколько голосомъ*). Я въ вамъ по порученію отъ родныхъ моего мужа и привезла пять тысячъ, которыя долженъ вамъ Василій Петровичъ. Прошу васъ уничтожить вашъ вексель.

БАРОНЪ. Съ какой-же цѣлью родные вашего мужа такъ желаютъ уничтожить мой вексель?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Это не они одни желаютъ; но и я тоже: вы, пользуясь этимъ векселемъ, требовали освидѣтельствванія мужа въ сумашествіи, а это его убило окончательно. И мы по-этому хотимъ отнять у васъ это право.

БАРОНЪ. Права этого нельзя у меня отнять: я уже имъ воспользовался!

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*саркастически усмѣхалась*). И вы до такой степени преслѣдовали вашего прежняго друга изъ единственнаго опасенія потерпѣть маленькій убытокъ въ вашемъ дѣлѣ.

БАРОНЪ. Изъ какихъ опасеній я это дѣлалъ, вы узнаете потомъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Во всякомъ случаѣ они совершенно излишнія: мужъ мой объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а потому распорядятся его состояніемъ будетъ не самъ онъ, а конкурсъ.

БАРОНЪ. Уже объявилъ? И какъ я слышалъ,

онъ исполнилъ, въ этомъ случаѣ, приказаніе духа, котораго вызвалъ ему Тонель.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Не знаю, приказывалъ ли ему это духъ, но онъ сдѣлалъ это потому, что долги его превышаютъ состояніе.

БАРОНЪ. Ктожь вамъ это говорилъ? Самъ Василій Петровичъ?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*сконфузившись*). Нѣтъ, не онъ! Мужа я еще не видала; но мнѣ это говорили его главный управляющій генералъ Прокудинъ и Ненила Петровна. Она показывала даже цифру: на Васильѣ Петровичѣ около двухъ милліоновъ долгу.

БАРОНЪ (*усмѣхаясь*). Не много насчитали! И весь этотъ долгъ, вѣроятно, раздѣленъ между Шемуа, Ненилой Петровной и ея супругомъ, который безпрестанно требуетъ ее къ себѣ, и она откупается отъ него векселями брата.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Не имъ однимъ, но и на мое имя есть вексель во сто тысячъ!

БАРОНЪ (*уже съ испугомъ*). И вы взяли этотъ вексель, приняли его?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Взяла, желая сбечь для себя хоть маленькую частичку состоянія.

БАРОНЪ (*все болѣе и болѣе съ волненіемъ и уже вставая съ своего стула*). Ничего онъ вамъ не спасетъ и не можетъ спасти!... Вотъ смотрите (*беретъ со стола книжку законовъ, раскрываетъ ее и бьетъ по раскрытой страницѣ рукою*). Существуетъ прямая статья закона, по которой, если кто объявилъ себя несостоятельнымъ, то все, что имъ за послѣднія десять лѣтъ передано женѣ, отбирается отъ нея!

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Но это не отъ

мужа ко мнѣ перешло! Это мои приданыя деньги, которыя были у него въ дѣлахъ.

Баронъ. Знаю-съ это я, но какъ и чѣмъ вы это докажете!.. Теперь другое вадо дѣлать... Всѣ эти Шемуа и Прокудины нарочно васъ втягиваютъ, чтобы лишить меня возможности преслѣдовать ихъ уголовнымъ судомъ, и когда вы возьмете этотъ вексель, вы сами будете такой-же преступницей какъ и они, потому что всѣ векселя, выданные въ послѣднее время Васильемъ Петровичемъ, безденежные и взяты отъ сумашедшаго человѣка.

Марья Александровна (*поблѣднѣвъ и съ испу-
ломъ*). Сгало быть, послѣ этого я должна остаться нищей, безъ всякаго состоянія.

Баронъ. Я спасу вамъ все ваше состояніе! Только слушайте меня! Я нарочно сохранилъ мой пустой векселишка, чтобы не устраниваться окончательно отъ дѣлъ Василья Петровича. Я заранѣе предчувствовалъ, что все это будетъ происходить!.. Прежде всего вы скажите отъ моего имени его главному управляющему, что я не беру уплаты по моему векселю, и пусть онъ самъ объясняется со мной объ этомъ. Про вашъ-же вексель прямо объясните, что вы считаете его безденежнымъ и по этому не принимаете.

Марья Александровна (*смущеннымъ тономъ*). Вашъ совѣтъ, баронъ, такъ рѣшительнъ, что мнѣ, согласитесь, трудно разомъ и не подумавъ послѣдовать ему, тѣмъ болѣе, что я не знаю еще, насколько онъ искрененъ.

Баронъ. Да, Господи, новѣрьте мнѣ хоть одинъ разъ въ жизни! Вы давно уже видите во мнѣ ка-

кого-то врага вашего, тогда какъ я питаю къ вамъ самую горячую и чистую любовь. Я не избалованъ женщинами!.. Вы знаете, на какомъ чудовищѣ я женатъ, а потому мудрено-ли, что вы мнѣ представляетесь какимъ-то ангеломъ святымъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*уже съ недовольнымъ лицомъ*). Баронъ, въ такія минуты подобныя объясненія!

БАРОНЪ. Это не объясненія, нѣтъ, это мольба, чтобы вы хоть въ то время, когда на волоскѣ все ваше состояніе, мнѣ довѣрились. Я бы желалъ теперь Богъ знаетъ обладать какимъ краснорѣчіемъ, чтобы убѣдить васъ въ себѣ!.. Неужели-же мои глаза полные, какъ вы видите, слезъ, мои дрожація руки и умоляющій голосъ, все это притворство?.. И для чего оно? Мужа вашего окружаетъ цѣлая шайка негодяевъ, которые, разумѣется, боятся васъ и ненавидятъ!.. Одинъ вамъ преданный человекъ—я, но мнѣ-то именно вы и не вѣрите!..

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*вдругъ оборачивая къ нему голову*). Нѣтъ, баронъ, я вамъ начинаю вѣрить! Если ужъ вы меня обманываете, что-жь послѣ того! (*протягиваетъ ему руку, которую баронъ почти страстно начинаетъ цѣловать; въ это время въ дверяхъ показывается баронесса, разсвирѣпълая какъ тигрица*).

БАРОНЕССА (*почти задыхающимся голосомъ*). Прекрасная сцена!.. Превосходная!.. Персиковъ не обманулъ меня! (*мужу*). Впрочемъ я и сама предчувствовала, почему ты не хотѣлъ со мной ѣхать въ концертъ?

БАРОНЪ (*тоже взбѣсившись*). Какъ ты смѣешь входить въ кабинетъ, когда тебѣ только вздумается?

БАРОНЕССА (*уже насмѣливо*). Скажите, я въ

своемъ домѣ не могу входить, куда мнѣ угодно. Скорѣй ты уѣзжай, куда хочешь, и назначай тамъ себѣ свиданья! (*Сосипатовой*). А вамъ, сударыня, самимъ предоставляю назвать вашъ поступокъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Тутъ нѣтъ никакого поступка съ моей стороны... Вы ошибаетесь.

БАРОНЕССА. А что-же это по вашему: пріѣхать къ мужчинѣ прежнему вашему поклоннику, ночью, когда онъ выпроводилъ жену свою?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Я пріѣхала къ барону по дѣламъ съ нимъ объясниться.

БАРОНЕССА. Да-съ, извольте видѣть, мы должны вамъ вѣрить во всемъ: вы женщина чистая, нравственная, мы только порочныя и безнравственныя!..

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Не понимаю, что такое вы говорите!

БАРОНЪ (*ей*). И не слушайте этой безумицы... Я завтра по утру пріѣду къ вамъ и подробно вамъ объясню, какъ вамъ дѣйствовать,—слушаетесь-ли вы только меня?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да, слушаюсь.

БАРОНЕССА (*ей*). Я вамъ не позволю его слушаться и принимать его къ себѣ!.. Я требую отъ васъ этого, какъ жена его, какъ женщина, которую онъ всетаки обязанъ любить!..

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Успокойтесь, баронесса, пожалуйста, успокойтесь! Я совершенно для васъ безопасна; я слишкомъ немолода и слишкомъ несчастна, чтобы быть чьей-нибудь соперницей! До свиданія, баронъ! (*протягиваетъ ему руку, которую тотъ цѣлуетъ и идетъ провожать Сосипатову*).

БАРОНЕССА (*на авашень и въ*) большинство сжимаетъ

кулаки). Я убью эту женщину!.. Что жь дѣлать: я сознаюсь, что я ревнива!.. Это мой порогъ! Я завтра-же пойду къ ней и избью ее! (*Баронъ возвращается на авансцену*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Баронъ и баронесса.

Б А Р О Н Е С С А. Что-жь ты уморить меня хочешь? Непремѣнно на это рѣшился?

Б А Р О Н Ъ (*хладнокровно садясь за столъ*). Да, плакать бы много не сталъ, еслибы умерла.

Б А Р О Н Е С С А (*съ азартомъ*). Такъ нарочно, на зло вамъ, не умру: буду жить и веселиться! Вотъ сейчасъ-же позову Шулькина и поѣду съ нимъ на тройкѣ!

Б А Р О Н Ъ (*тѣмъ-же хладнокровнымъ тономъ*). Скатертью дорога!

Б А Р О Н Е С С А. Да, я знаю, вы счастливы даже отъ этого будете; но только вы и тутъ ошиблись: я вовсе не такая развратница, какъ ваша Сосипатова, и теперь дѣйствительно поѣду, только къ жандармскому полковнику... губернатору... Пусть они заставятъ васъ быть мнѣ мужемъ! Безнаказанно нельзя такъ кидать женщинъ! (*уходитъ*).

Б А Р О Н Ъ (*пожимая плечами*). Бываютъ дуры, но все не такія!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Зало въ домѣ Сосипатова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Около большаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ Говорковъ. По правую отъ него сторону Ненила Петровна и м-г Шемуа, а налѣво генералъ Прокудинъ и Живодеровъ.

Говорковъ (*видимо говорящій заранее приоттовленную имъ рѣчь*). Какъ предсѣдатель конкурса, учрежденнаго надъ г-номъ Сосипатовымъ, я долженъ изложить предъ вами нѣкоторыя обстоятельства нашего общаго дѣла: на дняхъ г-нъ баронъ Кергофъ исходатайствовалъ, чтобы должникъ нашъ, г-нъ Сосипатовъ, былъ освѣдѣтельствованъ въ умственныхъ способностяхъ, — съ какой цѣлью онъ это дѣлалъ...

Ненила Петровна (*перебивая его*). Съ очень понятною: чтобы унижить человѣка, которому, какъ баронъ самъ признался, онъ всегда завидовалъ.

Говорковъ. Нѣтъ, я подозреваю, что цѣль эта была болѣе серьезная и чисто юридическая.

Прокудинъ (*подхватывая*). Непремѣнно юридическая.

Говорковъ. Въ виду чего я и полагалъ бы пригласить сюда г-на Сосипатова и, перечисливъ ему его векселя, просить его дать намъ отъ себя удостовѣреніе, что онъ признаетъ ихъ дѣйствительными и что всѣ они даны имъ въ твердомъ умѣ и памяти.

Прокудинъ (*опять подхватывая*). Это будетъ полезно!

Шемуръ (*которому Ненила Петровна потихоньку переводила, все что говорилъ Говорковъ*). Oui, cela sera bien!

Говорковъ (*взглядывая на всѣхъ присутствующихъ*). Но кто же пригласить г-на Сосипатова?

Ненила Петровна. Я!.. Онъ меня пока еще больше, чѣмъ другихъ, слушаетъ! (*встаетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, кромѣ Невилы Петровны.

Говорковъ (*Прокудину*). Вы справлялись въ сенатѣ, утверждено-ли сумашествіе г-на Сосипатова?

Прокудинъ. Справлялся!.. Утверждено!.. Но что-жъ изъ того: всетаки векселя, выданы имъ раньше этого утвержденія.

Говорковъ (*протяжно*). Да, но нынѣшній судъ признаетъ сумашествіе и ранѣе утвержденія сената, если только обстоятельства подтверждаютъ это.

ЯВЛЕНИЕ III.

Говорковъ, м-г Шемуа, Прокудинъ, Живодеровъ, Марья Александровна и баронъ Кергофъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*подходя прямо къ столу и съ нѣсколько насильственной смѣлостью*). Мнѣ доставили вексель отъ мужа, который я принять не могу, потому что вчера узнала, что мужъ мой въ то время, какъ я была въ деревнѣ, совершенно помѣшался.

Говорковъ. Не знаю-съ, мы не замѣчали этого! Впрочемъ вы сейчасъ сами увидите вашего мужа, и надѣюсь, что не найдете его сумасшедшимъ.

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Я очень рада тому: но и тогда векселя не возьму! (*кладетъ вексель на столъ, отходитъ въ сторону и садится*).

Говорковъ (*барону Кергофу, съвшему вмѣстѣ съ другими кураторами за столъ*). Вы также не приняли уплаты по вашему векселю?

Баронъ (*рѣзко*). Не принялъ! И даже удивился, какъ конкурсъ позволилъ себѣ предложить мнѣ ее: претензія моя должна быть удовлетворена наравнѣ съ прочими, а не полной суммой,—какъ мнѣ предлагали: такихъ милостей я никогда и ни отъ кого не принималъ!

Говорковъ. Но ваша претензія такая ничтожная!..

Баронъ. Какъ бы она не была ничтожна, законъ ни для какихъ маленькихъ суммъ не дѣлаетъ исключеній. Намъ ренде-ваше я очень хорошо по-

нимаю: вамъ хочется, чтобы я не былъ кредиторомъ г-на Сосипатова, а я желаю имъ остаться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Ненила Петровна и Сосипатовъ. Онъ веселъ и бодръ, только съ окончательно уже пылающими глазами. Потомъ лакей.

СОСИПАТОВЪ (*дружески со всѣми раскланиваясь*). Очень радъ васъ, господа, видѣть у себя! (*увидавъ жену, онъ сейчасъ измѣняетъ выраженіе въ лицѣ и почти строгимъ голосомъ*). Вы, я надѣюсь, посѣтили мой домъ только какъ кредиторша моя?

МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*дрожащимъ голосомъ*). Я не желаю быть вашею кредиторшею: я возвратила вашъ вексель назадъ.

СОСИПАТОВЪ (*кивнувъ головой на барона*). Видно, съ той стороны хорошо обезпечены (*садится и обращается къ Говоркову*). Вы желали о чемъ-нибудь переговорить со мной? (*Ненила Петровна тоже садится около него и замѣтно начинаетъ наблюдать за нимъ*).

ГОВОРКОВЪ (*Сосипатову официальнымъ тономъ*). Нѣкоторые злонамѣренные люди распустили слухъ, что будто вы находитесь не въ здоровомъ состояніи вашего ума и даже были освидѣтельствованы...

СОСИПАТОВЪ (*смѣясь*). Былъ-съ! Былъ!.. Но кто тутъ одураченъ, еще не рѣшено: они хотѣли меня одурачить, а, кажется, я ихъ одурачилъ.

ГОВОРКОВЪ. Вамъ извѣстно, по требованію кого вы освидѣтельствованы?

Сосипатовъ. Известно: этого желали баронъ Кергофъ и жена моя, которая находится съ нимъ въ любовной связи.

Марья Александровна *(вспыхнувъ и закрывая себѣ лицо рукою)*. Василій Петровичъ, пощади меня хоть съ этой стороны: я все это время жила въ деревнѣ.

Сосипатовъ *(съ озлобленіемъ)*. Да-съ, но и имѣнье барона тутъ не далеко, — вы забыли это. Впрочемъ, все это ничего не значитъ!.. Я даже счастливъ и блаженъ отъ того! Это снимаетъ послѣднюю узду съ моихъ обязанностей къ вамъ! Женщина, которая нѣкогда позволила себѣ сказать мнѣ, что я болванъ, неспособный ничего дѣлать, не можетъ оставаться моей женой... Возвращаюсь однако къ моему сумашествію: когда эта глупая комедія была сыграна со мной, я, признаюсь, на первыхъ порахъ, впалъ въ нѣкоторое сомнѣніе, потому что какъ ни свѣтелъ и ни ясенъ нашъ разумъ, но всетаки человѣкъ самъ за себя вполне поручиться не можетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилъ докторъ Круповъ, мы всѣ сумашедшіе и разница только въ степени помѣшательства, такъ что я обратился наконецъ къ моему милѣйшему медиуму и вмѣстѣ моему другу, говорю ему: «Сэръ, вызовите мнѣ духа и спросите его, въ какомъ состояніи мой разумъ!» Тотъ, не далѣе какъ прошедшую ночь—вотъ сестра была свидѣтельницаю тому—вызвалъ мнѣ духа, который далъ мнѣ даже письменный отвѣтъ, каковой и имѣю честь представить вамъ! *(вынимаетъ изъ жилетнаго кармана клочокъ бумаги и кидаетъ его на столъ)*. Тутъ, какъ вы видите, написано: «разумъ вашъ находится въ преж-

немъ здоровомъ и геніальномъ состояніи!» (*Всѣ потупляются*).

Б а р о н ъ (*взявъ самый клочокъ бумаги и взглянувъ на него*). Почеркъ этотъ очень похожъ на вашъ, Васплій Петровичъ!

С о с и п а т о в ъ. Да, это я писалъ, но только подь диктовку духа! Вы этимъ ядовитымъ замѣчаніемъ вашимъ, конечно, хотѣли меня срѣзать, уничтожить, но увы! Какъ нѣмецъ, вы не знали великой нашей поговорки, что лбомъ стѣны не прошибешь!.. Спиритизмъ фактъ-съ! Все равно, что бревно! дерево! его не уничтожишь!.. Но потомъ и путемъ аналогіи я разуму вашему докажу! Что всѣ мы состоимъ изъ духа и тѣла, въ этомъ и вы, несмотря на вашъ скептицизмъ, вѣроятно, не сомнѣваетесь; но духъ въ человѣкѣ, существѣ, по преимуществу, реальномъ, столь замкнутъ, что между нимъ и Богомъ, этимъ духомъ совершенно абстрактнымъ и безтѣлеснымъ, непременно должны быть переходныя существа, все болѣе и болѣе теряющія свою реальность; это признается даже христіанствомъ! Отсюда вытекла вѣра въ ангеловъ, архангеловъ, и вотъ въ числѣ этихъ чистыхъ духовъ существуютъ, между прочимъ, и души умершихъ людей, которыхъ связь съ землей еще не кончилась совершенно, но которыхъ мы уже, по грубости нашихъ наблюдательныхъ органовъ, мы не имѣемъ средствъ ни видѣть и ни осязать и только нѣкоторыя... вслушайтесь: нѣкоторыя избранныя натуры, вотъ эти самые медиумы, способные, по своей нервозности, почти совершенно освободить свою душу отъ тѣла, могутъ, такъ сказать, соприкасаться съ этими тѣнями умершихъ людей!.. Ко мнѣ.. это

уже повѣрено мною даже портретомъ... является духъ Ло, извѣстнаго изобрѣтателя билетовъ на предъ-явителя, съ которымъ я поэтому и имѣю нѣкоторое сродство!.. Кажется, ясно?

Говорковъ. Да-съ, ясно!.. Значить, мы теперь можемъ перейти къ перечню долговъ вашихъ.

Сосипатовъ. Сдѣлайте одолженіе.

Говорковъ (*не совсѣмъ твердымъ голосомъ*). Говоркову полтораستا тысячъ.

Сосипатовъ (*кивая головой*). Вѣрно-съ!

Живодеровъ (*поблѣднѣвъ*). Сумма знатная!

Говорковъ (*продолжаетъ*). Г-ну Журпленко сто тысячъ!

Сосипатовъ (*беря себя за голову*). Не помню, за чтоже именно!.. за какія операциі!

Ненила Петровна (*красилья*). За пажити, которыя въ послѣднее время куплены у мужа.

Сосипатовъ. Эго, которыя отъ Бердряги идутъ къ Сумлину?

Ненила Петровна. Да!

Сосипатовъ. Но это солончаки какіе-то, на которыхъ можно только скорпионовъ разводить.

Ненила Петровна. Ахъ, нѣтъ!..! Пажити очень хорошія и огромныя.

Сосипатовъ. Ну, не помню!.. Не спорю! (*Говоркову*). Потрудитесь продолжать!

Говорковъ (*читаетъ*). Г-жѣ Журпленко восемь-сотъ тысячъ!.. Г-ну Шемуа четыреста тысячъ!.. Генераль-Маіору Прокудину полтораستا тысячъ!.. Г-ну Живодерову двѣсти тысячъ!. И вотомъ по претензіямъ другихъ лицъ—всего на два милліона. Признаете-ли вы, Василій Петровичъ, всѣ эти долги

ВАШИ И ДАНЫ-ЛИ ОНИ ВАМИ ВЪ ПОЛНОМЪ И ЯСНОМЪ СОЗНАНІИ.

СОСИПАТОВЪ. Въ совершенномъ сознаніи.

ЖИВОДЕРОВЪ (*уже вставая и обращаясь къ Говоркову*). А какъ-съ теперь велико имущество Василья Петровича?

ГОВОРКОВЪ. По примѣрной оцѣнкѣ до пяти-сотъ тысячъ простирается.

ЖИВОДЕРОВЪ (*опять поблѣднѣвъ*). Вотъ тѣ разъ!.. Поэтому, мы воцѣкъ по двадцати пяти на рубль получимъ?

ГОВОРКОВЪ. Да, не больше.

ЖИВОДЕРОВЪ (*обращаясь къ Сосипатову*). Вы, батюшка, Василій Петровичъ, накиньте мнѣ тысячекъ хоть двѣсти еще, чтобы мнѣ не совсѣмъ ужъ въ разоренье придти.

СОСИПАТОВЪ (*гордо поднимая передъ нимъ голову*). Какъ-же это и за что я стану тебѣ накидывать?

ЖИВОДЕРОВЪ. За долгъ мой, помилуйте! Другимъ давали-же векселя и безъ всякихъ денегъ, рублевика за нихъ не получивши, а я за свои труды прошу.

СОСИПАТОВЪ (*ударяя на слова*). Кто это такіе другіе, кто?

ЖИВОДЕРОВЪ. Да вотъ тотъ-же г-нъ Шемуа и Говорковъ. Я съ недѣлю тому назадъ въ конторѣ справлялся: никакого долга имъ не значилось, а теперь на-ка, какіе векселища выросли. Г-ну генералу тоже: онъ тогда на моихъ глазахъ принесъ вамъ всего двадцать пять тысячъ, да и на тѣ ему были акціи выданы, а онъ потомъ сунулъ ихъ назадъ и деньги на нихъ приобрѣлъ!

Ш е м у а (*обращаясь ко всѣмъ*). Je ne comprends pas... что онъ говорить: Шемуа.... Что такое Шемуа?.

П р о к у д и н ъ (*Живодерову*). За это «сунуль» — я посчитаюсь съ тобой послѣ съ глазу на глазъ, а теперь только спрошу: ты знаешь всѣ мои отноше- нія къ Василью Петровичу и всѣ мои денежныя дѣла, которыя я съ нимъ вель?

Ж и в о д е р о в ъ. Я, сударь, ничего не знаю!.. Знаю только про себя!.. Тогда Василій Петровичъ разгнѣваться на меня изволили, прогнали отъ себя, а вы вдругъ, сдѣлаючись его управляющимъ, шлете за мной: давай вамъ народу, бери, какую хочешь цѣну!.. Я бы могъ притѣсненіе сдѣлать!.. однакоче я вамъ все въ удовольствіе исполнилъ, и работали, сами видѣли, все равно, что пѣз огня рвали: я на тотъ случай работнику, можетъ, платилъ дороже, чѣмъ самъ получалъ, и за всѣ такія свои послуги, на-ка, получай по двадцати пяти копѣекъ на рубль — Бога тоже надо знать!.. Господа-то только обзываютъ насъ мошенниками, а сами, пожалуй, еще хуже насъ.

С о с и п а т о в ъ (*при послѣднихъ словахъ приподни- маясь и мрачнымъ голосомъ*). Чаша терпѣнія моего испол- нилась!.. (*показывая рукой на Живодерова*). Негодяй этотъ давно меня бѣспилъ, но прежде я ничего не могъ ему сдѣлать... теперь-же месть моя настала!.. Онъ не знаетъ еще, дерзкій дуракъ, что я верховный жрецъ и судія всего финансоваго міра!.. Я царь торговли! Мнѣ самъ Богъ вручилъ этотъ вѣнецъ! (*Живодерову*). Я устроиваю надъ тобою судъ! (*прочимъ лицамъ*). Гос- пода! Надѣвайте ваши судейскія тоги!.. (*снова Живо- дерову*). Скажи, несчастный, давно ли ты запутался въ дѣламъ твоихъ! <http://rcin.org.pl>

Живодеровъ. Ничего я, ни въ какихъ дѣлахъ моихъ не запутывался.

Сосипатовъ. Молчи! Раскаяніе—твое единственное спасеніе! Одно слово еще отъ тебя, и голова твоя слетитъ съ плечъ.

Живодеровъ. Нѣтъ-съ, извините!. Вамъ голова моя неподначальная! Нынѣ безъ суда никому головы не рубятъ!

Сосипатовъ. Но я-то могу тебя судить!.. Палачъ тутъ за дверьми. Позовите палача сюда!. *(Все крайне смущены).*

Ненила Петровна *(умоляющимъ голосомъ)*. Братъ, прошу тебя: успокойся! *(Марья Александровна тоже не знаетъ, что и дѣлать; глаза ея полны слезъ).*

Живодеровъ. Богъ васъ знаетъ, Василій Петровичъ, смѣяться или шутить вы изволите!

Сосипатовъ *(вдругъ съ плачемъ въ голосъ)*. Нѣтъ, я плачу, жерновами плачу, какими ты, каналья, никогда не плакивалъ!.. *(выходя на авансцену и къ публикѣ)*. Гг. публика, я вашего уже суда и защиты требую! Вы сами видите, я отовсюду окруженъ моими врагами и завистниками!.. Меня безстыднѣйшимъ образомъ хотятъ представить за сумашедшаго!.. Меня, торговаго человѣка, засадили какъ арестанта, почти въ тюрьму и приставили вотъ эту сентиментальную дуру *(показываетъ на сестру)* стражемъ ко мнѣ!. Какъ я могу поправить дѣла мои, когда мнѣ шагу никуда не позволяютъ сдѣлать! Я каждый день, видитъ Богъ, несу отъ того десятка тысячь убытку!.. Я молчалъ-бы, если-бы личность моя была иная: я бы могъ тогда умереть, издохнуть, раззориться: дюжинныхъ людей жалѣть много нечего!.. Но во мнѣ губятъ

генія всей Россіи!.. Меня держатъ, какъ Прометея, прикованнымъ къ скалѣ, тогда какъ я, подобно ангелу, несущему въ рукахъ свѣточъ, долженъ былъ бы облетать весь міръ. (*Говорковъ вдругъ звонитъ. Входятъ лакеи*).

Г О В О Р К О В Ъ (*имѣ*). Уведите г-на Сосипатова.

С О С И П А Т О В Ъ (*снова гордо поднимая голову*). И ты, презрѣнный торгашъ фальшивыми телеграммами, смѣешь сказать, чтобы меня вывели, но я брошусь къ народу, и тотъ будетъ за меня: тебя онъ растерзаетъ на части, а меня вознесетъ какъ императора на щитахъ!. (*Въ самомъ дѣлѣ кидается было къ открытому окну, но лакеи схватываютъ его и уводятъ. Сосипатовъ уходитъ съ поднятыми руками*). Духа Ло дайте мнѣ! Я хочу съ нимъ бесѣдовать. Духа Ло!

М А Р Ъ Я А Л Е К С А Н Д Р О В Н А (*совсѣмъ растерявшись, уходя за мужемъ*). Господи, что такое съ нимъ!

Н Е Н И Л А П Е Т Р О В И А (*также слѣдуя за ней*). Сами всю жизнь его мучили, а теперь удивляетесь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Г О В О Р К О В Ъ, м-г Шемуа, Прокудинъ, Живодеровъ и баронъ Кергофъ; *потомъ лакеи*.

Г О В О Р К О В Ъ (*съ необычнымъ ему одушевленіемъ*). Никогда съ нимъ этого не бывало, никогда.

Б А Р О Н Ъ (*простодушнымъ тономъ*). Никогда?

Г О В О Р К О В Ъ. Никогда, ни разу!

П Р О К У Д И Н Ъ (*показывая головой на Живодера*). А все вотъ этотъ грубіанъ! (*подходя къ нему и сжимая кулаки*). Тебѣ бороду за это ополовинить стоитъ.

Живодеровъ. За это-жь мнѣ ополовинпвать-то, я и самъ вамъ усы-то подиравать съумѣю.

Прокудинъ (*Говоркову*). Г-нъ предсѣдатель, я не могу болѣе это переносить!.. Прошу составить объ этомъ протоколъ и представить общему собранію объ удаленіи г-на Живодерова изъ кураторовъ.

Живодеровъ (*насмѣшливо*). Да, такъ вотъ сейчасъ общее собраніе васъ и послушается. Меня съ барономъ выбрали настоящіе кредиторы, которымъ Василій Петровичъ доподлинно долженъ былъ, а не дутые бронзовики..

Швума (*вслушавшись*). А, бронзовикъ! A présent, je comprends: vous dites, que nous sommes des canailles, плуты. Такъ... Да!.. Je vous ferai taire... Дайте мнѣ votre adresse! Я васъ зову en duel.

Живодеровъ. Зови!.. Благуи, сколько хочешь и лепечи тамъ по своему!.. (*тѣ же и лакей*).

Лакей. Какой-то господинъ и полица съ нимъ спрашиваютъ, гдѣ конкурсъ.

Баронъ. Это, вѣроятно, судебный слѣдователь.

Говорковъ. Слѣдователь, вы говорите?

Баронъ. Да! (*Лакей уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, кромѣ лакея. Входитъ дѣйствительно судебный слѣдователь, а за нимъ частный приставъ и два квартальные надзирающаго.

Судебный слѣдователь (*нѣсколько взволнованнымъ голосомъ*). Извините, господа, что я прервалъ ваши занятія; но, къ сожалѣнію, я долженъ подвергнуть аресту нѣкоторыхъ членовъ конкурса.

Говорковъ (ему). По какому именно обвиненію?

Судебный слѣдователь. Васъ собственно по обвиненію въ составленіи фальшивыхъ телеграммъ и въ написаніи безденежныхъ векселей отъ человѣка, завѣдомо вамъ сумашедшаго.

Говорковъ. И это довазано дознаніемъ?

Судебный слѣдователь. Совершенно доказано. *(Говорковъ послѣ того отыскиваетъ свою шляпу. Частный приставъ между тѣмъ мигаетъ квартальному; тотъ приближается къ Говоркову).*

Говорковъ (ему). Въ ту часть, что и прежде?

Квартальный. Въ ту же самую-съ! *(оба уходятъ).*

Частный приставъ *(показывая барону головою на ушедшаго Говоркова)*. Года два тому назадъ, какъ выпущенъ изъ острога: содержался тоже за предсѣдательство въ конкурсъ.

Судебный слѣдователь *(между тѣмъ подходитъ къ генералу Прокудину)*. Вы господинъ Прокудинъ?

Прокудинъ *(весь вспыхнувъ)*. Точно такъ.

Судебный слѣдователь. Васъ тоже положено арестовать за составленіе безденежныхъ векселей.

Прокудинъ. Но кто-жь это положилъ и постановилъ?

Судебный слѣдователь. Я!

Прокудинъ. Но вы забываете нѣсколько мое званіе!... Мнѣ, полагаю, могли бы на слово повѣрить, что и не убѣгу я буду являться къ слѣдствію.

Судебный слѣдователь. Ностановлено впредь до окончанія изслѣдованія всѣхъ подвергнуть одиночному заключенію.

ПРОКУДИНЪ. Вы, молодой человекъ, рискуете многимъ, многимъ! Я буду жаловаться Государю Императору моему! *(уходитъ; за нимъ также уходитъ и квартальный)*.

СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ *(барону, показывая глазами на Шемуа)*. Это, если я не ошибаюсь, г-нъ Шемуа?

БАРОНЪ. Онъ!

СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ *(Шемуа)*. Вы говорите по-русски?

ШЕМУА. Да, я не много... русски... говорю.

СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ. Je dois vous arrêter aussi.

ШЕМУА. Mais c'est impossible!.. Я не вашъ подданный! Moi! je suis citoyen de France, de la république!.. Миѣ вашъ законъ не надо!

СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ. Всякій, кто на какой территоріи совершилъ преступленіе, по законамъ той страны и судится?

ШЕМУА. Но вы дайте мой консулъ... Я пишу мой консулъ.

СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ. Консула извѣстять о вашемъ арестѣ. Потрудитесь слѣдовать за г-мъ квартальнымъ.

ШЕМУА *(уже замѣтно растерявшись)*. Но я долженъ, je veux dire adieu... Хозяинъ!.. *(быстро уходитъ во внутреннія комнаты)*.

СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ *(частному приставу)*. Не позволяйте, пожалуйста, никому съ нимъ совѣщаться!

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ. О, да-есть, непременно!.. *(быстро уходитъ за Шемуа)*.

Судебный слѣдователь (*Живодерову*). А вы потрудитесь дать показаніе.

Живодеровъ (*уже струсивши*). Я, ваше высококородіе, ни въ чемъ тутъ не причастенъ, видитъ Богъ!

Судебный слѣдователь. Васъ и спрашиваютъ въ качествѣ свидѣтеля. Извольте говорить, а я буду записывать... (*садится и начинаетъ записывать то, что говоритъ Живодеровъ*).

Живодеровъ (*сначала нѣсколько запинаясь*). Я, извините такъ... зашелъ по своему дѣлу къ маклеру; вижу тамъ вотъ этого г-на генерала и г-на Шемуа; на столѣ цѣлая куча векселей!.. Я на глазъ-то во-стеръ, хоть и далеко стою, но различаю: суммы все на двѣсти, триста, пятьсотъ тысячъ и все вездѣ подписъ: «Сосипатовъ, Сосипатовъ»!.. Ахъ, ты, думаю, это бронзовики лютъ; а у меня тутъ, ваше высококородіе, чистыя денежки, кровные труды мои засосаны!.. Я бросился къ барону: «ваше сіятельство, говорю, научите какъ мнѣ тутъ быть: въ явь, середь бѣлаго дня грабятъ человѣка?» «Заявите, говоритъ, прокурору, и я съ своей стороны, напишу!» Я тогда явился къ его высокопревосходительству, г-ну прокурору, все имъ и доложилъ-съ!

Судебный слѣдователь. Но не извѣстно ли вамъ еще чего-нибудь по этому дѣлу?

Живодеровъ. Ничего больше того не знаю, боюсь, и за то въ отвѣтъ будешь.

Судебный слѣдователь. Ни въ какомъ отвѣтъ вы не будете. До свиданія, баронъ! (*Живодерову*). Вы потрудитесь зайти въ мою канцелярію и подписаться къ этому вашему показанію.

Ж и в о д е р о в ъ. Слушаю-съ! И раззоренье-то, и безпокойство этакое! (*махнетъ только рукой и уходитъ вслѣдъ за судебнымъ слѣдователемъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Баронъ одинъ; потомъ Марья Александровна трепещущая и съ удивленнымъ лицомъ.

Баронъ (*одинъ*). Пойметъ-ли хоть теперь меня и оцѣнитъ-ли сколько нибудь Марья Александровна?

Марья Александровна. Что такое тутъ происходитъ? Шемуа какіе-то солдаты увезли... Нену Петровну заперли въ ея комнату!

Баронъ. Слѣдствіе начинается по ихнимъ плутнямъ!

Марья Александровна. Но, можетъ быть, и мужа моего найдутъ виновнымъ?

Баронъ. Нѣтъ, онъ въ положеніи невмѣняемости. Все состояніе ваше спасено, изъ двухъ милліоновъ долга милліонъ восемьсотъ тысячъ зачеркнуты, какъ фальшивые.

Марья Александровна. Баронъ, я такъ виновата передъ вами... Я была въ отношеніи васъ глупа, неблагодарна, дерзка; мнѣ совѣстно глядѣть на васъ.

Баронъ (*съ удареніемъ*). Не совѣститесь и убѣдитесь только, что финансовый геній не мужъ вашъ, а скорѣй я!

(Занавѣсъ падаетъ).

Оглавленіе XVIII-го тома.

	СТР.
ИПОХОНДРИКЪ — комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ	1
РАЗДѢЛЬ — комедія въ трехъ дѣйствіяхъ	131
ХИЩНИКИ — комедія въ пяти дѣйствіяхъ	211
ФИНАНСОВЫЙ ГЕНІЙ —комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ . . .	325

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

F

24.186/18